

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

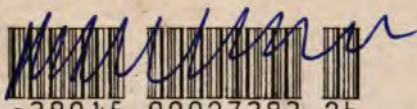
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

BUHR B

a39015 00027383 2b

КФБ 48
ОЛКА 1
№ 3

~~Jan~~
2354

K145

2646ⁿ/69

Am ros em 48. I. 7.

b
50418

Пассек, Вадим Павлович

ПРОВЕРЕНО

ОЧЕРКИ

РОССИИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

Вадимомъ Пассекомъ.

КНИГА I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

=
1838.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
Инженерной Академии
Р.К.К.А.

D-15895

DK
25
P28
V.1-2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, 16-го Іюня 1838 года.

Ценсоръ Петръ Корсаковъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

Stacks
Exchange
Lenin Lib.
10.14.71
894960-293

**О, родина святая!
Какое сердце не дрожить
Тебя благословая?**

Жуковский.

Опечество наше раскинулось въ прехъ часпяхъ свѣша, богато разнообразіемъ спранъ и климаповъ, населено народомъ съ самобышнымъ характеромъ и опличительною испорическою жизнію, и шакъ богато прошедшимъ, наспоющимъ и надеждами на будущее, что намъ предспоимъ шолько собирашь свѣдѣнія для изученія его по свойспву природы, по испорическимъ событіямъ и памяшникамъ, по обычаямъ и бышу народа. Каждому изъ насъ извѣсна одна какая-нибудь часшь Россіи, но смѣло можно ска-

защъ, что вполнѣ никто не знаетъ ея богатства и глубины ея жизни, тѣмъ болѣе, что эта жизнь не одинакова съ жизнью европейскихъ и азійскихъ государствъ. Во всѣхъ сословіяхъ общества, вездѣ замѣненъ или недоспашокъ или невѣрность знаній о своемъ опечесствѣ.

Очеркамъ Россіи предназначается сосредоточивать, по возможности, всѣ разсѣянные понятія и знанія, приобретенныя болѣе опытомъ и основанныя на дѣйствительности, нежели выведенныя изъ умозрѣнія; предназначается сдѣлать возможно доступными труды, о нашемъ опечесствѣ, путешественниковъ, естествоиспытателей, любителей древности и разныхъ ученыхъ заве-

деній, пруды, копорыми мы довольно богашы, но не всѣ и неведѣ можемъ ими пользоваться; предназначаешся завлечь къ содѣйствію въ наблюденіи и изслѣдованіи всего опечеспвеннаго; развишь и упрочишь вѣрнымъ знаніемъ горячее чувствво любви къ опечеспву и благоговѣніе къ его великой судьбѣ: вопъ цель, предназначаемая Очеркамъ Россіи.

Въ эпомъ опношеніи, Очерки Россіи не могутъ и не должны бышь дѣломъ однѣхъ силъ, знаніемъ и чувспвованіемъ одного человекъ; въ эпомъ опношеніи, они не принадлежатъ мнѣ, какъ издапелю: они принадлежатъ равно каждому изъ насъ — принадлежатъ опечеспву. Я счастливъ шѣмъ, что раскрываю книгу, въ копорой каждый можешь вписашь

свою мысль, свое чувствованіе, знаніе,
даже замѣчаніе о той странѣ, гдѣ онъ
живешь — и да поможеть намъ Богъ
принесши послѣднюю лепшу на алтарь
опечеснва.

Издатель.

ПОЛОЖЕНІЕ ГОРЪ

ВЪ

РОССІИ.

Горы составляютъ основу земнаго шара. Онѣ тянутся по всѣмъ направленіямъ и даютъ видъ и направленіе всѣмъ часпямъ свѣта и всѣмъ островамъ. Однѣ изъ нихъ образовались дѣйствіемъ огня, другія посредствомъ морскихъ перевороповъ. Было время, когда вода покрывала всю землю и осаждала даже на вершинахъ горъ цѣлые слои раковинъ и другихъ живошныхъ, изъ копорыхъ инія совершенно обратились въ извесь или мѣль, а другія въ разныя каменистыя породы. Въ иныхъ мѣстахъ видны значительныя горы, состоящія изъ слоевъ осажденной глины и другихъ земляныхъ породъ. Всѣ эти слои лежатъ или въ линію съ землею, или подняты однимъ концомъ къ верху, или совершенно опвѣсты, смотря по тому, какъ сбывало море, тихо ли и спокойно, или внезапно и бурно, и потому что въ нѣкопорыхъ мѣстахъ, по осажденіи эшихъ слоевъ, земля

была въ движеніи опъ дѣйствія огня. Въ нѣско-
порыхъ горахъ насчиываютъ по нѣскольку десяш-
ковъ, даже по нѣскольку сотъ, подобныхъ слоевъ.
Другія горы были образованы огнемъ, и выдвину-
ты его силою изъ нѣдръ земли. Быть можеть,
даже нѣкоторыя изъ эшихъ огненныхъ переворо-
повъ сопровождались переворопами водяными,
такъ что огонь и вода дѣйствовали заодно, и
выдвинувши силою паровъ изъ глубины земли ка-
менные громады на нѣскольку тысячъ верствъ въ
длину, и поднявши огромныя пространства, ко-
порыя составляютъ теперь обширныя равнины
и степи, обнесли неприслупными предѣлами во-
ды, образовали моря, озера и открыли подземныя
бездны, въ которыя склынула часть безднрнаго
океана. Эти горы состоятъ обыкновенно изъ гра-
ниита, разнаго рода шпатовъ, сланца, кремней,
множества рудъ и пр. Въ тныхъ мѣстахъ, не-
смотря на ялопность камней, встрѣчаются ошпе-
чатка раскленій и водяныхъ живописныхъ.

Но эими слоями можно видѣть, въ какомъ
порядкѣ слѣдовали перевороты, и въ какомъ явля-
лись они живошныя вслѣдъ за другими. Из-
вѣстно, что послѣдній и самый глубокой слой со-
стоятъ изъ гранита, и никакъ навѣрное не знаемъ,
что слѣдуетъ за нимъ въ самыхъ нѣдрахъ земли.
На шпомъ олов находится другія, первообразныя
породы, какъ-то: шферъ или сланецъ, гнейсъ,
порфиръ, разныя виды глины, крѣпкая извѣсть,
пески, мѣль, и чѣмъ выше, шѣмъ болѣе всѣхъ по-
родъ извѣстия, глины и шсчаника, а сверхъ всего

черноземъ или оспалки распашивельнаго царства. Въ нѣкихъ мѣстахъ эти слои перемѣшались, вѣроятно, опгъ склыныхъ поврхсеній земли; но главный порядокъ, сколько досель извѣстно, нигдѣ не нарушенъ.

При образованіи первыхъ слоевъ еще не только человекъ не былъ жильцемъ земли, но, каженіся, не было ни одного живаго существа; по-крайней-мѣрѣ, нѣтъ слѣда ни живошныхъ, ни распешій. Въ послѣдующихъ, особенно въ извеспковухъ слояхъ, находяшся окаменѣлыя или превранившіяся въ извеспъ раковины и распешія или только опшечашки ихъ.

Прежде всего замѣшно появленіе раковинъ; за ними показывающся рыбы, разныя породы ящериць, крокодиловъ; спустя долгое время и послѣ многихъ перевороповъ, являлись грубыя, огреыныя живошныя: мамоншы, носороги, бегемопы и др., копорые питались распешіями; потомъ хищныя, копорыя могли питашься правоядными; и наконецъ явился человекъ. Онъ спунилъ на землю послѣ пяти долгихъ дней ея жизни и образованія; онъ спалъ на двѣшущемъ гробѣ нѣкогда живаго міра существъ; подъ нимъ были погребены миллионы жизней, погубшихъ задолго прежде его созданія, и образовавшихъ своимъ прахомъ цѣлыя горы.

Наше ошечество, занимая въ шрехъ часпахъ свѣша, по-крайней-мѣрѣ, въ пять разъ болѣе земли, нежели всѣ ошечельныя европейскія имперія, королевства и княжества, богато всеми родами

горь, сильно ихъ неприступностію, и, отъ направленія ихъ, естественнo раздѣляется на обширныя полосы или страны, разнообразныя климатомъ и произведеніями. Чшобъ яснѣе сдѣлать обзорніе Россіи въ этомъ отношеніи, рассмотримъ отдѣльно всѣ главныя горы, съ землями, къ нимъ прилежащими.

Самое общее раздѣленіе Россіи можно сдѣлать по тремъ часпямъ свѣта, на европейскую, азійскую и американскую.

Въ европейской часпи главныя возвышенности: Кавказская, Финская и, такъ называемая, Плоская. Сверхъ того, съ запада входящъ въ нее опрасли Горь Карпатскихъ, а съ востока вѣтви Урала, рубежующаго между Европою и Азіею.

Кавказъ занимаетъ все проспранство между Морями Чернымъ и Азовскимъ. Главнѣй его хребтъ идетъ отъ Анапы къ Баку, въ направленіи отъ сѣверозапада къ юговостоку. Во многихъ мѣстахъ онъ переступаетъ черту, за которою образуются и лежатъ вѣчныя снѣга. Высочайшія его часпи сосавляютъ: Эльбрусъ, Казбекъ, Змѣиная Гора, Кинжалъ-Гора, Пятигорье или Бештау, и др. Изъ нихъ, первый возвышается почти на пять верспъ надъ поверхностію моря, а второй слишкомъ на чепыре верспы, такъ что высочайшая изъ европейскихъ горь, всѣми прославленный Монбланъ, ниже Эльбруса почти полуверстою. Весь Кавказскій Хребтъ состоитъ изъ гранита, песчаника, мѣстами изъ породъ известковыхъ, и принадлежитъ къ величайшимъ произ-

веденіямъ огня. По мнвінію Гумбольдта, вмѣстѣ съ изверженіемъ Кавказскихъ Горъ образовалась впадина между Оренбургомъ, Саратовомъ — къ р. р. Яксарпу и Аму - Дарьѣ, копорой низменная часть лежатъ на 300 футовъ, или слишкомъ на 40 саженой, ниже поверхности океана. — Вѣроятно, въ это же время слынула въ бездны часть океана, покрывавшаго некогда степи Новороссійскаго Края и Средней Азіи, такъ что ущелья только его-оспашки въ чепырехъ логовищахъ, соснавлиющихъ шеперь моря Черное, Азовское, Каспійское и Аральское, изъ копорыхъ поверхность Каспійскаго ниже прочихъ. Это мнвініе поддерживается многими окаменѣлостями, находимыми въ Кавказскихъ Горахъ, расположеніемъ слоевъ, барометрическими наблюденіями и слѣдами переворотовъ, копорые сохранились на всемъ пространствѣ степей. Впрочемъ, немногимъ изъ еспешвоиспытателей доводилось проникать въ ущелья Кавказа, и онъ во многихъ отношеніяхъ не изслѣдованъ, и еще не все его богатства сочтены и дознаны. Драгоценныя металлы, камни и каменный уголь, извѣсны только по незначительнымъ прискамъ. Представляя почти на каждомъ шагу едва одолимья преграды для переходовъ и завоеванія, примыкая къ двумъ морямъ, онъ богатъ плодоносными, живописными долинами, огромными буковыми, кленовыми, ясеновыми и другими лѣсами, изобилень южными расшеніями и дичью; орошаемый большими рѣками и горными источниками вкусной и чистой воды, кипитъ цѣлебными ключами, и,

своимъ богатствомъ и вѣрнѣе приютомъ, всегда привлекалъ къ себѣ всѣ скипавшіяся племена, сохранивъ ихъ воинственные оспанки, и съ древнѣйшихъ временъ обращалъ на себя вниманіе всѣхъ народовъ. Здѣсь была древняя Колхида, куда пускались Аргонавты за золотымъ руномъ; здѣсь находилась знаменитый Дербентскій Выходъ и каменная стѣна, сдѣланная, слишкомъ за 1200 лѣтъ до нашего времени, персидскимъ шахомъ Нуширваномъ. Сюда спекались поклопники огня къ нефтянымъ, вѣчно неугасаемымъ, испочникамъ; здѣсь, среди грозной и пѣвншельной природы, среди роскошныхъ долинъ, спранныхъ безднъ и риганскихъ горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, перепоясанныхъ облаками и фантасмически одѣтыхъ шуманомъ — родилось много чудныхъ вымысловъ и преданій и многимъ извѣстная сказка о *живой* и *мертвой* водѣ, къ которымъ съѣзжаются теперь со всей Россіи, называя ихъ, очень просто, горячими и кислыми водами.

Вытви Кавказскаго Хребта идутъ съ нѣкопнорыми уклоненіями на югъ, на северъ и западъ. Южныя, пройдя чрезъ нанн закавказскія области, даютъ испочники рѣкамъ Араксу, копорый впадаетъ въ Куру, и Куръ, копорая вливается въ Каспійское Море. Овъ соединяющаея почия на самыхъ предѣлахъ нашего отечества съ опраслами Тавра, и доходягъ до подножія Арарата, опкуда, нѣкогда, послѣ гнѣва Божія и гибели рода человеческаго, принесла голубица масличную вѣтвь и съ нею надежду на спасеніе нашему праоциу

Ною. Эпопъ Араранъ споппъ шеперь, какъ священнй спражъ, на предълахъ Русскаго Царства, и подьемлешся надъ поверхноспно моря смикомъ на чепыре съ половиною версты.

По своему положенію, Кавказскій Хребещъ можеть бьтъ признавъ рубежема между Европою и Азією. — Было время, когда всю Россію гошovy были притислишь къ Азіи; попомъ опадмнуум Евроку до р. Дона, попомъ до Волги; шеперь, болъе по привычкѣ, нежели по естествоспенности, наши географы ведупъ эпопъ предѣлъ по опрасли Урала, извѣспной подъ названіемъ Общаго Сырша, по Волгѣ и рѣчкамъ Сарпѣ и Маньчу, хопя ма народностъ, ни произведенія, ни мѣспностъ на полагаюпъ здѣсь предѣла Европѣ, между нѣтъ какъ Хребещъ Кавказскій, берегъ Каспійскаго Моря и р. Уралъ, впадающая въ него и получающая начало въ главномъ хребтѣ Уральскихъ Горъ, поспавленныхъ между Европою и Азією, могли бы и здѣсь положить почвнй, вѣрннй и рѣзкій предѣлъ между двумя частями свѣта. На югъ оцъ эпопъ лѣтн начинаемъ расшнпельностъ жаркихъ спранъ Азіи, и безъ примѣси живупъ азійскія племена; на воспоукъ начинаюпся степи, и нѣлые ма роды шурецкаго и панарскаго племень, поспоявно здѣсь кочующіе, а по замедшіе по обспоятельно спвамъ, какъ шолпа Калмыковъ, кочуюпшихъ между рѣкою Ураломъ и по обь стороны Волги. Малъшебрѣнъ уже давно указывалъ на еспествоспенностъ эпопъ рубежа между двумя частями свѣта, при-

нима я впрочемъ линію не по вершинѣ Кавказа, но по рѣкамъ Кубани и Кумъ.

Сѣверныя опрасли Кавказа оканчивающіяся крутыми успунами при рѣкахъ Терекъ и Кубани, дающъ начало Кумъ и возвышающъ всю степь къ устью Волги, и въ особенноти къ устью Дона.

Западныя его опрасли переспунающъ чрезъ Керченскій Проливъ и образующъ горы южнаго берега Крыма. Это доказываеиъ ихъ направленіемъ и сходствомъ образованія. Высочайшею изъ Крымскихъ Горъ почиаеиъ Чашырдагъ или Шапьеръ-Гора. Здѣсь природа не столь грозна, какъ среди Кавказа, но не менѣ живописна, пѣнипельна и богата лѣсами и южными произведеніями.

На прошивуположномъ концѣ Россіи, на самомъ сѣверѣ ея, въ Финляндіи и губерніяхъ олонецкой и архангельской, пролегающъ *Сѣверныя Финскія*, или *Олонецкія Горы*. Онѣ соспавляютъ продолженіе Скандинавскихъ Горъ, образующихъ съ своими оплогоспями шведскій и норвежскій полуостровъ. Перешедши въ предѣлы Россіи, онѣ раздѣляются на три главныя опрасли: воспочную, западную и среднюю. Западная опрасль даеиъ видъ и направленіе Финскому Заливу и упираеиъ въ Заливъ Бошническій. Воспочная половина образуеиъ выгибъ Бѣлаго Моря, — а средняя, пройдя двумя вѣшвами между Бѣлымъ Моремъ и Онежскимъ Озеромъ, и между Онежскимъ и Ладожскимъ Озерами, направлеиъ къ воспoku, возвышаеиъ поверхность южной части ар-

хангельской губерніи, и оканчивается здѣсь высокими, каменистыми шундрами. — Воспочныя ихъ оконечности сливаются съ оплогоспиями Урала, а южныя съ Плоскою или Волжскою Возвышенностію. — По вѣсьмъ признакамъ, онѣ еще недавно служили дномъ океану, и теперь посреди ихъ находятся огромныя болота и множество озеръ, окруженныхъ горными утесами вышиною не болѣе сша саженей; вездѣ видны куски гранита, округленнаго дѣйствіемъ воды, и повсюду бѣднось природы и живописныя карпины. Мѣстами попадаешся зомпо и серебро, болотная желѣзная руда и свѣрный мраморъ. Онѣ дають испочники рѣкъ Онегъ, множеству небольшихъ рѣчекъ и ручьевъ въ Финляндіи, и поднимають поверхность Ладожскаго Озера надъ Балпійскимъ Моремъ, шакъ, чпо воды перваго склоняются въ послѣднее широкимъ пропекомъ, или рѣкой Невою.

Между Сѣверными Горами и Кавказомъ, въ самой срединѣ Россіи, находится Плоская или *Волжская Возвышенность*. Она соспоишь равно изъ произведеній воды и огня. Въ иныхъ мѣстахъ, видны глыбы гранита, въ другихъ большія и довольно высокія полосы мрамора, извешковые слои и большое количество морскихъ раковинъ и живошныхъ, обратившихся въ извешъ и даже окремнѣвшихъ. Въ южныхъ ея опрасляхъ продегають, на нѣсколько десяшковъ, а иногда на спо и болѣе вершъ, полосы чистаго мѣла. Во многихъ мѣстахъ находятся значительныя желѣзные рѣцки и много признаковъ другихъ металловъ.

Нѣкоторые естествоиспытатели предполагають, что здѣсь былъ нѣкогда огромный горный хребтъ, который опустился и погрязъ въ пѣдрахъ земли, какъ случилось со многими горами.

Эту возвышенность можно назвать матерью всѣхъ нашихъ лучшихъ рѣкъ, которыя оживляютъ торговлю и памянны для насъ по великимъ опечисленнымъ событіямъ.

Самое большое пропаяженіе Волжской Возвышенности идетъ отъ завода къ востоку, чрезъ губерніи: смоленскую, шверскую, повгородскую, московскую, могилевскую, ярославскую, шульскую, хоспромскую, владимірскую и южную часть вологодской; главная возвышенность наша чепырьмя первыми губерніями. Изъ нея истекають Волга, Днѣпръ, Донъ и Западная Двина. На сѣверъ она склоняется къ вѣшвамъ Финской Возвышенности, на востокъ соединяется съ обширными Уральскими, а на западъ съ плоскою и широкою полосою Карпатскихъ Горъ. На югъ она проходитъ чрезъ губерніи черниговскую, орловскую, курскую, сѣверную часть полтавскій и харьковской. Здѣсь возвышеннѣйшую часть составляютъ губерніи курская и южная часть орловской. Изъ нее истекають рѣки по всѣмъ направленіямъ: на сѣверъ Ока, на западъ Сеймъ и Двина, болѣе къ югу Песля, Ворскла, Сула и Хороль, къ югу Осколь, Донецъ и др. Отсюда къ востоку она проходитъ чрезъ губерніи симбирскую, пензенскую, шамбовскую, воронежскую и снова прислунается къ Волгѣ, возвышая ея пра-

вѣи беретъ надъ луговою спорною и сближался съ опьлогосиями югозападной оспрасли Уральскихъ Горь, извѣснкой подъ названіемъ Общаго Сырша, шакъ, что въ углубленіи между ослабѣвающими возвышенностями Урала и Плоскою прешекаетъ Волга, шо подаваясь къ востоку шо къ западу, смонря по силѣ шѣхъ или другихъ горь. На эшомъ проспрансливъ самую возвышенную часпшъ занимаетъ пензенская губерніа съ часпшами прилежащихъ къ ней другихъ губерній. Ошсюда вытекають рѣки Сура, Сваяга, Цна и другія, обращившіяся къ сѣверу, и Хосерь, Медвѣдица и другія, склонившіяся на югъ.

Высшія линіи эшой возвышенности, какъ означено на приложенной картѣ, начнная съ запада, идущъ между вершинами рѣкъ Дибпра и Двины, между Волгою и Ильмежемъ - Озеромъ и попомъ дойдя до верховыхъ рѣкъ, составляющихъ Сѣверную Двину, сливающихся съ вѣшвами Урала. Ошъ эшой главной полосы идущъ на сѣверозападъ — одна вѣшвъ между Ильменемъ и Чудскимъ Озеромъ, другая между Чудскимъ Озеромъ и Балшійскимъ Моремъ, а на юго-востоку между Окою и Волгою, образуя возвышенный уголъ, на кошоромъ главное мѣсто занимаетъ московская губерніа, и кошорый сбиваетъ р. Оку къ сѣверовостоку. Далѣе на югъ Плоская Возвышенность шеряется въ шнѣпахъ губерній полшавской, харьковской и въ мѣспахъ между Дономъ и Волгою.

Такимъ образомъ, главная ея полоса разделяетъ среднюю Россію на двѣ часпшъ, сѣверную и юж-

ную. Первая покаша къ океану, вѣруая къ Черному Морю и усьпаямъ Волги. Одна должна бышь чувствительнѣо опкрыша для сѣверныхъ вѣспровъ и закрыва опгъ южныхъ; другая, напропивъ, довольно защищена опгъ сѣверныхъ и опкрыша съ юга. Обѣ половины изобильны рѣками, ручьями, источниками и озерами чистой воды; въ иныхъ мѣстахъ опкрышы минеральныя источники; повсюду богатство произведеній, свойственныхъ климату: огромныя лѣса, сочныя шравы, разнаго рода хлѣба, изобиліе водъ и дичи. Всѣмъ богата эша возвышенность. Правда, здѣсь нѣшь грозныхъ, поражающихъ видовъ Кавказа или Финляндіи, за шо почвы вездѣ широкіе луга, и, шо низменные шо высокіе и обрывистыя берега рѣкъ и ручьевъ; въ иныхъ мѣстахъ небольшіе каменные ушесы, въ другихъ глинистыя и песковатыя обрывы, или бѣлыя, мѣловыя возвышенности, подернушыя коегдѣ швнью другой почвы, или расписанныя зеленою кушповъ и шравъ, какъ во многихъ мѣстахъ Украйны и въ губерніяхъ курской, харьковской и воронежской. Какъ живописны берега Волги, Днѣпра и Дона! Кіпо не любовался побережьями Сейма, Оскола, Донца, Псла, рѣки Мечи и красными берегами Клязьмы? Вездѣ удобшва для жизни; почвы каждое мѣсто, не представляя ничего необыкновеннаго, поражающаго, влечешъ къ себѣ пріятностію и удобствами, располагаешъ къ спокойной сельской и семейной жизни, къ кошорой шакъ наклоненъ весь славянскій міръ. Эша мѣстность, не раздѣлая насъ неприступными шпремнинами, даешъ

полную возможность слиться въ одно цѣлое, и, не представляя сильной природной защиты отъ враговъ, невольно вызываетъ насъ къ силѣ и цѣлоспности народнаго характера. Здѣсь начала мужать Россія; отсюда посылала своихъ сыновъ на все четыре стороны свѣта для покоренія и смиренія своихъ враговъ. Здѣсь сердце нашего опечеснства, средопочіе нашей народности. Здѣсь передѣланы удѣльные княженія въ Русское Царство; отсюда смирена Орда, покорены Сибирь, Кавказъ и при моря — Черное, Балшійское и Каспійское; сюда спвшлили наши враги, сюда приводила Россія съ Мининымъ своихъ сыновъ; здѣсь Москва горѣла за Россію. И въ этомъ отношеніи, быть можетъ, Плоская Возвышенность несравненно для насъ значительнѣе и неприступнаго Кавказа и богатаго Урала.

Отъ южнаго предѣла Плоской Возвышенности начинающіяся равнины, которыя шянуся на тысячу и болѣе верстъ въ длину и до пяти сотъ въ ширину, склоняясь къ Морямъ Черному и Азовскому. Онѣ, вблизи большихъ рѣкъ взволнованы холмами и перерѣзаны лабиринтомъ неглубокихъ логовъ, а въ отдаленіи значительныхъ рѣкъ почти совершенно ровны, такъ что на всемъ пространствѣ, какое можеть окинуть взоръ, часно не видно ни холма, ни лога. Почва ихъ вообще чисто черноземная, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находящіяся соленыя озера, богатые прииски каменнаго угля и много песчаника. Онѣ богаты расписельностью

и въ особенностяхъ правами и цвѣтами разнаго рода; но повсемѣстно бѣдны лѣсомъ.

Почти по самой срединѣ степей пролегаетъ опрасль Карпатскихъ Горъ, узкою, едва приводящею полосою, отъ запада къ востоку. Она перерѣзываетъ рѣку Бугъ, приподымаетъ правый берегъ Днѣпра, сбиваетъ печеніе его къ востоку, заграждаетъ порогами, на проспавшѣ вочинъ 60 верстъ, сбиваетъ въ томъ же направленіи Донецъ и Донъ, и перелеся, не достигнувши Волги. Изъ нея вытекаютъ много рѣкъ и рѣчекъ; одны изъ нихъ, какъ-то: Телягуль, Ингуль, Громокля, Берда, Калмиусъ и др., текутъ въ направленіи къ Черному и Азовскому Морямъ, а Самара, Волчь, Торець и другія склоняются въ противоположную сторону.

Почва этой полосы каменнства, во многихъ мѣстахъ; особенно по оврагамъ и берегамъ небольшихъ рѣчекъ попадается крѣпкій песчаникъ, а въ порогахъ Буга и Днѣпра замѣтна граничная порода.

Другая опрасль Карпатскихъ Горъ, проходя Галицію, беретъ начало рѣкамъ Днѣпру, Бугу и Висль, изъ коихъ двѣ первые направляются къ югу, а послѣднюю къ сѣверу. Войдя широкою полосою въ предѣлы Россіи, она обращается на сѣверъ рѣки Сѣверный Бугъ и Нѣманъ, а на югъ Березину, Припять, много мелкихъ рѣкъ, и соединяется, въ губерціяхъ витебской, моголевской и южной части псковской, съ опраслями Псковской Возвышенности.

На самомъ воспокъ Россіи, на ея рубежъ съ Сибирью, подобно американскимъ Андамъ, въ направленіи съ сѣвера на югъ пролетаетъ *Уральскій Хребетъ*. Она начинается близъ вершинъ рѣки Тоболя и идетъ между вершинами рѣкъ Урала и Бѣлой. Здѣсь она сослужитъ изъ оидальныхъ горъ граничнаго и шифернаго образованія. Далѣе на сѣверъ простирается къ источникамъ Печоры и Туры, идетъ опрасли, кошорья сложившись къ западу проходятъ между источниками Печоры и Камы, а другія къ Сѣверному Океану между Печорою и Двиною. Первые изъ нихъ соединяются съ оплогосиями Плаской Возвышенности, сослужитъ изъ кварцовыхъ и сланцовыхъ породъ и богаты соляными источниками, а другія возвышаются течу сѣверной части архангельской губерніи. Главнй же хребетъ идетъ отъ источниковъ Печоры, почти прямо на сѣверъ, и, раздѣлившись на двѣ вѣтви, образуетъ одна пласкій, длинный мысъ, а другое доходитъ до Проліва Вайгачскаго, скрывается въ моръ, пономъ снова показывается опстровомъ Вайгачемъ, и, скрившись еще разъ, подымается длинною, возвышенною полосою, соснавлиющею Новую Землю. И какъ на западѣ оплогими возвышенностями, шакъ здѣсь, въ океанѣ, посредствомъ опстрововъ соединены съ Филекими Горами. Сѣверной ея части шакже прерывиста, сослужитъ болѣе изъ граничныхъ началъ, поднятыхъ унесами и разрушающихся опъ времени, дѣйствія воды и непогодъ, или изъ мысовъ известковыхъ и распрѣсунныхъ во многихъ мѣсцахъ.

Вершины его здѣсь обнажены и только изрѣдка видѣтъ на нихъ мохъ и небольшіе искривленные куспарники. Повсюду множество болошь, шорфу и коспей доношопныхъ живошныхъ, какія находяпся по Камѣ и на самыхъ низменныхъ мѣстахъ Западной Сибири. На восточной части Урала мало гранишныхъ скалъ, и вообще вся она по всему простиженію преобладаетъ породами серпеншина, извести, шиферу, и богаша жилами мѣдной руды, приисками желѣза, золопа, порфира, яшмы и проч.; одного золопа добываютъ ежегодно около 400 пудовъ. Вся эпа спорона Урала покрыва огромными лѣсами, болѣе сосновыми, лиственничными, кедровыми, и заключаетъ множество болошь и озеръ. Изъ нея испекаютъ рѣки Сосва, Тура, Тагда, Конда, Исетъ и другія, склонившіяся въ Сибирь къ теченію Иршша. Западная часть, состоя болѣе изъ кварцовыхъ породъ, до-сихъ-поръ не можетъ сравниться съ восточною богашствомъ рудныхъ присковъ. Но въ ней, по замѣчанію Г. Энгельгардта, и попомъ по указанію графа Полье и Шмидта, открыты алмазы, и найдена порода изумрудной, просвѣчивающей мѣдной руды, столь драгоценной и рѣдкой во всѣхъ европейскихъ музеумахъ, и названной, по имени открывшаго ея Бухарца, аширипомъ, а по своему свойству, діоптазомъ. Она даетъ начало рѣкамъ Бѣлой, Уфѣ, Чусовой, Камѣ, Вяпкѣ, Печорѣ и другимъ, склонившимся по разнымъ направленіямъ въ европейскую Россію.

Самая большая высота Урала не достигаетъ

двухъ верспъ и несмотря на это, въ нѣкопыхъ мѣстахъ онъ покрытъ вѣчными снѣгами. Южная опрасла Урала, начинаясь близъ испоконъ р. Тоболя, разбивающа на три вѣтви: западную, южную и восточную. Первая, давши начало рѣкѣ Уралу, идетъ къ Волгѣ, возвышающъ все пространство между сею рѣкою, Камото, р. Ураломъ, и подымаясь холмами въ направленіи къ Каспійскому Морю. Версахъ въ полшораспа отъ печенія Волги, прямо на воспокъ, въ черноярскомъ уѣздѣ, на ровномъ и довольно низменномъ мѣстѣ, находясь двѣ отдѣльныя горы, называемыя Большою и Малою *Богдою*; онѣ состоятъ изъ песчаника, глины и извѣстковыхъ слоевъ. Спиранный ихъ видъ среди степи, большія прещины и огромныя бездны поселяли къ нимъ уваженіе въ кочующихъ народахъ. Калмыки думаютъ, что объ горы принесены сюда отъ Урала двумя святыми. Вѣроятно онѣ составляютъ продолженіе западной вѣтви Урала. Южная опрасла идетъ чрезъ Киргизскую Степь частію въ направленіи къ Арабскому Морю, частію на воспокъ къ верховьямъ Ирпыша, и не доходя до Алтайскихъ Горъ оканчивается при звѣриноголовскомъ меридіанѣ или подъ 82-мъ градусомъ долготы. Здѣсь замѣтно много шифера и шпата. Сѣверная покапосъ этой вѣтви, склонившись въ тобольскую губернію къ вершинамъ Ишима и Тоболя, заключающъ много озеръ и признаки обыкновенной и горькой соли.

Между Ураломъ и Алтайскими Горами идетъ *цѣль высокихъ холмовъ*, и два эти хребта какъ

опдѣльны по своему образованію, что землетрясенія, происходящія часпо въ Алшай, никогда не опзываются въ Уралѣ, и даже не переходящъ на лѣвую спорону Иршыша.

На воспокъ опгъ Урала до Охопскаго Моря и опгъ Сѣвернаго Океана до предѣловъ Средней Азій лежищъ спрана почпи на пять тысячъ верспъ въ длину и слишкомъ на двѣ тысячн пять сепъ верспъ въ ширину, по прямой линіи.

Эта спрана — Сибирь.

Она раздѣлена самою природою на двѣ часпи — воспочную и западную.

Западная Сибирь опдѣлена опгъ воспочной, во всю ея длину, рѣкою Енисеемъ. Со спороны Уральскаго Хребша она возвышена его опраслями, копорья, впрочемъ, не доходящъ до лѣваго низменнаго берега Иршыша. О рѣкахъ, впадающихъ съ эшой спороны въ Иршышъ, было сказано при обзорѣни Уральскаго Хребша. Съ южной спороны западная Сибирь замыкаепся опраслями Урала рядомъ холмовъ на помъ мѣспъ, гдѣ несправедливо назначали Алгинскія Горы, и Алшайскими Горами, пролегающими опсюда на воспокъ къ Байкалу и далѣе.

Алтай на Калмыцкомъ языкѣ называется Алшайнъ-сола, что значищъ золошья горы, по множеспву находящихъ въ нихъ золошыхъ и серебряныхъ пріисковъ, доставляющихъ Россіи ежегодно до 1000 пуд. серебра и болѣе 25 пудовъ золаша. Опгъ Иршыша до Оби, онъ извъспенъ подъ названіемъ *Малаго Алтая* и подымаетъ преры-

виспыми оспроверхими хребтами, покрыпыми на вершинахъ снѣгомъ, копорые, по ихъ виду, называюся въ Сибири *Бѣлками*. Здѣсь, часто между двумя высокими горами раскидываешся совершенно гладкая, цвѣшущая, но пуспынная, долина. Главныя породы камня составляютъ: шиферъ, порфиръ, яшма, плотный и зерниспый известковый камень и слоеобразный гранипгъ. Повсюду изобильныя золопыя и серебряныя руды. Но и здѣсь богатѣйшія опрасли, подобно какъ въ Уралѣ и Андахъ, лежатъ въ направленіи по меридіану или съ сѣвера на югъ. По его западной покатоспи прошекаюшъ на сѣверъ рѣки: Ирпышъ, Обь и другія. Правый берегъ Ирпыша крупъ, возвышенъ и соспоишъ, по близоспи хребша, изъ гранипныхъ скалъ, а далѣе на сѣверъ, до впаденія Оби, изъ осадной глины, напишанной мѣсмами желѣзными часпицами. Озеро Зайсанъ, изъ котораго вышкаешъ Ирпышъ, выше поверхноспи океана съ небольшимъ полуверспюю. Опъ Оби къ Енисею и Байкалу, Алпай извъспенъ подъ именемъ Салнскихъ Горъ, и вообще подъ неправильнымъ названіемъ Большаго Алпая, который идешъ по кипайскимъ владѣніямъ, на юго-воспокъ опъ полуденныхъ предѣловъ Сибири, и по величинѣ своей менѣ значишеленъ, нежели, такъ называемый, Малый Алпай, который около Телецкаго Озера возвышаешся до двухъ съ половиною верспгъ и богатъ прійсками порфира и яшмы, а около Кольвани болѣе полушоры верспы, и богатъ прійсками дорогихъ мешалловъ. Одна изъ его вѣшвей идешъ на сѣверъ,

*

образуя часть лѣваго берега Енисея. Она во многих мѣстахъ переснипаешъ за снѣговую линію, и повсюду видны ея верхи, покрытые снѣгами. Изъ нихъ испекающъ рѣки: Томъ, Чулышъ и пр. Вообще западная часть Сибири, роскошная и живописная на югъ, бѣдна и пуспынна на сѣверъ. Здѣсь просширающа обширныя шундры, которыя чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ спановяются низменнѣе, бесплоднѣе и болопистнѣе; самыя большія рѣки текутъ здѣсь шихо и при устьяхъ совершенно обезсиливаются и мелютъ.

Воспочная Сибирь, напрашивъ, отъ самаго Енисея до Охотскаго Моря, почти вся покрыта горами. Здѣсь рѣки быспры, во многихъ мѣстахъ пробиваются между скалъ; вездѣ много ручьевъ, ключей и водопадовъ. Эти горы, проходя изъ китайскихъ владѣній, соединены съ высочайшими хребтами Азіи, съ горами: прибеспскими, кипайскими и индѣйскими, извѣстными подъ названіями Тянь-Шана, Кунгъ-Луна и Гималайскихъ, — откуда вытекающъ всѣ главныя азійскія рѣки: Гангъ, Индъ, Гоанго, Буримпунеръ и др. Здѣсь находясь въ дикомъ сосшоаніи почти всѣ роды хлѣбовъ и многія домашнія живопныя. Пройдя въ воспочную Сибирь, хребетъ Алтайскихъ Горъ обгибаетъ Байкаль по всей его окружности, завязывается на воспокъ отъ него нѣсколькими узлами, извѣстными подъ названіемъ Нерчинскихъ или Даурскихъ Горъ, пускаетъ опрасли на сѣверъ, между Енисеемъ и Леною, частію между Летою и Алданомъ; а главноею массою, извѣстною подъ названіемъ

Становой Хребта, обшупаешь съ запада Охотское Море. По мнѣнію другихъ, Становой Хребтъ соснавляется оцѣльную цѣпь горъ. Еще далѣе на сѣверъ, эпошъ хребетъ между верховьями Индигирки и Колымы соединяется съ Алданскими Горами, коггорыхъ высота между 153 и 156° длины и между 60° и 62° широты, при рѣкѣ Аллахъюнь доспигаешь до полшоры версты. Здѣсь находится много оспашковъ допошопныхъ живошныхъ и цѣлые ошавы мамоншовъ. Ошсюда идушъ въшви къ сѣверу по печенію рѣкѣ. Часъ ихъ, соединившисъ съ Становымъ Хребтомъ, идешь на воспокъ, подымаешь къ Пенжинской Губѣ и, разбившисъ на двѣ въшви, пролегаешь одною на сѣверовоспокъ, оканчиваясь Чукоцкимъ Носомъ, а другою, перегибаясь около Охотскаго Моря въ направленіи къ югу, образуешь Полуоспровъ Камчатскій и оканчивается Мысомъ Лопашкой. Сѣверныя ошрасли Алданскихъ Горъ скрываются въ Ледовишомъ Морѣ, и снова появляются ошровами: Новою Сибирью, Кошельнымъ, Ляховскимъ и др. Вообще, горы восшочной Сибири мало изслѣдованы, и шрудно сказать что-нибудь удовлешворительное о ихъ направленіи и свойствѣ.

Часъ Алтайскихъ Горъ между Енисеемъ и Байкаломъ почти вездѣ выше снѣговой линіи, состоишъ болѣе изъ гранита, и даетъ много ошраслей въ направленіи къ сѣверу; изъ нихъ испекаюшъ рѣки: Чоца, Канъ и др. Окружая Байкалъ, Алтайскія Горы спановяшся извѣсны подъ названіемъ Байкальскихъ. Здѣсь главное свойство

ихъ шо же какъ и Саянскихъ: вездѣ много утесовъ и разсѣлинъ, изъ кошорыхъ въ иныхъ мѣстахъ выпекаешъ горное масло и добываешся нефшь. Образованіе Байкальскаго Моря, вѣроятно, сопровождалось великими переворотами: оно соспавляешъ проваль слишкомъ въ пятьдесять верспъ шириною и болѣе 700 верспъ въ длину. Вода въ немъ вкусна и пакъ чиста, что на глубинѣ нѣсколькихъ сотъ сажень видно дно и оспашки лѣсовъ, копорые росли и погibli, бышь можешъ, за нѣсколько тысячелѣтій до нашего времени. Оно, несмотря на прѣсную воду, имѣешъ, подобно океану, свои приливы и опливы. Въ немъ поспоянно водятся тюлени и рыбы, свойспвенныя морской водѣ. Народъ называешъ его Святымъ Моремъ; и дѣйствительнo, какъ чудо природы, оно поражаетъ своимъ явленіемъ—глубиной, чистотою воды, огромными обрывистыми горами, покрытыми на вершинахъ вѣчнымъ снѣгомъ, и спрашными бурями, какія рѣдко удаешся испытать въ самомъ океанѣ. Въ него впадаютъ рр. Селенга и Баргузинка, по берегамъ копорой ловятся лучшіе соболи. Изъ него выпекаешъ Ангара, впадающая въ Енисей; вода въ ней чиста и пакъ холодна, что среди самыхъ жаровъ нельзя въ ней долго пребыть. Нѣскольکو воспочнѣ, изъ Байкальскихъ Горъ берешъ начало Лена, и между нею и Ангарою идетъ ихъ оспрасъ прямо на сѣверъ, разбивался близъ Нижней Тунгуски на многія вѣшви, копорыя чѣмъ далѣе идушъ къ сѣверу, шѣмъ болѣе склоняюшся; съ забайкальской спороны выходилъ р. Вишимъ,

пропекающая проспранспво почпи на полшоры шысячы верспь.

На югъ опъ Байкальскаго Моря, хребетъ, извъспный подъ названіемъ Нерчинскихъ Горъ, подымаеця не оспроверхими но плоскими вершинами, и богашъ разнаго рода рудами и пріисками аквамариновъ, хризолитовъ, шопазовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней. Изъ нихъ выпекають рѣки Амуръ, Олекма, Ингода и др. Воспочная часпъ Сибири можепъ быпъ раздѣлена на при часпи: на южную, опъ впаденія Ангарты, по прямой линіи на воспокъ. Эпа часпъ подраздѣляеця Байкаломъ на воспочную и западную; обѣ живописны, богаты произведеніями; но воспочная во всемъ имѣетъ преимущество предъ западною. Опъ этой линіи до прямой же линіи опъ Охотскаго Моря, чрезъ устье Алдана къ Енисею проспираеця средняя часпъ, дикая и богатая лѣсами, исполненная горъ и болопъ. Опъ этой линіи къ сѣверу идепъ шрешья часпъ, пуспынная, во многихъ мѣстахъ совершенно безлѣсная и наполненная шундрами; ея почва замѣшно выше шундръ западной Сибири; впрочемъ, рѣки при успьяхъ шакже ослабѣвають и спановаяпся безсилны. Здѣсь при чешверши года царшвуепъ зима и мяшели.

Сѣверовоспочная часпъ къ Чукошскому Носу вездѣ болошиспа, гориста и почпи безлѣсна.

Камчатскія Горы образуюпъ Полуоспровъ Камчатку, и раздѣляюпъ его на двѣ часпи, воспочную и западную, изъ кошорыхъ первая гориспѣе послѣдней. Въ Воспочный Океанъ склоняюпся рѣки:

Олюшоръ, Камчашка и др. Въ Охопское Море: Быстрая, Тигиль и др. На восточной сторонѣ находящіяся двѣ огнедышущія горы, Кроноцкая и Ключевая. Одна изъ нихъ вышиною почти въ двѣ съ половиною версты, слѣдовательно, превосходитъ Эпну; а другая болѣе чепырехъ съ половиною верстѣ, слѣдовательно выше Монблана, самой высочайшей европейской горы.

Южная часть Камчатскихъ Горъ оканчивается Мысомъ Лопаткой, и скрывшись въ океанъ, называется изъ него цѣпью острововъ до самой Японіи.

Оба берега Камчатки безлѣсны; Лопатка почти совершенно обнажена, а ребра горъ покрыты огромнѣйшими лѣсами.

Американская часть Россіи гориста по всему ея протяженію. Эти горы, образуя Мысь Аляску, далеко вдаются въ океанъ и направляются островами до восточнаго берега Камчатки. Наши американскія горы, поднявшись островерхими оконечностями, круто спускаются къ океану, и отъ самыхъ вершинъ до поверхности воды одѣты лѣсами, копорыхъ не успѣлъ еще человекъ испробовать, украсить и обезобразить. Одни американскія владѣнія Россіи занимаютъ болѣе пространства, нежели вся Франція.

Такъ опечесство наше обширно, разнообразно и богато всеми произведеніями природы и ея вліяніемъ на характеръ и умственное направленіе народовъ, копорые, слившись некогда въ одно цѣлое, вѣрно, образованіемъ и гражданственностію со-

спавяпъ одинъ народъ, не только не лишенный своего характера, но сильный его разнообразіемъ и взаимнымъ дополненіемъ разнородныхъ способностей. Это обширный разсадникъ человечества еще юнаго, полного силъ и готовности къ развитію. Ему предоспавлено начинать жизнь съ того періода, у котораго соспарълся не одинъ европейскій народъ, и начинать свое образованіе съ пѣхъ успѣховъ ума, до которыхъ Западъ доходилъ вѣковыми усиліями и напряженіемъ, подобно какъ и самъ онъ воспользовался образованіемъ Рима и Греціи, и какъ Римъ, Греція спушили на пригошпвленное поле успѣховъ и опышовъ жизни Египта и восточныхъ царствъ.

Въ слѣдующихъ книгахъ будущъ приложены описанія и карпы, объясняющія высоты горъ, печеніе рѣкъ, климаты, произведенія, населенность, историческое заселеніе и распространеніе Россіи и всѣхъ ея великихъ и удѣльныхъ княженій.

Наше опечесство во всѣхъ опношеніяхъ, не смопра на спруды многихъ изслѣдывателей, еще чакъ ново и богато разнообразіемъ природы, глубиною и оппѣнками народнаго характера, чпо только въ продолженіе долгихъ лѣтъ взаимными безкорьспными усиліями будущъ исчислены и доняпы многія изъ его сокровищъ, которыя съ нами — и нами не признапы, не вполнѣ опънены, и которыми часно мы безсознательно богаты и сильны.

Вадимъ Пассекъ.

КІЕВОПЕЧЕРСКАЯ ОБИТЕЛЬ.

....На сихъ горахъ возсіяетъ благодать
Божія и будетъ великій градъ и много
церквей воздвигнетъ Богъ....

Преданіе XI вѣка. *Несторъ.*

Съ высоты переяславльскаго собора, сооруженнаго гепманомъ Мазепою, вы видите подъ собою равнину, раскинувшуюся слишкомъ на сто верстъ. Съ сѣвера и востока она по опущена лѣсомъ по исчезаетъ, сливаясь съ синевою небосклона; съ юга и запада обнесена высокою горою, на которую опирается могучій Днѣпръ.

Какъ много великаго объемлетъ взоръ на этой равнинѣ! Какіе имена и памятники исторіи на каждомъ мѣстѣ! Вотъ Переяславль съ его прехугольнымъ спариннымъ валомъ и земляною крепостью, насыпанною Великимъ Пепромъ: это мѣсто, гдѣ, по слову краснаго-солнца Владиміра, нашелся богатырь, *перевзій* славу у могучаго Печенѣга; а тамъ часовня надъ мѣстомъ гибели святаго мученика, князя Бориса; тамъ невѣдомыя курганы; тамъ могилы нашихъ предковъ, раскиданныя на полѣ бившъ; здѣсь храмъ Божій, воздвигнутый Мазепою, а тамъ роковая Альша, на бере-

гахъ копорой рѣшилось шакъ много споровъ, и шакъ много пролипо крови, шо въ борьбѣ междоусобной шо въ борьбѣ съ кочевыми племенами; гдѣ вспунали въ бишву свяшый Владиміръ и брапоубійца Свяшополкъ; Ярославъ и Мспиславъ Удамый, смирившій кавказскіе горцевъ; Георгій Долгорукій, сынъ его Андрей Боголюбскій, и много другихъ князей удѣльныхъ и великихъ; шамъ за грудами сыпучаго песку прошекаетъ прославленный Днѣпръ, качавшій колыбель нашего опечества, и первый донесшій нашу силу и славу до спѣнъ Царяграда; а шамъ, вдали опъ всего, за семьдесятъ верспъ опъ Переяславля, на высокой горѣ, какъ на синевѣ облака восходящаго на небосклонъ, едва, едва виднѣтся *Кіевопечерская Обитель*.

Но если вы опсавите мѣсто, съ копорого шакъ много предспавлялось для взора, и спанете спускашья къ землѣ, шо рамы обширной карпины сокращаюпся болѣе и болѣе—и наконецъ со встѣхъ споронъ обступитъ васъ одна соборная ограда; а если выйдете изъ нея, шо опкроется городская площадь съ рядами лавокъ, нѣсколькими домами часпныхъ людей и небольшою алеею около соборной спѣны. Тамъ вспрѣтите или городского жителя, или Малороссіянина въ его просонародной одеждѣ, а чаще всего шолпы вѣчно хлопочущихъ жидовъ. О вѣрно, все это не испребитъ впечатлѣній, произведенныхъ въ душѣ видами и памяшниками окрестной спраны! Вѣрно, Кіевъ, съ его минувшею жизнію, съ его храмами, дошедшими опъ первыхъ временъ введенія хрисіанской вѣры, съ

его Печерскою Обишелю, сосредоточивъ на себѣ всѣ впечатлѣнія, привлечетъ къ себѣ все наше вниманіе.

Вошъ, мы уже за Перелславлемъ, перетъхали чрезъ Альпу, и предъ нами открылась равнина, далеко попянувшаяся на сѣверъ и западъ и склоненная къ Днѣпру, который все еще скрывается по за роцею, по за песчаными волнами, по припавшися за низкимъ лугомъ. Напрасно будете ожидать, что онъ сверкнетъ спруею, или подыметъ волнами! Нѣтъ, онъ близокъ отъ васъ, но скрываетъ и все манишь далѣе, пока ни заведетъ въ дремучій боръ и глубокіе пески, гдѣ волей или неволей должно вѣхашъ шагъ-за-шагомъ, пробираясь по всѣмъ направленіямъ между деревьями, и гдѣ волнуютъ васъ ожиданіе и неперпнїе. Это неперпнїе возрастетъ еще болѣе, когда заблещитъ изъ-за вершинъ деревьевъ глава Печерской Обишли. Вошъ она прямо предъ вами — и вошъ скрылась за лѣсомъ; вошъ блеснула справа — и снова исчезла; вошъ загорѣлась слѣва — и скоро скроешся... но эшотъ упоминительный пупъ по сыпучему песку, среди сосноваго бора, располагаешъ душу къ сильнымъ впечатлѣніямъ и придаетъ Кіеву болѣе занимательности. Предъ вами внезапно предсшаетъ во всемъ величїи Днѣпръ, и на немъ суда и барки, по спокойныя по распахнувшїя свои большыя крылья и близъ нихъ чернїй дымящїйся пароходъ; подъ вами лѣвый берегъ Днѣпра, низкій, песчаный и покрытый мѣстами лѣсомъ, мѣстами опушенный красною розою. За Днѣпромъ

высокимъ уснутомъ вспаюшь горы и на нихъ красуется Печерская Обитель: всь главы храмовъ и колоколень горяшь золопомъ; зданія за-спушаютъ одно другое, поднимаюшя одно надъ другимъ; мѣстами видна каменная спѣна, обнявшая всю Обитель, и все это опшѣнено зеленою садовъ, вездѣ пережшаны близна спѣнь съ зеленою деревъ, съ золопомъ главъ и кресповъ. Ниже нещерь замѣшны, между кущами и деревьями, бѣлыя хашы и обрывы горы. Направо опъ Обители, на той же горѣ видѣнь Пущынно-Николаевскій Монастырь—кладбищенская церковь, сооруженная на мѣстѣ Олеговой могилы; еще правѣ видѣнь мысь, за которымъ сокрытъ древній Кіевъ, а внизу, надъ самымъ Днѣпромъ, какъ будто изъ воды возникаеть *Подолье*. Оно съ своими бѣлыми зданіями, стройными, новыми церквами, и оплччительнымъ характеромъ мѣспности, составляетъ какъ-будто особенный городъ. Далѣе за нимъ горы спановяшя едва замѣшны, уклоняюшя — и Днѣпръ исчезаеть въ поляхъ и лугахъ. Направо опъ Обители, за глубокимъ рвомъ, по которому сделанъ теперь взвѣздъ въ городъ, на той же горѣ замѣшна возвышенность зѣри-нецкой крѣпости, или древній Вишчевъ Холмъ и Святополчъ Городокъ; за нею, по теченію Днѣвра, пріонился въ удоли Выдыбицкій Монастырь, окруженный садами и лѣсами; еще лѣвѣе — горы начинаюшь понижашяся, исчезаюшь, и между ними и Днѣпромъ — на широкомъ лугу видѣшяся Кишаевская Пущыня, основанная Андреемъ Бого-

любскимъ. Надъ всѣми видимыми окрестностями и зданіями высится Печерская Обипель, выше всего горитъ святой крестъ спасенія, и весь эпопъ видъ съ его горами, зеленою садовъ и разнообразіемъ зданій рисуется на спокойномъ лонѣ Днѣпра.

Сбылось предсказаніе Св. Андрея Первозваннаго, что «на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія и будетъ великій градъ и много церквей воздвигнетъ Богъ;» — Не щещно: «взошелъ онъ на эпи «горы, благословилъ ихъ, посшавилъ на нихъ крестъ «и помолился Богу (1).»

Уже близъ тысячи лѣтъ сіяетъ здѣсь благодать Божія и прошекло слишкомъ семь сотъ лѣтъ опъ основанія Печерской Обипели.

Но какихъ потребно было жершвъ и свяшаго самоопверженія, какъ необходимо было избраннымъ міра сего присуспвіе воли и благодати Божіей, чшобы истины ученія Хрисшова проникли въ души язычниковъ, чшобы новая вѣра съ цѣлостію своихъ обрядовъ замѣнила вѣру и обряды языческіе, къ копорымъ привыкъ народъ въ продолженіе многихъ вѣковъ, копорые внѣдрились во всѣ малѣйшія движенія его жизни, въ его ежедневный бытъ, въ понятія о самомъ себѣ, въ опношеніе къ другимъ людямъ, къ собсшвенности, къ цѣлому обществу, ко всей природѣ — и, наконецъ, въ его посмершныя надежды и ожиданія. До принятія хрисшанской вѣры Славяне, наши соопечешвенники, признавали высшее невидимое существо; но оно, лишенное шѣлеснаго образа, не

могло вселить въ мысли сознанія грубаго чело-
вѣка — и было только предчувствіемъ, залогомъ
святой вѣры. Для него необходимо шѣлесное изо-
браженіе, ему надобно видѣть своего бога, или,
по-крайней-мѣрѣ, признакъ его бышій, доступный
ощущенію. Такимъ богомъ былъ у нашихъ Сля-
вянъ: Перунъ, — богъ грома и молніи; за нимъ
слѣдовали Дажьбогъ, Сприбогъ, Мокошь (?) и дру-
гіе меньшіе боги и божества, замыкавшіе полную
систему языческаго вѣрованія. Вся условія жиз-
ни сопровождалась особенными обрядами и все бы-
ло проникнуто силою религіи.

Собственно браковъ не было; но люди обоого
пола сходились изъ разныхъ селеній, и среди игръ
и пѣсень мужчины выбирали дѣвушекъ и уводили
ихъ къ себѣ какъ женъ. До сихъ поръ оспались
нѣсни, напоминающія эпосъ обычай, находившій-
ся вѣроятно подъ покровительствомъ боговъ, и
вѣрно сопровождавшійся многими обрядами и пѣс-
нями, копорыхъ оспашки сохранились до нашего
времени. Трупы умершихъ сожигали и, собравши
пепель и кости, складывали ихъ въ сосуды и спа-
вили на столбахъ по дорогамъ. Надъ прахомъ кня-
зей насыпали курганы и дѣлали шризы или игри-
ща. Идя на войну и возвращаясь съ нея, приносили
жертвы богамъ и вѣрялись ихъ помощи. Рожде-
ніе, занятія, вся жизнь была проникнута поняти-
ми языческой религіи.

Надъ всѣмъ признавались покровительствующія
божества: воды, лѣса, поля, дома — все, по
понятію и живому чувству, было наполнено бо-

жеспвами, и сильно хранилось самими народами, его правителями и жрецами, какъ святыня и запасъ необходимаго, испытаннаго вѣками, знанія. Дѣйствительно, доколѣ люди не познали лучшаго духовнаго міра, имъ было спрашно разсѣпаться съ своими религіозными понятіями и измѣнить свою жизнь по понятіямъ новой религіи; они не безъ права спрашно защищали свое язычество и не безъ причины легче покорялись слову, нежели мечу.

«Когда Колумбанъ, въ началѣ VII вѣка, обративъ многихъ нѣмецкихъ язычниковъ въ вѣру истинную, хотѣлъ проповѣдывать ея св. ученіе и въ земляхъ Славянъ, но, успрашенный ихъ дикостію, возвратился безъ успѣха, объявляя, что время спасенія еще не наступило для сего народа. Видя, сколь христіанство проповно заблужденіямъ язычества, и какъ оно въ среднихъ вѣкахъ болѣе и болѣе распроспранялось по Европѣ, Славяне ненавидѣли его, и принимая всякаго иноплеменнаго въ сограждане, отворя балтійскія гавани свои для всехъ мореходцевъ, исключали однихъ христіанъ; брали ихъ корабли въ добычу, а священниковъ приносили въ жертву идоламъ⁽³⁾.» Даже въ XII вѣкѣ богемскіе Славяне жалѣли въ своихъ пѣсняхъ о падшихъ подъ нѣмецкою стѣкирою заповѣднхъ рощахъ, гдѣ жили ихъ боги и души умершихъ⁽⁴⁾. У насъ въ двухъ древнихъ и главныхъ русскихъ городахъ, Кіевѣ и Новгородѣ, были воздвигнуты идолы Перуну и другимъ богамъ. Самъ святыи Владиміръ, доколѣ не просвѣтѣла душа его благодатию Божіею, «поставилъ кумировъ на холмѣ

внѣ двора шеремнаго, деревяннаго Перуна, съ серебряною главою и златыми усами, а также Хорса, Дажьбога, Сприбога, Сямарьгла и Мокоша, и называвшіе ихъ богами приносили имъ жертвы, приводили сыновъ и дочерей своихъ и жертвовали бѣсамъ, оскверняя землю шребами своими и осквернилась кровью русская земля (6).» «Родшвенникъ Владиміра, Добрыня, поснавилъ кумирь надъ рѣкою Волховомъ въ Новгородѣ, и жертвовали ему люди новгородскіе, какъ Богу (6).»

Когда Владиміръ побѣдилъ Япваговъ и взялъ ихъ землю, шю, возвратившись въ Кіевъ, принесъ съ людьми своими шребу кумирамъ. «Тогда сказали ему шарцы и бояре: кинемъ жребій на опрока и дѣвину, и на кого падешъ, шото и зарѣжемъ для нашихъ боговъ. И былъ одинъ Варягъ. . . . иновѣдывавшій хрисціанскую вѣру, и у него былъ сынъ прекрасный лицомъ и душою: на него палъ жребій, по зависти діавола. . . Пришедши посланные къ нему сказали: на сына швоего палъ жребій; боги хопяптъ его, пущъ исполнишя шребованіе боговъ. Тогда опшвѣчалъ Варягъ: ваши боги дерево; сегодня цѣлы а завшра сгніюптъ; не вѣдяптъ, не пьюптъ, не говоряптъ, но сдѣланы руками изъ дерева; а Богъ одинъ, копорому поклоняюпся Греки, копорый сошворилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце и человека, и далъ жизнь земную, а ваши боги—чшо они сдѣлали? они сами сдѣланы; не дамъ сына своего богамъ. Они же удалившись, рассказали людямъ, и, взявши оружіе, пошли на него и разомали дворъ около него, а онъ спшоялъ.

на сѣняхъ съ сыномъ своимъ. Дай сына своего, сказали ему, мы опшдадимъ его богамъ! Если они боги, опшвѣчалъ Варягъ, по пущь пошлюшъ одного изъ своихъ и возьмушъ моего сына, а вы чего шребуешъ? и вскричалъ народъ, и подрубилъ подъ ними сѣни, и шакъ побилъ ихъ, и никшо не знаешъ, гдѣ они положены (7).» Такъ сильно господсповало язычесшво, поддерживаемое князьми и мнѣнiемъ народа. И когда Великая Княгиня Ольга, просвѣщенная испинами вѣры, живши съ сыномъ своимъ Свяшославомъ, хошѣла передашъ ему хришћанское ученiе и склоняла его крешшсья, «по онъ не внималъ ея словамъ и какъ будшо не слышалъ ихъ; если же кшо хошѣлъ крешшсья, по онъ не возбранялъ ему, но наругался надъ нимъ (8).» Когда же Ольга спала говорилъ ему: «сынъ мой, я познала Бога и радуюся; если и шы познаешъ, и шы спанешъ радовашься (9).» Тогда Свяшославъ, не склоняясь на слова ея, говорилъ: «какъ приняпъ мнѣ одному другой законъ; надо мною будешъ смѣяпъся дружина (10).» Но Ольга замѣшила, что если онъ приметъ Крешенiе, по всѣ ему послѣдуюшъ; однако онъ не слушалъ мапери и она «все предоспавила волъ Божiей, и молилась Богу за сына своего и за народъ каждый день и каждую ночь, чшобы Богъ помиловалъ ея родъ и землю русскую (11).»

И скоро русская земля просвѣшилась ученiемъ Хришповымъ.

Еще въ восемь сошъ шешшдешапъхъ годахъ, по словамъ греческихъ писапелей, папшрiархи кон-

спанинопольскіе ошправляли въ Кіевъ своихъ епископовъ для распроспраненія хриспіанской вѣры (12). Во время Игоря было въ Кіевъ много хриспіанъ. При Великой Княгинѣ Ольгѣ число ихъ увеличилось. Свяпославъ не препяшпшовалъ исповѣдывашъ новую религію (13). Но полное ея принятіе Государемъ и народомъ свершилось при Великомъ Князѣ Владимірѣ. Дѣйспвуя въ характерѣ народномъ, пробудивши жизнь во всѣхъ племенахъ, непосредспвенно примкнувшихъ къ новому государспву, окруживши себя баянами и богашпырями, Владиміръ всегда, даже во время своего язычеспва, былъ исполненъ живымъ религіознымъ чувспвованіемъ. Когда же просіялъ надъ нимъ свѣспъ Божіей благодати, онъ всею душою предался хриспіанской вѣрѣ, былъ самымъ жаркимъ ея ревнишелемъ и не напрасно наименованъ Равноапоспльнымъ. Рожденный съ воображеніемъ живымъ, съ душою пылкой и могучей, Владиміръ предавался впольнѣ каждому чувспвованію и каждой мысли: онъ не умѣлъ дѣлать вполовину и не по душевному влеченію. Бывши язычникомъ, онъ вездѣ созидалъ кумиры, не жалѣлъ для нихъ украшеній и приносилъ въ жерспву людей; предавшись сладоспраспю, превзошелъ имъ Соломона; свѣщпщенный испинами ученія Христова, предался ему съ жаркою вѣрою, и не шолько уничтожилъ приношеніе въ жерспву людей, но повсюду испребилъ кумиры и прекрашилъ смерпную казнь, почишая грѣхомъ проливатьъ кровь челоувѣческую. Чпю же засшавило Владиміра ошказашься ошъ язы-

*

чества, котораго онъ былъ жаркимъ поклонни-
комъ, и почему онъ избралъ вѣру греческую? Объ
этихъ обстоятельствевахъ нѣтъ ничего удовле-
творительнаго въ нашихъ летописяхъ. Повѣ-
ствуютъ, что Евреи, Болгары и Нѣмцы склоняли
Владимира къ принятію ихъ вѣры, и что онъ опъ-
казался опъ еврейской, пошому что народъ, ес-
исповѣдующій, былъ подѣ гнѣвомъ Божиимъ и рас-
печенъ по всей землѣ; онъ магочешавской пошо-
му, что она шребовала образанія и неуношребле-
нія вина, «а Руси еотъ веселіе питье — не можемъ
безъ того бити;» сказалъ Владиміръ; онъказался и
опъ лавинской вѣры, сказавши Нѣмцамъ «идите
опитъ: наши предки не принимали вашей вѣры (14),»
и принялъ православную греческую вѣру. На это
избраніе имѣлъ очевидное вліяніе примѣръ его
бабки, Великой Княгини Ольги, предъ которою
самъ Святославъ смирялъ свое бурное сердце. Но
ни самъ Владиміръ, ни его вриближенные, рѣшаясь
на принятіе новой вѣры, еще не были убѣждены
въ ея истиннахъ; они вѣрили въ нихъ по внушрен-
нему чувству, а еще болѣе по примѣру другихъ:
«Если бы дурень былъ греческій законъ, говорили
Владимиру бояре, то вѣрно не приняла бы его
бабка твоя Ольга, мудрѣйшая изъ всѣхъ людей (15).»
На это избраніе вѣрно имѣли вліяніе и греческіе
миссіонеры, посѣщавшіе Кіевъ впродолженіе мно-
гихъ десятковъ лѣтъ и насадившіе въ немъ пер-
вѣя сѣмена христіанства: Сверхъ того, Вярязи, род-
ственныя по племени съ нашими первыми князьями
и завоевашелами, были знакомы съ Греціею, и

многіе, но изъ убѣжденія но изъ видовъ, принимали христіанскую вѣру. На это избраніе сильно подействовала и свѣтлая погрѣшительность богослуженія, принятаго въ греческой службѣ. Бывшіе въ греческихъ церквахъ рассказывали Владимиру: «Были ли мы на небѣ, или на землѣ, не знаемъ, только на землѣ быть такого вида ни такой красоты! Не знаемъ, какъ рассказали шебѣ; знаемъ только, что самъ Богъ пребываешь съ человекомъ, и служба ихъ лучше всѣхъ другихъ (16).» Кроме этихъ причинъ, божественное ученіе Христіана, близкое душѣ человека, исключительно близко по духу своему всѣмъ народамъ славянскаго племени; а греческое исповѣданіе, никое и погрѣшительное въ богослуженіи, допускавшее славянъ и воспѣвать Бога только *словомъ* и *голосомъ* человеческимъ, къ чему такъ склоненъ весь славянской міръ, оспорило музыку, копорая, сколько извѣстно, употреблялась у насъ только на играхъ и пѣрахъ. Оно не позволяло царя въ зависимость духовнаго лица, какъ это было на Западѣ и никогда не бывало въ Россіи, гдѣ царь сосредоточивалъ въ себѣ верховную власть свѣтскую и духовную: все это должно было имѣть сильное вліяніе на избраніе христіанской вѣры греческаго исповѣданія. Быть можетъ, къ сему же присоединилось особенное стараніе греческихъ императоровъ протѣвпнть русскую землю новою религіею для свѣтлаго дѣла и для своихъ выгодъ; быть можетъ, участвовало желаніе Владимира взять за себя дочь греческаго императора, и шещеніе другихъ обшля-

шельствъ, дошедшихъ до насъ въ шемномъ смыслѣ или совершенно скрытыхъ отъ испоріи. Владиміръ принялъ христіанскую вѣру; крестился въ завоеванномъ имъ Херсонѣ, въ церкви св. Василія, во имя котораго онъ былъ нареченъ; сочелся здѣсь бракомъ съ греческою царевною Анною; поспроилъ церковь; отдалъ городъ обратно Грекамъ и отправился въ Кіевъ съ духовенствомъ, иконами и мощами.

Наши лѣтописи умалчиваютъ о чувствахъ народа, воспріявшаго Владиміра, уже христіанина, родственника греческому императору, окруженнаго войскомъ и духовенствомъ. Извѣстно только, что Кіевляне любили Владиміра за его жизнь народную и богатырскую, за его душу пылкую, сильную и открытую, какъ видно это изъ лѣтописей и народныхъ думъ и пѣсней⁽¹⁷⁾; извѣстно и то, что наши князья были царями, патриархами, и потому могли имѣть сильное и рѣшительное вліяніе на волю народа. Кроме того, Владиміра любила дружина и онъ совѣтовался съ нею о дѣлахъ рашныхъ и объ устройствѣ своей страны⁽¹⁸⁾, а эта дружина была составлена изъ Славянъ, а не изъ Варяговъ, которые, не видя къ нимъ особеннаго расположенія, отправились изъ Кіева въ Грецію за нѣсколькими лѣтъ предъ тѣмъ.

Первымъ дѣломъ Владиміра, по возвращеніи изъ Херсона, было ниспроверженіе идоловъ: одни изъ нихъ были разбины, другіе сожжены, и самый Перунъ, произведеніе Владиміра-язычника, былъ низверженъ Владиміромъ-христіаниномъ. Его при-

вязали къ конскому хвосту, влекли съ Боричева Своза на ручей; двѣнадцать человекъ были приспавлены, чпобы бить его палками (19). Въ эпохѣ дѣлъ участвовали только приближенные и избранные Владиміра; а народъ не только не принималъ участія, но плакалъ, и когда идолъ былъ брошенъ въ Днѣпръ, то вѣрно было ошибавшъ его отъ берега, пока онъ не пройдетъ за русскую землю (20).

Лишивши народъ предметовъ поклоненія, Владиміръ объявилъ, что если наупро другаго дня не придетъ кто къ рѣкѣ, будетъ ли онъ богатымъ или убогъ, нищій или работникъ, шоптъ прошивень ему да будетъ. И люди, плакавши о ниспроверженіи своихъ боговъ, довѣрчиво говорили между собою: «Если бы новая вѣра была худою, то вѣрно не приняли бы ее Князь и бояре (21).»

Успокоенный эпою мыслию, народъ собрался наупро другаго дня на берегу Днѣпра, въ ожиданіи роковаго часа. Вскорѣ предъ нимъ явился Владиміръ, только вчера ниспровергнувшій боговъ, сильный дружиною, прогремѣвшій оружіемъ и воспѣвшій баянами. Теперь онъ предспалъ, окруженный духовенствомъ въ полномъ облаченіи, и по его слову — тысячи людей, еще язычниковъ, покорно двинулись въ Днѣпръ, чпобъ принять Святое Крещеніе. «Иные вошли въ воду по шею, другіе по грудь; дѣти были около берега, младенцевъ держали на рукахъ (22).» Здѣсь были и спарцы, помнившіе дѣшство Владимірово, мужи, дѣлившіе съ нимъ шруды войны, видѣвшіе его въ пирахъ и богатырскихъ играхъ и въ моленіи предъ

испуканами, и олицы семействъ, оны попорыкъ взяпы и жены и дѣвы въ княжескіе шерема. Теперъ шопъ же Владиміръ являлися преобразованелемъ въры — и надъ всѣмъ знимъ народомъ, переходящимъ въ другую религію, въ другую жизнь, произнесены молитвы Крещенія, всѣмъ даны другія имена, и самъ Владиміръ, какъ говоримъ преданіе, «молиаь Бога, чинобы Онъ ушвердилъ въ людяхъ его вѣру правую и несоващную — и даль бы имъ узрѣшь его Истиннаго Бога (23).»

Обрядъ совершился. Крещенье люди разошлись по домамъ. Вѣроятно, въ это же время, или вскорѣ послѣ того, всѣ крещившіеся, для овлечія оны лзычниковъ, сивали опкрышо носить на шеѣ или на груди кресты, какъ и теперъ носить у Малороссіянъ женскій полъ, даже иногда по два и по три, вмѣстѣ съ другими украшеніями.

Бояре и дѣши Владиміра также крещились; но наши лѣтописи не опредѣляютъ точнаго времени ихъ крещенія. Въ Синописи кіевскомъ сказано, что въ то же время самъ Михайлъ митрополитъ всѣхъ двѣнадцать сыновъ Владиміровыхъ окрестилъ наединѣ въ источникѣ, которій съ того времени называется Крещатиномъ (24).» Двѣсвищельно, доселѣ естѣ въ Кіевѣ узкая и глубокая долина, идущая оны Золотоверхаго Михайловскаго Монастыря къ Днѣпру, въ которой источникъ называется Крещатиномъ. Въ ознаменованіе великаго событія, сооруженъ на семъ мѣстѣ, кіевскими гражданами, памятникъ, въ 1805 году. Основаніе его сосшавляешъ чешырехугольное зданіе съ

према сквозными входами, однимъ четверугольнымъ и двумя полусводами. На этомъ здании построена колонна, опоясанная снизу према вѣнцами и освещенная крестомъ. Самая колонна и все здание обнесены деревянною рѣшеткою; въ среднѣ здания усроенъ деревянный бассейнъ, въ который сливается вода изъ двухъ трубокъ, крытыхъ ланыхъ въ желѣзной вазѣ, или урнѣ, также освещенной крестомъ. Вода въ источникѣ чиста, вкусна и по народному повѣрью, слыветъ цѣлебною въ глазныхъ болѣзняхъ: о чудотворномъ ея дѣйствіи рассказываютъ много примѣровъ. Кругомъ памятника распушь по взгорью огромныя вербы, кой-гдѣ видны хаты и далѣ ихъ — доно Днѣпра, этого Иордана русской земли. Еще далѣ видныяся пески, лѣса, синѣющая даль и синѣва неба. Прекрасенъ видъ Крещатика при восходѣ солнца, когда блеснутъ первые его лучи, озарится восходъ, освѣтятся поверхность Днѣпра и шельная долина, на кошорой усроенъ памятникъ: это картина восхожденія христіанства въ русскую землю, среди мрака язычества.

Источникъ крещатикской почитается мѣстомъ крещенія двѣнадцати сыновъ Владиміровыхъ, кошерое совершилось, вѣроятно, до крещенія народа, пошому что Владиміръ, подавши примѣръ собою, конечно не пропусилъ подать примѣръ своими дѣтьми, боярами и дружиною.

Сбылись слова, сказанныя мудрою Ольгою сыну ея, Святославу: «Крещись ты, а народъ послѣдуетъ за тобою» (28).» Съ этого времени хри-

снiанская религія постоянно утверждалась и разливалась въ Русскомъ Царствѣ.

Но люди, крестившіеся по одной волѣ Владиміра, а не по швердому убѣжденію въ истиннахъ религіи, не по одной благодати Божіей, озарившей ихъ душу, не могли внезапно сдѣлаться христiанами и забыть вѣрованіе языческое, проникавшее всю ихъ жизнь, весь ихъ бытъ. Требовались постоянныя усилія для утвержденія ихъ въ правилахъ новой вѣры.

Свяшій и Великій Владиміръ сейчасъ послѣ крещенія началъ созидашь храмы, на штихъ мѣстахъ, гдѣ стояли идолы и гдѣ свершались религіозныя событія. Такъ церковь св. Василія сооружена тамъ, гдѣ находился идолъ Перуна; церковь Пресвятой Богородицы воздвигнута на мѣстѣ гибели двухъ варяжскихъ христiанъ, убитыхъ язычниками. Тѣ же дѣйствія повпорились въ Новгородѣ, гдѣ низверженный Перунъ былъ брошенъ въ Волховъ; шѣ же мѣры принимали по городамъ и селеніямъ, — вездѣ: *«нача ставити по городамъ церкви и попы, и люди на крещенье приводиши по всѣмъ градомъ и селомъ»* ⁽²⁶⁾.» А въ новыхъ городахъ, построенныхъ Владиміромъ для огражденія страны по Деснѣ, Суль, по Спугнѣ и Трубежу, назначались имъ начальники, кошорыхъ онъ избиралъ изъ ревностныхъ христiанъ. Самая напужность главныхъ храмовъ — шоржеспивенная, роскошная и драгоценная, по тогдашнему вѣку, поселяла въ душѣ невольное благоговѣніе. Князья не жалѣли сокровищъ для украшенія Божіихъ храмовъ и вызывали

изъ Греціи спрощеней, живописцевъ и мозанковъ. Сохранившіяся опъ временъ Владиміра и Ярослава, въ кіевскомъ Софійскомъ Соборъ и при развалинахъ Десятипниной Церкви, мозанческія изображенія свя- шыхъ, спъны, украшенныя золопомъ и мозанкою, и мраморныя плипы, колонны и гробницы, пока- зывающъ, какъ былъ силенъ и поржеспивенъ пе- реходъ опъ языческаго поклоненія къ христіан- скому богослуженію. Одно явленіе живописи, не- извѣстной нашимъ язычникамъ, должно было но- ражашъ новыхъ христіанъ своею новоспію и не- обыкновенностыю: и пеперь лики свяшыхъ, оспав- шіеся опъ шъхъ временъ, кажешся, выспунающъ опъ своихъ мѣспъ; цвѣшъ шъла и очей и самага плашья живъ; формы совершеннѣйшія, въ сравне- нн съ грубыми изображеніями кумировъ. Все эпо- невольнo преклоняло предъ новою религією ея но- выхъ исповѣдывашелей. И пеперь, взирая на ликъ свяшаго, не только просполюдину, но и образован- ному человѣку кажешся, что онъ смопришъ на него всею силою своего выраженія и производишъ въ душъ неиспышанное до шого времени дѣйспвіе. Пѣніе, какъ уже замѣшно, споль близкое: славян- скимъ народамъ, было принято и при христіан- скомъ богослуженіи со всѣмъ искусствомъ шого временн. Освѣщеніе церквей свѣчами, и кака-то паиншвенностъ, разливаемая въ эпо время во всемъ храмъ, кака-то неопредѣленностъ живопис- ныхъ изображеній: все эпо доступно для души каждаго, и вѣрно производило сильнѣйшее вліаніе на новыхъ христіанъ.

Желая утвердить и освятивши въ ихъ сердца начало веры, Владиміръ заводилъ училища, велѣлъ братья въ нихъ дѣшею извѣстныхъ бояръ и обучать грамотѣ, чтобы не скрывно было предъ каждымъ Слово Господне. Учреждать на княжескомъ дворѣ пиры и обѣды для всѣхъ гражданъ кievскихъ: и нищій и убогій могъ приходивши во дворъ княжескій и пользоваться пицей и пищемъ; а для калекъ и немощныхъ возили по городу хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи, медъ и квасъ, чинѣтъ и они не были лишены дара княжескаго, и чтобы, какъ говоритъ львовскій, исполнились слова Евангелія: «Блаженнѣе милосердїи, яко шїи немилуваны будущь;» и «не скрывайте себѣ сокровищъ на земли, идѣже плъ плнитъ и шапїе подкапывающъ; но скрывайте себѣ сокровище на небесѣхъ, идѣже ни плъ не плнитъ ни шапїе крадущъ.» Такъ было каждое воскресенье, и, видѣвши это, христіане радовались душею и плѣомъ.

Духовенство поддерживая новое чувство, сдѣлалось совѣтомъ Государя въ дѣлахъ запрудничельныхъ и судьей народа въ дѣлахъ духовныхъ; а епископы, ведя уединенную жизнь, посвящая себя трудамъ и молитвѣ, полагали начало неспрешїю многихъ монастырей, и своею благотовїною жизнью приобрѣли уваженіе, стали совѣтниками Великихъ Князей и безпрешшными обличшелями ихъ слабостей.

Съ этого времени явился въ Русскомъ Царствѣ новый духовный міръ, проникавшій собою во все движеніе жизни: обычаи, законы и отношенія къ дру-

одежду на укоризну Божиимъ праздникамъ и на оскорбленіе Божиимъ церквамъ ⁽²⁷⁾.)» Еще недавно, почпи съ такимъ же буйшвомъ и безчестіемъ свершался праздникъ *Ярило*, уничтоженный епископомъ Тихономъ воронежскимъ. «Я увидѣлъ (1765 мая 25), писалъ паспырь въ увѣщаніи къ народу, что множесство мужей и женъ, спарыхъ, млядыхъ и малыхъ, изъ всего города (Воронежа) на то мѣсто собрались. Между симъ множесствомъ народа я увидѣлъ иныхъ почпи безчувственню пьяныхъ, между иными ссоры, между иными драки; иныхъ раненыхъ, иныхъ окровавленныхъ, примѣнилъ плясаніе женъ пьяныхъ съ скверными пѣснями ⁽²⁸⁾.)» Для этого праздника избирали человека, котораго обвязывали леншамъ, колокольчиками и убрали цвѣшамъ; на голову надѣвали бумажный, крашеный колпакъ, съ леншамъ, лице намазывали румянами, въ руки давали позвонки. Такимъ образомъ, ходилъ онъ пляшучи по площади, провожаемый народомъ и назывался *Яриломъ*. Повсюду были видны пляски, пьянство, кулачные бои и часто происходили смерпоубійства. И всю эту суровость нравовъ, общую всей Россіи, во времена язычества, могла смягчить благость христіанскаго ученія, призывающаго человека къ внушенной, духовной жизни, вливающаго въ него благодать любви и смиренія, и освятившаго весь его отношенія къ міру и людямъ. Самое погребеніе — зпощъ шоржественный обычай почпи у всего рода человѣческаго, совершенно преобразовался съ пришествіемъ христіанства: надъ прахомъ князей

перестали насыпать высокіе курганы и свершать призны или игрища; просполюдины или собственнo Славяне, не спали сожигашь мершвыхъ гъль и распавляшъ по дорогамъ ихъ пепель; но предавали земное землѣ, не оставляя его на воспоминаіе и молились шолько о спасеніи души. Сами князья просили погребашь ихъ въ церквахъ или даже подлѣ церквей; а сеспра Великаго Князя Ярополка завѣщала положишъ ея гъло близъ гроба Феодосія, просшаго монаха Печерской Обищели.

Но эша побѣда надъ міромъ языческимъ не могла бышъ внезапною, невзирая на шо, что и въ немъ ешъ религіозное начало и замѣшное спремленіе души къ Создашелю. Была пошребна благоспъ Божія и всѣ усилія людей избранныхъ, чтообы свяшья испины христіанскаго ученія разлились по всему проспространству Русскаго Царства.

Какихъ усилій и пожерпвованій шребовалось опъ первыхъ училелей религіи, когда она не укоренилась въ душахъ принявшихъ ее людей, и когда они были опвсюду окружены язычниками упорными и едва подвлашными нашимъ князьямъ.

Среди шакихъ обспояшельспвъ и среди всѣхъ бѣдспвій, посъщавшихъ южную Россію, какъ неугасаемый свѣшпильникъ горитъ усердіемъ и свяшоспшію Печерская Обищель.

Она принадлежишъ къ древнѣйшимъ монашпнямъ нашимъ.

Еще до крещенія народа Великимъ Владиміромъ, была, на югъ опъ древняго Кіева, по шой же горѣ, между Днѣпромъ и Бересповскимъ ше-

реомъ ископана пещера. Она называлась варяжскою и вѣроятно служила убѣжищемъ христіанскихъ опшельниковъ, шѣмъ болѣе, что первыми христіанами въ Кіевѣ были Варяги. Если это объясненіе справедливо, то Кіевопечерская Обищель превзойдесть древностію все наши монастыри, не исключая Аврааміева росшовскаго, Перыль новгородскаго, злошверхо-михайлевскаго, кіево-межигорскаго и Іоанна-перяяславльскаго, почищаемъ до сихъ поръ древнѣйшими.

Въ этой Варяжской пещерѣ жилъ, вскорѣ по принятіи христіанской вѣры, преподобный Аншоій, родомъ Малороссіянинъ, уроженецъ города Любеча, что нынѣ мѣстечко черниговской губерніи. Онъ сперва посѣтилъ Грецію, былъ посланъ въ монастырскую школу однимъ изъ монастырей Аѳонской Горы и благословленъ: *итти обратно въ Россію и быти въ ней на успѣхъ и утвержденіе другихъ* (29). Пришедши въ Россію, еще при Великомъ Князѣ Владимірѣ (1013), онъ искалъ въ разныхъ монастыряхъ и не возлюбилъ ни одного изъ нихъ; но нашедши варяжскую пещеру, совершивъ молитву, поселился и пребывалъ въ ней въ великомъ воздержаніи (30).

Вскорѣ, сопровождаемый брашобуѣйшвомъ Святополка, Аншоій снова удалился на Аѳонскую Гору и снова былъ шамъ благословленъ и опущенъ съ миромъ въ Россію. Доспигнувши, при Великомъ Князѣ Ярославѣ, Кіева, онъ нашелъ на мѣстѣ нынѣшней Обищели другую пещеру, ископанную Иларіономъ, бывшимъ послѣ сего митро-

полупомъ кievскимъ. Эша пещера была величиною въ двѣ сажени: въ ней по поселился свяшой опшельникъ (1017 — 1051), и съ эпого времени начинаешя основаніе собсшвенно Печерской Обищели. Но въ первые дни ея жизни она была едва не уничтожена по гнѣву Великаго Князя Изяслава. Когда извъспный іерей Никонъ, поспригавшій прибившую брашю, поспригъ юношу Варлаама, сына одного изъ Изяславовыхъ бояръ, и Изяславова евнуха Ефрема, по бояринъ разогналъ всѣхъ иноковъ, а Великій Князь грозился послашь въ зашоченіе самага Аншонія и раскопашъ его пещеру. Но гнѣвъ скоро былъ упишенъ супругою Князя: инкамъ было позволено возврашишься на свое мѣсто, а бояринъ самъ оппустилъ къ нимъ своего сына. Эшо имѣло благое вліяніе на другихъ: скоро послѣ сего умножилось число брашій, пещеры были увеличены и въ нихъ устроены церковь и келии. Здѣсь по подѣ землею воздвигнулся храмъ Божій и въ него спекались люди, опрекшіеся искренно опъ всѣхъ благъ міра, часно не вполнѣ цѣнившаго ихъ самоопшверженіе ⁽³¹⁾.

Любя уединеніе, Аншоній ископалъ себѣ новую пещеру, выше по горѣ къ заваду, на 110 сажений опъ первой, и назначилъ вмѣсто себя игуменомъ Варлаама. Но и здѣсь снеклось къ нему много брашій, а въ первомъ пещерномъ монашпырѣ число ея возрасло до двѣнадцати человекъ. Они не могли вмѣщашься въ подземной церкви и вмѣстѣ съ игуменомъ Варлаамомъ испросили у Аншонія благословенія высшпроншъ опкрышную церковь надъ пе-

щерами во имя Успенія Божіей Машери. Когда же и она сдѣлалась пѣсна, шю св. Аншоній, по ходатайству игумена Феодосія, испросилъ у Великаго Князя Изяслава гору, копорую занималъ погда монаспырь. На эшой горѣ, по словамъ Неспора, соорудили церковь большую деревянную, украсили ее иконами, монаспырь оградилъ спѣлбами и успроили много келій. Съ эшого времени новый или вѣтшній монаспырь получилъ названіе *Печерскаго*. Въ немъ было еще при жизни Аншонія спѣо чело-вѣкъ брашніи (32).

«Много монаспырей, пишешъ Неспоръ, сооружены волею и богашствомъ Князей и бояръ; но не шаковы какъ посшавленныя слезами, молишвою, пощеніемъ и неусыпностію: у Аншонія не было ни золоша ни серебра; но все успѣлъ сдѣлать слезами и пощеніемъ.» Невольно изумляешся, какой новый духовный міръ, призывавшій чело-вѣка ко внушренней жизни, явился среди Русскаго Царства, среди язгычешства; не доумѣваешъ, какъ исчислишь всѣ благія дѣйствія и всю силу вліянія людей, принадлежавшихъ къ свяшой Обишели. «Воиспину, продолжаешъ преподобный Неспоръ, чудно видѣшь, брашніе, чшо Господь соединилъ въ Печерскомъ свяшомъ Монаспырѣ, въ обишели Машери Своей, шакихъ черноризцевъ, копорые, какъ свѣпила небесныя сіяюшъ добродѣшелями въ русской землѣ: одни неусыпно бодрешвуюшъ, иные пребываютъ кольнопреклоненны, иные не вкушаютъ ници по дню и по два; другіе ѣдятъ одинъ хлѣбъ съ водою, или коренья вареные и даже сырые —

и всѣ пребываютъ въ любви. Меньшіе покоряются старшимъ и только съ великою покорностію и послушаніемъ разговариваютъ съ ними; а старшіе имѣютъ любовь къ меньшимъ, наказуютъ ихъ утѣшая, какъ возлюбленныхъ дѣшей... и если братъ опшодитъ опъ монастыря, по вся брашя жалуютъ его, посылаютъ за нимъ и призываютъ его въ монастырь... Такова была божественная любовь, паково смиреніе и воздержаніе въ шой свяшой браши, сіяющихъ и по смерти разными чудесами, какъ неугасаемая свѣшила, и умоляющихъ Бога о браши, здѣсь пребывающей, и о всѣхъ людяхъ, шрудящихся въ Обишели Божіей Машери (33).»

Епископъ владимірскій и суздальскій Симонъ, удостоившійся въ Печерской Обишели монашества, изображая ея скудость, писалъ (1215 — 1226) къ Поликарпу, иноку печерскому: «Я, грѣшный Симонъ, епископъ свяшой соборной владимірской и суздальской церкви, сколько у меня городовъ и селъ и со всей эшой земли я получаю десятиину; но, видитъ Богъ, испину говорю шебъ, что всю эшу славу и чеспъ я вмѣнилъ бы въ прахъ и работалъ бы въ послушаніи игумена свяшой Печерской Лавры... и гошовъ бытъ соромъ, попираемымъ ногами въ свяшомъ Печерскомъ Монастырѣ, или однимъ изъ бѣдныхъ, лежащихъ предъ врашами чеспной Печерской Обишели (34)!» «Ни одна обишель, писалъ знаменишый нашъ мишпрополищъ Евгеній, архимандритъ Печерской Обишели, ни одна обишель не включала въ нѣдръ своемъ

сполько избранныхъ Божіихъ изъ всѣхъ сосло-
ній, начиная ошъ проспаго народа до бояръ и кня-
зей; ни одна не показала свѣшу сполько свѣпыхъ
мужей, не произвела сполько свѣшилниковъ Цер-
кви, паспырей, учиселей, насшавниковъ благоче-
спиваго и добраго жишя, ревнеспныхъ зашшини-
ковъ православія и невинно - гонимыхъ, попечисе-
лей о сирыхъ, больныхъ и спранныхъ (35).» Какъ
много людей свѣпыхъ и великихъ дала Печерская
Обишель намъ и челошчеспву, и какъ, при чисно-
пшъ жизни ея иноковъ, должно бышъ велико ея
вляініе словомъ, дѣлами и письменами на Великихъ
и удѣльныхъ Князей, на бояръ, на все оспальное
духовенспво, на цѣлый народъ.

Мы уже видѣли, какимъ ревнеспнымъ хриспиа-
ниномъ былъ св. Владиміръ и какъ сильно дѣй-
спивовали на него мнѣніе и совѣшы духовенспва.

Великій Князь Ярославъ шакже любилъ цер-
ковные успавы, бесѣдовалъ съ священниками и
черноризцами, шроводилъ дни и ночи въ чпеніи
книгъ, собиралъ писцовъ, переводилъ книги съ Гре-
ческаго на Славянскій, сооружалъ и украшалъ Бо-
жіи храмы. Сынъ его, Изяславъ, былъ шакже преданъ
хриспїанской вѣрѣ, и, вспунивши на пресполь
ошца своего, пришелъ съ дружиною къ Анпошю
проспшъ у него благословенія (36). И послѣ сего
ошъ любилъ бесѣдовапъ съ св. инокомъ и не рѣ-
шался на важное дѣло безъ его благословенія. Идя
войною на Половцевъ Князь Изяславъ кіевскій,
Свѣпославъ черниговскій и Всеволодъ перешславль-
скій, всѣ шспрашивали благословенія у Анпошя (37).

Другимъ свѣщиломъ Печерской Обители былъ св. Θεодосій, уроженецъ кievской губерніи города Василькова, удивлявшій современниковъ свѣтлостію жизни и превзошедшій всю брашню *постомъ, бодростію, смиреніемъ и послушаніемъ*. Бѣдные находили въ немъ утѣшителя и помощника; для нихъ онъ устроилъ особенный дворъ съ церковію св. мученика Спешана; удѣлялъ имъ десятую часть оныхъ монашырскихъ имѣній и, сверхъ того, каждую субботу посылалъ возъ хлѣбовъ заключеннымъ въ шеницахъ ⁽³⁸⁾. Бывши игуменомъ, онъ принялъ уславъ греческаго Спудійскаго Монашыря, переданный ему инокомъ сего монашыря Михаиломъ, и эпошъ уславъ, сдѣлавшись общимъ для всѣхъ монашырей русскихъ, имѣлъ обширное вліяніе на все наше духовенство. Еще при жизни его многіе признавали его свѣтлостъ, и народъ приходилъ исповѣдыванъ грѣхи свои, а иные отдавали монашырю имѣнія и деревни ⁽³⁹⁾. Самъ Великій Князь Изяславъ смирялся предъ крошкостію Θεодосія, наслаждался его сладкорѣчивыми наставительными бесѣдами и *возвращался въ домъ своей славы Бога*. Когда же Святославъ вмѣстѣ съ Всеволодомъ, изгнавши брата своего Изяслава изъ Кіева, занялъ великокняжескій престолъ и просилъ Θεодосія къ себѣ на обѣдъ, но святой инокъ отказался ошъ приглашенія и смѣло отвѣчалъ: «не предстоитъ мнѣ вкушанъ бравна, исполненнаго крови и убійства ⁽⁴⁰⁾.» И послѣ возсвѣчалъ прошиву несправедливости и обличалъ Святослава, что онъ поспушилъ неправедно и не по закону събъ

на пресполѣ, но изгнавъ старшаго брата, копо-
рый замѣнялъ ему отца. Сначала это раздражало
Князя, и онъ, получивши обвинительное посланіе,
гдѣ были представлены многіе примѣры брашней
ненависти, бросилъ его на землю и грозился Тео-
досію послать его въ заточеніе; но вскорѣ оспа-
вилъ свой гнѣвъ и даже не рѣшался безъ позво-
ленія инока войти въ монастырь. Однажды Тео-
досій пришедъ къ Святославу, заспалъ его окру-
женнаго музыкою и веселіемъ, сълъ подлѣ Князя,
поникъ главою и сказалъ ему: «такъ ли будешь
въ грядущемъ вѣкѣ.» Опъ этихъ словъ Князь
залился слезами и запретилъ съ того времени
играть въ присутствіи святаго мужа. Когда въ
другой разъ Θεодосій заспалъ Князя среди весе-
лія, то Святославъ сказалъ ему: «Истинно гово-
рю тебѣ: если бы сказали мнѣ, что мой отецъ
воскресъ изъ мертвыхъ, я не обрадовался бы ему,
какъ радуюсь своему приходу; и не успрашилъ
бы такъ его, какъ боюсь святоши своей жиз-
ни (41).» Часто Великій Князь встрѣчалъ его у
дверей своего дома. Другіе Князя не менѣ ува-
жали святошь жизни иноковъ. Князь Ростиславъ
приглашалъ къ своей прачезѣ, каждую субботу
Великаго поста, двѣнадцать печерскихъ старцевъ
и архимандриша, и желая самъ быть инокомъ Пе-
черскаго Монастыря, говорилъ: «Княженіе міра
сего не можетъ быть безъ грѣха; оно уже оп-
равило и измождило меня своими всеневными за-
бошами (42).» Святополкъ II былъ другомъ Прохора
инока печерскаго, общался ему не дѣлалъ нико-

му насилія, взаимно съ нимъ дали слово положишь своими руками въ гробъ шого, кто изъ нихъ умреть прежде; и когда пробилъ послѣдній часъ Прохора, шо Князь, бывши въ походъ пропшву Половцевъ, оставилъ войну и войско, и прибылъ въ Кіевъ, чшобъ исполнишь слово, данное просшому иноку (43). Князь Глѣбъ Свяшославичъ былъ испрошенъ у его опща на пресполь шмушараканскій—игуменомъ Никономъ (44). Мишпрополишь Кириллъ, посшриженецъ печерскій, въ шяжелое время зависимости нашей опшъ Ташаръ, говорилъ опкрышо на владимірскомъ соборѣ: «не помимы ли мы на всякій день опшъ безбожныхъ и нечестивыхъ поганыхъ? Все эшо за шо, чшо не хранимъ свяшыхъ правилъ,»—и всѣми силами поддерживалъ вѣру Хришпову. Духовникъ Михаила черниговскаго Иоаннъ заклиналъ Князя не исполняшь языческихъ обычаевъ предъ лицомъ самаго Башыя, и Князь, преданный вѣрѣ, погибъ за нее среди мученій. Такъ было сильно вліяніе печерскихъ иноковъ на нашихъ Князей и непосредственно на весь народъ! Кромъ шого, имъ обязаны мы прямимъ распространіемъ хришпанской вѣры въ языческихъ спранахъ Россіи. Современникъ и другъ Θεодосія, Никонъ, распространялъ хришпанство въ *Тмутаракань*, привелъ многихъ къ иноческому жишію и ушпршилъ монастырь на подобіе печерскаго (45). Инокъ Исаія, сдѣлавшисъ епископомъ росповскимъ, прибылъ въ *Ростовъ* и содрогся сердцемъ, какъ сказано въ жизни его, увидѣвши свое свирѣпшвующее спадомъ, людей новокрещенныхъ и не ушвержденныхъ въ вѣрѣ.

Первымъ его дѣломъ здѣсь, въ окрестныхъ городахъ и во всей той странѣ, было ниспроверженіе идоловъ, разрушеніе капищъ, проповѣданіе свяшой вѣры и приведеніе къ ней чудесами и знаменьями ⁽⁴⁶⁾. Свяшой инокъ Кукша, первый внесъ слово Христова въ спрану Вяпичей, или нынѣшнія губерніи курскую и орловскую, гдѣ во время Неспора люди жили въ лѣсахъ, ѣли все нечиспое, не спыдились срамословія предъ своими родителами и близкими, не знали браковъ, сожигали прупы умершихъ и шворили по нихъ приказы. Такими въ его время были и другіе Славяне, между шѣмъ какъ въ Кіевѣ уже многіе сіяли христіанскими добродѣтелями ⁽⁴⁷⁾. Къ нимъ-шо рѣшился иппи инокъ Кукша; хощѣлъ передать имъ вѣру Христову, и мученически погибъ среди нихъ. Смершь его прозрѣлъ духовный брашъ Пименъ, прозванный Поспникомъ, и въ день его кончины сказалъ всей брашнѣ, посреди церкви: «Сегодня на разсвѣшъ убишъ брашъ нашъ Кукша ⁽⁴⁸⁾.» Такъ погибъ свяшой мученикъ, и немногое дошло до насъ изъ его жизни. Тамъ ненужно много словъ, гдѣ дѣла свидѣтельспвуютъ ясно ⁽⁴⁹⁾, сказано въ его жизни. Такимъ образомъ, большая часть Россіи обращена въ христіанство иноками Печерской Обищели. И все эшо свершалось незадолго до нашеспвія Ташаръ: когда же было вполнѣ распроспранено христіанское ученіе на сѣверъ Россіи и многими ли вѣками позже, нежели въ южной часпи, не извѣспно. Но принявши въ соображеніе все сказанное, зная усилія Спешана пермскаго передать сло-

во Христово Зырянамъ, испытавши затрудненіе посѣявъ его среди сибирскихъ язычниковъ, предвидя, какъ много пошребно вѣковъ для ушверженія ихъ въ испинахъ вѣры, вникая въ испорическую жизнь и бытъ народа и духовенства шѣхъ спранъ Россіи, гдѣ проповѣдывали свяное ученіе иноки Кукша и Исаія, спановишся очевиднымъ, что испины христіанской вѣры были здѣсь усвоены гораздо позже, нежели на югѣ нашего опечества, и, кажешся, можно сказашъ съ полною увѣренностію, что въ первое время покоренія Россіи Тапшарами, многіе изъ ея жишелей были язычниками: еще не всѣ капища были разрушены, не всѣ идолы испровергнушы, и христіанство хранилось шолько духовенствомъ, Князьями, вѣрояшно дружиною и высшимъ классомъ по городамъ и нѣкопорымъ селеніямъ. Язычники Тапшары нашли у насъ, говоря о Россіи вообще, еще много языческаго; шолько Кіевъ и нѣсколько городовъ были свѣшомъ среди шѣмы; нѣкопорье Князья, высшее духовенство и печерскіе иноки были свѣшилниками среди большей часши невѣрующаго народа. Мишпрополишъ Кирилль, посприженецъ Печерской Обишели, воздвишій храмъ на сѣверъ, куда перенесена была столица, и водворявшій шамъ вѣру Христову, уже въ вѣкъ шапарскаго нашеспвія, описываешъ грубосшъ шогдашнихъ нравовъ своей пасшвы и прибавляешъ, что здѣсь «упивающся безъ мѣры въ свяшые пречислые поспные дни.... и не бываешъ божешвеннаго крещенія до Всѣхъ Свяшыхъ⁽³⁰⁾» Въ позднѣйшее время, въ Суздаль и Нов-

городъ являлось язычество съ религіозною силою. Даже въ XV вѣкѣ митрополишь Фопій възспаваль прошиву оспашковъ язычества. Лишва приняла хрисианство гораздо позже нашеспвія Ташаръ, и полько со времени ихъ набѣговъ и опущошеній замѣпно являешся у насъ живая мысль, что Богъ посъщасешъ людей наказаніями за ихъ безвѣріе и нечиспую жизнь, мысль, поддержавшая и вѣрояшно распроспранившая хрисианство. Правда, эпо лишасешъ насъ шой блаженной спарины, въ кошорой безспорно было много прекраснаго и великаго, но о кошорой мы часпо мечсасемъ, какъ о золопомъ вѣкѣ, предспавляемъ ее каждый по своему воображенію и многіе гоповы выпѣснпшь ею все наспоасее. Напрасно жалѣюпшь объ упрасъ нашей семейной жизни, силъ и свободѣ народнаго характера, будпо бы подавленнаго Ташарами: въ шо же время многіе, нешущия, признаюпшь, что характеръ народный спановишся сильнѣе и възвышеннѣе среди искушеній и бѣдспвій. Съ перваго появления Ташаръ, мы не вспущали и не могли вспущпшь съ ними въ борьбу, какъ съ народомъ кочевымъ: у насъ были битвы но не было народной войны, и не съ кѣмъ было веспи ее, пошому что Ташары грабили, но не завоевывали землю, не думали жишь въ ней и владѣпшь ею; всегда были вѣрны своей кочевой жизни и войнѣ, и поспоянно кочевали по пущынямъ приволжскимъ и спсепямъ между Днѣпромъ и Дономъ. Они облагали Князей нашихъ данью, грабили и опущошали, временемъ, наши города и селенія;

намъ бывало шяжело и спрашно опть нихъ, но они не вмѣшивались, сколько извѣстно, въ нашъ домашній бытъ, не воспавали прошивъ народныхъ обычаевъ, и наши Князья всегда оспавались полными нашими власшпшелями. Въ этомъ опношеніи еще многое предспоипть для изслѣдованія историковъ; еще многому надобно учиться, чпобы понять всю важность нашего великаго, еще юнаго опечеспва: общія мнѣнія и приложенія для насъ, по-меньшей-мѣрь, бесполезны.

Но обратимся къ Обишели. Изъ всего, чшо мы сказали, видно, какъ иноки печерскіе первые разливали духовную религіозную жизнь въ Россіи и особенно на сѣверъ ея, въ по время когда Великіе Князья переносили шуда жизнь гражданскую.

Одни имена людей, данныхъ Россіи Печерскою Обишелю, вливающъ къ ней невольное благоговѣніе. Не будемъ повшорять заслугъ и жизни первыхъ ея спроишелей Антонія и Феодосія; кроме ихъ, она дала намъ Неспора, описавшаго начальные дни жизни нашего опечеспва, сохранившаго преданія опдаленныхъ временъ и пережившаго славу великихъ. Произведенія Св. Димитрія росповскаго, знакомыя людямъ просвѣщеннымъ и по языку и по чиспощъ мыслей, спали предметомъ всеобщаго чпенія — книгою народною и повсемѣсною. Одни имена Никифора Гура, воспавшаго со всею швердоспшою души и преданноспшою къ православной вѣрь прошиву спрашной силы и всѣхъ ухищреній уніашовъ; Лазаря Барановича, копораго Св. Димитрій росповскій называлъ великимъ спол-

бомъ церковнымъ; Пепра Могилы, возснаноуляшаго все разрушенное Тапарами и низвергнутое уніашиами; Стефана Яворскаго, дьяшельнаго ученаго и сильно прошиводѣиспивоуашаго распроспрашенію расколовъ; Георгія Конисскаго, цылкаго защищника правъ опечесшвенныхъ и православной вѣры, и Теофана Прокоповича, краснорѣчиваго проповѣдника и соучасшника въ дѣлахъ Великаго Пепра; одни эши люди, вспоенные духовною жизнию Печерской Обишели, вливающъ невольное къ ней благоговѣніе. Кромъ шого, нѣсколко сопъ лицъ, возрожденныхъ жизнию въ Печерской Обишели, воспишанныхъ ею и принадлежавшихъ къ ней по занимаемымъ должносшамъ, извѣсны своими произведеніями, шо число историческими, шо религиозными, и дѣиспивоуали какъ учишели вѣры и сѣяшели просвѣщенія на всемъ проспрансшвѣ Россіи.

Подъ однимъ непосредсшвеннымъ начальсшвомъ Печерской Обишели находилось много монасшрей въ губерніяхъ кіевской, черниговской, орловской, въ бѣлгородской епархіи и другихъ мѣсшпахъ. Правда, они опходили въ смушныя времена опъ ея непосредсшвеннаго вѣдомсшва, но впоследствии снова къ ней присоединялись, и шолько при Государынѣ Екашеринѣ II (1786) опчислены къ мѣсшпнымъ епархіямъ, учрежденнымъ въ каждой губерніи. Непосредсшвенное вліяніе Печерской Обишели на все эши монасшри, конечно, было велико. Въ церковныхъ правилахъ, сосшавленныхъ въ XII вѣкъ мшпрополиномъ Іоанномъ, принадлежавшимъ

по всей въроупности Печерской Обищели, мы видимъ, съ какою силою онъ спремился ушверждать правила хрищанства въ народъ и въ самомъ духовенствѣ, среди кошораго, въроупно, болѣе въ смушныя времена, ксожалѣнію, многіе увлекались соблазнами міра: учреждали пиры въ монашнряхъ, сзывали на нихъ женщинъ и спарались превзойти одинъ другаго въ удовольствіяхъ и невоздержаніи, и прощиву шакой жизни возспавало съ оплученіемъ и прокляшіемъ высшее духовенство — и среди его преимущественно двнщивовали люди, бывшіе печерскими иноками. Признавая заслуги Обищели, Великіе Князья и знаменишыя особы давали ей многіе преимущества и обогащали вкладами. Андрей Георгіевичъ Боголюбскій далъ ей право архимандріи и шипло Лавры и Сшовроупиіи или независимости онъ мнщрополища. Но это право, нарушенное въ 1168 году мнщрополищомъ Консшаншпиномъ II, и колеблемое удѣльными междоусобіями и бѣдшвіями онъ Ташаръ или Поляковъ, было возшановлено шолько папшіархомъ Іереміею и ушверждено папшіархомъ Консшаншпинопольскимъ. То же подшверждали послѣдующіе папшіархи и царскія грамошы Пешра Великаго (мая 31, 16 окшлября 1720), въ которыхъ Лавра наименована Царскою Папшіаршею Сшавроупиіею. Но въ 1786 году апрѣля 10, главнымъ архимандріиномъ назначено бышь Кіевскому мнщрополищу. Опличительная служба и пшіе доншы сохранились въ Печерской Обищели ⁽⁸¹⁾.

Бще во время Феодосіа упоминаемса о селеніяхъ

копорьми владѣла Печерская Обишель. Князь Ярополкъ Изяславичъ, дочь его Княжна Анастасія, Князь Андрей Боголюбскій и другіе Князья рускіе надѣляли Печерскую Обишель городами, селами, дачами. Князь липовскій Виповшъ повелѣлъ опускашъ для обишели ежегодно изъ своихъ владѣній спо кадей меду. Въ новѣйшія времена, по соединеніи Малороссіи съ Россією, Царь Алексѣй Михайловичъ прислалъ въ даръ Лавръ бархашныя ризы, вышитыя жемчугомъ; Царица Марѣа Мапѣевна, Евангеліе въ серебряномъ окладѣ; Пешръ Великій два Евангелія въ серебряномъ окладѣ; сверхъ того, далъ ей 15 тысячъ рублей на вспоможеніе послѣ пожара и защитилъ земляною крѣпостію; Императрицы: Екаперина I, Анна Іоанновна, Елисавета Пешровна и Екаперина Алексѣевна вложили богатые ризы, сосуды и украшенія; Государь Павелъ Пешровичъ пожертвовалъ икону Спасишеля на кипарисной доскѣ, въ дорогой рамѣ; Императрица Елисавета Алексѣевна прислала богатые полныя облаченія, покровы и сосуды; Государь Александръ Павловичъ вложилъ на пещеры 200 червонцевъ и повелѣлъ возобновить крѣпость; Государь Императоръ Николай Павловичъ, бывши еще Великимъ Княземъ, принесъ Лавръ денежный вкладъ, а въ 1827 году, прислалъ на гробницу Великаго Князя Владиміра глазешовой съ орлами и горноспаями покровъ; въ 1830 году, Государь Императоръ Николай Павловичъ съ Императрицею Александрою Феодоровною прислали въ даръ Лавръ великолѣпную дарохранишельницу. Бояре и

знаменитые люди обогащали ее, какъ имѣніями, такъ и вкладами: гетманы Самойловичъ, Мазепа, Скоропадскій, Полуботко, Апошполь - Разумовскій, князья Голицыны, Гагарины, Меншиковы, графы Воронцовы, Румянцовы и другія знашныя особы и просполоудины не жалѣли сокровищъ для Печерской Обители. Но Обитель не вполнѣ пользовалась щедростію подашелей: междуособія, хищенія Ташарь, угнепенія уніашовъ и спрашныя пожары часно лишали ее почти всего достоянія и разрушали самыя храмы Господни. Въ 1786 году, при опдачѣ монаспырскихъ креспьянъ въ казенное вѣдомство, считалось за Обителью въ разныхъ губерніяхъ мужеска пола душъ 28,510.

Съ сего времени положенъ кіевской Лавръ шпашъ наравнѣ съ Троицкою, и сверхъ того оставлены при ней Кишаевская Пущынь для преспарьлой браши, мельница на рѣкѣ Лыбеди, лѣсъ съ пашкою, земля при Голосѣевской Пущынь и Самберкахъ, рыбныя ловли на Днѣпрѣ при урочищахъ Жуковъ и Тильбикъ, сѣнокосъ въ Темномъ лугѣ, шесъ подворій въ Кіевѣ съ садомъ и шесъ подворій за городомъ. Къ сему владѣнію причислены, сверхъ того, повелѣніемъ Имперашора Александра, восемь рыбныхъ озеръ.

Пользуясь этими владѣніями и приношеніемъ богомольцевъ, Лавра не бездѣйствовала въ опечешвенную войну съ Французами и принесла государству для вспоможенія войску до 60,000 руб. деньгами и драгоценными вещами (82).

Но вопшь послышался звонъ колокола, вопшь доносился шихій благовъспшь. Эшо призывъ къ молитвъ въ Печерскую Обишель. Войдемше же въ эшо святилище вѣры, въ эшу сокровищницу святиаго и разсадникъ многихъ великихъ людей, подвижавшихся для пользы родины и челоувѣчеспва. Видише ли, какъ изъ-за крѣпосныхъ валовъ возносяшся кресты и куполы церковные и гигантская колокольня *туда, туда!* Вопшь мы уже миновали валы и раскапы баспюновъ, прошли мимо громаднаго арсенала, обспавленнаго пирамидальными группами пушекъ, бомбъ и ядеръ; прошли чрезъ проспранспво, опщѣляющее самую крѣпосшь опъ спъвиъ Обишели, должны спуститься подъ своды спъвы, сдѣланной гешманомъ Мазепою, и слѣдовашь за всѣми ея переходами, какъ бы для шого, чшобъ во всей красть предспали зданія самой Обишели. Вопшь онъ: вопшь святиа враша, вдавшіяся между двумя изворопами спъвы, исписанными святиенными изображеніями, и надъ ними церковь св. Тройцы, съ главою позлащенной черезъ огонь и съ куполомъ обложеннымъ листовымъ золошомъ. Эшо испинно святиое мѣспю: эшо входъ въ святилище. На эшомъ мѣспѣ слишкомъ за 700 лѣтъ до нашего времени (1106) была сооружена церковь и успроена больница черниговскимъ Княземъ Николаемъ, проименованнымъ Свяшошею, и самъ онъ, поспригшись, не успыдѣлся прежняго своего сана и былъ здѣсь приврашникомъ. По уничтоженіи эшой церкви, на ея мѣспѣ былъ успроенъ больничный монастырь. Опсюда, пройдя подъ сводомъ самой церкви, вы

видите улицу, обсаженную двумя рядами не высоких келій, освященных въшвыспыми деревьями грецкихъ ореховъ и оживленныхъ изображеніями изъ Священной Исторіи. Здѣсь на крыльцахъ или подъ тѣнію деревъ часно сидящъ спарцы, углубившіеся въ чтеніе книгъ. Въ концѣ перспективныи взоръ невольно оспанавливаеця на главномъ храмѣ Успенія Божіей Машери, а нѣсколько правѣе подѣмлеца громадная колокольня.

По помосу опъ свящыхъ вращъ ко храму идущъ на поклоненіе Богу и св. угодникамъ люди, прищекшіе почши изъ всѣхъ спранъ Русскаго Царства. Двери храма опверзшы и спокойно приемлюнть каждаго; вошедшіе въ нихъ, исчезающъ опъ взора одинъ за другимъ, и вы шолько слышите, какъ опшуда доноснтся священное пѣніе!

Одна его наружностъ говорищъ о его внутреннемъ великолѣпнн: эпо чешверугольное зданіе, занимающее болѣе 20 саж. вдлину и сполько же ширину, со впадиною съ запада, украшенною живописью, съ двумя припворами съ боковъ и пящю въщуклоспями съ вощочной спороны; его спѣны исписаны священными изображеніями; навѣсъ надъ его входомъ горищъ золопомъ; надъ нимъ возносащяся семь позолоченныхъ главъ съ куполами изъ червоннаго золопа, освяненныя семью позлащенными креспами, изъ кошорыхъ средній подѣмлеца надъ зданіемъ опъ основанія земли на 22 сажени.

Вспуая въ храмъ, невольно поражаеця богатствомъ и великолѣпнмъ иконоспаса, залипаго золопомъ и серебромъ. Съ него взирающъ лики Спа-

сипела, Божіей Машери и свяшыхъ угодниковъ, полуозаренные свѣжомъ ламадъ и обложенные золотыми и позлащенными окладами, украшенныя драгоцѣнными камнями. Взирая на это богатство, забываешь цѣнность золота и всѣхъ драгоцѣнностей и видишь въ нихъ одно релігіозное чувство, одну готовность жертвовать земнымъ достояніемъ для украшенія Божьяго храма. Это не печать, не драгоцѣнность, — это мысль человека о Богѣ, моленіе или благодареніе Богу. За царскими вратами устроенъ пресполь и на немъ водружено распятіе, украшенное яхонтовыми и другими камнями. Направо и налево въ самой церкви за крестообразными столбами и шпильными входами устроены для монаховъ мѣста, обнесенныя перилами, съ отдѣльными дверцами для каждого: тамъ они пребываютъ во время службы, и ихъ видъ, почти неподвижный, ихъ лица, смиренно обращенныя къ иконамъ, ихъ черная одежда и чепки, а за ними по стѣнамъ изображенія свяшыхъ и всѣхъ князей, покровительствовавшихъ Обишели, полусвѣтъ, разлитый за переходами, духовное пѣніе, служба, воскуренія, глава св. и Великаго Владимира, поставленная при самомъ входѣ, и тысячи великихъ воспоминаній, и толпы преспольяиновъ пришедшихъ издали, — все это вливаетъ чувство новое, невѣдомое для непосвященныхъ Печерской Обишели, и возноситъ душу отъ всего земнаго къ лону Создателя.

При храмъ устроено девять приделовъ, изъ которыхъ въ одномъ, во имя св. Стефана, соору-

женнаго Борецкими, находишея икона Божіей Машери, предъ копорою молился, почпи за 700 лѣтъ, Князь Игорь Ольговичъ, убишый народомъ въ 1147 году ⁽³⁵⁾.

На эпомъ мѣспѣ, какъ мы уже видѣли, была основана еще при Анпониі церковь во имя Успенія Божіей Машери, оконченная поспройкою почпи за 800 лѣтъ до нашего времени. Повѣспвуютъ, что самое начало эпои церкви было ознаменовано чудесами: одинъ Варягъ видѣлъ ея изображеніе на облакѣ, и слышалъ гласъ, повелѣвавшій ему опнестя къ Анпонию злашой поясъ для церкви и злашой вѣнецъ для украшенія жерпвенника, сняшые съ распятія, чшимаго его опнестя; чешыре искусныя сироишеля, удовлетпворенные впередъ за прехлѣшніе пруды, пришли изъ Греціи въ Кіевъ, какъ бы по внушенію Божію, и шакже зрѣли на облакѣ изображеніе храма. Эпомъ храмъ, по древнимъ описаніямъ, былъ великолѣпно украшенъ внупри и опнвнъ позлащенными каменьями и лучшею живописью; церковный помоситъ былъ разсвѣченъ разными узорами; главы церквей были позлащенъ; крестъ сдѣланъ изъ чистаго золота и вокругъ церкви и всего монастыря обходила каменная стѣна въ сажень толщиною. Спусти семь лѣтъ по созданіи сей церкви, на Кіевъ напали Половцы, сожгли предмѣстья, и во время сна монаховъ напали на Обшпелъ; выломали стѣну, ворвались въ самый монастырь, раскипили его, сожгли церковныя двери и разогнали монашеснвующихъ. Но конечное разрушеніе зданій Обшпели сверпилось въ

1240 году, когда нахлынули на Русь Ташары, подъ предводительствомъ хана Башыя. Они до основанія разрушили монашескую стѣну, расхищили всѣ церковныя украшенія, сняли съ главы церковный крестъ и самую церковь разломали до оконъ, а алтарь по перси иконы Божіей Матери. Всѣ люди, находившіеся въ Обишели, или погибли, или взяты въ плѣнъ, и только немногіе спаслись бѣгствомъ въ лѣса и горы; жили тамъ въ уединенныхъ пещерахъ, и, изъ любви къ святому мѣсту, тайно сходились для служенія Богу въ ущельвѣйшій придѣлъ по шихому благовѣспи сохранившагося колокола.

Болѣе осьмидесяти лѣтъ все кіевское княжество, подвергаясь набѣгамъ Липовцевъ, было подъ зависимостію ташарскихъ хановъ и надзоромъ ихъ баскаковъ. Путешественники находили здѣсь только развалины и почти не встрѣчали жилищей. Вскорѣ галицкіе князья спали присвоивашъ себѣ шипло Великихъ Князей кіевскихъ, а въ 1320 году, липовскій князь Гедеминъ, одолевъ Ташаръ, захватилъ Кіевъ и опдалъ его въ управленіе своему намѣстнику князю гольшанскому, исповѣдывавшему греческую вѣру. Послѣ сего постоянно назначались намѣстники православнаго исповѣданія. Въ 1399 году, ташарскій ханъ Тимуръ Куплукъ успѣлъ сжечь и разграбить предмѣстья кіевскія и вышребовалъ съ бѣдной Обишели 30 руб. выкупа. Подавленный всею шягоспію обшительствомъ, Кіевъ — эша свящѣнныя и колыбель нашего опечесыва, почти запустилъ, и самый храмъ Оби-

шли возобновленъ намѣспникомъ княземъ Симеономъ слущкимъ, слшскомъ чрезъ двѣспи лѣтъ по разрушеніи (1470) Ташарами. Слущія годъ послѣ сего возобновленія, все кіевское княженіе сдѣлалось, по волѣ польскаго короля Казиміра IV, липовскимъ повѣномъ, или уѣздомъ; почши чрезъ двѣнацашъ лѣтъ весь городъ и Обишель были сожжены и разграблены крымскимъ ханомъ Минглигиреемъ, и непреспанно подвергались набѣгамъ и разоренію. Но въ эши долгіе вѣка бѣдспвій южной Руси гошвилось для нея спасеніе на югъ и сѣверъ. У днѣпровскихъ пороговъ созрѣвала сила и самобытность Украины въ лицѣ Запорожцевъ, а на сѣверѣ Москва копила силы, чшобы разомъ одолѣшь враговъ и зашщипишь своихъ собратій, прощивъ копорыхъ пошшоянно были направлены всѣ силы Ташаръ, Липвы и Польши.

Когда (1596) уніаты коснулись православной вѣры и дошли до поруганія свяшыхъ храмовъ, ошдавши ихъ на ошкупъ жидамъ, дѣлавши изъ нихъ пипейные дома, прищѣснявши священшво и исповѣдывавшихъ православіе, а Поляки унижали русскій народъ и наругались надъ его правами; въ шо время вся Украина возспала прощиву Ляховъ войною на жизнь и смерть. Борьба была спрашная, и при сомнишельныхъ успѣхахъ шой и другой спороны, спрадалъ Кіевъ, спрадала и была непреспанно въ опаснوشي Печерская Обишель.

Даже послѣ соединенія Украины съ Россією польскіе епископы спарались овладѣшь ея достпояніемъ и присвоивали себѣ власшь надъ нею; а въ 1636

году, по договору, сдѣланному между Россією и Польшею, отошли къ послѣдней всѣ волости, которыми владѣла Обишель и которыя находились за новою границею Россіи.

Съ сего времени еще много перыла Обишель отъ враговъ, чумы и пожаровъ, изъ которыхъ самый страшный былъ въ 1718 году на 22 Апрѣля; онъ уничтожилъ архивъ, разрушилъ всѣ зданія, кельи и самую церковь.

Но Пепръ Великій, упрочивши самобытность государсва, давши ему болѣе естественныя предѣлы, упрочилъ и безопасность Обишеля, обвелъ кругомъ нея земляную крѣпость, далъ ей на вспоможеніе 5,000 рублей, предписалъ собрать 10,000 рублей съ малороссійской спарнины и мѣщанъ, повелѣлъ доставить разныя утвари и колокола изъ разныхъ городовъ и монастырей, а самъ прислалъ архитектора и поручилъ надзоръ за строеніемъ гешману Скоропадскому. Въмѣня вельніямъ Пепра, начали возобновлять и церковь; въ 1729 году она была освящена кіевскимъ архіепископомъ Варлаамомъ Ваноповичемъ. Только со времени Пепра Великаго до описанія отъ монастырей недвижимыхъ имѣній съ крестьянами, Печерская Обишель богашела и ея иноки жили въ полномъ довольствіи.

Сверхъ сихъ храмовъ и зданій, находится въ Обишели *братская трапеза*, на помѣ же мѣстѣ, гдѣ была она при св. Феодосіи, разныя кельи, хозяйственныя строенія, библіотека, усироенная при великой церкви, шрифтографія, заведенная не поз-

же 1618 года, гостиница для бѣдныхъ богомольцевъ, церковь Всѣхъ Святыхъ, за южною спороною слѣзны, надъ Экономическими Вранами, сооруженная гешманомъ Мазеюю. Далѣе за слѣзною къ востоку находятся пещеры и собшенно пещерскія зданія, неразъ измѣненныя въ своемъ видѣ; кромѣ ихъ главныхъ улицъ, и неразъ скрывающія подъ спудомъ своимъ мощи святыхъ ошъ хищенія и нежешовсхва враговъ.

Преклонимся же предъ священнымъ предметомъ поклоненія всѣхъ русскихъ. Выйдемъ съверными дверьми церкви и последуемъ за пошокомъ народа. Нашъ путь навивающа шю къ съверу, шю къ востоку, шю къ югу, шю снова къ съверу и востоку, пока мы не оставимъ за собою монашцпрскихъ зданій и слѣзны; пройдя ихъ, мы увидимъ церковь на оплогосши горы, изрышюй оврагами и зеленюющей полянами и садами, а далѣе опящъ видѣтъ Двѣпръ и за нимъ снова синева лѣса и синева дади.

Церковь Ближнихъ Пещеръ сооружена въ 1700 году, во имя Воздвиженія Честнаго Креста, поллавскимъ полковникомъ Герцикомъ и освятаена мшпрополаномъ Варлаамомъ Ясинскимъ. Главы и кресты на ней, равно и на колокольцѣ, позлащенны червонымъ волопомъ, а куполы покрывшъ зеленою краскою. На слѣзнь, предохраняющей церковь и самыя пещеры ошъ обвала, построены двѣ башни: въ одной изъ нихъ хранишся пещерская ризница, а въ другой сдѣланъ ошкрытымъ сводомъ входъ въ галерею, ведущую къ Дальнимъ Пещерамъ.

Начало Ближнимъ Пещерамъ положено Св. Апосто-
 нѣмъ, когда онъ удалился для уединенія изъ первой
 пещеры, ископанной Иларіономъ. Входъ въ Ближнія
 Пещеры сдѣланъ изъ церкви Воздвиженія Креста
 Господня. Здѣсь почти во всякое время дня встрѣ-
 шите толпу народа, спешагося изъ Украйны,
 Россіи, съ Дона, даже изъ Сибири, съ своими осо-
 бенными нарѣчіемъ и одеждою. И пещерь, болѣе
 сошны просполоудиновъ, съ выраженіемъ вѣры, не-
 возмущаемой умомъ и пыпливостію воображенія,
 съ выраженіемъ ожиданія какъ будто какого-то
 чуда, смонряшъ, скоро ли откроется дверь въ
 подземелье. Въ рукахъ каждаго шеплинся свѣча;
 въ храмъ шишина; одинъ или два монаха и почти
 никого изъ людей высшаго круга. Вопшь желѣзная
 дверь отворилась и толпа народа пронудась, шаг-
 нула и сжалась у входа, но нѣтъ ни шума ни без-
 порядка и всѣ идушъ медленно, руководимые мо-
 нахомъ. . . Не спѣшите бышъ первымъ, пущъ прой-
 дешъ народъ: за нимъ, свободнѣе будетъ видѣшъ
 первое убѣжище христіанъ и предметы всеобща-
 го благоговѣнія. Пересшупивши за пещерную дверь
 взгляните, какъ живая рѣка народа движешся, въ
 эшомъ сжашомъ, сѣровашомъ сводѣ, полуозарен-
 номъ однѣми свѣчами моельщиковъ, и склонен-
 номъ опшлогою покапосшью въ глубину земли; взгля-
 ните, какъ эшотъ народъ оспанавливаешся предъ
 каждымъ свяшымъ, шворитъ молишвы, распраши-
 ваетъ о его жизни, движешся далѣе и далѣе, и
 исчезаешъ, разливаясь по переходамъ. Каждый свя-
 шой покоишся въ чепыреугольномъ углубленіи

пещеры, въ деревянной гробницѣ, а нныя въ украшенныхъ серебромъ и золопомъ, и надъ каждымъ изображены его имя и жизнь. Въ нныхъ мѣспахъ пещеръ видны наглухо запершыя двери съ небольшимъ оконщечкомъ: онъ ведутъ въ келіи почивающихъ шамъ зашворниковъ.

Въ нныхъ мѣспахъ покажешя изъ - за желѣзной рѣшешки огонь, освѣщающій подземную келію, и слышншя молишва и шшкое пѣніе: здѣсь совершаешя служба. Такъ слѣдуешя вы по всѣмъ переходамъ пещеръ, доколѣ не достигнешя выхода, гдѣ снова озаришъ васъ свѣшъ дня, повѣешъ свѣжешю воздухъ, и снова предспанешъ мѣръ съ его живой красою и наслаждешями земной жизни. Вы неволью вздохнешя и осмощрншя кругомъ себя.

Но вошъ и галерея съ окнами и деревяннымъ помощпомъ, ведущая къ Дальнимъ Пещерамъ. Въ ней располагающя убогіе и калекы, испращнвая духовными пѣснями насущнаго хлѣба.

При Дальнихъ Пещерахъ, изъ кошорыхъ нныя сущешвовали еще до прнншшя хрнспанской вѣры Св. Владиміромъ, а другіе начашы Иларіономъ, находяшя церкви Рождешва Богороднцы и Зачашя Св. Анны, съ главами позлащенными червоннымъ золопомъ. Входовъ въ пещеры два, западный и восшочный. Расположеніе ихъ хошя другое нежелы въ Блнжнхъ, но общее устройштво, впечатлѣншя шакже сильны, и восшомнннн о первыхъ дняхъ жизни Россіи еще сильнѣе и разнообразнѣе. По народному сказанію, въ ннхъ еспъ завалн-

нѣйся ходъ водъ Дивьръ, и даже на противоположный его берегъ. При обзѣхъ пещерахъ находилса келіи блгоспшителей пещеръ и другія заданія. Во всей Обишели много погребено ея блгосшворителей и людей великихъ: въ большой церкви покояшся князь Конспанинъ Іоанновичъ *Острожскій* (1533), ревностный христіанинъ, распроспранитель училищъ и покровитель немощныхъ; генераль - фельдмаршалъ графъ *Гудовичъ* (1821); архимандритъ печерскій *Гизель* (1683); графъ *Румянцевъ-Задунайскій*. На югъ отъ церкви на ошкрышомъ мѣстѣ погребены: *Кочубей* и *Искра*, погибшіе за преданность Петру Великому; здѣсь же погребенъ сиварштина Войска Донскаго Андрей *Ив. Краснощекоевъ*; близъ дверей церкви покоишся пшело *Наталиі Борисовны Долгорукой*; въ церкви Ближнихъ Пещеръ погребенъ полковникъ полшавскаго полка *Герцикъ*, соорудившій эту церковь, гдѣ хранишся и поршпретъ его. Въ Лавръ же, подлѣ гроба Феодосія, погребена дочь Князя *Ярополка Анна*, по собственному ея желанію, а за лаврскою стѣною къ сѣверу, въ церкви Спаса на Береснозѣ, погребенъ Великій Князь *Георгій Долгорукій*, перенесшій великокняжескій престолъ и вмѣстѣ съ нимъ шакъ много жизни и воспоминаній съ юга Россіи на сѣверъ; сынъ его *Гальбъ*, сесшра его и супруга *Венгерскаго короля Бѣлы — Соція*, и супруга *Владиміра Мономаха — Ефимія*.

Теперь, по обычаю моельщиковъ, поклонившимсь свящынѣ и обозрѣвши все достопамятное, взойдемъ на главную колокольню Печерской Обишели.

Она усижовлена въ двадцати саженяхъ отъ великой церкви, въ направленіи къ югозападу. Каждый изъ ея чешырехъ ярусовъ сдѣланъ по одному изъ архипектурныхъ орленовъ, спройно сведенныхъ пирамидою. Нижній украшенъ руспикомъ, вшорой обспавленъ шридацашью двумя колоннами іоническаго большаго размѣра и шеспнацашью небольшими сполбами при окнахъ; четверный ярусъ во вкусъ коринескаго ордена, украшенный осемью шройными сполбами. Она выше всѣхъ русскихъ колоколенъ и даже выше колокольни Ивана Великаго слишкомъ пятью саженями: въ ней $43\frac{1}{2}$ сажени и десяшь вершковъ, до основанія креста. Куполъ позлащенъ листовымъ золопомъ, а глава позолочена чрезъ огонь. Она сооружена по плану извѣснаго художника Шейдена и кончена поспройкою въ 1745 году. Главный ея колоколъ, называемый Успенскимъ, вѣсипъ 1000 пудовъ. Вверху колокольни успроены часы. Если подыметесь сюда, шо увидише подъ собою всѣ монаспырскія зданія, кресты и главы церквей, переходы, дорожки, зелень садовъ, каменную стѣну около Обишели, въ окружности болѣе верспы, и за нею, съ одной стороны крѣпость съ своими спроеніями, а съ другой зданія печерскія. Это мѣсто называлось нѣкогда Бересповьемъ; на немъ, за 850 лѣтъ до нашего времени былъ дремучій лѣсъ, по скапу горы въ глухихъ мѣстахъ, тайныя убжища христіанъ, а на горѣ любимой бересповскій дворець Великаго Князя Владиміра, гдѣ онъ нѣ-

шился съ своей дружиною и ласкалъ своихъ женъ
и наложницъ. Здѣсь-шо

У славнаго Князя Владиміра было
Пированье, почетный пиръ, было
Столованье, почетный столъ
На многи князи, бояре,
И на русскіе могучи богатыри
И гости богатые.

Здѣсь-шо, по народной пѣсни: ласковый госу-
дарь Владиміръ Князь по свѣшлой гриднѣ поха-
живалъ, черныя кудри порасчесывалъ, съ своими
князьями-богатырями поговаривалъ ⁽⁸⁴⁾. Здѣсь же
и скончался, по сказанію лѣтописца, Великій Вла-
диміръ въ 1015 году 15 Іюля ⁽⁸⁵⁾. Далѣе къ съ-
верозападу виднѣ весь древній Кіевъ, гдѣ, по
преданью народному, Андрей Первозванный водру-
зилъ крестъ Господень; видно и по мѣсто, гдѣ
споялъ перемъ Великой Княгини Ольги, и гдѣ
шеперъ сооруженъ соборъ Андрея Первозваннаго,
и шо, гдѣ былъ пославленъ перунъ и другіе ку-
миры; видна и свящая Софія, сооруженная Яро-
славомъ, на мѣстѣ, гдѣ онъ одолѣлъ Печеньговъ,
и на взгорьи Николаевскій Монастырь, близъ ко-
тораго погребенъ Олегъ; а далѣе на сѣверъ подъ
горою расположилось Подолье съ своими зданіями,
еще далѣе, мѣсна, гдѣ крестился народъ, и По-
чайна, гдѣ Княгиня Ольга заспавила шакъ долго
дождидашся греческихъ пословъ; къ воспочной
споронѣ, кажешся, у самыхъ ногъ разспилаешся
Днѣпръ. Во весь спороны синева дали сливаешся
съ синевою неба. Вы какъ будшо споише подъ
его куполомъ, въ самой срединѣ видимаго про-

спрансхва, и предъ вами раскидывающіяся при губерніи: кіевская, черниговская, полшавская, и видны города Козелець, Переяславль и Васильковъ.

Какъ много великаго свершилось на эшомъ проспрансхвъ! сколько являлось здѣсь разноплеменныхъ народовъ и людей съ великой душою! На эшомъ проспрансхвъ Россіи впервые приняша народомъ хрисіанская вѣра, на немъ прошекающъ испорическія рѣки *Алта*, *Трубежь* и *Стугна*, гдѣ шакъ много было бишвъ, и гдѣ Владиміръ Великій велѣлъ спроишъ города и населяшъ ихъ крещеными людьми. Одно эшо проспрансхво неисчерпаемое поприще и для поэша и для испорика. За нимъ къ сѣверу и воспоку, гдѣ оканчиваешся губернія черниговская и начинающя: смоленская, орловская и курская, спущя двѣспя лѣшъ послѣ крещенія Кіевлянъ, жили язычники, замучившіе свяшаго инока Кукшу, распроспранишеля испишной вѣры. А шамъ, далеко на сѣверъ, въ губерніяхъ новгородской, владимірской, рязанской и др. и въ позднѣйшія времена являлось язычештво съ своими обрядами, не какъ игра и увеселеніе народа, но какъ вѣра со всею силою и прошивудѣшспвіемъ хрисіансхву. Но надъ всѣмъ воспоржешспвовала свяшосшъ хрисіанскаго ученія. Первые его разсадники — монаспыри и города, въ которыхъ жили хрисіане, князья и наши намѣспники, были первоначальными свѣспильниками православной вѣры: ошсюда разливалась она по всѣмъ обласшямъ и нигдѣ не избирала орудіями жешпокосши и гоненія. Даже подвласшныхъ иноплеменниковъ и ино-

вирчевъ, самыхъ Таттаръ, спарались наши Великіе Князья и свашипели приводить къ христіанской вѣрѣ любовію, «а спрахомъ ихъ къ крещенью ни какъ не приводиши,» и даже «говоришь съ ними шико съ умиленіемъ, а съ жестокостию съ ними не говориши (68).»

Дивная картина разлипія христіанской вѣры по міру языческому! Кажется, все возставало противу святаго ученія: суровость нравовъ, вѣковые обычаи, съ кошорыми возраспали народы, набѣги степныхъ племень, разноплеменность и различіе языковъ, и всюду оно проникло, все смягчило, согрѣло души, сблизило помы и состоянія. Сильные князья, едва выпедъ изъ язычества, давали у себя обѣды нищимъ, смиренно молились въ одномъ храмѣ съ просполодиномъ и завѣщевали погребать себя близъ церкви или близъ могилы безвѣснаго инока. Жизнь внушрняя начала проржесивоватъ надъ вышнейю, погружала челоувка въ самага себя, въ его душу и сильнѣе, святѣе призывала его къ Богу.

Какія бѣдствія постигали одну Печерскую Обишель: гнѣвъ первыхъ князей, грабишельства Половцевъ, разрушительное нашествіе Таттаръ, ихъ поспоянное шягомѣніе надъ Киевомъ, завоеваніе его Лишовцами, переходъ къ Полякамъ, пошера самобѣшности, всѣ возможные гоненія и припѣшенія огнь уніашовъ, пожары, чума, землетрясенія, словомъ, всѣ бѣдствія, какихъ не испытала ни одна обишель, и шеперь она снова красуется въ своемъ величїи, и всюду благоговѣетъ

**предъ нею народъ и ошвсюду спекаенся къ ней
на поклоненіе.**

Вадимъ Пассекъ.

1836 г.
Сентября 6.
Кіевъ.

ПРАЗДНИКЪ КУПАЛЫ.

Въ жизни каждаго народа естъ время, когда въ однихъ его обычаяхъ заключены обряды религіи, сила законодательная и условія частной, повседневной жизни. Въ это время одна живая, сильная память сберегаетъ прошедшее и хранитъ настоящее. Цѣлые народы жили по преданіямъ и обычаямъ своихъ опцевъ; жрецы знали наизусть тысячи священныхъ пѣснопѣній; пѣсни о покореніи Трои хранились спользія въ памяти народа; преданіе о пошопѣ и гидрахъ, копорые долго почитались пустымъ вымысломъ и копорые опкрылъ въ природѣ наблюдательный взоръ Кювье, досель существуесть почти у всѣхъ народовъ.

Но избытокъ ли знаній, или желаніе ихъ упрочить и дать непреложную силу, или по потребности выразишь свою внутреннюю жизнь, передашь свои знанія, мысли, даже чувствованія другимъ людямъ и другимъ временамъ, или все это вмѣстѣ, доводишь человека до изобрѣшенія условныхъ зна-

ковъ, какими были Египетскіе іероглифы, узелки, употребляемые Мексиканцами; разныя фигуры, собраніе цвѣтновъ и пр., и наконецъ являюща письменность во всемъ ея значеніи.

Съ появленіемъ письменности не для чего напрягать память и обременять ее знаніями: все, что прежде сберегалось одною памятью, теперь стало записано, и никто не спрашивалъ что-нибудь забытъ и упрямилъ; это самое, означая опть знаній живую дважельность, естественну, ослабляло память, а съ ея ослабленіемъ спали зашенившя и ворпшяся народныя знанія, древніе обычаи, преданія и пьснопья.

Въ Европѣ эпошъ періодъ начался съ принятія христіанской вѣры и возрожденія новыхъ обществъ. Языческое усройство замѣнилось новымъ усройствомъ; языческая религія замѣнилась новою вѣрою. Иэпа вѣра и усройство были укрѣплены письменностію, которая не приняла на себя шруда сохранитъ для насъ предшествовавшіе обычаи и вѣрованія, и не должна была эпого двадць изъ противудвѣствія, шпріязненнаго чувствя и нежеланія передать ихъ во всей чистотѣ опть предковъ понюкамъ. Напроптивъ, новый порядокъ пребвалъ частной или полшой гибели всего прошедшаго.

Поэтому, в въ нашихъ львопшсахъ нѣтъ почти ничего о языческой жизни народовъ, населяющихъ наше опчестиво; а если что и упоминается, то съ единственной цѣлю увидѣть сравненіемъ съ новыми понятіями и порядкомъ.

Несмотря на это, преданія о распространеніи христіанской религіи дошли до насъ менѣе, нежели языческіе обычаи, попому что первыя могли хранишься въ письменахъ, доступныхъ для немногихъ и подверженныхъ скорому уничтоженію, а вторыя въ тайномъ чувствѣ проповодѣйствія, привычкахъ, пѣсняхъ и условныхъ выраженіяхъ, какъ въ формахъ самыхъ легкихъ для памяти.

У насъ есть много условій, копорыя содѣйствовали болѣе, нежели гдѣ-либо въ Европѣ, къ сохраненію прошедшаго: наша письменность не сдѣлалась доспояніемъ цѣлаго народа и не лишаетъ его сокровищъ памяти; у насъ не было сильныхъ религіозныхъ и политическихъ поспрясеній, какъ на западѣ Европы: наши междуособія были семейными ссорами князей, пляжбою за наслѣдство; наше иго подѣ владычествомъ Ташаръ ограничивалось данью и временными опуспощительными набѣгами.

Въ Сибири, какъ спранъ удаленной еще болѣе отъ сильныхъ поспрясеній, живо сохранились преданія о ея завоеваніи, Ермакъ и Кучумъ, въ то время, когда на сѣверѣ Россіи проспонародіе едва ли помнитъ Минина и 1612 годъ. Южная Россія въ этомъ отношеніи имѣетъ опличительный характеръ. Здѣсь господствуетъ наклонность къ историческому пѣснопѣнію; здѣсь испари были баяны, воспѣшо Слово о полкѣ Игоря Свяспславича, воспѣшы почти всѣ дѣла гешмановъ, борьба съ уніями, и сохранились сказанія о подвигахъ проспыхъ казаковъ. Эша наклонность къ историческому пѣснопѣнію такъ сильна, что здѣсь поютъ

о ничпожномъ сожженіи Могилева, въ то время, когда на сѣверъ неизвѣстно пѣсни о сожженіи Москвы, нашей русской православной столицы; но эпошъ недоспашокъ истпорическихъ пѣсенъ на сѣверѣ, сравнительно съ югомъ, происходишь, конечно, не отъ недоспашка жизни или чувствованія, но отъ особеннаго народнаго характера: два столѣтія, XVII и XIX, два нашествія Ляховъ и Французовъ, показали, какъ болишь и бьешся сердце русскаго.

Предстоишь замѣшишь все эшо разнообразіе и особенности народнаго характера и собрашь всѣ обычаи, разсыянныя по обширному пространству Россіи, которая, бышь можешъ, богаче ими цѣлой Европы. Правда, уже многіе изъ древнихъ обычаевъ ушрашили свое прямое назначеніе, видоизмѣнились, спали сбивчивы, иные расперялись по частямъ, но зашо и собранныя частями могушь составить цѣлое.

И чѣмъ болѣе причинъ опасашься ихъ измѣненія и ушрашы характера древности, шѣмъ необходимо, при наспоющемъ истпорическомъ взглядѣ, собирашь и сохраняшь ихъ. Въ нихъ увидимъ всю поспешенность развишія новыхъ идей, новыхъ потребностей, борьбу и сліяніе съ предшествовавшими вѣрованіями и понятіями.

Каждый обычай, если онъ собственное произведеніе народа, заключаешъ въ себѣ его характеръ и условія мѣстности, указываетъ на его умственное и нравственное состояніе, и часшо болѣе любопысей говоришь о его минувшей жизни. Въ немъ скрышы начала семейной внутренней жизни наро-

да, а въ его формахъ особенностей народнѣхъ наклонностей. Въ обычаяхъ народа есть вѣра, надежда, ожиданіе, спрять, предузнаніе, а въ исполненіи — увеселеніе, праздникъ народный. Обычай вспирываетъ младенца при рожденіи, предохраняетъ его отъ чарованій, бережетъ отъ недобраго глаза, пользуется въ болѣзняхъ, одваиваетъ своеобразно съ климатомъ и мѣсечностію, приучаетъ къ прищипамъ въ обычномъ бышѣ, опредѣляетъ отношенія къ лицамъ и собственности. Съ обычаемъ просполюдишь женился, съ нимъ живешь, умираешь и погребаешься; даже по омертви обычай часто сильнѣе сердца приводитъ людей къ могилѣ умершаго. Обычай народа въ обширномъ смыслѣ есть сокровищница его прошедшаго, его знаній, философіи, медицины, всей его жизни, его особенности и самобытности. Безъ этой особенности народъ былъ бы безхарактеренъ, несчастенъ, ничтоженъ. Доколь живъ и силенъ народъ, до того времени живы и сильны его обычаи. Они могутъ выдержатъ вѣковую борьбу съ противоположеніемъ людей, даже природы, и гибель ихъ, безъ замѣна другими число народными обычаями, служить предвѣспникомъ гибели народной. Живые и свято сохраняемые обычаи Кипшайцевъ, заключаая въ себѣ все движенія ихъ жизни, объемля весь бышъ, безъ помощи сильнаго войска, храняшъ ихъ отъ всего чужеземнаго, покоряютъ имъ завоевателей, и каждый народъ спокойно преобразуютъ въ Кипшайцевъ. Напрасно думаютъ иные писатели уничтожить обычаи, какъ предразсудки и заблужде-

нія народа, напрасно мечтающъ сдѣлать воѣхъ людей, каждый по своему, философами: въ народѣ и безъ этого есть высшая философія, кою рѣй онъ учился, правда, не въ школахъ, есть бесцельными знанія, копорыя часто идутъ впередъ наукъ, какъ знаніе магнетизма, преданія о переворотахъ земли и др. И что спалось бы съ людьми, если бы удалось сдѣлать ихъ философами по нѣкой-нибудь системѣ (потому что у людей нѣтъ философіи, а только однѣ системы), тогда весь народъ философуетъ или уничижился бы въ бессиліи и безхарактерности, или воспроизвелъ бы свой антиципелный характеръ. Худо человеку быть робопвеннаго характера, горе народу безъ національности! Эта національность, болѣе всего выражаемая и хранимая обычаями, составляетъ часть жизни и блага человечества: каждый народъ, въ этомъ отношеніи, дополняетъ одинъ другаго, и доколь существуютъ, составляютъ необходимое звено въ неразгаданной цѣпи человечества.

Наша Россія, по обширности пространства разнообразію климатовъ и населенія, и по силѣ, съ какою она выдержала тяжелую борьбу съ западными соседями и азіатскими полчищами, съ какою воспоржесствовала надъ народностию племенъ финскаго и шашарокаго, составляетъ живую великую часть человечества, и своей могучею жизнію ручается за силу и самостоятельность народного характера и за богатство обычаевъ. Это глубокой ищотникъ, въ которомъ въ одно время отражается небо и видно дно души и жизни русскаго

человѣка. Но кто вглядѣлся въ эту душу и кто съ жаждою любви испилъ изъ этого источника? не знаемъ. Только пруды Гг. Снегирева и Сахарова достойны своего великаго предмета: въ нихъ часто высказывается истинное уваженіе ко всему, что народъ называетъ своимъ. Но эти пруды далеко не объемлютъ характера и жизни русскихъ, это только небольшіе ошрывки отъ того, что принадлежитъ народу; мы все знаемъ понемногу и по часпямъ, и намъ еще рано говорить о полномъ прудѣ. Предъ нами еще необозримое поприще и, благодареніе Богу, что жизнь Россіи такъ глубока и необъятна въ прошедшемъ и наспоющемъ. Намъ предспойтъ узнавать ее изъ быта и обычаевъ и замѣчать бытъ и обычаи на мѣстѣ, въ живой картинѣ, рассказахъ и въ пѣсняхъ изъ устъ народа: только такъ собираемыя знанія могутъ истинно познакомить насъ съ опечесствомъ, а собирая и передавая иначе, можемъ лишиться вѣрности и многихъ важныхъ оппгѣнковъ народнаго характера. Наше дѣло прудиться надъ матеріалами и безъ дальнѣйшихъ выводовъ дѣлать только замѣчанія, потому что одни изъ нихъ могутъ быть истинны, а другія, быть можетъ, пригодятся для будущаго времени, и потому, что и въ самыхъ замѣчаніяхъ часто высказывается народный характеръ. Почипая грѣхомъ не передашь чипашелямъ всего, что мнѣ удалось собрать изъ народныхъ обычаевъ, повѣрій, преданій, я на первый разъ рѣшаюсь познакомить съ праздникомъ *Купалы* въ Малороссіи, предварительнo сдѣлавши

обозрѣніе того, что извѣстно мнѣ объ эпозѣ праздникѣ у другихъ народовъ Европы.

Память о Купалѣ сохранилась не въ одной Россіи. У всѣхъ народовъ Европы эпозѣ день имѣетъ какое-то сакральное значеніе, и его начало едва ли не взято изъ первоначальной религіи, едва ли не принесено изъ Азіи, колыбели всѣхъ европейскіхъ племенъ. А если нѣтъ? то одно повсемѣстное его употребленіе пребудетъ вниманія и дальнѣйшихъ наблюденій.

Въ Швеціи сохранилась память о праздникѣ Купалы во всей свѣжести и въ пошѣ же день, какъ въ Россіи. Онъ называется здѣсь *midsommar*, т. е. середина лѣта. Въ полночь собираютъ пучки ивановскихъ цвѣтовъ, между которыми всегда бываютъ, такъ называемые *hipericum* (*). Эти пучки, привѣшенные къ домамъ, опспраняютъ всякое несчастіе. Влюбленныя дѣвушки плетутъ вечеромъ гирлянды изъ девяти различныхъ цвѣтовъ, кладутъ ихъ подъ изголовье постели, и сновидѣніе предвѣщаетъ удачу или неудачу ихъ нѣжныхъ желаній; спановаясь также на такое мѣсто, гдѣ соединяются три дороги, и замѣчаютъ признаки, по которымъ разгадываютъ будущее; собираютъ съ девяти деревъ выступающій на нихъ клейкій сокъ, извѣстный подъ названіемъ масла волшебниковъ, и бросаютъ его въ огонь; а волшебники должны по этому разгадывать тайны будущаго. Эти вѣрованія сохранились въ самыхъ уединенныхъ селахъ и деревняхъ, и съ каждымъ годомъ перяютъ своихъ послѣдователей (1).

(*) Звѣробой.

Между прочими обычаями, относящимися къ этому празднеству, былъ обычай прикрѣплять къ верху праздничнаго вѣсна (*mât de coesagne*) пѣнуха, вырваннаго изъ красной бумаги. Онъ служилъ знакомъ *сѣтыя* и *теллоты*, также какъ черныя пѣнухъ означаютъ *тѣму*. Это видно изъ Волуны, древней поэмы Скандинавовъ.

Вошъ мѣсно изъ самой Волуны:

Радостный Эдгеръ пастухъ-великанъ,
Сидѣлъ онъ на холмѣ, игралъ онъ на арѣ,
И пѣль передъ нимъ *пурпурный пѣтухъ*
На деревѣ высокомъ на самой вершинѣ;
И пѣль, оживляя Одина героевъ,
Въ Асгардѣ другою *съ гребнемъ златымъ*;
А тамъ подъ землею, въ области Галлы,
Пѣль еще третій *мрачный пѣтухъ* (а).

Въ одной изъ германскихъ пословицъ выраженіе. *красный пѣтухъ* означаетъ пожаръ (*) (5); у Иморцевъ въ день Купалы сожигаютъ *блага* пѣшуха (4). Скандинавы предъ бѣшвой приносили въ жершву пѣшуха. У многихъ другихъ народовъ, при различныхъ обрядахъ, также былъ необходимъ пѣшухъ.

Во всей Германіи существуешь праздникъ Купалы, и въ шопъ же день какъ у насъ, хотя подъ другимъ названіемъ. Здѣсь во многихъ мѣстахъ прыгаютъ чрезъ огонь дѣвушки, одѣныя по праздничному, и убравши головы цвѣтами, фольгой и другими украшеніями (6). Во Франціи, самъ король зажигалъ купальскій огонь. Въ Италіи, сохранилось

(*) Волжскіе разбойники слово *красный пѣтухъ* употребляли въ томъ же значеніи.

много пѣсень, коиорыя относятся къ этому обычаю. Въ Италіи (Генуѣ), наканунѣ Иванова дня дѣвщи и дѣвушки собираютъ дрова, и сложивши ихъ у церкви, зажигаютъ костры, пекутъ лукъ и ѣдятъ его, для предохраненія себя на цѣлый годъ отъ лихорадки, поютъ и пляшутъ. А на рассвѣтъ, въ самый Ивановъ день, раздѣвшись, кашаются по росѣ, для излеченія нѣкоторыхъ болѣзней, и потомъ идутъ собирать цѣлебныя цвѣты, травы, и какой-то цвѣтокъ, съ коиорымъ можно дѣлать много чудесъ. Въ Бельгіи, молодые крестьяне и дѣвушки, одѣвшись въ праздничныя платья, разводятъ предъ ивановымъ днемъ большіе огни, поютъ и пляшутъ около нихъ (*). Въ Даніи, въ лѣтнее равноденствіе зажигаютъ костры и люди купаются для здоровья, и собираютъ цѣлебныя травы (**). Въ Англіи, сохранилось много повѣрій о ночи на Ивановъ день. Только въ эту ночь собранныя цвѣты и травы сохраняютъ особенное цѣлебное свойство и силу чарованія. Это повѣрье вліяло вдохновеніе въ величайшаго поэта, Шекспира. Воспользовавшись отношеніями извѣстныхъ ему лицъ, онъ создалъ свои *Ночныя видѣнія на Ивановъ день* (*Sommernachtstraum*). Здѣсь все таинственно. Самыя радостныя чувствованія измѣняются чарованіями въ страшную дѣйствительность, и эта дѣйствительность, при новыхъ чарованіяхъ, кажется однимъ сномъ: люди вспоминаютъ о немъ съ ужасомъ, не зная, что они невольно, но въ самомъ

(*). Объ обычаяхъ въ Бельгіи и Генуѣ заимствовано изъ разсказовъ тамошнихъ жителей.

дѣлѣ измѣняли своимъ мечшамъ, своимъ радостямъ, всему, чѣмъ надѣялись быть счастливы. И все это дѣлается силою чарованій, сокомъ правды, сорванной на Ивановъ день; но надобно быть начальникомъ духовъ, чтобы доспашь такой правды; надобно имѣть глаза *Оберона*, чтобы подсморгнуть шайны чудеснаго міра. Вотъ какъ онъ посылаетъ за цвѣткомъ своего духа *Пука*.

Оберонъ. Пойди ко мнѣ, мой добрый Пукъ! Скажи,
Ты не забылъ, какъ я сидѣлъ однажды
Надъ моремъ, на верху скалы высокой?
Какъ тихо по водамъ плыла сирена,
Носимая дельфиномъ? и пѣснь
Ея лилась такъ сладко и такъ стройно,
Что волны моря бурнаго затихли
И звезды быстро съ мѣсть своихъ сошли,
Чтобы послушать сладкой пѣсни?

Пукъ. Помню.

Оберонъ. Въ то время видѣлъ я (а ты не видѣлъ),
Какъ богъ любви носился надъ землей
Въ вооруженіи полною, — и устремилъ
Свой быстрый взоръ на чистую весталку,
Царившую на западъ земли, —
И вдругъ пустилъ въ нее стрѣлу,
Какъ будто бы хотѣлъ пронзить онъ
Тысячи сердецъ. —
Я видѣлъ какъ огонь стрѣлы безвредно
Погасть въ чистѣйшемъ лучѣ луны,
И царственная жрица, чуждая любви,
Въ спокойномъ созерцаньи удалилась.
А я слѣдилъ очами за стрѣлою;
Она на дальнемъ западѣ упала
Въ цвѣтокъ прелестный, прежде близкою
И розой вспыхнувшій съ тѣхъ поръ, какъ вдругъ
Стрѣла любви его пронзила!
Его зовутъ *цвѣтломъ любви* — отъ бездѣля

Достань его! — Открою все тебѣ:
 Кто сокъ его возьметъ, и ороситъ
 Имъ вѣжди сонныя иль юноши
 Иль дѣвы, всѣ, кто бѣ изъ созданій Божьихъ
 Ни предстанъ при пробужденіи ихъ,
 Всѣ — влюбятся въ него до изступленія!
 Достань цвѣтокъ мнѣ, Пукъ! Но смотри —
 Спиши, лети и возвратись, пока
 Левіоеанъ версты не проплыветъ! —

Пука не задумался и полешѣлъ на западъ, а
 Оберонъ, поссорившись предъ нѣмъ съ своей су-
 пругою Типаніей, мечшашъ, какъ онъ подшупишъ
 надъ нею:

Какъ принесутъ мнѣ сокъ, я орошу,
 Имъ вѣжди сонныя Титаніи!
 Пусть просыпается тогда, — и первый
 Кто попадетъ на глаза — она
 Не дасть ему покоя — отъ любви —
 Будь это левъ или медвѣдь, иль быкъ,
 Иль хоть насмѣшливая обезьяна павіанъ!

Такъ опасенъ эпошъ цвѣшокъ, и какъ много чу-
 десъ дѣлаешъ онъ на земли! Типанія влюбилась
 въ челоуѣка съ ослиною головою, а бѣдные люди,
 кошорыхъ коснулся шайнспвенный сокъ цвѣшка,
 испышали много горя и радоспей и думали, что
 ихъ несчасъе сонъ, а счасъе дѣйспвишельность.
 Такой чарующей силъ цвѣшка, сорваннаго въ ива-
 новскую ночь, вѣряшъ и у насъ въ Россіи. Прав-
 да, немногимъ досшашъ онъ, по повѣрью, зашо,
 кшо владѣешъ имъ, шонъ владѣешъ и сердцемъ и
 богашспвомъ другихъ. Въ Шопландіи, ночь на
 Ивановъ день празднуюшъ шакже со многими обря-
 дами и повѣрjami. Сходный съ эшимъ обычаемъ
 сущеспвуешъ у Румуновъ, подъ названіемъ празд-

ника *Кукушекъ*, но кажется, онъ не вѣдаетъ совпадаетъ съ днемъ Купалы. «Дѣвушки уединяются въ рощи и проводятъ шамъ время до глубокой ночи въ бесѣдѣ съ кукушками, поюць нмъ пѣсни, состоящія болшею часнію въ разныхъ вопросахъ, и по опившамъ вѣщихъ крылашыхъ (*raseri pes-dràvènc*) гадаютъ о будущемъ.

Вошь пѣсня, какую обыкновенно онъ поюць при этомъ случавъ:

Пропой мнѣ, кукушка,
 Покинну-ль отеческій домъ?
 И скоро-ль, какъ вольная въ небѣ голубка,
 Отдальной жить буду семьей?
 Пропой мнѣ, кукушка: дозволя-ли счастья
 Подъ майской родимой звездой?
 Иль чары соперницъ любовника сердце
 Ужовымъ клубкомъ пропоятъ?
 Пропой мнѣ, кукушка, вдового-ль оставишь
 За хлѣбомъ по свѣту ходить,
 Иль дѣти подъ старость мнѣ будутъ подпорой
 Какъ дикой сироткѣ лозѣ (7)?

У Финновъ также празднуется Ивановъ день, въ который ночью зажигаютъ костеръ хвороспу и сучьевъ, извѣщенный подъ именемъ *Кокко*, а въ новгородской губерніи, гдѣ естъ и селеніе *Кокуй*, этоюль день называется *Кокуюемъ* (8). Замѣчательно, что и въ Сибири нѣкопорья мѣсяца называютъ *Кокуюемъ*. У Липовцевъ праздникъ Купало извѣщенъ подъ названіемъ *Купайлы*, и сопровождается пѣснями, плясками, прыганьемъ чрезъ огонь и другими обрядами и новѣрьями (9). Сербы думаютъ, что Ивановъ день споль великъ и важенъ, что самое солнце оплывавливается на не-

бъ (*) (10). «Во всей Южной Россіи — замѣчаютъ Г. Ходаковскій — до самыхъ Горъ Карпатскихъ и р. Сапа, также въ белой Руси и на западъ къ Рейгарду, на предѣлахъ Пруссіи, празднуютъ день Купалы. Это самое игрище и въ пошъ же день Поляки, Селезіяцы и Чехи знаютъ подъ названіемъ *Соботки*. Соботка извѣстна поселянамъ по р. Лугъ, пекущей изъ болопъ новгородской губерніи. Соботка ещѣ одно изъ необыкновенныхъ освѣщеній въ свѣтъ: Карпатскія Горы, Судепы и Корконосныя, между Селезією и Чехами, 23 Іюня, въ сумеркахъ, вдругъ запылаютъ на проспрансвѣ нѣсколькихъ сошъ верспъ, предсавляя пѣнишельное эрѣлище, даже и для пѣхъ, копорые все еще бранятъ народное увеселеніе, почипая его языческимъ, хопя проспюлюдины о помъ и не думаютъ (11). Къ этому можно прибавипъ, что въ пошъ же вечеръ, когда озаряются купаьскими огнями западныя славянскія земли, въ пошъ же вечеръ, опъ Подолья до самаго Дона, на проспрансвѣ не менѣ шпыслаи верспъ, также горятъ купаьскіе огни, и повсюду слышатся пѣсни.

Здѣсь, проводивши весну обычными пѣснями и играми, начинаютъ пѣшь пакъ называемыя пепровскія пѣсни, или *Петривочки*, копорыя не въ обычаѣ пѣшь въ другое время года.

(*) На сѣверъ Россіи и въ Сибири многіе купаются въ этотъ день, гадаютъ по собраннымъ травамъ, берегутъ ихъ противу болзней; въ иныхъ мѣстахъ раскладываютъ огни, въ другихъ парятся въ баняхъ травю, называемою купаьницей, и въ ночь на Ивановъ день ищутъ кладовъ.

Вопль онъ (12):

1.

Ой, мала ничка петривочка —
 Не выпалась наша дивочка;
 Не выпалась, не нагулялась
 И съ козаченькомъ не насто-
 лась.

Къ череди гнала—задремала,
 На пеньки ноги посбивала,
 На сухой терень косу порвала.
 А вже коровы у дѣброви;
 А вже телята пасуть хлопята;
 А вже вивци на крутой гирци.

2.

Посію лободу по всѣму огороду;
 Рости, лобода, выше огорода.
 А на тій лободи четыре лебеди:
 Первый лебидко—молодой Ва-
 силько,
 Другій лебидко—молодой Ива-
 шко;
 Третій лебидко—молодой Пе-
 трочко,
 Четвертый лебидко—молодой
 Павличко.

Посію лободу по всѣму огороду;
 Рости, лобода, выше огорода.
 А на тій лободи четыре лебидки:
 Первая лебидка—молода Олен-
 ка,
 Друга лебидка—молода Параса,
 Третья лебидка—молода Оксан-
 ка;
 Четвертая лебидка—молода Ода-
 ра.
 Оленка вермивка, Василькова
 дивка,
 Параса вермивка, Ивашкова див-
 ка,

Переводъ (12).

1.

Ахъ, коротка ночка петровская—
 Не выпалась наша дѣвица;
 Не выпалась, не нагулялась,
 И съ казаченькомъ не насто-
 лась.

Къ табуну гнала—задремала,
 О пеньки ноги избила,
 О сухой тернь косу растрепала.
 А коровы ужъ въ дуброви;
 А телятъ уже пасутъ ребята;
 А ужъ овцы на крутой горкѣ.

2.

Засью лебедою весь огородъ;
 Рости, лебеда, выше огорода.
 А на той лебедѣ четыре лебеди:
 Первый лебедь—молодой Ва-
 синька,
 Второй лебедь—молодой Ваню-
 ша,
 Третій лебедь—молодой Петру-
 ша,
 Четвертый лебедь—молодой Па-
 влуша.

Засью лебедою весь огородъ;
 Рости, лебеда, выше огорода.
 На той лебедѣ четыре лебѣдки:
 Первая лебѣдка—молодая Але-
 нушка,
 Вторая лебѣдка—молодая Параша,
 Третья лебѣдка—молодая Аксют-
 ка,
 Четвертая лебѣдка—молодая Да-
 ша.
 Аленушка милая, Васина дѣв-
 ка,
 Параша милая, Ванюшина дѣв-
 ка,

Оксанна вермивка, Павличкова Аксютка мила, Павлушина дѣв-
 дявка, дявка, ка,
 Одаря вермивка, Петречкова див- Даша милая, Петрушина дявка.
 ка.

3.

У моего батенька двірѣ невеліч-
 кій,

Знѣла велике.

Я одна ў батенька була,

Я одиночка якъ ягодочка.

Я по милому тѣждень тужила

Пивъ-хлѣба зѣла.

Я одна ў батенька була и пр.

Я по нелюбу три дня тужила

Пивъ хлѣба зѣла.

Я одна ў батенька була и пр.

3.

У моего батюшки двірѣ неболь-
 шой,

Трава висока.

Я одна у батюшки была,

Я одинокая какъ ягодка.

Я по миломъ недѣлю грустила

Поль-хлѣба зѣла.

Я одна и пр.

Я по немиломъ три дня грустила

Пивъ хлѣба зѣла.

Я одна и пр.

Всѣ эти пепровскія пѣсни во всей Малороссіи, кромѣ часпныхъ исключеній, оканчиваются праздникомъ Купалы, наканунѣ Иванова дня, 23 Іюня. Въ эпошѣ шоржеспвенный день рано ушромъ дѣвушки и дѣши идупѣ въ полѣ или лѣсъ собираешъ обычныя цвѣшы и шправы: голубыя сокирки, красныя пахучіе васильки, пуницовыя черевички и паньскій макъ, желтый звѣробой и нагидки, разноцвѣтъ, мяту, кануперъ, колокольчики, необходимую основу купальскаго вѣнка, полынь, какъ шправу спасительную опѣ всѣхъ чаръ нечиспой силы: ее же кладупѣ подѣ мышками на весь шопѣ праздникъ. Возвращившись домой, каждая подбираетъ цвѣшокъ къ цвѣшку, перевиваетъ одинъ съ другимъ, укрѣпляетъ между ними лисшья пахучихъ шправъ и сплетаетъ для себя купальскій вѣнокъ.

Такъ время проходитъ въ пѣсняхъ, гуляньи по

улицамъ и болѣе всего въ ожиданіи вечера и шипшвенной ивановской полночи.

Предъ закапомъ солнца идущъ въ ближній лѣсъ или садъ, срубающъ шамъ пополь, вербу, или еще чаще, черноклець, и, возвращаясь опшуда съ пѣснями на мѣсно, назначенное для праздника, однѣ несущъ пуки соломы, другія дерево, называемое полько на время праздника маренію, а иногда идола Купалы, величиною съ ребенка, или въ полчеловѣка, сдѣланнаго изъ соломы, въ большемъ вѣнкѣ, одѣянаго въ женскую рубашку, и украшеннаго лешпами и намиспами. Обыкновенно всѣ идущъ скоро, въ безпорядкѣ и громко поющъ.

Иване Ивашеньку, Та не переходь дороженьки. Купала на Ивана!	Иванъ Иванушка, Не переходи черезъ дорожку. Купала на Ивана!
Купався Иванъ, Та въ воду упавъ Купала на Ивана!	Купался Иванъ, Да въ воду упалъ Купала на Ивана!
Посичу тебе на капустоньку, Та посію тебе въ трехъ город- цахъ.	Изрублю тебя какъ капусточку, Да посажу тебя въ трехъ огород- цахъ.
Купала на Ивана!	Купала на Ивана!
Та вроди, Боже, трое зильчечекъ: Перве зильчечко барвиночекъ. Купала на Ивана!	Уроди, Боже, три цвѣточка: Первый цвѣточекъ барвиночекъ. Купала на Ивана!
Друге зильчечко любисточекъ, Третье зильчечко василечекъ. Купала на Ивана!	Другой цвѣточекъ любисточекъ, Третій цвѣточикъ василечекъ. Купала на Ивана!
Барвиночекъ для дивочекъ, Любисточекъ для любощивъ, Купала на Ивана!	Барвиночекъ для дѣвушекъ, Любисточекъ для любви. Купала на Ивана!
Василечекъ для запаху. Купала на Ивана!	Василечекъ для запаха. Купала на Ивана!
Да купався Иванъ, та въ воду упавъ. Купала на Ивана!	Купался Иванъ, да въ воду упалъ, Купала на Ивана!

Или:

Коло воды—моря ходи дѣвочки
 Коло мариночки.
 Купало!
 Гратеме сонечко
 На Ивана.
 Пишли дѣвочки та по ягодки.
 Коло воды—моря и пр.
 Уже дѣвочки поплели виночки.
 Коло воды—моря и пр.
 Виночки не вануть, дѣвочки не
 плачуть.
 Коло воды—моря и пр.
 Виночки потонули, дѣвочки
 слякнули.
 Коло воды—моря.
 Ходили дѣвочки
 Коло мариночки.
 Купало!
 Гратеме сонечко
 На Ивана!

Или:

Край воды—моря ходи дѣвочки
 Около мареночки.
 Купало!
 Будеть играть солнышко
 На Ивана.
 Какъ пошли дѣвочки по ягодки.
 Около воды—моря и пр.
 Уже дѣвочки сплели виночки.
 Около воды—моря и пр.
 Виночки не вануть, дѣвочки не
 плачуть.
 Около воды—моря и пр.
 Виночки утонули, дѣвочки за-
 плакали.
 Около воды—моря
 Ходили дѣвочки
 Около мареночки.
 Купало!
 Будеть играть солнышко
 На Ивана!

Пришедши на избранное мѣсто и вопкнувши
 въ землю дерево, или марену, обвѣщивающъ его
 ленпами и вѣнками, спавяшъ подлѣ него Купалу,
 на копорого надѣвають всѣ свои украшенія: на-
 мисны, лѣнны, кольца, даже кресты, и поздно ве-
 черомъ, недалеко зажегши огромный кошеръ
 соломы, ходяшъ взявшись за руки вокругъ идола и
 дерева съ дѣснами.

1.

Стояла тополя
 Край чистаго поля.
 Стій, тополецько,
 Стій, не развивайся;
 Буйному вѣтроньку
 Не поддавайся;

Книга I.

1.

Стояла тополя
 Близъ чистаго поля.
 Стой, тополошка!
 Стой, не развивайся;
 Буйному вѣтру
 Не поддавайся!

7

На тій тополи
Четыре сокилки.
Стій, тополенько,
Стій, не развивайся;
Буйному вятровьку
Не поддавайся.

Перва сокилка
Гаршинка дивка,
Стій, тополенько, и пр.

Друга сокилка
Галочка дивка.
Стій, тополенько, и пр.

Третья сокилка
Вирочка дивка.
Стій, тополенько, и пр.

Четверта сокилка
Катричка дивка.
Стій, тополенько,
Стій, не развивайся;

Буйному вятровьку
Не поддавайся.

2.

Ой, солнце свите й грае
А мій Йвась коника сядлае;
Його Вирочка пытае:
Нащо вить коника сядлае?
Щожъ тоби, Вирочко, до сего
Сядлаю коника не твоего,
Шйду до тещенька до своего.
Пуцу я коника по двору
Своему родови на хвалу.
Щобъ мене тещенька хвалила,
Щобъ мене дивчина любила.

3.

Окришь та ромень,
Петречко умерь.
Бижите, звоните,
Настенци скажите.

На той тополь
Четыре соколушка.
Стой, тополоюшка,
Стой, не развивайся;
Буйному вятру
Не поддавайся.

Первая соколушка
Дьвка Аграфенушка.
Стой, тополоюшка, и пр.

Другая соколушка
Дьвка Аниютчка.
Стой, тополоюшка, и пр.

Третья соколушка
Дьвка Вьрушка.
Стой, тополоюшка, и пр.

Четвертая соколушка
Дьвка Катинька.
Стой, тополоюшка,
Стой, не развивайся;
Буйному вятру
Не поддавайся.

2.

Ахъ, солнце свѣтитъ и играеть,
А мой Вадюшка коника сядлаеть.
Его Вьрушка спрашиваетъ:
Начто онъ коника сядлаеть?
Что жъ тебѣ, Вьрушка, до того?
Сядлаю коника не твоего,
Полду къ тещюшкѣ своему,
Пуцу я коника по двору
Своей роднѣ на славу.
Чтобъ меня тещенька хвалила,
Чтобъ меня дьвица любила.

3.

Укропъ да ромашка—
Умерь Петруша.
Бьгите, звоните,
Настюшь скажите.

Настенька бѣжить,
Серденько болить
Петречко, серденько,
Не умирай раненько.

4.

На гори жито,
Пидь горою просо;
Пидь гору зелененько,
По мисацу видненько
Серденько!

У нашего Иванка
Та пишна дѣвка,
И горилки не пье.
Купало!

И на улицю не иде
На Ивана!

Молода Явдошка!
Ходимъ жито мати!
Молодой Васильку!
Я не вмю жати
Пидь гору зелененько
По мисацу видненько
Серденько!

Я жати научу,
Черевички куплю.
Купало!

5.

Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чымъ мини, моя мати, торго-
вати?

Повезу я свекорка продавати,
Риднаго батенька куповати.

Сдешевила свекорка, сдеше-
вила,

Риднаго батенька не купила!

Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чымъ мини, моя мати, торго-
вати?

Настюша бѣжить
Сердечко болить.
Петруша, сердечко,
Не умирай ранехонько!

4.

На горѣ рожь,
Подь горою просо;
Подь горой зеленеть,
По мѣсацу виднѣтся
Сердечко!

Какъ у нашего Ванюши
Гордая дѣвка,
И вина не пьетъ.
Купало!

И на улицю не иде
На Ивана!

Молода Дунаша,
Пойдемъ рожь жать.
— Молодой Васи,
Я не умю жать.
Подь горою зеленеть
По мѣсацу виднѣтся
Сердечко!

Я жать научу.
Башмаки куплю.
Купало!

5.

Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чымъ мнѣ, моя матушка, торго-
говать?

Повезу я свекрушка продавати,
Роднаго батюшку покупати.

Сдешевилъ свекрушка, сдеше-
вилъ,

Роднаго батюшку не купилъ.

Сегодня Купала, а завтра Ивана,
Чымъ мнѣ, моя матушка, торго-
вать?

♦

Повезу я диверка продавати, Роднаго братика куповати. Сдешевила диверка, сдеше- вила, Роднаго братика не купила!	Повезу я деверюшка продавать, Роднаго братца покупать. Сдешевля деверюшка, сдеше- вля, Роднаго братца не купила.
Сегодня Купала, а завтра Ивана, Чимъ мнѣ, моя мати, торго- вати?	Сегодня Купала, а завтра Ивана, Чимъ мнѣ, моя матушка, торго- вать?
Повезу я зовицю продавати, Ридную сестрицю куповати. Сдешевила зовиця, сдешеви- ла, Ридной сестрици не купила.	Повезу я золовку продавать, Родную сестрицу покупать. Сдешевля золовка, сдешевля А родной сестрицы не купила.
Сегодня Купала, а завтра Ивана, Чимъ мнѣ, моя мати, торго- вати?	Сегодня Купала, а завтра Ивана, Чимъ мнѣ, моя матушка, торго- вать?
Повезу я своего нелюбѣ продавати, А милого-любѣго куповати. Сдешевила нелюбѣ, сдешеви- ла А милого-любѣго не купила!	Повезу я своего немилаго про- давать, А милаго любезнаго покупать. Сдешевля немилаый, сдеше- вля А милаго любезнаго не купила.

Пропѣвши одну, двѣ или нѣсколько изъ этихъ пѣсень, кругъ останавливается, разрывается, дѣвушки бѣгутъ одна за другою, прыгають чрезъ огонь и поюшь:

1.

1.

Ходили дѣвочки коло мариноч- ки, Коло моего Вудола — Купала! Гратеме сонечко на Ивана.	Ходили дѣвушки около маре- ночки, Около моего Вудола — Купала! Будеть играть содлушко на Ива- на.
Накупался Иванъ, та въ воду упавъ. Купала подъ Ивана!	Накупался Иванъ да въ воду упавъ. Купала подъ Ивана!

2

2.

Ой, Купалочка скупалась,	Ахъ, Кушалочка выкупалась,
Та на берегу сушилась!	Да на берегу сушилась!
Дивка Настечка хвалилась,	Настенька дѣвка хвалилась:
Що въ мене коса до пояса,	Что у меня коса до пояса,
Що въ мене дичко иль иблочко,	Что у меня личико какъ яблоко,
Идо въ мене очи паренѣки,	Что у меня глаза каровѣя,
Що въ мене брови черненьки.	Что у меня брови черненькія.

Въ ильяхъ мѣсяцахъ въвѣспѣ съ двѣнадцати кру-
жашся, поюпть и прыгаюпть черезъ огонь молодые
парубки, но чаще они приходять только для шу-
шокъ; въшиваюпся въ игру, сбиваютъ съ голо-
са, мѣшаютъ кружиться и прыгать черезъ огонь.

Видь изумительный! Вообразите поздній июль-
скій вечеръ; воздухъ распворенный исплоною и
нитою; мѣсяцъ вдали онъ сележя, прудъ или рѣ-
ку, близь которой видать при яркомъ свѣтѣ освѣ-
и дола, обвѣшеннаго всею роскошою деревенскихъ
нарядовъ, дерево, украшенное ланшами и вѣнками,
и толпу людей въ огромныхъ вѣнкахъ, закрываю-
щихъ лице почти до половины, въ корешко подо-
бренныхъ рубашкахъ и заплатахъ, или равноцѣп-
ныхъ плащахъ, обхватывающихъ самый перегибъ
спина; иптахъ съ обнаженными ногами, иптахъ въ
червкахъ и сапогахъ, и между ними деревенскую
молодежь въ широкихъ шароварахъ, корейскихъ
свищахъ и решениловскихъ высокихъ шапкахъ.
Вся толпа ярже освѣщена пламенемъ и обнесена
пемною прямою мечи. Все движущся дико и спрой-
во, поплотъ вереницей бѣгутъ черезъ огонь, и еще
безпрерывное движеніе волнуептъ воздухъ; огонь
веченся во все спорены, шо подымепся по раз-

спешелся по землѣ, сыплеть искры, обхватываешь пламенемъ и ошевѣчиваешься всеми красками въ разноцвѣтныхъ вѣнкахъ, которые шрясутся и бьются о лица... хохотъ, крикъ, пѣсни, бѣгопня... невольно оспанавливаешься предъ эпою карпиной. И если чья нибудь мечта летала въ минувшемъ, то она оживетъ теперь, и эпою праздникъ, развалина древняго обычая, эта живая льщюпись, расброшенная по всему славянскому міру, не менѣ лучшей испоріи напомнишь о поэзіи и жизни язъческихъ вѣковъ.

Намъ предстоитъ спѣшить собраніемъ всего, что касается до праздника Купалы; огни купальскіе замѣтно рѣдѣютъ; многіе смонрятъ на нихъ, какъ на оспашки язъческой вѣры, хотя они составляютъ теперь одинъ обрядъ безъ религіозной мысли, одну игру и увеселеніе народное безъ малѣйшаго оскорбленія нравственнаго чувства. Въ некоторыхъ мѣстахъ спрото наблюдаютъ, чтобы не пѣли пѣсень и не раскладывали купальскихъ огней, и почти вездѣ они вышѣснены изъ селеній и скрываются въ опдаменіи въ поляхъ и лѣсахъ; въ другихъ мѣстахъ, печальные случаи прекратили празднованіе, какъ напр. въ Ахшыркѣ, гдѣ, по сказанію многихъ, внезапною бурей унесены были въ рѣку Ворсклу и пропали безъ вѣсти, изображеніе Купалы и марена, обвѣшанные дорогими нампсами. Эпою случай объяснился гнѣвомъ Божіимъ, и успрашенный народъ забываетъ съ того времени свой веселый праздникъ. Набожные люди увѣряютъ, что Купалу празднуютъ въ память

Иродіады, когда она ухватила главу Іоанна Крестителя, бросила ея въ воду и пѣла:

Купала на Івана!
Купаясь Иванъ,
Та въ воду упавъ,
Купала на Івана!

Они называютъ ее *Злою Чертицею*, а празднующихъ Купалу ея послѣдователями и угодниками. Такъ много прощивудѣйствій вспрѣчаютъ одинъ праздникъ Купалы и, невзирая на это, еще шакъ шоржесивень и повсемѣстенъ на югъ славянскаго міра, шакъ нешерпѣливо ожидаютъ его цѣлые миллионы людей, шакъ опгъ души поюгъ и шакъ безвредно веселяшся, забывая на время всю шягоспѣ лѣшнихъ забошъ и шрудовъ.

Собравши о немъ всѣ народныя повѣрья и пѣсни, соединивши и объяснивъ всѣ обычаи, копорыми онъ сопровождается, вѣроятно можно будешъ сдѣлашь удовлетворительный выводъ о значеніи Купалы во времена чиспаго язычеспва.

Теперь очевидно полько, что Купало не былъ богомъ земныхъ плодовъ, какъ думалъ о немъ Карамзинъ и многіе изъ его предшеспвенниковъ и послѣдователей. Въ пользу ихъ мнѣнія нѣтъ ни слова въ досповѣрныхъ нашихъ лѣшописяхъ, нѣтъ ни одного намека въ приведенныхъ нами пѣсняхъ и преданіяхъ; самое слово: Купало, если объясняшь его славянскимъ языкомъ, не имешъ ни какаго опношенія къ собиранію плодовъ; и опгъ дня, въ копорый его празднуюгъ, до жашвы хлѣба, даже на югъ Россіи, при насшощемъ смягченіи

климата, обыкновенно проходитъ не менѣе двухъ и трехъ недѣль, а на сѣверѣ обыкновенно болѣе мѣсяца. Припомъ, изъ этого празднества или совершенно исключены мужчины, на кошорыхъ лежишь у насъ главная нягость сельскихъ работъ, или занимающъ въ немъ вшороспешенное мѣсто. А судя о его характерѣ, по собраннымъ свидѣнїямъ и по существованїю его почти у всехъ народовъ, не безъ вѣроятїя можно предположить, что происхожденїе его относится къ шымъ временамъ, когда не было жнивъ, и человекъ не зналъ земледѣлїя.

Гораздо ближе къ истинѣ, день Купалы былъ великимъ днемъ *очищенїя огнемъ и водою*; былъ праздникомъ *средины лѣта*, когда природа дѣйствуетъ съ высшею силою, когда все дѣвнеть, благоухающъ поля и лѣса, и самый человекъ среди лѣтняго зноя, при напряженїи всехъ силъ природы шьснѣ сливается съ нею и легче дается воображенїю. Это праздникъ нашего полушарїя, цѣлой половины земли. Въ Индїи этоиъ день подъ шымъ же названїемъ былъ праздникомъ и днемъ очищенїя ⁽¹⁵⁾. У древнѣйшихъ и новыхъ народовъ огонь почищается очисшительною спихїею; на поклоненїи огню основывались цѣлыя религїи; только проходивши чрезъ огонь, наши князья могли являться предъ лице шапарскихъ хановъ; даже за гробомъ, по понятїямъ Западной Церкви, есть чисшлице, въ кошоромъ огонь занимаешъ важное мѣсто. Такъ и омовенїе водою всегда признавалось дѣйствїемъ очищенїя, и въ нашей святой религїи

погруженіе младенца въ воду признается виднымъ обрядомъ очищенія отъ первороднаго грѣха.

До сихъ поръ огонь, полученный отъ шпентя сухихъ деревь, называется въ некоторыхъ мѣстахъ *парь-огонь*; шочно такъ же какъ вода придаютъ названіе *парица-водица* (14). Это доказываетъ еще болѣе, что наши Славяне имѣли высшее мнѣніе о силахъ природы; и объ огонь и воду, какъ о двухъ первоначальныхъ ея стихіяхъ. Для празднованія каждаго времени года былъ у язычниковъ особенный день. Въ мартѣ, когда оживали силы природы, праздновали новой годъ. Этотъ обычай соблюдался у насъ до XIV столѣтія. Такъ, кажется мнѣ, колядки были зимнимъ праздникомъ, и сохранились до настоящаго времени на югъ и северъ Россіи, съ различными видоизмѣненіями, обычаемъ гаданія и переодѣванія. Такъ, кажется, и Купало былъ лѣтнимъ очищеніельнымъ праздникомъ.

Замѣчательно, что во всякой среднѣй времени или междувременнѣ естѣ что-то особенное, сверхъ-человѣческое, по живому чувству и пониманію всехъ народовъ. Въ полночь совершаются всѣ таинственнаго духовнаго міра: являются души, живыи всстають изъ гробовъ, вампиры ищущъ крови, и только крикъ и вѣтуха, предвѣстника новаго дня, снова гонитъ ихъ въ ихъ гробы и сокровенныя жилища. Полдень почищается въ просонародной жизни, можетъ быть, не по одному порядку ежедневныхъ дѣлъ, часомъ междудѣйствія и покоя: по объясненію ученыхъ, въ это время свершается

сильнѣйшій процессъ электричества и магнетизма. Такъ середина зимы и лѣта пользовались и пользуются въ наше время особеннымъ уваженіемъ народа. День Спиридонія, 12 декабря, называющагося днемъ *Спиридона Солнцеворота*, и вскорѣ послѣ него начинающагося малороссійскія колядки и наши русскія святки, въ которыхъ запасаются на цѣлый годъ гадаемъ о своей судьбѣ. Сходно съ этимъ и послѣ лѣтняго равноденствія празднуется день Купалы. И въ помѣ и другомъ преимущественно участвуютъ дѣвушки и женщины. Это день народнаго средолѣтія. Шведы называютъ его *Midsomter*, или также среднюю лѣта; Датчане *Midsommernat*, или ночью въ половинѣ лѣта. Быть можетъ, въ помѣ же смыслѣ и у насъ названъ этотъ праздникъ Купалою (*). Впрочемъ, приводя это замѣчаніе, не усилываюсь сдѣлать изъ него необходимое, основное доказательство моей мысли: и безъ него праздникъ отправляется посреди лѣта, также исполненъ своею пансишвенностію, какъ всякое междověреніе. Какихъ нѣтъ чудесъ въ ночь съ Купалы на Ивана! Какъ все пансишвенно и живо! Кіевскія вѣдьмы собираются на Лысой Горѣ, надъ самымъ Днѣпромъ; злые духи сперегултъ неоспорожныхъ; русалки качаются на деревьяхъ, заманиваяюгъ прохожихъ и *заласкоташи*,

(*) Слово: копа, означаетъ въ иныхъ случаяхъ половину: *копа* означаетъ полтину или половину рубля; *коповикъ* означаетъ полтинникъ или половину цѣлковаго, а отъ копы до Купалы переходъ близкій.

увлекающъ къ себѣ, въ свои подводные черпоги изъ коралловъ, раковинъ и изумруда; надъ болотами всыхивающъ огоньки; на шравъ и на деревьяхъ загорающа ивановскіе червячки; кругомъ благораспѣворенный воздухъ и благоуханіе цвѣтновъ, копорыми только къ этому времени природа убраешъ со всею роскошью поля и лѣса. Только въ эшу ночь расцвѣтаетъ папоротникъ, и какъ много надобно смѣлости и рѣшительности, чшобы сорвашъ его! Для эшого человекъ, гошовый на все, даже на борьбу съ нечисною силою, беретъ спрасинную свѣчу, сбереженную имъ опъ великаго чешверга и донесенную домой съ огнемъ: съ нею онъ приходитъ на мѣсто, гдѣ роспешъ папоротникъ, очерчиваетъ ею около себѣ кругъ, подпешъ подъ шраву полощенце, копорымъ священникъ оперъ зашленный пресполь и, засвѣтивши свѣчу, съ шрепеномъ ожидаетъ шайншвеннаго часа. Вошъ шрава зашелешъла, зашевелилась, вспыхнулъ на ней кровавой или золошой огонекъ и ушалъ на ушпральникъ. Теперь-шо надобно спешинъ схватинъ и завернушъ его, чшобъ не опняли злые духи! Сшаспливъ, кому удастѣя завладѣшъ цвѣпкомъ, и, не оглядывалъ, уйши съ зачарованнаго мѣста, въ шо время, когда и сзади и кругомъ его слышны крики, вопли, громъ, землешрасеніе, и видны спрасшныя лица, какихъ нельзя человекскимъ языкомъ ни описашъ, ни рассказашъ. Кшо одолешъ все ужасы и принесешъ цвѣпекъ домой, шопъ врѣзываетъ его въ ладонь и спановишся власшпелемъ всей нечисшой силы: по волѣ за-

спавляетъ себя любимицъ, опшмькаетъ замки и двери, видитъ всѣ клады: богатъ и счастливъ.

Въ эту же шамисивенную ночь празднуютъ Купалу, и шолько съ разсвѣтомъ идутъ въ ханы и несуть съ собою идола и марену. На другой день рано ушромъ многие купаются въ рѣкахъ, умывающся водою, взяпото изъ чешырекъ колодезей; сушатъ на солнцѣ цѣлебныя купальскія травы, гуляютъ и поютъ пѣсни. А по заканиъ солнца въ самой Ивановъ день снова приносятъ къ водѣ идола и дерево или марену, снимаютъ съ нихъ всѣ украшения, кромѣ вѣнковъ, поютъ пѣ же пѣсни, какія пѣли вчера, и съ крикомъ бросаютъ съ себя въ воду вѣнки, а вслѣдъ за ними идола и марену. Иныя спѣшатъ вынуть изъ воды свои вѣнки, чпюбъ унести домой и повѣсятъ ихъ въ сѣняхъ или на чердакъ, какъ шамисманъ проинивъ непредвидимыхъ бѣдъ и болѣзней. Когда идола и дерево погрузнутъ въ воду или понесетъ ихъ башироша рѣки, то поютъ:

Утонула маринѣчка, утонула, Утонула мареночка, утонула,
Та на верхъ кисонька зрнула. Да на верхъ кисонька всидыла.

Потомъ прыгаютъ черезъ огонь; многие купаются; и чпюбъ не зацепошали ихъ русаки и не увлекли въ свои подводныя жилища, вынимаютъ изъ подмышекъ вѣнки шольныя и бросаютъ ихъ въ воду. . . Кончивши шюптъ обрядъ возвращающся домой и поютъ:

Якъ нишла Ганна въ Дунай то Какъ пошла Анна на Дунай: за
воду, . . . водою,
И ступила Ганна на хитку клад- И стала Анна на шаткую пере-
ку. . . кладину.

Ганна моя панна, Ягода моя червоная.	Анна моя панна, Ягода моя красная.
Кладка скитнулась, Ганна вто- нула;	Перекладина шатнулась, Анна утонула,
Якъ потопала, гречи зривали.	Кякъ утопала, гречды шыпыр- вала.
Ганна моя панна и пр. Ганнина мати громаду збирала, Громаду збирала, усийжъ зѣказала.	Анна моя панна и пр. Аннина мать на сходку сзывала, На сходку сзывала, всьмъ зана- зада.
Ганна моя панна и пр. Не берите, люди, у Дунай во- ды, — Въ Дунай вода Ганнина слеза.	Анна моя панна и пр. Не берите, люди, изъ Дуная во- ды, — Въ Дунай вода Аннины слезы.
Ганна моя и пр. Не ловите, люди, у Дунай шу- ки, — Въ Дунай шуки Ганнины руки.	Анна моя панна и пр. Не ловите, люди, въ Дунай щукъ, — Въ Дунай шуки Аннины руки.
Ганна моя и пр. Не ловите, люди, у Дунай со- мивъ, — У Дунай сомы Ганнины ноги.	Анна моя панна и пр. Не ловите, люди, въ Дунай со- мивъ, — Въ Дунай сомы Аннины ноги.
Ганна моя и пр. Не ламайте, люди, по лугамъ калины, — По лугамъ калина Ганнина краса.	Анна моя панна и пр. Не ламайте, люди, въ лѣсу ка- лины, — Въ лѣсу калина Аннина краса.
Ганна моя и пр. Не рвите, люди, по лугамъ тер- ну, — У лузи теренъ Ганнины очи,	Анна моя панна и пр. Не рвите, люди, въ лѣсу тер- ну, — Въ лѣсу теренъ Аннины очи.
Ганна моя и пр. Не косите, люди, по лугамъ травы, — По лугамъ трава Ганнина коса.	Анна моя панна и пр. Не косите, люди, на лугахъ травы, — На лугахъ трава Аннина коса.
Ганна моя панна, Моя ягода червоная.	Анна моя панна, Моя ягода красная.

Голосъ эпои пѣсни уныль и пропяженъ. И кпо не замѣшимъ въ ней глубокаго чувства горести?

Въ минушы ушраны любимаго предмета, чело-
вѣкъ, безнадежный возврашшь его, мечтаешъ
увидѣшь его во всей окружающей природѣ, оду-
шевляешъ воды и землю, и ему жаль до нихъ кос-
нутья. Въ прочихъ пѣсняхъ, по народному объяс-
ненію, рассказывается несчастная жизнь бѣдной
Анны. Вотъ что она говоришь сама о себѣ:

Посю я розу, поставлю сторо- жу;	Посю я розу, поставлю сторо- жу; —
Стороною дощикъ иде, сторо- ною,	Стороною дождикъ идетъ, сто- роною;
Надъ моею рожею червоюю.	Надъ моею красною розой.
Не певна сторожа, выломана рожа.	Не надежна сторожа, изломана роза;
Стороною дощикъ иде и пр.	Стороною дождикъ идетъ и пр.
Вышло на рожу три мѣсяца ясныхъ.	Взошло надъ розой три мѣсяца ясныхъ.
Стороною и пр.	Стороною дождикъ идетъ и пр.
Три мѣсяца ясныхъ, три молод- цы красныхъ.	Три мѣсяца ясныхъ, три молод- ца красныхъ.
Стороною и пр.	Стороною и пр.
Першій молодчикъ — молодой Василько.	Первый молодецъ — молодой Ва- силь.
Стороною и пр.	Стороною и пр.
Другій молодчикъ — молодой Иванко.	Другой молодецъ — молодой Ва- нюша.
Стороною и пр.	Стороною и пр.
Третій молодчикъ — молодой Павличко.	Третій молодецъ молодой Па- влуша.
Стороною и пр.	Стороною и пр.
Посю я розу, поставлю сторо- жу.	Посю я розу, поставлю сто- рожу.
Стороною и пр.	Стороною и пр.
Не певна сторожа, выломана рожа.	Не надежна сторожа, изломана роза,
Стороною и пр.	Стороною и пр.

Вышло на рожи, три зирочки ясных.	Взошло надъ розой три звездоч- ки ясныхъ
Стороною и пр.	Стороною и пр.
Три зирочки ясныхъ, три див- очки красныхъ.	Три звездочки ясныхъ, три дѣ- вицы красныхъ.
Стороною и пр.	Стороною и пр.
Перша дивочка—молода Одарка.	Первая дѣвица—молодая Даша.
Стороною и пр.	Стороною и пр.
Другая дивочка—молода Оксанка.	Другая дѣвица—молодая Оксюша.
Стороною и пр.	Стороною и пр.
Третья дивочка—молода Оленка.	Третья дѣвица — молодая Але- нушка.
Стороною дощичь иде, сторо- ною,	Стороною дождичь идетъ, сто- роною
Надъ моею рожею червоюю.	Надъ моею красною розой.

Въ эпшй пѣснѣ много миспическаго и шакъ мало общаго съ другими обыкновенными пѣснями. Надъ сломаной розой являюшся при мѣсяца и при звѣзды, и шо не мѣсяцы не звѣзды, а молодцы и дѣвицы.

Далѣе поюшъ:

А въ моего батенька якъ ходитъ, тай ходитъ	Какъ у моего батюшки ходитъ, да ходитъ
Кобычекъ по двору;	Лошадка по двору,
А въ моего братика якъ виситъ, тай виситъ.	А у моего брата виситъ, да виситъ
Шабелка на килку;	Сабелка на гвоздь.
А въ мой матиньки якъ мокра тай мокра	А у моей матушки мокрая, да мокрая
Скатертъка на столи;	Скатертъка на столъ.
А въ моей сестрици якъ выросла, слав, тай выросла	А у моей сестрицы выросла, да выросла
Гутовъка въ городи.	Мата въ огородъ.

Ни въ чемъ нѣтъ доли бѣдной Аннѣ: у ея опшца еспь конь, у брата сабля, у сестры шрава, у

машери даже мокрая снаперца, впрямую послѣ угощенія, а бѣдной Аннѣ, нѣтъ ничего и даже ея любимыя розы, изломаны! Чпо же было ей за жищье въ такой недоль: она уповула и взриво шогда спало всѣмъ ее жаль.

Но смерщю Ганны не оканчивается повѣспъ; о ней же поюшъ:

Черезъ наше село везено дере- во.	Черезъ наше село везено дере- во.
Ой воно, воно въ видялю рано	Ахъ оно, оно рано въ вос- кресенье.
Изъ-за моря далеко!	Изъ-за моря далеко.
А съ того дерева зробила цер- ковка.	А изъ того дерева сдѣлана цер- ковь.
Ой воно, воно и пр.	Ахъ оно, оно рано и пр.
А въ ней церковицк, чатыри ви- конца.	А въ той церкви чатыре око- шечка.
Ой воно и пр.	Ахъ оно и пр.
Первое виконце—Василько якъ солнце.	Первое окошечко—Василій какъ солнце.
Ой воно и пр.	Ахъ оно и пр.
Другое виконце—Иванко якъ солнце.	Другое окошечко—Ванюша какъ солнце.
Ой воно и пр.	Ахъ оно и пр.
Третье виконце—Павличко якъ солнце.	Третье окошечко—Павлуша какъ солнце.
Ой воно и пр.	Ахъ оно и пр.
Четверте виконце—Палийко якъ солнце.	Четвертое окошечко—Пантели- монущка какъ солнце.
Ой воно, воно въ видялю рано	Ахъ оно, оно рано въ вос- кресенье
Изъ-за моря далеко.	Изъ-за моря далеко.

Подъ эшимъ деревомъ разумьюшъ гробъ Анны,
а подъ чешырьмя окнами, чешыре гробовыхъ доски

на чепыре спороны свѣща. Подобныя сравненія встрѣчаются и въ русскихъ пѣсняхъ.

Во всякомъ случаѣ, эпошъ гробъ споишъ вниманія: онъ привезенъ изъ-за моря. Не говорится ли въ эпошъ преданіи о началѣ введенія въ Кіевъ христіанской религіи изъ-за моря, изъ Греціи: пакъ я думаю, несмотря на нѣкоторыя позднѣйшія измѣненія пѣсни. Почему не сохранишь памяти объ эпошъ великомъ переворотѣ, когда пакъ живо сохранилась память о Дунаѣ, не только у Малороссіянь, но и у русскихъ, и какъ замѣтно, что самый голосъ всѣхъ пѣсень о Дунаѣ имѣетъ что-то свое особенное, опличительное отъ другихъ пѣсень: не сохранилась ли и въ немъ спарина.

Выписываемъ еще часъ пѣсни:

Черезъ наше село, везено дерево,
Ой воно, воно въ нидило раю
Изъ-за моря далеко!

Что это за дерево, которое везли изъ-за моря, привезли именно въ воскресенье и построили изъ него церковь. Не напоминаетъ ли это X-го вѣка, принятія изъ-за моря христіанской вѣры, распространенія у насъ Восточной Церкви и ниспроверженія кумировъ? не тогда ли брошенъ въ воду и Купало?

Тай въ воду упавъ
Купало пидъ Ивана!

Или не напоминаетъ ли эшимъ деревомъ о разныхъ вещахъ, какъ то, образахъ, мѣдныхъ изваяніяхъ и прочемъ, привезенномъ Великимъ Владимиромъ въ Кіевъ?

«Поспави же церковь въ Корсунъ на горъ,» сказано про Владиміра въ лѣтописи, «взя же и два капища мѣдны, и чешыре кони мѣдны, иже и нынѣ сполшъ за Свяшою Богородицею.»

Все эшо сохранилось въ обычаяхъ и преданіяхъ народныхъ, шакъ неопредѣленно и сбивчиво, чшо шолько по сличеніи многихъ преданій можно вывеспи заключенія болѣе вѣрныя и положительныя.

Теперь нельзя объяснить и шого, какимъ образомъ праздникъ, начавшись пѣснями о *Купалѣ*, кончается пѣснями о *маренѣ* и *Ганнѣ*. Одно ли эшо измѣненіе названій, соопвѣтственно времени, переворошамъ и обшояшельствамъ, чрезъ кошорые прошли народныя вѣрованія, или разныя обряды и преданія случайно соединились въ одинъ праздникъ?

По нашимъ лѣтописямъ неизвѣстно, былъ ли идолъ Купалы; въ нихъ сказано шолько, чшо Владиміръ велѣлъ иные кумиры разбишъ, другіе предашъ огню; но кому они принадлежали, какого изображали языческаго бога, неизвѣстно. Только, вѣрояшно, былъ кумиръ Купалы, пошому чшо грубому человѣку надобно видимое изображение его мысли или чувства. Каждый праздникъ имѣетъ свою внѣшнюю спорону, въ кошорой выражается главная его мысль; а сохранившійся обычай дѣлаетъ изображение Купалы и пѣсня

Тай въ воду шпавъ
Купало пидъ Ивана!

еще болѣе убѣждаетъ въ эшой мысли. Въ эшой пѣсни опредѣлительно говорится даже о днѣ, въ

копорый пали кумиры, или по-крайней-мѣрѣ кумирь Купалы.

Въ воспоминаніи ниспроверженія кумировъ долго сущесствовалъ въ Польшѣ обычай дѣлать изъ соломы или конопли идоловъ и, нарядивши въ одеждѣ, съ жалобными пѣснями бросаешь въ воду. Здѣсь и въ Силезіи 7-го марта дѣлали идола *Мараны* или *Маржаны* (*marzani*) и съ пѣснями попопляли его въ рѣкѣ или въ озерѣ ⁽¹⁸⁾. Быть можетъ, въ Малороссіи эпа *Маржана* замѣнялась *мареною*, въ память копорой пеперь носятъ дерево; быть можетъ также, праздникъ и названіе *марены* заимствованы. Но какое имѣла отношеніе *марена* къ *Купалу*—скрыто отъ насъ; только по дереву, копорое замѣняетъ ее, можно предполагать, что подъ нею разумѣли распишельную силу природы, и въ эшомъ смыслѣ она могла имѣть довольно общаго съ *Купалою*, какъ праздникомъ средолѣтня.

Неизвѣстно также, какъ привились къ празднику *Купалы* пѣсни о какой-то *Ганнѣ*. Порою мнѣ приходило на мысль: нѣтъ ли между эпой *Ганной* и близостию ея къ *Дунаю* и ея несчастной долей чего-нибудь общаго съ царвною *Анною*, женою *Владиміра*, свидѣтельницей разрушенія идолопоклонства и введенія христіанской религіи. По лѣтописямъ ей было не легче, какъ говорится въ пѣсняхъ о *Ганнѣ*: она, оставляя *Грецію*—сказано у *Неспора*, съѣла въ ладью, и поцѣловавши родныхъ своихъ, съ плачемъ поѣхала за море.

Но самъ, не довѣряя догадкамъ, несмотря на

нѣкопорыя данныя, вѣрю, что будетъ время, когда разобличится народный бытъ съ его повѣрьями, пѣснями, обычаями, со всѣмъ, что соспавляетъ ежедневную жизнь, знанье, вѣру, желаніе, мечту и нужды всей массы народа.

Примѣчаніе. Собирая свиданія и повѣрья о Купаль, я руководствовался словами крестьянъ, и въ особенности женщинъ и дѣвушекъ; былъ на нѣсколькихъ празднествахъ въ самый день Купалы, и могу поручиться за вѣрность описанія того, что я видѣлъ, и точность пѣсень, которыя слышалъ. Правда, я помѣстилъ здѣсь полное празднованіе, какое только удавалось мнѣ видѣть. Въ однихъ мѣстахъ не поютъ нѣкоторыхъ пѣсень; въ другихъ не дѣлаютъ Купалы, а ходящъ около одной марены; въ иныхъ мѣстахъ не смѣютъ раскладывать огней, а накладываютъ большой ворохъ крапивы, прыгаютъ черезъ него съ пѣснями и часто нарочно обжигаются. Наверное еще многое откроется при дальнѣйшемъ собраніи пѣсень и повѣрій, объ эпохѣ праздника, въ Малороссіи. Вообще же въ губерніяхъ волынской, подольской, кievской, черниговской, полтавской, харьковской и воронежской, въ которыхъ считается до 10,000,000 жителей, сохранился праздникъ Купалы въ большей силѣ, и сопровождается весельемъ и какою-то торжественностію. Во всѣхъ этихъ губерніяхъ, можно, почти близъ каждой Малороссійской деревни, видѣть, въ день Купалы, купальскіе огни и слышать купальскія пѣсни. Съ высокаго мѣста часто видно вдругъ нѣсколько десятковъ огней. Въ тотъ же день горятъ они почти близъ всѣхъ Малороссійскихъ селеній, по всему протяженію Новороссійскаго Края. Кто желаетъ посмотреть на праздникъ Купалы и послушать купальскихъ пѣсень, тому ненадобно пропустить вечера и ночи на Ивановъ день. Въ остальное время года неохотно поютъ про Купалу, и то развѣ по строгому приказанію или, можетъ быть, изъ денегъ или подарковъ; но эти пѣсни безъ обычая будутъ безцвѣтны.

ЗАПИСКИ МОЕГО ОТЦА.

КАРТИНА СИБИРИ

1804 - 1809.

(Отрывокъ.)

Сибирь, по своему пространству, есть главнѣйшая часть Россіи и болѣе всѣхъ государствъ на земномъ шарѣ, простираясь отъ 75 до 208° шир., и имѣя почти вездѣ отъ 20 до 30° въ поперечникѣ. Обширный край этотъ заключаетъ въ себѣ разнообразныя климаты. На сѣверѣ его нерѣдко бывающъ болѣе 40° морозы по Реомюрову термометру. Зима отсель почти не удаляется, и если, между 70—75°, смѣняешъ ее льшю, самое жаркое, то и въ такомъ случаѣ земля оттаиваетъ только на 5, на 7 и на 10 вершковъ, а градусами пашью южнѣе, оттаиваетъ вершковъ на 12, 20, и рѣдко на 50; а глубже сего, мѣдра земли облечены ледянымъ черепомъ, кошорый въ лѣтнее время холодитъ все живущее на семъ пространствѣ. Человѣкъ здѣсь ничего болѣе не встрѣпишь, кромѣ моха, кое-гдѣ разбросанной шравы, испонченныхъ

цвѣшовъ, водянистыхъ, безвкусныхъ ягодъ и спѣлящихся по землѣ, вышиною въ футъ, иногда и болѣе, ивняка и березника. Чѣмъ ближе къ полудню, тѣмъ замѣшнѣе жизнь природы: березникъ начинаешъ росши кустами; съ 69° показывается лисшвяница; съ 67° кедровникъ, кошорый здѣсь роспешъ иначе, какъ на шундрахъ, заключающихъ въ себѣ минеральныя, согрѣвающія чашицы. Съ 67° присоединяешся къ симъ деревьямъ ель, можжевельникъ и пихша, а градусомъ южнѣе—сосна. Съ 62° попадаешся жимолосшь; съ 59° шиповникъ, ольха и кое-гдѣ пополь; съ 58° липа, боярка и обльпиха; съ 57° дикая вишня, особливо въ окрешносняхъ рѣкъ Ирпыша, Ишима и Тоболя, къ Аральскому Морю. Но съ 52° къ югу, поля и долины Сибири спановяшся роскошными: здѣсь видны персики, акаціи, дикія яблони. Плоды сихъ послѣднихъ Сибиряки упошребляюшъ въ салашъ, хошя они еще не вкусны и малы. Здѣсь нѣтъ ни дуба, ни бука, ни бересша, ни клена, ни многихъ другихъ деревьевъ, украшающихъ европейскіе лѣса; но опышъ подаешъ надежду на вѣрнѣй успѣхъ. Ягодъ здѣсь большое изобиліе: множешво малины, клубники, черной и красной смородины, земляники, морошки, княженики и проч., изъ кошорыхъ послѣдняя съ пріятноспію и благовошноспію заключаешъ свойшво хмѣля; она преимущественно роспешъ на сѣверо-западъ, лучше всего родишся на жирной землѣ; впрочемъ попадаешся въ болошахъ и на мѣспяхъ возвышенныхъ; лисшья ея видомъ похожи на земляничные а ягоды на малину, шак-

же полупрозрачны и цвѣшомъ изкрасна-фіолетовымъ.

Вообразите же эпошъ разсадникъ природы отъ береговъ Ледовишаго Моря до полуденныхъ границъ Сибири. Какъ онъ величественъ и обширенъ, и чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ разнообразнѣе и роскошнѣе, пакъ что подъ 53 и 50°, при вершинахъ рѣкъ Тоболя, Амана, Уды и около Байкала встрѣчаеше климаты Липвы и Пруссіи; а наша Бухшарма для Сибири поже, что Швейцарія для Европы: благорасшвореніе климата, плодородная почва, водопады, пльнишельные виды, долины, горы, золотыя руды, все дѣлаешъ ее спраною богашою и прекрасною.

Между 50 и 47° чувствуюешъ климатъ Украйны, Шлезіи и ушьевъ рѣкъ Мааса и Мозеля, лежащихъ 3 и 4 градусами южнѣе эпоихъ мѣспъ Сибири. Эша разница климата сибирскаго отъ евроейскаго, не соопшвъшшвуюющая проспраншвамъ широты, пораждала во мнѣ вопросъ: *отъ чего она происходитъ?* Многіе, не вникая въ мѣспность, приписывали эпо *востоку*. Но что эпо значипшъ? развъ воспокъ Азіи не еспъ западъ для Америки, и развъ не служипшъ для нее воспокомъ знойная Африка и умѣренная Европа? По моимъ соображеніямъ, эша разница происпекаетъ отъ иной причины, о копорой, сколько мнѣ извъспно, никшо еще замѣчанія не дѣлалъ. Во-первыхъ, она происходишъ отъ мѣспностей Ледовишаго Моря, проспирающагося на 4,000 верспъ и всегда, хоша и не вездѣ, загроможденнаго горами льдовъ, ко-

порые силою восточнаго вѣтра наносятся къ устьямъ рѣкъ, къ мысамъ и губамъ, гдѣ долго держашся, попому что южный вѣтеръ шамъ очень рѣдокъ, а печеніе почвы всѣхъ впадающихъ въ эпошъ океанъ рѣкъ весьма слабо: почвы всѣ онѣ въ устьѣ своемъ разливаются очень широко, спановяшся мелкими и безсильными. Однѣ шолько бури, копорыя также рѣдки въ эпош полумертвой спранѣ, могутъ разломать ледяныя плошины. Во-впорыкъ, самая Новая Земля, разрѣзанная и опдѣленная опъ машерика проливами, задерживаетъ спремленіе льдовъ, разносимыхъ вѣтромъ; въ-спрешьихъ, самыя льдины, выбрасываемыя рѣками, по вскрышши ихъ, не шолько не расплояются въ 5-ши или 6-ши недѣльное лѣшо, въ копорое едва просвѣчиваетъ солнце сквозъ густыя шуманы, но слѣпляются въ огромныя пльвучіе ошрова, копорыя, соединившись со льдами океана, не могутъ пройши сквозъ шѣсный Беринговъ Проливъ и такимъ образомъ холодятъ и Азію и Америку; въ-чешвершыхъ, самый рубежъ южныхъ горъ Сибири, задерживая сѣверный вѣтеръ, не пропускаетъ сюда шеплаго, полуденнаго. Въ испинѣ эпого можно удосповѣришся и шѣмъ, что несозрѣваюція до 62-го градуса огородныя овощи въ Сибири, созрѣвають подъ 64, 65 и 66 градусами въ Исландіи и сѣверной Швеціи. Причина пому ша, что Исландія удалена опъ льдовъ водами Западнаго Океана; а на сѣверѣ Швеціи, несшѣсненнѣй узкими проливами ледъ имѣетъ свободное спремленіе и не успѣваетъ шакъ сильно охладить эпош спороны, какъ Сибири. Вонѣ

ощего воспокъ Азіи и Европы холоднѣе воспоковъ другихъ спранъ, лежащихъ подъ одними градусами широты: онъ въ сосѣдствѣ съ Ледовишымъ Моремъ.

Спорона сія дополь будетъ холодною, пока съ одной спороны Заливы Баффиновъ и Гудсоновъ, а съ другой воды Ледовишаго Моря не опорвуть опъ Гренландіи прикосновенныхъ къ ней земель и не опмокутъ полюсныхъ льдовъ; а дополь сѣверные вѣтры, дунъ какъ въ мѣхъ между хребтами Гренландіи, Лабрадора и проч., даже по населеніи и по очищеніи сихъ мѣстъ опъ непроходимыхъ льсовъ, будутъ препяшспивовашъ и малѣйшему измѣненію въ климашъ. Еще ещѣ надежда, въ копорую я совершенно вѣрю, что нѣкогда опъ чрезвычайной быспроты Берингова Пролива опъ запада къ востоку, воды океана, спѣсненныя громадами льдовъ, найдутъ большее опверзшіе и наконецъ опшпоргнутъ у Америки огромныя глыбы оледенѣлыхъ земель и льсовъ, покрывающихъ иногда вмѣстѣ съ холмисшыми опспровами льда, всю сѣверовосточную часшь Камчатскаго Моря, ниспровергнутъ мысъ, прошивоположный Чукошскому, и разрѣшатъ важную для изслѣдоващелей задачу: лежишъ ли Сѣверовосточная Америка подъ шочкою арктическаго полюса? Тогда доспашочно будетъ 10-ши дней въ году для выхода изъ Берингова Пролива льдовъ, въ немъ заключенныхъ, и 5-ши недѣль для очищенія Ледовишаго Моря (*).

(*) Ширина пролива, по момъ соображеніямъ, простирается отъ 125 до 500 верстъ. Г. Сарычевъ во все лѣто 1787 года не

Произведенія Сибири разнообразны не менѣе ея климатовъ. Воспокъ и сѣверъ ея изобилуютъ пакнми множесвомъ рыбы, чшо нѣсколько милліоновъ людей ею могутъ быть сыты (*). Только здѣсь ловащяся соболи и черныя лисицы; а обильныя пастбища для скотоводства, могутъ для одной Европы вскормить нѣсколько милліоновъ лошадей, быковъ, овецъ и свиней. Рожь, пшеница, ячмень и гречиха даютъ приплоду отъ 3-хъ до 20 и болѣе зеренъ, смотря по мѣстности и полосѣ климата. Конопля и ленъ родятся порядочно; просо и пшеница на югѣ сѣются съ выгодною. Табакъ разводится. До 1805 года во всей Сибири не было ни одного улья пчелъ, а теперь болѣе нежели на 100 тыс. руб. вывозится на Ирбишскую ярмарку. Такимъ успѣхамъ способствуетъ исповѣданіе раскольниковъ, копорыхъ здѣсь, особенно по *линии*, очень много.

Внутренность Сибири усѣяна обширными лѣсами, бологами, полями, лугами; разрѣзана нѣсколькими хребтами горъ и величайшими рѣками въ свѣтъ; имѣетъ множесво озеръ, минеральныхъ водъ, солей, шорфу, каменнаго угля, магне-

могъ далѣе проникнуть въ море, какъ за 40 верстъ. По увѣренію Чукчей, это было самое жаркое лѣто; а въ обыкновенные годы едва можно плавать на лодкѣ около береговъ: такъ мало растопляетъ и разноситъ льдовъ. Сколько бы ни дули южныя вѣтры, при перемянѣ ихъ льды въ двое или въ трое сутокъ съ новою силою возвращаются къ берегу.

(*) Сырти, нельма, омули доставляютъ вкусную пищу, а голманка употребляется на свѣтильники и проч.

зіи; изобилуешъ свинцомъ, серебромъ, полями золотого песку и драгоценными камнями. Чрезвычайно богатые, но еще неразработанные желѣзные рудники, простираются до 60° сѣверной широты. Вошъ преимуществва людей одной части Россіи. Надежды ея столь же обширны. Соединеніе рѣкъ Тоболя и Бѣлой съ Ураломъ, Ингоды съ Селенгою, Енисея съ Кешою, Собы съ Печерою, и, протекающихъ близъ рубежа нашего съ Кипаемъ, Иги съ Капунью, кошорыя безъ затрудненія Кипайцы уступяшъ намъ взамѣнъ земель, лежащихъ по правую сторону рѣки Уды, впадающей въ Охотское Море. Это соединеніе сблизитъ насъ съ Европой, Америкой и южно-азіатскими государствами; усилитъ востокъ Сибири и доставитъ возможность сплавлять товары наши изъ иркутской, томской, тобольской, пермской и оренбургской губерній въ Персію, несравненно за низшія цѣны; а изъ юго-востока томской губерніи, въ Нерчинскій Край; изъ Иркутска же облегчитъ торговлю съ Кипаемъ, и доставивъ болѣе удобствъ торговлѣ кипайскими товарами съ Европою, дастъ возможность привозить ихъ за цѣны дешевле противу нынѣшнихъ, хотя бы была взимаема и большая пошлина за пропускъ ихъ чрезъ границу и чрезъ шлюзы, кошорые можно отдавать на откупъ частнымъ людямъ, для *возвращенія издержекъ на заведеніе и поддержаніе*. Эта дешевизна товаровъ объясняется тѣмъ, что: 1-е Англичане и Американцы для вывоза кипайскихъ товаровъ изъ Кантона и Макао спросятъ корабли

въ нѣсколько сотъ разъ дороже рѣчныхъ судовъ и подвергающъ цѣлосъ ихъ товаровъ и жизнь свою большому риску, переплывая океаны; 2-е употребляютъ для пуши около года а иногда и болѣе; 3-е снабжаютъ ихъ харчами, кошорые опъ 2-хъ до 20-ши разъ дороже покупаемыхъ въ южной Сибири. Напрощивъ, Сибирь имѣетъ всъ выгоды для сей торговли: дешевую постройку небольшихъ рѣчныхъ судовъ изъ собственнаго лѣса, малый рискъ, кошорому подвергается перевозъ на нихъ товаровъ, дешевизна харчей и скороспъ доставленія товаровъ, шакъ, что для перехода судна изъ южной Сибири до устья Печоры поребно не болѣе чешырехъ мѣсяцевъ, шо еспъ къ исходу авгу-ста. Все это подаетъ большія надежды на возрастаніе благоденствія въ странѣ богатой всѣмъ и важной по торговлѣ съ Америкою и азіяскими государшвами.

— Ъ.

ПОЪЗДКА ВЪ ПУТИВЛЬ.

(Отрывокъ.)

Если вы проѣзжали ѣздомъ Путивль, по вѣрно любовались прелестнымъ его мѣстоположеніемъ, плодоносіемъ окружныхъ полей и живописною Семью, свободно разливающеюся здѣсь во всей красотѣ по ровнымъ веселымъ лугамъ или въ шнѣи высокихъ холмовъ, покрытыхъ рощами, селеніями и миловидными хушорками, разбросанными въ окрестностяхъ города, среди зеленѣющихъ садовъ.

Но эпоа благословенное и нынѣ сполю спокойное Посемье, удѣль добродушнаго Свяшослава Ольговича и храбраго Игоря съверскаго, нѣкогда главный пришонъ самозванцевъ и гнѣздо возмущенныхъ, опшкуда нешповыя шолпы спремались безпрешанно буйшвовашь на пецелищѣ опвечеспва,— замѣчашельно еще и въ другомъ опношеніи. Мнѣ всегда казалось, что съ небольшою дѣяшельноспію не шрудно опыскашь здѣсь любопытныя маше-

ріялы для испоріи; недавно же повѣривъ опышомъ мои предположенія, я совершенно убѣдился въ эшомъ. И хопя имѣлъ возможность удѣлишь полько нѣсколько дней на поверхноспный обзоръ города, и не успѣлъ собрашь значительныхъ свѣдѣній, но какъ и одна черта, дополняющая что-либо въ испоріи, споишь уже вниманія просвѣщеннаго наблюдашеля, то опложивъ до времени обспояпельное описаніе Пупивля, познакомлю на первый случай съ городкомъ его, и надгробнымъ камнемъ Князя Василія Георгіевича, копорый въ первый разъ срисованъ мною по просьбѣ бывшаго пупивльскаго предводителя А. Н. Львова, и кажется, напечатанный, вмѣспѣ съ описаніемъ моимъ, въ Журналѣ Минисперспва Внутреннихъ Дѣлъ. Во всякомъ случаѣ, повпореніе о споль рѣдкомъ опечешвенномъ памятникѣ считаю не только не лишнимъ, но даже необходимымъ, чшобы исправишь нѣкоторыя ошибки, вкравшіяся въ первое описаніе.

Площадь, на кошорой расположенъ Пупивль, у побережья Семи, разбиваясь оврагамн на опдѣльные холмы, имѣешъ на одномъ изъ нихъ древній *городокъ*, замѣчашельный испорическими воспоминаніями и прелеспными видами. Справа, по набережной Семи, подымается, не въ дальнемъ разспояніи опсюда, высокій зеленый курганъ съ горнею церковью св. Николая, — мѣспо рѣдкое по красосѣ положенія; далѣе низменность заняпа подгородною слободою, примыкающею къ казеннымъ мельницамъ, и около нихъ, на другомъ берегу, недавно успроенный, по проекпу г. Пузанова, обвод-

ный каналъ, по кошорому 15 іюля 1836 года, глава пушивльскаго купечества Бѣляевъ, первый ошкрылъ судоходство, ошправивъ барку съ пуземными произведеніями въ Кременчугъ. Желашельно, чшобъ примѣръ его подѣйсшвовалъ на прочихъ, и шорговая дѣяшельность оживила прекрасный, плодородный край. Во всякомъ предпріятіи начало шрудно и обыкновенно вспрѣчается недоувѣрчивостію: полько время и опытъ, при содѣйсшвіи правительсшва, умудряющъ людей, и дающъ благодѣшельное направленіе капишаламъ и заняпіямъ жишелей. Влѣво за глубокимъ логомъ выдвигается на скаль *Монастырь Молчанскій* или *прежняя каменная крѣпость*, о кошорой упоминаетъ Маржерепъ ⁽¹⁾ и кошорой вешхія башни и спѣсны съ амбразурами и казематами еще цѣлы, и покойно ошживающъ вѣкъ свой на живописныхъ крупизнахъ, заросшихъ плодовишыми деревьями монасшырскаго сада, кромѣ опличныхъ фруктовъ, свойсшвенныхъ здѣшнему климашу, въ иные годы производящаго даже виноградъ, совершенно вызрѣвающій на ошкрышомъ воздухѣ. Основанная при Великомъ Князѣ Васильѣ Дмишрїевичѣ, въ 20 версшахъ ошъ города (гдѣ усшроена попомъ пушпынь Софроньсшкая) обишель молчанская сущесшвовала шамъ до 1593 года, когда Ташары, разоривъ ее, принудили монаховъ поселишся въ эшой самой крѣпости, гдѣ находились принадлежащія имъ церкви. Чшо видно изъ копіи съ подлинной грамошы, данной іеромонаху Сергію 1729 года, на монасшырскія вошчины, и хранящейся въ пушивльскомъ монасшырѣ, шак-

же изъ записокъ о Софроньевой пущынь. Въ этой крѣпости, какъ безопасномъ приспанищѣ, вѣроятно, жилъ и первый самозванецъ: въ главной церкви показывають чудотворный образъ Жировицкой Богоматери съ польскою надписью, пожертвованный, можетъ быть, кѣмъ-нибудь изъ сподвижниковъ Опрепьева (а), а въ архимандритскихъ кельяхъ гошическое кресло Лжедмитрія, украшенное рѣзбою и позолопою. Здѣсь и могила греческаго паптіарха Іереміа, умершаго въ Пушывлѣ, на возвращномъ пути изъ Москвы 1654 года. Объ эпомѣ упоминается въ путешествіи въ Москву арабскаго паптіарха Макарія (Библиошека для Чпенія, 1836 г., N 15), и что двѣсвѣшело подтвердилось Синодикомъ обители, гдѣ сказано: «Сии архіереи греческіи погребены здѣсь въ монастырѣ: преосвященный *Іеремій*, преосвященный *Неофитъ* епископъ.» За монастыремъ плынешя лѣсисный горный берегъ Семи, на которомъ, верспахъ въ двухъ отъ города, на обрывистой скалѣ, надъ самою рѣкою, находяшяся оспашки древняго укрѣпленія, составляющаго валъ и ровъ окружностию съ верспу, и извѣснаго подъ именемъ *Княже-*

(а) Образъ большаго размѣра, писанъ на полотнѣ масляными красками, и по обводу круга, въ которомъ изображена Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, слова: *Pociesznieiszana Dcherrbinyc hwalenieisza nad Seraphiny bezъ kazy slowo boga rodzaca.* А внизу: *Obrazъ swdowny P. Mariey w Zyrowicachъ w XI-e B Walitew.* Число XI указываетъ, кажется, на 1611 годъ отъ Р. Хр. Въ той же церкви панатія, жалованная Борисомъ Годуновымъ, а въ монастырской библиотекѣ острожская Библия. Но обитель эта заслуживаетъ подробнаго описанія.

скаго Городка. Преданіе говоритъ, что шамъ былъ дворець князей пушивльскихъ, и не шакъ давно еще граждане имѣли обыкновеніе, въ лѣтнее время, прїѣзжаяшъ шуда съ семейспвами, веселишья въ шѣни гусшаго лѣса, раскинувъ палашки, угощали другъ друга чаемъ, пѣли и плясали на лужайкѣ, въ виду пшхой Семи, крупными, роскошными изгибами пробирающейся къ городу, гдѣ, съ одной спороны, съ высопъ съ праваго берега сходяшъ навспрѣчу царицѣ курскихъ рѣкѣ домики, сады, огороды пушивльскихъ жишелей, съ другой, необозримые луга распшляюпъ ей зеленую пелену свою, и взоръ на проспраншвѣ сорока верспъ шо слѣдишъ за излучишпымъ печеніемъ рѣки шо разбѣгаешя по пышнымъ муравчашымъ коврамъ, на кошорыхъ блестяшъ заливы и пропоки, мелькаюпъ роши, села, деревни и опдаленные лѣса, или люблюешя безчисленными садами, кошорые, ошняя вершны и скашы холмовъ, обвиваясь около зданій, и спускаясь вмѣстѣ съ ними въ лоцины и крушояры, сосшавляюпъ лучшее украшеніе одного изъ древнѣйшихъ городовъ Россіи, процвѣшавшаго нѣкогда не одними садами.

Положеніе городка, въ срединѣ набережной, занимаемой городомъ надъ Семью, при впаданіи въ нее рѣчки Пушивльки, давшей, можець бышъ, названіе городу, на ушесисшой скалѣ, обнесенной съ сѣвера и запада высокимъ валомъ и рвомъ, а съ юга защищаемой рѣчкою, доказываешъ, что онъ ешъ первоначальное укрѣпленіе Пушивля. На памяши шшарожиловъ, въ нѣкошоромъ ошѣ него раз-

спояши, проходилаъ другой шакой же высоты валъ, съ премея воропами, и, соединявшись съ городкомъ, захватывала значительное пространство, въ коемъ жили, съ драгоценнымъ имуществомъ обыкновенно укрывались при набѣгахъ непріятелей. Теперь еще видны мѣста, гдѣ былъ между валами подземный въ Путивль за водою ходъ, и колодезь, уже завалившійся. Надъ главными воропами со стороны площади стояла деревянная башня, достопамятная явленіемъ на ней въ 7108 (1600) образа Смоленскія Божія Матери Одигриіи, находящагося теперь въ городской воскресенской церкви. Съ этой башни спржа весьма удобно могла обозрѣвать окрестности. Валъ же, усаженный палисадомъ, оборонялся пушками; но послѣ взрыва порохового амбара, лишь за 40 предъ симъ случившагося, — причеъ сторѣла и башня, — онъ былъ срытъ, а орудія перевезены въ Кіевъ и на луганскій заводъ. Подобнымъ образомъ укрѣплялись всѣ древніе города наши; особенно пограничные, угрожаемые всегда опасностію нечаяннаго нападенія, и успроивавшись на выгодныхъ для обороны мѣстоположеніяхъ, могли для южныхъ сосѣдей нашихъ, по тогдашнему младенческому состоянію военнаго искусства, предспавить къ овладѣнію ими немаловажныя затрудненія.

Въ 1146 году Путивльцы за щипомъ эшихъ земляныхъ оградъ мужественно отражали союзниковъ Изяслава кіевского; а въ 1159 году принудили князя Изяслава Давидовича отступитъ безъ успѣха. На городкъ, какъ надобно полагаешь, нахо-

дился и домъ Свяпослава Ольговича, въ кошоромъ непріатели въ 1146 году захвашили всю его казну: 500 берковецъ меду и 50 корчагъ вина въ выходахъ; на эпомъ же прелеспномъ мѣспѣ жили, можешъ бышь, и прочіе князья путивльскіе, и сынъ мудраго Ярослава галицкаго, Владиміръ, изгнанный опцемъ, имѣлъ приспанище у госпепримнаго зпня своего Игоря Свяпославича, успѣвашаго наконецъ примирить его съ разгнѣваннымъ родипелемъ. Когда же въ 1185 году, по словамъ вдохновеннаго пѣвца Игорева, герой сѣверскій повелъ удаляя дружины въ степи половецкія добывашъ смерпи или славы, оспавленная имъ въ Путивль гореспная супруга его встрѣчала здѣсь елезами ушро ясное «съ городской спѣны смошря въ чисное поле» и въ сердечной шоскъ умоляла и солнце, и вѣспры, и спруи быспраго Днѣпра возвращишь ей друга милаго; а послѣ пораженія Игоря, при нападении Половцевъ на Путивль, когда варвары сожгли оспрогъ его, нашла въ городкѣ зашипу и спасеніе. Я полагаю, что эпомъ древній *острогъ* находился между Семью и Крынкою на южной оконечности города, гдѣ построена пошомъ каменная крѣпость, превращенная наконецъ въ Монашпырь Молчанскій, когда правительство послѣ Самозванцевъ, кошорымъ шакъ усердно служили Путивльцы, нашло полезнымъ уничтожити ее. Оспрогъ и городокъ, соспавляли двѣ главныя опоры Путивля, издавна щипавшагося крѣпкимъ. Дозынъ еще сущеспвуетъ оспрожный валь, идущій поперегъ города къ верховью

Крышки, о коемъ упоминаешся и въ грамошъ Михаила Феодоровича, жалованной Молчанскому Монашпырю (7029) 1621 опъ Р. Хр., при Игуменъ Герасимъ. Безъ сомнѣнiя, и при Самозванцахъ мѣспо эшо, какъ пребыванiе воеводъ, служило шакже шеапрошь многихъ замѣчашельныхъ происшешствiй, въ коихъ Пушивльцы принимали шогда споль дѣшательное учашнiе и послѣдствiя кошорыхъ были шакъ важны для нашего опечешства.

Кромъ Монашпыря св. Спаса, въ городкѣ находились еще двѣ приходскiя церкви, съ 1724-го Соборъ Преображенiя, переведенный въ уничтоженный Духовъ Монашпырь, большой воеводскiй домъ (въ кошоромъ жилъ самъ воевода, и помѣшалась канцелярiя его), а съ опкрышiя намѣшшничешствъ, присушшвенныя мѣспа: казначейштво, архивъ и погреба, гдѣ хранилась казна, порохъ и разиыя боевыя припасы; но время все уничтожило, и шеперь, среди бугровъ и могилъ, возвышаешся шолько часпоколъ оспрога, какъ копя великановъ на безсмѣнной спражѣ запусшнiя; да и въ нѣсколькихъ шагахъ опъ эшого временнаго гроба живыхъ, валялся въ безвѣспности и небреженiи *надгробный камень Князя Василiя Георгиевича*, чудешно сохранившiйся до нашего времени. По свидѣшешству очевидцевъ, достойныхъ вѣрояшiя, въ городѣ находилось до 8-ми подобныхъ плишъ; съ надписями; но невѣжештво жишелей и безпечность прежняго начальштва допусшили разобрать ихъ подъ фундаменшы домовъ!! Такая же учашь угрожала послѣдней, и если бѣ не обратили на

нее вниманія, шо несмотря на имя княжеское, можеть бысть, пришла бы и ее очередь служить краугольнымъ камнемъ какой-нибудь обывательской хижинѣ. При всемъ шомъ дерзкая рука, кажешся, сдвинула уже ее съ мѣсна, что по легкоспи плишы не шрудно было сдѣлашь, и доказываешся опчаспи шѣмъ, что она лежишь на плоскоспи безъ малѣйшаго возвышенія, и земля, кошорая по прошесшвіи шеспи вѣковъ должна бы значишельно вдавишься подъ ней, нисколько не ошла. По взрышїи, сдѣланномъ мною при г. городничемъ, не оказалось шакже ни склепа, или какого-нибудь кирпичнаго свода, чего можно бѣ ожидать надъ могилою княжескою, а хопя и нашли сосновый, совершенно исплѣвшій, гробъ, нѣсколько гвоздей, кошорыми онъ былъ сколоченъ, и скелеть человѣческой, однако не подъ самымъ камнемъ, а нѣсколько въ споронѣ опъ него; но какъ въ городкѣ при монастырѣ и церквахъ могли погребашься многіе, шо по эшому нельзя и опредѣлишь, шочно ли плипа покрываешъ могилу князя, или другаго покойника, давно здѣсь положеннаго. Слова на камнѣ вырѣзаны углубленіями; самый же камень, соспоющій, кажешся, изъ крѣпкаго песчаника, по распоряженію г. Львова, огражденъ рѣшешкою.

Василько или Василій Георгіевичъ былъ сынъ Георгія Долгорукаго, но неизвѣстно ни время рожденія ни первыя дѣла его юности; знаемъ шолько, что ему ошданъ былъ 1149 г. въ удѣлѣ Суздаля⁽²⁾, кошорый Георгій предоспавилъ меньшимъ

сыновьямъ своимъ ⁽³⁾. Чшо въ 1152 оспавленъ онъ былъ съ 50 чел. дружины на помощь Святославу Ольговичу, защищаль съ нимъ Новгородъ съверскій опгъ нападенія Изяслава, я, при заключеніи мира, возвратился къ опцу ⁽⁴⁾. Когда же Георгій достигъ цѣли долговременныхъ усилій, прочнаго владѣнія Кіевомъ, Василій 1150 года получилъ окрѣпность Роси, гдѣ обитали Торки и Берендѣи ⁽⁵⁾, и имѣвши владѣніе близъ древней столицы, столь любезной опцу его, располагалъ, какъ жешся, и самъ основать шамъ жизнь свою; но кончина Георгія, я, послѣдовавшій за нею мяшежъ народа, причемъ и домъ, копорый имѣлъ Василій въ Кіевъ, разграбленъ былъ жишелями, воспріятспвовали исполненію намѣреній его ⁽⁶⁾. Однако онъ долго еще послѣ того оспавался въ пороскомъ удѣлѣ своемъ, и хопя послѣ и принужденъ былъ уступитъ его сыну В. Кн. кіевскаго Роспислава Рюрику ⁽⁷⁾; но живя съ ними въ согласіи и дѣйсвуя даже заодно прошивъ врага Роспислава, Изяслава Давидовича ⁽⁸⁾, не покидалъ южной Россіи; наконецъ, соскучивъ скишашся безъ собственности, погда какъ принадлежащая ему обласпъ суздальская и обширныя земли находились во власпи брата его, могущеспвеннаго Андрея, не хопѣвшаго опрѣзать ему ни лоскупа изъ владѣній своихъ, рѣшился, можешъ бытъ, искашь управы мечемъ, раздражилъ Андрея, спремившагося къ единовластію, и высланъ былъ изъ предѣловъ опечества. Несчастные изгнанники, Мспиславъ, Михаилъ, Всеволодъ и Василій Георгіевичи,

съ матерью ихъ Гречанкою (мачихою Андрея), удалились въ Грецію. Тамъ императоръ Мануилъ, прозванный гересиннымъ ихъ положеніемъ, оказалъ имъ ласку и покровительствово, и далъ Василю чепыре города на Дунаѣ. Долго ли жилъ онъ въ странѣ чуждой? неизвѣстно; по-крайней-мѣрѣ, когда Всеволодъ и другіе братья его возвратились въ Россію, Василій все еще оставался въ Греціи; но гонимый иноземцевъ не замѣнялъ родины; и надпись на камнѣ доказываеиъ, что въ 1191 году онъ былъ уже въ опреченствѣ, и княжилъ въ Пушивѣ, копорый могъ доставить ему брань его Всеволодъ, некогда соучастникъ Василя въ бѣдственномъ изгнаніи, а тогда сильный владыка судальскій, уважаемый удѣльными князьями, повелитель сѣвера, и оппасица юга Россіи.

Если положимъ, что Василій Георгіевичъ въ 1152 году (когда оборонялъ вѣвствъ съ Свяшославоми Ольговичемъ Новгородъ сѣверскій) имѣлъ только 20 лѣтъ, то онъ долженъ былъ умереть 78-ми лѣтъ отъ рожденія.

Въ заключеніе надобно сказать, что городокъ служилъ любимымъ мѣстомъ прогулки пушивльскихъ жипелей. И точно, если бы пустырь эпошъ превратилъ въ англійскій садъ, расчистилъ Пушивльку, невидимо пробирающуюся теперь въ оврагъ, снести оспрогъ, копорый по вѣшности и шѣснонѣ своей и безъ того долго служилъ не можешъ, сдѣлаш покойные сходы къ Семи и хотя небольшой памятникъ Василю Георгіевичу, какъ единственному князю, завѣщавшему прахъ

свой Пупивлю, шо при ошкрышыхъ видахъ, предспавляющихся ошсюда въ разныя спороны, мѣсно эню было бы очаровашельно, и конечно не многіе уздныя города могли бы похваляшья пріашнѣйшимъ гульбищемъ..

Надпись на камнѣ:

Лѣша въ 708-е или 718-е: лѣшера И можешъ означашъ двѣ И и І. (18), вмѣстѣ соединенныя, и послѣднее число болѣе можно согласишъ съ историческими обстоятельствами, почему кажешся и должно чашашъ шакъ:

Лѣша въ 718-е въ Пупивле в (ѣ)

Преспавился рабъ Божій благоварный (*)

Князь Василій Георгиевичъ.

Въ 19 году княженія (о вѣроятнѣо ѣ)

скончался.

Изъ 7345 лѣшъ ошъ С. М.

Изъ 1837

— 6718 ошъ С. М.

— 627

Вый-

627 сполько про-

дешъ 1210, годъ кончины

шешло ошъ кончины Кня-

Князя.

зя донашего времени.

Изъ 1210

— 49

1191, началскняже-
нія.

(*) Мнѣ кажешся, должно читашъ не благоварный, а удѣльный: и слово д, стоящее на верху строки, кажешся, оправдаешъ это предположеніе, тѣмъ болѣе, что названіе удѣльный было въ то времена болѣе общимъ, нежели благоварный? Во всякомъ случаѣ, я желалъ бы слышашъ объ этомъ мнѣніи отъ втора статьи, видѣвшаго на мѣстѣ самый памятникъ. Изд.

А изъ 1210

**— 1152, годъ нападенія
на Новгород.-сѣ-
вер. Изяслава,
когда можно по-
ложитъ Васи-
лію 20 лѣтъ.**

58

+ 20

**78, число лѣтъ
жизни его.**

Д. ДЕМЕНКОВЪ.

О С Е Т И Н Ц Ы .

Не напрасно Европейцы назвали Азію колыбелью рода человѣческаго! Почти всѣ европейскіе народы, еще на памяти испоріи и преданій, вышли изъ Азіи. Одна часть переходила черезъ Кавказскія Горы, другая приплывала къ берегамъ Греціи, Италіи и Пиренейскаго Полуострова, но большая часть шла въ широкія восточныя степи, всегда оплодотворенныя вѣтрами изъ Каспійскаго Моря до Уральскихъ Горъ и дремучихъ лѣсовъ средней Россіи. Главнымъ жилищемъ всѣхъ перешедшихъ племенъ была средняя Азія, или страна отъ Дона до Восточнаго Океана, и отъ Горъ Уральскихъ — Алтая и Байкала — до Кавказа, Гималая и южнаго Китая. Эта страна не менѣе 5,000 верстъ въ ширину. Она поперѣзана высокими горами по покрыта обширными морями переноснаго песка по обширными долинами, равнинами и лугами. Кажется, было гдѣ расхаживали кочующимъ племенамъ съ ихъ переносными кибишками и огромными стадами

ми; но или принуждаемые необходимостью, или увлекаясь спраснями и пользуясь обспояшельствами, или повинуюсь, бышь можешь, закону Провидѣнія, призывавшаго ихъ къ измѣненію наспоющаго и пригошвленію будущаго, племена эпи искали одно другаго или вспрѣчались нечаянно и всшупали въ бой, покоряли или гнали другъ друга, даље и почти всегда на западъ, къ намъ, въ Европу, гдѣ нѣтъ широкихъ степей для кочеваго разгула, гдѣ не было удобствъ климата и мѣсшности для бродячей жизни, гдѣ все, и мѣсшность и климатъ, приываютъ къ гражданственности. Проходили вѣка, побѣдштельное племя само спановилось покорешнымъ и въ послѣднемъ случаѣ шакже бѣжало на западъ; опшпалкивало своихъ предшеспвенниковъ съ нашихъ русскихъ степей, если они здѣсь пріоспанавливались, поселяясь на ихъ мѣсшъ, или увлекало съ собою даље, и заселяло главными массами узкій западъ Европы. Эпо спѣшеніе и неудовлетвореніе новою неспривычною жизнью, бшпвы и борьба прежнихъ обшпашелей съ новыми пришельцами, заспавляло народы цѣлыми полнами удаляясь на сѣверъ, переходя на оспрова или даже пробиваясь на югъ — искавъ приволя, или, по-крайней-мѣрѣ, двла спрѣламъ и мечамъ. Иногда одинъ неожиданный и сильный ударъ раскидывалъ цѣлыя племена во всъ концы Европы. Самые Фины перешли въ ея сѣверныя нуспыни не сполько пушемъ уральскимъ, какъ съ нашихъ южныхъ степей, шѣсшными другимъ сильнымъ племенемъ, что шакъ ясно, шакъ просто

показываютъ намъ преданія, названіе мѣстности и ошпакки укрѣпленій, что должно сослѣдовать особенный предметъ изслѣдываній и заняты опдѣльную спашью. Изъ всѣхъ извѣстныхъ племенъ, занимавшихъ среднюю Азію, племя индо-германское было самымъ сильнымъ и многочисленнымъ. Къ нему принадлежатъ: Пары, Бактриане, Гепсы, Алланы, Авганцы, Гопфы, вообще германскіе народы и многіе другіе изъ древнихъ народовъ.

По сравненію языковъ, по преданіямъ древнихъ, по нѣкопорымъ историческимъ намѣкамъ и догадкамъ индѣйской мнѣологіи, даже по физиологическимъ замѣчаніямъ,—это племя занимало въ глубокой древности центръ средней Азіи. Но откуда оно пришло, спустилось ли съ индѣйскихъ горъ, пѣснимое какимъ-нибудь другимъ племенемъ, или само оппѣснило на сѣверъ и воспокъ племена монгольскія, шурецкія и финскія, неизвѣстно. Еще въ опдаленнѣйшія времена, задолго до Р. Х., оно, гонимое въ битвахъ или выпѣсненное обстоятельствомъ, передвинулось къ западу и распроспранилось за Донъ по Дунаю и Балтійскому Морю. Кажется, первыя его переселенія должно оппесни къ пѣмъ историческимъ переворотамъ, когда Малайцы и Негры, занимавшіе долины Индіи, были выпѣснены изъ нихъ племенемъ гималайскимъ, спустившимся съ горныхъ высотъ. Но индѣйскія поэмы, въ копорыхъ упоминается объ этомъ переселеніи и гдѣ воспѣны боги и герои того времени, еще недоспашочно сравнены, изслѣдованы, и приближительная ихъ древность еще не совѣтъ

рышена. Кажется, въ это же отдаленное время индо-германское племя двинулось частью на западъ за Волгу, частью въ нынѣшнюю Персію. И такимъ образомъ очистило степи Азіи для своихъ наследователей: народовъ пурецкаго и монгольскаго племени.

Въ позднѣйшія времена, п. е. около Р. Хр., и скорѣ послѣ того, были другія сильныя переселенія того же племени, отдѣленные одно отъ другаго цѣлыми вѣками, чѣмъ объясняется далекое сходство нѣсколькихъ народовъ одного происхожденія. Въ Европѣ оно уже заспало обитателей, о переселеніи копорыхъ всѣ изслѣдованія еще шемѣе, и только одни отщипки древняго языка могутъ служить слабою и не всегда вѣрною нитью для открытія ихъ родства съ какимъ-нибудь кореннымъ племенемъ.

Въ языкѣ индо-германскомъ много корней словъ: санскрипскихъ, персидскихъ, славянскихъ, германскихъ и др. Родовое его отщипіе составляютъ голубые глаза и блондурые волосы, что такъ несвойственно отщипнымъ азіатскимъ племенамъ.

За три столѣтія до Р. Х. восточные историки уже упоминаютъ о блондуромъ племени, жившемъ на предѣлахъ Кипая. Оно исповѣдывало вѣру буддійскую и имѣло своихъ шамановъ, вѣрояшно, перешедшихъ вѣспѣ съ вѣрою изъ Индіи.

Къ нему причисляютъ кипайскія лѣтописи нѣсколько извѣстныхъ имъ народовъ: *Килигизовъ*, *Тинглинговъ*, *Усуновъ*, *Гуте*, *Хинша* и *Аллановъ*. Обзорніе каждаго изъ нихъ шѣмъ любопытнѣе,

что все они одного происхождения съ Осетинцами, и хеня непосредственно соединены съ ихъ судьбою.

Килигизы, или Киргизы, все были блѣлокурые съ голубыми глазами, шакъ что черноволосые считались между ними людьми другаго происхожденія. Когда усилились шурецкія племена и распространились по степямъ средней Азіи, то *Килигизы* вѣроятно были покорены ими, смѣшались и утратили свой языкъ. По-крайней-мѣрѣ Кипайцы пишутъ, что Турки женились на Килигизкахъ, и Килигизы брали себѣ женъ изъ шурецкаго племени. Несмотря на это смѣшеніе, до-сихъ-поръ много встрѣчается между Киргизами блѣлокурыхъ и рыжихъ съ голубыми глазами. Число Килигизовъ росло до нѣсколькихъ сотъ тысячъ душъ. Ослабѣвши въ частыхъ войнахъ, они были покорены воинами Чингисъ-Хана подъ насмѣвающимъ ихъ названіемъ *Киргизовъ*. На мѣстахъ ихъ жительства находятъ *руны*, сходныя характеромъ съ греческими и латинскими буквами, что даетъ мысль объ ошдавленномъ и пѣсномъ сношеніи Европы съ Азією, копорого шеперь не подозреваютъ люди ученые.

Тинглинги, жили во II-мъ вѣкѣ по Р. Хр. отъ Байкала до верховьевъ Оби и Иртыша. Вскорѣ были покорены Корейскимъ племенемъ, а въ VI вѣкѣ смѣшались съ Киргизами.

Усуны, занимали до времени нашего льпосчисленія южныя части Кипая. Число ихъ росло до 600 тысячъ душъ. Они также были въ

зависимости отъ Корейскаго племени. Частъ ихъ, вѣроятно, по случаю войны, передвинулась на западъ къ Аральскому Морю, а другая смѣшалась съ Киргизами, и въ VII вѣкѣ подпала въ зависимость шурацкаго племени.

Гуте, объ нихъ упоминается у кипайскихъ испориковъ въ половинѣ III вѣка. Имя ихъ описывается именемъ Гошеовъ, принадлежавшихъ къ тому же племени.

Хиншу, жили на мѣстахъ нынѣшняго *Кашгара*, и, переходя изъ рукъ въ руки, покорены въ IX вѣкѣ Кипайцами.

Алманы, были извѣстны Кипайцамъ во II вѣкѣ до Р. Хр. подъ названіемъ *Янтсе*. Въ это время они жили, кажется, у береговъ Аральскаго Моря. Черезъ два вѣка послѣ того они уже называются *Алман-нами*. Въ началѣ III столѣтія вели кочевую жизнь и были раздѣлены на мелкія владѣнія, а въ VI уже не встрѣчаются въ повѣствованіяхъ Кипайцевъ. Въ Европѣ спомняшся извѣстны греческимъ географамъ въ царствованіи Августа. Въ это время они жили по берегамъ морей между Дономъ и Днѣпромъ, откуда выпѣснили своихъ же одноплеменниковъ Рокс-алановъ и Язиговъ.

Распространится нѣсколько объ этомъ народѣ, пошому что и *Осетины*, предметъ нашей спашни, соспавляютъ живой и чистой его спашокъ.

Еще во времена Геродота нашъ Донъ назывался *Дономъ* или *Таною*, что означаетъ собственно,

на языкъ Алланскомъ, и нынѣшнемъ Осетинскомъ, рѣку. Это доказываетъ древнее переселеніе индогерманскаго племени изъ Азіи въ Европу. Около Рождества Христова Спратонъ зналъ на Кавказѣ Аллановъ или *Албановъ*. Онъ говоритъ, что эти Алланы вели мѣновую торговлю, не знали употребленія денегъ, не умѣли считашь далѣе спа и не было у нихъ ни опредѣленныхъ мѣръ, ни вѣсу. Къ войнѣ были способны, и бились конные и пѣшіе. Прошивъ Помпея они выславили 60,000 пѣхоты и 22,000 конницы. Спрѣлы, луки и дротики составляли ихъ оружіе; щипы и кожаные шлемы были въ употребленіи. Поклонялись солнцу, лунѣ и богу грома. Жрецъ главнаго ихъ храма пользовался большимъ уваженіемъ и владѣлъ обширными и населенными землями, принадлежавшими храму. Албанцы очень уважали спароспъ: и это почтеніе къ спарымъ людямъ не ограничивалось одними родспвенниками: оно было одинаково ко всемъ спарикамъ. Что же касается до мертвыхъ, то Албанцы или Алланы считали безбожіемъ занимашься ими. Съ покойниками хоронили всю ихъ собспвенность.

Спуская послѣ этого описанія четьре вѣка, другой лѣтописецъ, Амміанъ Марцелинъ, говоритъ, что Алланы получили названіе опгъ какихъ-то горъ и обитали въ его время, ш. е. почти за 1400 лѣтъ до нашего времени, у Дона, и далѣе на югъ-востокъ до самаго Ганга, владычествуя надъ многими народами. Они вели жизнь кочевую, и жили въ повозкахъ, покрывшихъ рогожами. Оспанавли-

ваясь на паспбищъ, спавили повозки округъ, гдѣ, какъ въ укрѣпленіи, оспавались жены и дѣщи, когда взрослые люди шли на бишву. Всѣ они были красивы, высоки и бѣлокуры; въ ихъ глазахъ было что-то страшное и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное. Всѣ они были воинственны, производили грабежи и охопились по берегамъ Азовскаго Моря и далѣе до Арменіи и Мидіи. Кожа съ непріятельскихъ череповъ была ихъ воинскимъ профеемъ, какъ служилъ она въ наше время профеемъ у американскихъ дикарей. Клялись предъ мечемъ, вонзеннымъ въ землю, и всѣ считались равными, какъ древніе Германцы, описанные Тацитомъ. Были ли они тѣ же Алланы, о кошорыхъ говорилъ Спратонъ лѣтъ за 400 до Амміана, или соспавляли часпъ ихъ, неизвѣстно: знаютъ только, что они были одного племени.

Древніе Массагеты, жившіе по обѣ стороны Каспійскаго Моря, также принадлежали къ одному племени, или даже были предки Аллановъ. Часпъ ихъ, жившая на воспокъ отъ этого моря, была покорена Киромъ, павшимъ въ бишвѣ съ Массагетами западными или кавказскими.

Во II вѣкѣ Алланы начали шревожитъ римскія владѣнія. Въ III вѣкѣ соединились съ Готтэами, кошорые спали передвигаться въ мѣста, ими занимаемыя. По паденіи Готтэовъ, одна часпъ Аллановъ двинулась на западъ къ Испаніи и попомъ перешла въ Африку, а другая удалилась за Донъ, соединилась съ другими одноплеменными народами, шревожила Персію и спала здѣсь извѣспна

подъ названіемъ *азіатскихъ Аллановъ*. При Адрианъ они опустошали римскія провинціи. Около IV вѣка испытали первый ударъ Гунновъ, бились съ ними и попомъ добровольно соединившись съ спрашными прищельцами, ринулись на Европу. Только часпъ оспалась на Кавказъ, гдѣ былъ ихъ жилищемъ нынѣшній Дагеспанъ, копорый назывался древними *Албанією*. А что Алланы и Албаны одинъ народъ, шо на эшо много доказательствъ: императоръ Юліанъ въ рѣчи къ войску говоритъ, что уже «Помпей сражался съ Албанами, копорыхъ мы называемъ Алланами.» Прокопій зналъ на Кавказъ уже однихъ Аллановъ; арабскіе писатели среднихъ вѣковъ называли спрану, занимаемую нынѣ Осетинцами, Аланією, и извѣстные Кавказскія Воропа—алланскими. Вѣрояшно объ энихъ южныхъ Алланахъ пишутъ кшайскіе испорики, что у нихъ были города; пошому что Алланы, жившіе въ шо время на сѣверѣ опъ Кавказа, вели жизнь кочевую. Посланники папскіе къ монгольскимъ ханамъ знали на Кавказъ Аллановъ, копорыхъ называютъ и *Асами*. Наши лѣтописи еще до шого времени упоминають объ Асахъ или Ясахъ. Нѣкопорые изъ древнихъ испориковъ называли Аллановъ бѣлыми Гуннами, опъ слова Албани, какъ объясняютъ нѣкопорые, но еще вѣрояшнѣе опъ ихъ наружнаго вида, споль опличнаго опъ всѣхъ переселяющихся изъ Азіи племень. Соображая индо-германское происхождение Аллановъ, спановишся вѣрояшнымъ, что названіе спраны Аланіи или Албании произошло опъ слова *Альнъ*, ко-

порое на шевшонскомъ языкѣ значить *горы*. Вѣроятно въ эпомъ же смыслѣ Аммианъ говоритъ, что Алланы получили названіе отъ какихъ-то горъ.

Однозначительность Аллановъ и Осетинцевъ, доказывающъ, кромѣ сходства языка, повѣствованія писателей среднихъ вѣковъ восточныхъ и западныхъ, копорые назначаютъ мѣсто жительства Аллановъ тамъ, гдѣ живутъ шеперь *Осетинцы*, *Оссы* или *Яссы*, съ копорыми бился нашъ Мспиславъ Удамый, и копорые извѣсны подъ именемъ *Ассовъ* разнымъ посланникамъ, отправляемымъ папами къ монгольскимъ ханамъ. Они, рассказывая о завоеваніяхъ разныхъ земель Тапарами, говорятъ, что Башый покорилъ *Аллановъ* или *Ассовъ*. Посѣпившій Кавказскія страны Іосифъ Барбаро въ 1436 году, пишетъ, что «земля алланская, названа по имени народа *Аллановъ*, копорые называются также *Азами*. У Грузинцевъ, Турокъ и нѣкопорыхъ кавказскихъ племень они и шеперь извѣсны подъ названіемъ *Осси*. Одинъ изъ русскихъ миссіонеровъ, прожившій у Осетинцевъ двадцать лѣтъ, рассказывалъ, что у нихъ были въ его время прозванія Алланъ. Нынѣшній осетинскій языкъ также доказываетъ ихъ родство съ Алланами; какъ народомъ обширнаго индо-германскаго племени.

Бывши близкими сосѣдями Грузинцевъ, они входили съ ними въ частыя отношенія, или дружескія, или враждебныя, и грузинскія лѣтописи сохранили о нихъ нѣкопорыя подробности, съ ко-

порыми знакомишь насъ г. Клапрошъ, шакъ какъ и съ обычаями и вѣрованіями Осетинцевъ.

«Управлявшись своими князьями, Осетинцы занимали нѣкогда долины Большой и Малой Кабарды и оспрали Кавказскихъ Горъ. Правитель Александра Великаго сдѣлалъ данниками Осетинцевъ, *Лекоев* или *Лезгиновъ* и *Хозарь*; но, возмущенные первымъ грузинскимъ царемъ *Фарнавазомъ*, освободившимся изъ-подъ зависимости Азона, Осетинцы и *Леки* взбунтовались и ошказались плащипъ обычную дань. Большая ихъ часть перешла на спорону *Фарнаваза*, служила вѣрно и способствовала ему получить царскую власть. Сынъ его, *Сурмагъ*, изгнанный подданными, убѣжалъ къ Осетинцамъ, копорые шакже помогли ему заняшъ престоль ошца. Послѣ шого въ грузинской исторіи нѣшъ извѣсній объ Осетинцахъ довольно долгое время, а именно до 90-го года по Р. Х. И если упоминается о Кавказскихъ *Воропахъ*, извѣсныхъ подъ названіемъ *Даріель* или *Дарубаль*, сдѣланныхъ шрешимъ царемъ, *Мирваномъ* (3787—3837), то они сдѣланы не противу набѣговъ Осетинцевъ, но противъ *Дзурзукетовъ*, ш. е. нынѣшнихъ *Миджеговъ* или *Кистинцевъ*. Въ I вѣкъ по Р. Х. два грузинскіе царя, *Азаркъ* и *Армазель*, призвали Осетинцевъ и *Лезгиновъ* на помощь противу *Армянъ*. Брашья осетинскаго царя, *Базукъ* и *Абазукъ*, прославились въ эшой войнѣ и оба пали въ битвахъ. Съ эшого времени Осетинцы оспавались друзьями и союзниками *Грузинцевъ* до 184 г. по Р. Х. Въ это же время многочисленныя шюпны Осетинцевъ

прошли Двалепскими Воропами и сдѣлали набѣгъ на Грузію, въ намѣреніи уничтожить Мцхету, столицу государсва, но были разбиты подъ стѣнами города Амзаспомъ, который прогналъ ихъ за горы. На слѣдующій годъ Амзаспъ соединился съ Армянами, впоргнулся въ землю Осетинцевъ и произвелъ большія опустошенія. Но въ скоромъ времени народъ взбунтовался противу Амзаспа, и царь армянскій вошелъ въ Грузію съ сильнымъ войскомъ, подкрѣпленнымъ Греками, и пригласилъ къ набѣгу Осетинцевъ. Они, жаждая опмстить Амзаспу, съ радостію приняли предложеніе и конецъ войны оправдалъ надежды: Амзаспъ былъ разбитъ и попомъ умерщвленъ Армянами.»

«Въ 263 г. по Р. Х. Хозрой, царь армянскій, былъ въ войнѣ съ Хозревомъ, шахомъ персидскимъ. Хозрою помогалъ Асфатуръ, царь грузинскій: онъ открылъ выходъ черезъ горы, призвалъ на помощь *Осетинцевъ, Лезгинцовъ, Хозаръ* и съ ихъ помощію совершенно разбилъ Персіанъ. Но въ то время войско Хозроя грабило Персію; Персы убили его, захватили Арменію и сдѣлали набѣгъ на Грузію. Асфатуръ бѣжалъ къ Осетинцамъ, которые не отказали ему въ помощи, но онъ умеръ въ 265 г. по Р. Х., и Грузія осталась во владѣніи персидскихъ шаховъ. Около 298 г. Мирванъ, первый грузинскій царь изъ персидской фамиліи Козронидовъ, отправился въ Персію войною противу своего брата Баршама, оспоривавшаго его право на престолъ. Пользуясь обшояшельствами, Осетинцы вошли въ Грузію, черезъ Фероши и Кооцію, и опустоши-

ли спрану. Въ опмищеніе за эпопъ набѣгъ, Мирванъ, по возвращеніи изъ Персїи, вшоргнулся въ Осепію, уничпожилъ всѣ селенія до хозарскихъ границъ, и возвращился въ Мцхешу, пройдя Двалепскими Ворошами. Во время малолѣтства двадцать прешьяго грузинскаго царя храбраго Вахшанга-Гургаслана (446 — 499), Осетинцы часпо шревожили набѣгами его государштво; но возмужавши, Вахшангъ покоришь Осетинцевъ и весь Кавказъ. Въ одной бипшвѣ, онъ собшвенною рукою убилъ двухъ храбрыхъ и прославленныхъ осетинскихъ предводишелей, Чагашара и Багашара.»

Около 570 г. Юстиніанъ I-й, визаншійскій императоръ, назвавшій царемъ грузинскимъ Спефана, провозгласилъ одного Осетинца, по имени *Ростава*, владѣтелемъ ксанскимъ, или правишелемъ земель, орошаемыхъ р. Ксани, прошекавшю въ Грузіи; далъ ему особенную печать и пожаловалъ почешное платье. Во владѣніи его считалось 39 селеній, копорыя впоследствии были перенесены въ другія мѣста, или разрушены или получили другія наименованія. Последнимъ и 365 царемъ изъ эпош семьи былъ *Давидъ*. Эшо доказываетъ по крайней-мѣрѣ, что Осетинцы жили въ шо время на югѣ Кавказскаго Хребта, на предѣлахъ Грузіи, и что часпъ ихъ вѣрояшно исповѣдывала хришшанскую вѣру. Во время бѣдшвенныхъ замѣшашельствъ въ Грузіи, въ продолженіе прехъ первыхъ вѣковъ распросшраненія магомешанской вѣры, Осетинцы успѣли пріобрѣсти независимоспъ, но пошомъ снова покорились *Давиду-агма-Шене-*

белм, царствовавшему въ Тифлисъ опъ 1089 до 1130 года. Желавши вѣрнѣе защищити входъ черезъ Кавказскія Горы, онъ велѣлъ построити крѣпкій замокъ, котораго развалины сохранились до нашего времени на скалѣ, въ недалекомъ разстояніи, на югъ опъ Даріела и на воспокъ опъ Терека.»

Кажется, въ продолженіе этого времени, ш. е. опъ VI вѣка до XII, они были сначала въ сношеніяхъ съ Хозарами, а потомъ съ русскими. Освободившись опъ зависимости первыхъ, вѣроятно, по ослабленіи Хозаръ нашимъ Святославомъ, они были опшѣснены опъ Дона и Черноморіи или Тамани Мстиславомъ Удалымъ и другими князьями. Извѣстно, по-крайней-мѣрѣ, изъ грузинскихъ летописей и преданій самыхъ Осепинцевъ, что они занимали нѣкогда покоспши Кавказа и равнины до Азовскаго моря, котораго названіе звучитъ названіемъ Азовъ, Ассовъ или Осепинцевъ, по имени которыхъ доселѣ называется Азовъ, древній Азгардъ, упоминаемый въ сѣверныхъ сагахъ германскихъ племенъ, которые ведутъ свое начало опъ какихъ-то великановъ *Азовъ*, вѣроятно, своихъ воинственныхъ предковъ. Самое названіе р. Дона также осепинское, и теперь большая часть рѣкъ на мѣстѣ ихъ жительства называются *Донъ*, съ прибавленіемъ какого-нибудь отличительнаго свойства, напр. *Су-донъ*, Черная-рѣка или вода и пр. Самый Яксарпъ, гдѣ жила другая часть осепинскаго или алманскаго племени, назывался на ихъ языкѣ также *Дономъ* или *Таномъ*, о которомъ упоминаетъ Арріенъ, полководецъ Александра Ве-

ликаго, и оплечаешь его ошъ нашего или другаго Дона, о кошоромъ говоришь Геродошъ.

Пользуясь нашими замъшашельспвами и междоусобіями нашихъ князей, Осешинцы, кажешся, снова заняли покоренныя нами мѣспа Дона и часпію нашу Тмушараканъ.

«Спуска около спа лъшъ, славная грузинская царица Тамара (1171 — 1198) завоевала всю западную часпъ Кавказа до Чернаго Моря и, покоривши Осешинцевъ, обратила ихъ въ христіанскую вѣру. Но во время правленія ея сына и наследника Георгія (1198—1211) войска Чингисхановы завоевали Грузію и вѣрояшно въ эшо время кавказскіе горцы спали свободны. Когда ханъ Башый, внукъ Чингисхана и первый монгольскій ханъ Кипчака, захватилъ вооруженною рукою Осешію и изгналъ ея обшашелей изъ кабардинскихъ долинъ, шогда они были вынуждены удалиться на высшы Кавказа и поселились здѣсь въ долинахъ, изъ кошорыхъ многія получили названія главныхъ осешинскихъ фамилій, напр. Бассіони, Бадилаше, Черкессаше, Тогаша, Куршашъ, Сидомони и Чашилаше.»

Вошъ повѣспшваніе грузинскихъ испориковъ.

«Вѣрояшно, что возвышенныя долины Кавказа и Кабарды были съ эшого времени заняшы Осешинцами, а главныя ихъ семейспва жили на равнинахъ, съ кошорыхъ они бѣжали съ своими начальниками въ горы, захватили и удержали надъ ними власпъ, какъ было эшо въ *Бадилаше* и *Черкессаше*.»

«Когда же Башый разрушилъ города и укрьп-

ленія Осепинцевъ, по, по словамъ грузинскихъ испориковъ, спрана ихъ спала часпію завоеванія и жишели удалились на высошы горъ.»

«По основаніи племенемъ Чингисхана кичкаскаго царспва на съверъ опгъ Кавказа, Осепинцы, копорыхъ Тапсары называюпгъ *Азами* или *Ассами*, вели съ ними часпья войны.» Для самыхъ Тапсаръ не легко было управишься съ Осепинцами и, по словамъ ПIANO-Карпини, они двѣнадцашъ лѣпгъ осаждали одно изъ осепинскихъ укргпленій. «Но, кажепся, Тахшамыпгъ, вснупившій на пресполь въ 1376 году, совершенно ихъ покорилъ и они служили въ его войскъ прошиву Тимура. Послѣ побѣды Тимура надъ Тахшамышемъ (1397), онъ опусношилъ Россію, захвашилъ Азакъ (*Азовъ*), ослабилъ кубанскихъ Черкесовъ, и опсправился прошиву осепинскихъ князей Буракена и Бурберди.»

Воспочный испорикъ рассказываетъ о покореніи Осепинцевъ спакимъ образомъ: «Послѣ шого, какъ владыка судьбы и правишель міра рѣшилъ своею высокою волею окончишь войну въ земляхъ русскихъ и Черкесовъ, въ шо время онъ обрашилъ свои полки и свои побѣдныя знамена къ горъ Альбрузу. Знамена покоришеля спранъ, въ ожиданіи новой побѣды, направились прошиву Юри-берди и Йиракена, начальниковъ племени *Асовъ*. Пушь былъ неровень и покрпггъ лѣсами; но Тимуръ велель его очиспишь и, оспавивъ на немъ съ запасами Амиръ-хаджи-сенфъ эддина, перенесъ войну въ горы Альбруза, поражая безпреспанно невѣрныхъ

шо въ ихъ крѣпкихъ нагорныхъ замкахъ шо въ ихъ неприспущныхъ лощинахъ.»

«Послѣ того Осетинцы вели войны съ крымскими ханами и были изгнаны съ оплогоспей Кавказа, преимущественно Черкесами, занявшими ихъ мѣста въ обѣихъ Кабардахъ. Съ этого времени Черкесы постоянно усиливались, а Осетинцы сдѣлались ихъ данниками. Жившіе же на югъ за снѣговыми горами и извѣстные подъ именемъ Твалли, оспались въ зависимости царей грузинскихъ и подъ властію владѣтелей Арагви, Ксани и Рачи. По раздѣленіи государства (1424) Александромъ I, царемъ карпалинскимъ, на три части между прями сыновьями, Тваллія зависѣла отъ Карпалініи и ея обитатели были подданными царей карпалинскихъ, но никогда не забывали пользоваться слабостію своихъ властителей, для своего освобожденія.»

Съ давнихъ временъ Осетинцы болѣе другихъ горскихъ народовъ были расположены къ Россіи и склонѣе къ принятію христіанской религіи. Впрочемъ, на это имѣли вліяніе хотя слабые оспалки христіанской вѣры, нѣсколько развалинъ христіанскихъ церквей, къ копорымъ Осетинцы сохраняющъ неизмѣнное уваженіе, и пригѣсенія, испытываемыя отъ сосѣднихъ племенъ.

Еще при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ обращено было вниманіе на смиреніе и приобрьшеніе Кавказа. Послѣ покоренія аспраханскаго царства государь повелѣлъ основать городъ Терки. Обѣ Кабарды, Большая и Малая, опдались подъ его по-

кровишельство и помогали намъ въ войнахъ прошиву Лифляндіи. Когда же царь Иванъ Васильевичъ сочепался бракомъ съ кабардинскою княжною Марією Темрюковою, то многіе изъ Кабардинцевъ крестились и начали поспоянно служить при царскомъ дворѣ. Съ этого времени поспепенно увеличивались пріобрѣшенія Россіи на Кавказѣ. Пётръ Великій, хоша не успѣлъ окончитьъ своихъ великихъ предположеній въ Кавказскомъ Краѣ, но успроилъ нѣсколько крѣпостей и другихъ укрѣпленій для смиренія его обитателей. Въ исходѣ минушаго спользія наша кавказская лннія значительно усилена поселеніемъ Запорожцевъ на Тамани. Между многими подданными Россіи изъ горскихъ народовъ еще въ прошедшемъ вѣкѣ считалось Осетинцевъ нѣсколько десятковъ деревень, а съ полнымъ подданствомъ Грузіи русскому Царю всѣ они сдѣлались подданными Россіи. Но прежнія ихъ отношенія къ другимъ кавказскимъ народамъ еще не кончились.

«Съ успѣхами русскихъ на Кубани и верховьяхъ Терека, Черкесы замѣтно ослабли, а Осетинцы, живущіе на сѣверѣ горъ, не пропускаютъ пользоваться общояшельствами, и всякой разъ, какъ скоро увидятъ свои выгоды, оплагаются опть подданства Черкесовъ. А нѣкошорые изъ нихъ, какъ напр. Дугуру или Дугары, придерживаются князей Большой Кабарды и еще болѣе Малой. Прежде чумы 1807 года они были данниками князей шавъ-сулпановъ. Вошъ главныя изъ дугурскихъ деревень: *Кубати* на Урдонѣ, *Карадже* и *Ахчин-*

шла на Урухъ и Кубанше-коу на Лезгенъ. Онѣ поспроены при выходѣ изъ горъ, лѣтъ 60 назадъ, въ то время, когда семейство шавъ-султана покинуло земли, когорья занимало до этого времени, и удалось далѣе къ сѣверу въ Малую Кабарду. Вся семейства Дугуровъ, когорья обрабатываютъ черкесскія земли, считаютъ себя подданными шавъ-султана и платящъ ему подать, состоящую въ боровахъ и преимущественно въ мѣдныхъ кошлахъ, получаемыхъ изъ Имеретии. Тавъ-султанъ посылаетъ своихъ дѣтей воспитываться къ Дугурамъ, и такимъ образомъ поддерживается взаимная привязанность, пощому что князя спановящся, такъ сказашъ, членами своего народа и научающся народному языку. Въ самой Кабардѣ у нѣкопоровъ князей въ числѣ ихъ данниковъ есть Дугуры.»

«Вообще Дугуры не могутъ обойтись безъ Кабарды, получая опшуда соль и въ неурожайные годы просо; а неурожай въ ихъ возвышенныхъ спранахъ очень обыкновенны. Если случается недоспашокъ въ зимнемъ кормѣ для скота, то дугурскіе паспухи опсправляются со спадями въ долины Кабарды, гдѣ въ концѣ марта все бываетъ покрыто зеленью, между тѣмъ какъ горы лишены въ это время расшпшельности.»

«Въ свой чередъ и Черкесы принуждены во время лѣта перегоняшъ спад изъ долинъ, гдѣ все сохнешъ и гдѣ оводы и комары не даютъ покоя, въ горы, заняшыя Дугурами. Такъ два наро-

да, связанные безпреспанными нуждами, живутъ въ добромъ согласіи.»

«Другія осетинскія поколѣнія рѣдко бываютъ въ сношеніяхъ съ Черкесами. Лишь за 50 (около 1760) поколѣніе Шимишовъ въ Терекской Долинѣ было въ подданствѣ у князей Малой Кабарды, Ги-лангановъ; но съ того времени взбунтовалось и опказалось опъ подаши. Вообще всѣ Осетинцы, исключая Дугуровъ, въ неприязни съ Кабардинца-ми и преревожатъ другъ друга набѣгами.»

«Сами себя Осетинцы называютъ *Иръ* или *Иронъ*, что не имѣетъ ни какого значенія на ихъ языкѣ. Спрану свою называютъ *Иронъ-сагъ* или *Иронистанъ*. Это названіе доказываетъ также ихъ индійское происхожденіе, попому что, слѣдуя Геродоту, Мидійцы называли себя *Аріонъ*, и до сихъ поръ вся Персія называется *Ираномъ*. Нагайцы и другіе Ташары называютъ Осетинцевъ *Озъ* и *Тавл* или горцы, попому что они занимаютъ самыя высшія части Кавказскихъ Горъ. Черкесы зовутъ ихъ словомъ *Кушга*, которое придегся въсѣмъ горамъ и значить *кость*, но только въ другомъ значеніи. Племя Меджеговъ называется ихъ *Гири* или, вѣроятнн испорченнмъ словомъ *Иръ*. Лезгинцы называютъ *Оци* или *Оцъ*. Грузинцы *Осси* или *Овси*, а спрану ихъ Осетіею (Осепти). Русскіе также называютъ ихъ *Осетинцами*, хотя это имя несвойственнн и приняно только по привычкѣ.»

«Осетинцы хорошо сложены, крѣпки, сильны и обыкновенно спройны; мужчины бываютъ ро-

спомъ опъ двухъ аршинъ илии вершковъ до двухъ аршинъ десятии вершковъ; рѣдко бывающъ шолспы, но плошны и мясиспы, особенно женщины. Наружнымъ видомъ опличны опъ ихъ сосѣдей и болѣе сходны съ Европейцами. Голубые глаза и блѣкुरые или рыжіе волосы очень обыкновенны между Осетинцами: рѣдко вспрѣчающся смуглые. Эшо люди здороваго сложенія и плодородны; но спариковъ, доживающихъ до 70 лѣтъ, между ними мало видно.» Спрабонъ также говоришь объ ихъ красощъ и спройности. «Женщины обыкновенно малы роспомъ и не очень красивы: лица у нихъ круглыя и носъ сплюснутый; онъ сильны: работа и умѣренная пища укрѣпляютъ ихъ еще болѣе. Только въ землѣ Тогауровъ, онъ спройны, красивы, похожи на Грузинокъ и върояшно получили лучшую наружностъ опъ смѣшенія ихъ предковъ съ Грузинками.»

«Одежда Осетинцевъ одинакова съ черкесскою, шолько немного длиннѣе и не шакъ красива. Короткая рубашка (хадонъ) и панталоны (халавъ) прикрываютъ ихъ нагошу; сверхъ шого они носятъ черкесскіе архалухи изъ шолстаго сукна (цука), и пригошворяютъ ихъ сами или покупающъ у своихъ сосѣдей Балкаровъ и Чеченцевъ. Шапки у нихъ круглыя (худъ), небольшія, сходныя съ черкесскими; зимою носятъ бараныи шулуны. Въ дорогъ и въ дурное лѣшнее время накрываются буркой (уэлахъ-нимешъ) и надѣваютъ на головы видлоги, кошорые называющся по-шашарски *башлыкомъ*, а по-осетински *бацлакомъ*.»

Въ лѣшнее время закрываютъ лице съшками, напипанными дѣгшемъ, для спасенія отъ мошекъ и комаровъ, кошорыхъ въ спранъ Осепинцевъ очень много. «Не умѣя сами приготоовлять бурокъ, они покупаютъ ихъ у Черкесовъ, а лучшія у Базіановъ. Оспавляя свой ауль, вооружаются виншовкой (попъ), саблей (ахзаръ или кзаргардъ), писполепомъ (дамбашза) и широкимъ обоюду - оспрымъ кинжаломъ (кама). Сверху архалуха, на груди дѣлаютъ два кармана и, раздѣливши ихъ мелкими швами, зашыкаютъ въ каждый отъ 5-ши до 8-ми коспаныхъ или деревянныхъ папроновъ. Кромъ того, запасаются сошками для ружья, большой деревянной, обипшой мѣдью, пороховницей съ нѣсколькими фуннами пороха, и прикрѣпляютъ къ поясу на узкомъ ремнѣ маленькую коробочку съ порохомъ, кинжалъ, ножъ, огниво, кожаный мѣшокъ съ пулями, другой съ кремнями и разною мелочью и коробочку съ жиромъ или поспнымъ масломъ для чипки оружія; на шею надѣваютъ на веревкѣ рогъ съ лучшимъ порохомъ, кошорый очень заботливо прячутъ въ боковой карманъ. Ружья всегда завершываютъ въ барсучью кожу, и вообще содержатъ оружіе очень чипо: даже не употребляютъ его въ дѣло, поспоянно чипяшъ и предохраняютъ отъ ржавчины, напирая мозгомъ изъ коспей. Шомполь у ружья всегда деревянный съ желѣзнымъ оконечникомъ. Обершывая его шряпкою, они прочипаютъ ружье послѣ каждаго выспрѣла. Зарядъ всегда вычисленъ съ почноспію, смотря по силѣ пороха, кошорый всыпаютъ въ

спволь безъ пыжа и приколачивають пулею, пригнанною къ опверзшю дула, въ копоромъ она крѣпко держишся двумя вырѣзанными на ней насѣчками.»

Выходя изъ дому, Осетинцы, подобно всемъ горцамъ, всегда вооружены кинжаломъ. Пускаясь по горамъ, они надѣвають башмаки (аркише), сдѣланные изъ кожи серны или козы; зимою обвертываютъ ноги мелкимъ сѣномъ и обвязываютъ сверху ремнемъ. Эша обувь придаетъ имъ легкость въ переходѣ чрезъ самыя крупныя горы, и они безопасно прыгаютъ со скалы на скалу. Кроме того, зимою носятъ большіе деревянные башмаки, чтобъ не провалишься въ снѣгъ.»

«Главное занятіе Осетинцевъ, какъ и сосѣдей ихъ, состоить въ разбоѣ. Ловкость молодежи доказываея грабежемъ: удачный и поспоянный грабежъ даетъ доброе имя; сдѣлавшись начальниками въ убійствѣ, они пріобрѣтають славу героевъ. Осетинецъ хвалится плутовствомъ, гордится убійствомъ или мщеніемъ. Каждое изъ осетинскихъ поколѣній имѣетъ свои обычаи въ грабежѣ: въ Долинѣ Терекской, и вообще по дорогѣ отъ Моздока въ Тифлисъ, они не дѣлають правильныхъ нападеній, но скрываются по двадцати или тридцати человекъ въ лѣсу или за скалами, гдѣ ожидаютъ проезжихъ и спрѣляютъ ихъ по одиночкѣ. Имѣя хорошія винтовки и все необходимое для своей цѣли, они рѣдко теряють даромъ выстрѣлъ. Перебивши большую часть команды, бросаются на путешественниковъ и захвативши

ихъ, все дѣляшъ между собою; но эпошъ раздѣль рѣдко обходился безъ споровъ и крови.»

«Сбираясь грабить своихъ сосѣдей, они прибѣгаютъ къ другому средству, чтобы удачнѣе захватить лошадей, рогатый скотъ, а иногда и самихъ жителей. Толпа Осетинцевъ, человекъ отъ 12-ми до 20-ми, выбравши бурную и дождливую ночь, отправляется пышкомъ въ непріятельскія деревни, и въ то время, какъ одна часть спойшетъ на спорожъ у саклей, прицѣлившись въ двери, чтобы не выпустишь изъ дому жителей, другая очищаетъ хлѣвы и спойла и захватываетъ все, что только успѣетъ. Кончивши свое дѣло, толпа спѣшишь удалиться съ добычею.»

«Осетинцы, живущіе между Тереконъ и Фіагомъ, часно прокрадываются чрезъ самыя высочайшія снѣжныя горы, по пайнымъ пропінкамъ, имъ однимъ извѣстнымъ, и дошедши такимъ образомъ до жителей Балкара или Чегема, захватываютъ все, что только попадется имъ подъ руки, въ особенностіи молодыхъ дѣвушекъ, копорыя здѣсь очень красивы; пошомъ, смонря по нуждѣ, они, или продають добычу своимъ сосѣдямъ, или оспавляютъ за собою. Валагирцы и другіе Осетинцы, живущіе по берегамъ Ардона, ведутъ непрерывныя войны съ Дугурами, и дѣлають частныя набѣги на ихъ земли.»

«Они сирѣляютъ навѣрное съ прицѣла и сѣвши на землю, но заряжаютъ ружье по нѣскольку минушь; а если дерущся верхомъ, то должны сходить съ лошади, чтобы вбить пулю въ ружье.»

Начиная переспрѣлку, выбираютъ безопасное мѣсто и спокойно ожидаютъ непріятеля, чѣмъ вѣрнѣе убить его. Если ихъ много, то они никогда не дерущся вмѣстѣ, но по одиночкѣ, чѣмъ успѣвашъ спрѣляшъ и заряжашъ ружья одному послѣ другаго: спановаятся въ нѣкопоромъ разстояніи одинъ за другимъ, и если опспушаютъ въ бивъ, то передній, выспрѣлявши, бѣжитъ за послѣднимъ и снова спрѣляется, когда дойдетъ до него очередь. Въ такомъ положеніи они спараются выбрашъ покапощъ, располагаются по успупамъ, и вообще такъ хорошо пользующся мѣспноспію, чѣмъ десятъ человекъ могутъ защищаться противъ сна. Вообще ихъ войны и набѣги болѣе печальны, нежели правильны. Спашные въ первомъ ударѣ, они не сподъ запальчивы въсплѣдствіи; храбро и упорно защищаются въ засадахъ и бьются опчаянно, окруженные непріятелемъ.»

«Но, будучи рѣшительными разбойниками, Осетинцы, подобно другимъ горцамъ, свящо сохраняютъ гощепрїимство (кунагъ). Почши нѣтъ примѣра, чѣмъ они нарушили эпомъ законъ, или, чѣмъ получившій у нихъ право гоща, былъ оскорбленъ или ограбленъ.»

«Виноваго въ эпомъ преспущленіи собирается судить вся деревня, и обыкновенно осуждаетъ на сверженіе, съ завязанными руками и ногами, съ высокаго утеса въ ручей. Всякой иноземецъ, прибывши къ Осетинцамъ, можетъ быть увѣренъ въ хорошемъ обхожденіи во все время его пребыванія въ деревнѣ. Его кормяшъ, поашъ и содержатъ

какъ родспвенника. Но если онъ оспавишь деревню и онправляется безъ прикршя, шо подвергается опасносни бышь ограбленнымъ шъмъ же человекомъ, копорый имъль о немъ попеченіе и далъ право госпепрїимспва. У Осепинцевъ еспъ поговорка: «кшо вспръшишся съ нами на дорогъ, шого даешъ намъ Богъ.» Если плънникъ богашъ, шо можешъ выкупишься деньгами или шой же цънноспи оружіемъ и скопомъ: заключившій шакой договоръ счишаешся подъ кровишельспвомъ госпепрїимспва и вся деревня, въ копорой онъ живешъ, обязана защищашъ его. Осепинцы содержашъ своихъ плънниковъ, какъ членовъ семейспва и не обижають ихъ, выключая случаевъ, когда они покушаються убъжашъ.»

«Если чужеземець приходишь въ домъ къ Осепинцу, шо хозяинъ спъшишь убишь барана, сваришь его и подашь на споль не разръзавши, самъ подчуешъ его пивомъ, копорое Осепинцы варяшъ лучше всъхъ жипелей Кавказа, шакъ чшо лучшее немного устунаешъ порперу. Во время шрапезы, хозяинъ спановишся подлъ дверей, опершись на посохъ, и не раздъляя пици: ръдкіе опспунають опъ эпого древняго обычая. Осепинець жерпвуешъ всъмъ, чшобъ зашшишъ опъ обиды своего госпя и не оспанешся въ покоѣ, не лишивши жизни убійцы его. Кровавое мценіе, приняное на всемъ Кавказъ, госпедспвуешъ съ большею силою у Осепинцевъ; но ръдкіе успъвають въ немъ, пошому чшо убійца обыкновенно оспавляешъ свою деревню и спасаешся бъгспвомъ въ шерекскіе аулы, а если

и здѣсь предскажетъ опасность, то поселяеши въ Моздокъ, откуда возвращаеши послѣ подъ родной кровью.»

«Опмспивши смерть своего госпя, или кого-нибудь изъ родспвенниковъ, Осепинецъ приходишь на его могилу и громко говоришь, что онъ погубилъ убійцу и опмспилъ кровью покойнаго. Мищеніе крови наследственна и переходить опъ опца къ сыну и внуку, и часно бываетъ предметомъ ненависти между двумя селеніями. Хотя оно никогда не прекращается совершенно, но по обычаю можетъ быть пріоспановлено на нѣкоторое время подарками обиженной споронъ. Убійца, скрывшись въ укрѣпленіи, защищается тамъ съ своими близкими опъ нападеній родспвенниковъ убійцаго, а между шѣмъ посылаетъ кого-нибудь изъ друзей къ спаръйшинамъ деревни. Спаръйшины, собравшись, предлагають враждующимъ помириться на годъ съ шѣмъ, чшобы обидѣвшій далъ за это обиженнымъ нѣсколько барановъ или коровъ, а обиженные обязываются оставивъ его въ покоѣ на цѣлый годъ. Такое условіе можетъ быть возобновляемо по окончаніи срока съ согласія обѣихъ споронъ.»

«Мужчины занимаются хлѣбопашествомъ, кузнечнымъ дѣломъ, поспройкою домовъ, приготовленіемъ орудій для распашки земли и дѣланія сѣделъ; готовятъ порохъ и выдѣлываютъ кожи для обуви и ремней. Охота составляетъ, послѣ разбоя, любимое ихъ занятіе. Они охотно опправляются къ своимъ друзьямъ и сосѣдямъ, чшобы

погуляшь съ ними. Всѣ хозяйственныя заботы предославлены женщинамъ, даже самая обработка полей, копорая сполько важна для этого народа. Вообще женщины обречены здѣсь на труды: но копорыя изъ нихъ подогадливыѣ, пріобрѣтающъ, какъ и вездѣ, большую власшь надъ своими полудикими мужьями.»

«Одежда женщинъ, не исключая прически, сходна съ одеждою Черкешенокъ и Кумучекъ, копорыя повязываютъ голову цвѣшнымъ сукномъ и прикрѣпляютъ къ нему лоскутъ бѣлой машеріи, спущенной до земли, и называется *тосторомъ*. Этимъ лоскутомъ онъ закрываютъ лице въ присушствіи мужчинъ; но молодыя женщины и дѣвушки у Черкесовъ и Осетинцевъ носятъ круглыя шапочки, какъ и мужчины. Пожилыя женщины носятъ на головѣ выпуклыя подушечки, набишыя льномъ и обшпыя холстиною; онъ дѣлающа съ выпускомъ надъ лбомъ, шириною въ ладонь, и приподняты нѣсколько кверху. По сторонамъ и сзади эти подушечки спановяща поспешенно не полще обыкновенной шапочки. Такая прическа называется *богтахъ*. Сзади прикрѣпляетса кусокъ бѣлой машеріи, въ копорую завершываютса волосы. Этой прической Кабардинки, Осетинки, Дугурки, Бесленейки, Темиргойки и другія племена, живущія къ Черному Морю, опличающа онъ Ташаръ; этой же прической и женской одеждою опличающа жены Мишджеговъ онъ Ташарокъ, Кумучекъ и Черкешенокъ, съ копорыми онъ сходны во всемъ прочемъ.»

«Осепинки не прячущся отъ мужчинъ, и оба пола обращаются свободно. Когда мы оспанавливались на ошдыхъ, то женщины приносили къ намъ куръ, гусей, масло, сыръ, пшеничный и просяной хлѣбъ и другіе запасы, на что бы не рвнялись Черкешенки и Тапарки. Онѣ вымѣнивали эши вещи на канишелъ, кошорую называющъ *зериндаге*, на иголки, наперстки, кораллы, на желныя мѣдныя перстни и холстъ. Для насъ было выгоднѣе мѣняющъ на канишелъ, пошому что за два клубка, спующіе не болѣе пяти копѣекъ, намъ давали хорошую курицу и другія вещи въ эшой же цѣнности.»

«Осепинки не носятъ панталонъ, упошребительныхъ у Черкешенокъ.»

«Если кто-нибудь изъ госпей входитъ въ домъ, то женщины пошлько привспающъ, а мужчины, вспавши, кланяющъ, и снявши шапку, опяшъ садящъ по порядку. Дѣлая поклонъ, они прикасающъ рукою ко лбу, а когда хошянтъ оказашъ особенное уваженіе, то берущъ госпя за руку, прикладывающъ сперва къ своимъ губамъ и пошомъ ко лбу. Знашныя Осепинцы, шакъ же какъ и Черкесы, счишающъ предосудительнымъ, чтошбы ихъ жены выходили днемъ изъ дому.»

«Многоженство у Осепинцевъ мало распрошранено; пошлько богашые, какъ исповѣдывающіе магомешанскую вѣру, шакъ и хрисіане, имѣющъ по двѣ, а нѣкопорые по шри жены (*).»

(*) Вообще Осетинцы плохіе хрисіане.

«Когда Осетинец хочет жениться, то отправляет кого-нибудь из родственников или друзей с предложением к отцу девушки. Если обе стороны согласится о приданомъ, то женихъ поручаетъ женщинамъ, чтобы они ночью привели къ нему его невесту; приготавливаютъ быковъ, барановъ, варятъ пиво и все гуляютъ въ продолженіе трехъ ночей.»

«Приданое составляютъ огнестрѣльное оружіе, сабли, кинжалы, скотъ и другіе предметы. Если шаршины осетинскіе женятся на дочеряхъ черкесскихъ узденей, то приданое часто доходитъ до 1000 серебряныхъ рублей. Черкесскіе дворяне также женятся на дочеряхъ осетинскихъ шаршинъ. Дѣвство у Осетинцевъ строго сохраняется; но послѣ брака виныется женщиной въ честь, если у ней есть любовники. Присупая къ такой связи, любовникъ даетъ своей избранной подарокъ рублей въ пять или десять, и потомъ опять получаетъ его обратно. Дочери богатыхъ людей, особенно изъ колѣнъ Бадилаповъ и Черкесовъ, носятъ, подобно Черкешенкамъ, кожаные корсеты, которые, перехватывая спину, придаютъ ему стройность. Этошь корсеты или поясъ разрѣзываютъ женихъ кинжаломъ. Если мужу наскучитъ жена и онъ безъ причины откажется отъ нея, то лишается приданого. Если жена оставитъ его, то шесть обязана возвратить ему приданое съ прибавкою. А если мужъ оставляетъ жену за неверность, то ему отдають только половину

приданого, попому чшо, взявши жену дѣвственною, онъ обязанъ забошиться о ея поведеніи.»

«Всѣ Осетинцы куряшъ, а Осетинки нюхаютъ шабакъ. Трубки у нихъ глиняныя, а вмѣсто шабакерокъ, завершываютъ нюхальный шабакъ въ пряжки. Женщины моютъ голову сыворошкой, чшо придаетъ волосамъ блескъ и мягкосъ.»

«Счисленіе дней и мѣсяцевъ у Осетинцевъ и Дугуровъ шакое же, какъ у насъ. Воскресеніе называется *хузавибонъ*, или день Господа. Въ эпошъ день они ничего не работають, шакже какъ и въ понедѣльникъ и пятницу, по-крайней-мѣрь не производяшъ работъ затруднительныхъ. Мѣсяцы имѣють свои названія. У *Дугуровъ*, кошорые не опшляются опъ Осетинцевъ: январь называется *анзуръ*, февраль *камазхунъ*, или время игръ, попому чшо въ эпошъ мѣсяць они посвящаютъ себя пляскамъ, играмъ, верховой ѣздѣ и бездѣйствію. Мартъ и апрѣль называются *мархуа-дуа-май*, ш. е. два мѣсяца поста; май называется *никалаи-май*, по празднику св. Николая; іюнь *амистульта*; іюль *зозанъ*, или *головомаханье*, опшго чшо въ эпо время лошади опгоняють головою оводовъ. Августъ и сентябрь называются *рахана-дуа-май*, или двумя мѣсяцами печки оленей; октябрь *кефти-май*, или рыбнымъ мѣсяцомъ; ноябрь *горгуба*, по имени св. Георгія; декабрь *ацологартъ*, или временемъ недоспашка хлѣба и мяса.»

«Вѣра Осетинцевъ одна у всѣхъ колѣнъ. Эпо спранныя смѣсь христіанства съ древними предразсудками. Нѣшъ сомнѣнія, чшо они были хри-

спіанами греческой Церкви. Грузинцы увѣрены, что ихъ царица Тамара, правившая почти за 650 лѣтъ до нашего времени, обратила въ христіанскую вѣру большую часть жителей Кавказа. Въ это-то время построены, находимыя по горамъ, древнія церкви, копорыя Осетинцы называютъ *дууаре*, отъ грузинскаго *джевари*, крестъ; впрочемъ, подъ этимъ словомъ разумѣютъ всѣ священные предметы. Осетинцы соблюдаютъ великій постъ предъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ; въ продолженіе осьми недѣль они воздерживаются отъ мяса, масла, яицъ, и ѣдятъ только хлѣбъ, лукъ и горохъ, вареный съ солью. Нѣкошорые постятся въ пешровку, успенскій постъ и предъ Рождествомъ Христовымъ. По окончаніи великаго поста, они торжественно собираются въ древнихъ церквахъ, гдѣ спарѣйшины читаютъ молитвы; попомъ всѣ вмѣстѣ разговляются мясомъ съ слѣдующимъ обрядомъ. Передъ жершвоприношеніемъ, спарѣйшины спановятся на колѣни, держа въ рукъ маленькую палочку, на концѣ копорой повѣшенъ кусокъ жира или почки; онъ дѣлится это по кусочку всѣмъ присутствующимъ, и оспальное бросается въ огонь. Назначеніе жершвы, у копорой, кромѣ головы, сожигаются всѣ кости, имѣетъ нѣкошорое сходство съ еврейскимъ пасхальнымъ агнцемъ. Въ жершву приносятъ еженедѣльно, кромѣ великаго поста, масло и барановъ; въ день Архангела Михаила убиваютъ быковъ и варятъ пиво; козъ бьютъ въ Рождество, а свиней въ Новый Годъ. По обыкновенію своихъ соседей Миш-

джеговъ, Ингушей и Карабулаковъ, они называютъ поспъ грузинскимъ словомъ: *маргеуа*. По мнѣнію *Рейнегса*: «они вѣряшъ вліянію добрыхъ и злыхъ духовъ, копорые имѣють различныя имена. Гнѣвъ ихъ спараюшъ укропишъ поспомъ, милоспыней и жерпвами, даже заклинаньями и чарамъ.» Но это еще подвержено сомнѣнію. Всѣ Осетинцы, копорыхъ я спрашивалъ, опровергають это. Кромъ церквей и моленъ, у нихъ ешъ въ горахъ священныя мѣсна: нещеры, скалы и множеспво камней, на опасныхъ мѣспахъ, гдѣ они оспанавливаюшъ моляшъ или слупашъ предреканье спариковъ. Эшн мѣсна посвящаюшъ пророку Иліи, главному ихъ покровишелю; св. Георгію, св. Николаю, Архангелу Михаилу. Когда Осетинцы избгають большой опасноспи, или пригопвляюшъ къ важному предпріятію, шо спарѣйшины спановяшъ на колвни предъ священнымъ мѣспомъ, и приносяшъ въ жерпву какое-нибудь блюдо кушанья, или часпъ своей одежды. Соленая рыба, какъ роскошная пища, считаешъ великою жерпвою. Въ пещерахъ и другихъ мѣспахъ, посвященныхъ Иліи, приносяшъ ему въ жерпву козь: мясо ихъ съдають а кожу развѣшывають на большое дерево, предъ копорымъ празднуюшъ. Въ Ильинъ день просяшъ пророка спаспи онгъ града и ниспослашъ боганую жапву. Часно приходяшъ въ священныя мѣсна, и шамъ опьянѣвши онгъ дыма *rhododendron caucasicum*, шопчасъ засыпають, и почиая видѣнныя сны пророческими, располагають по нимъ свои дѣла. Сверхъ шого у нихъ

ещь предвѣщатели, копорые живутъ на священныхъ скалахъ и за подарокъ опирываютъ будущее.»

«У Осепинцевъ ещъ спарики и спарухи, называемые *курисъ-мегъ-цокъ*, или волшебники, копорые въ праздникъ св. Сельвеспра, вечеромъ, впадають нѣкопорого рода въ испуленіе, падають и какъ сонные распростираются на земль. Проснувшись, они рассказываютъ, что видѣли души усопшихъ, или въ большомъ болотѣ, или верхомъ на свиньѣ, на собакѣ, на козѣ. Ежели имъ привидится душа, пожинаящая на поляхъ колосья, то эшо предвѣщаетъ обильную жашву и проч.»

«Осепинцы очень почишаютъ падающія звѣзды, называя ихъ *летающими звѣздами* и *лепающими* крешами, или свящими. Когда на горизонтѣ покажется новый мѣсяцъ, то всѣ увидѣвшіе его дѣлають на воздухѣ крешъ ножемъ или кинжаломъ, прошивъ луны и звѣздъ; такимъ же образомъ чертятъ около себя кругъ изъ крешовъ, считая появленіе мѣсяца священнымъ.»

«Кляшвы Осепинцевъ очень спранны. Ежели ихъ обвиняють въ воровствѣ, то они обыкновенно божатся собакою, кошкою и покойниками; обвиняемый бѣгаетъ по селенію съ собакой и громко кричитъ: я убью эшу собаку. Послѣ шого, насълющій воръ признается, думая, что сдѣлавшись виновникомъ убійства собаки, навлечетъ на себя несчастіе. Часно клянущійся опрубаеть голову кошкѣ или въшаетъ собаку, говоря, что эшо живошное опмешитъ кляшвопреступнику, исдара-

павши, искусавши, замучивши виновнаго. Кпо по-дозрѣваешъ своего сосѣда въ покражѣ, пошъ ведешъ его на кладбище, гдѣ лежатъ его ближніе, и обвиняемый, спавши у могилы опца, машери или браша, говоришъ: «ежели я укралъ, пусшь буду лошадыю опцу, машери, или брашу, а ежели невиненъ, пусшь эшо наказаніе падешъ на виновнаго.» Въ Канибъ и Гналь-Донъ я былъ свидѣтелемъ другаго рода кляшвы, гораздо замѣчательнѣе эшой. Обвиняемый билъ палкою по кучѣ навоза и кричалъ: «Пусшь шакъ бьюшъ моихъ родителей, ежели я укралъ.» Положивши скопской навозъ на конецъ палки, они говоряшъ заклинанье: «Пускай воръ будетъ эшимъ пишашся на шомъ свѣшъ.» Такое заклинанье лучше всякаго спража охраняешъ спада. Въ знакъ союза, они вшыкаюшъ въ землю коль, объявляя, что нарушилель условія исключилсь изъ-подъ защиты обычаевъ. Въ-эшо письменнаго условія, даюшъ другъ другу палочки съ насѣчками, и каждый замѣчаешъ знакъ условія. Хошя они не умбюшъ ни писашъ, ни чашашъ, но у нихъ ешь родъ хронологіи изъ головъ и роговъ, копорые собираюшся въ мѣспахъ жершвоприношеній: по нимъ воспоминаюшъ происшествія, случившіяся въ эши эпохи. Годы считаюшъ по жашвамъ, но вообще ихъ лѣтосчисленіе шакъ ограничено, что они не могушъ сказашъ своихъ лѣтъ.»

«По общему образу поняшій жишелей Кавказа, обычай Осепинцевъ, ѣшь свинину, доказываешъ несомнѣнно, что они не магомешане. По эшому

Татары называютъ *горами невѣрныхъ* всю страну отъ Сунджа до Чернаго Моря, гдѣ живутъ бывшіе христіане. Самыя знаменитыя и древнія осетинскія и дугурскія семейства бывають въ сношеніяхъ съ Черкесами и считаются магометанами, потому что не ѣдятъ свинины; впрочемъ не знаютъ даже молитвъ на арабскомъ языкѣ. О крещеніи не имѣють ни какого понятія: обыкновенно, спустя нѣсколько недѣль по рожденіи младенца, старшій въ семействѣ или кто-нибудь посторонній, по произволу даетъ новорожденному имя, кошорымъ называютъ его до конца жизни.»

«По смерти Осетинца, собираются его родственники; мужчины обнажаютъ бедра и голову, и бичуются до крови; женщины царапають лице; кусають руки и выпускають спрашный вопль. Жена покойнаго должна быть изступленнѣе другихъ и воздерживаться въ продолженіе года отъ мяса и другой пищи, кошорую запрещено употреблять въ постѣ. Братъ покойнаго обыкновенно женился на его вдовѣ, для сохраненія семейныхъ пожизковъ: такой бракъ почитается честнымъ и достойнымъ уваженія.»

«У всякаго семейства есть свое отдѣльное кладбище: у нѣкошорыхъ колѣнь оно состоитъ въ чепырех-угольномъ сводѣ, съ узкимъ входомъ. Два человѣка входящъ шуда, волоча за собою шѣло покойника, простертое на доскѣ. Когда шѣло совершенно разрушился, то косы покойнаго смѣшиваються съ косыями прежде его умершихъ родственниковъ, въ шомъ предположеніи, чтобы остан-

ки людей одного семейства были вмѣстѣ. У некоторыхъ колѣнъ, какъ напр. у Дугуровъ, погребающъ сходно съ другими народами: шѣло покойнаго одѣвающъ въ лучшее платье и кладущъ въ неглубокую могилу, длиною въ величину шѣла, выложенную внутри камнемъ. Сверху насыпающъ груды камней и сажаютъ дерево. Въ изголовьи могилы значительныхъ людей спавящъ четырехугольной неправильно обшесанный камень, вышиною болѣе челоуѣка. Своды надъ могилами рѣдко дѣлающъ. Тѣло умершаго кладущъ головою къ западу. Если кого поразищъ громъ, шо въ близкіе радующся, въ увѣренности, что убишой взящъ на небо Илію; кричашъ отъ радости, поющъ и пляшущъ около шѣла; со всѣхъ споронъ сбѣгающся люди, приспающъ къ пляшущимъ и поющъ: «*О Элаи, Элаи элдаэръ чоппэм.*» Что значить: О Илія, Илія, жишель горныхъ вершинъ. Повшоря мѣрно эшотъ крикъ, они пляшущъ посшрившись въ кружокъ, и шо приближающся шо опходящъ далѣе. Припѣвъ пѣсни поешъ сначала запѣвало, а за нимъ уже повшоряешъ шолпа. По окончаніи грозы переодѣвающъ покойника въ другое платье, и положивши на подушку, оспавляющъ на шомъ же мѣстѣ и въ шомъ же положеніи, въ кошоромъ онъ былъ найденъ, поющъ и пляшущъ до полуночи. Родшвенники покойнаго шакже поющъ и пляшущъ, и веселящся какъ будшо на празднеспвѣ, шѣмъ болѣе, что грустный видъ почишасшся оскорбительнымъ для Иліи, а впослѣдшвиіи дошпойнымъ наказаніа. Эшотъ праздникъ продол-

жаеися восемь дней, по испеченіи копорыхъ свершаеися погребеніе съ большою торжественностію и празднествомъ. Надъ могилою насыпаютъ кучу камней и подлѣ нее съ одной стороны вѣшаютъ на высокомъ шестѣ черную козью кожу, а съ другой плашь покойнаго.»

«Для успокоенія душъ умершихъ людей, у Осетинцевъ, ведется очень странный обычай, называемый *догъ*. Два или три всадника взбираются на утесистую гору въ разстояніи другъ отъ друга верстѣ на десять, и кто изъ нихъ прежде достигнетъ вершины, тому осетельные оказываютъ почетъ и угощаютъ его. Всѣ присутствующіе радуются, пляшутъ и пируютъ.»

«Русскіе дѣлали опыты введенія христіанской религіи между Осетинцами, и по этому случаю учредили въ Моздокъ въ 1752 году комиссію изъ духовныхъ особъ. Эта комиссія устроила монастырь въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Фіагъ, вытекающая изъ горъ, входитъ въ кабардинскія долины. Монастырь былъ построенъ на правомъ берегу рѣки, недалеко отъ деревни Буруквеге, принадлежащей черкесскимъ узденямъ *Анзоріо* и называемой русскими *Борукайя*. Въ монастырь находилось нѣсколько священниковъ, копорымъ было поручено дѣло обращенія Осетинцевъ въ христіанскую вѣру; но какъ всѣ ихъ старанія ограничивались только крещеніемъ народа и каждому новокрещенному давали на счесть доходовъ губерніи по 10 аршинъ толстаго холста для рубашекъ и нижняго плаща, по паръ сухой рыбы и по мешаличе-

скому кресту, по Осетинцы собирались большими толпами и многие крестились по нѣсколькѣ разъ. А жишели высокихъ горъ знали христіанство только по имени, называя его *христонъ*, и умѣли креститься. Монастырь существовалъ нѣсколько лѣтъ; но когда одинъ изъ священниковъ обезчестилъ жену богатаго Осетинца, по народъ бросился на монастырь и разрушилъ его въ 1769 году. Въ опмщеніе за такой поступокъ, генералъ Медемъ опрядилъ въ 1771 году часть войска, однако же дѣло кончилось ничѣмъ. Монастырь не возобновили и миссія, успроившись въ Моздокъ, завела школу для Осетинцевъ, живущихъ въ окрестностяхъ города.»

«Осетинцы, живутъ ли они деревнями, или одиноко, въ обоихъ случаяхъ живутъ разнообразно. Обыкновенно деревни бываютъ малы и такъ близки одна отъ другой, что кажутся однимъ селеніемъ, и называются по имени старшинъ, которые прекращаютъ несогласія, сохраняютъ порядокъ и пользуются большимъ уваженіемъ, но не собираютъ ни какой дани. За то всегда идутъ первыми на разбой и имѣютъ большое вліяніе на оспальныхъ жишелей.»

«Дома и деревни очень нечислы, но на улицахъ почти никогда нѣтъ нечистоты, потому что дождевые потоки хорошо смываютъ каменистую почву. На высокихъ горахъ всѣ дома спроеханы изъ камня безъ глины и извести, вмѣсто которыхъ употребляютъ мохъ или землю; несмотря на это, стѣны очень крѣпки и переживаютъ нѣ-

сколько поколѣній. Дома въ деревняхъ вообще разбросаны; но часпо вспрѣчаются домовъ пять въ одной связи, укрѣпленныхъ общей стѣною и башнею. Каждый домъ раздѣленъ на два яруса: въ нижнемъ держашъ скопъ, а въ верхнемъ живущъ люди; двери дѣлаются плохо, и свѣтъ проходишь сквозь чешыреугольное опверзпие. Дома, расположенные при выходахъ изъ горъ, спрояшя изъ буковаго дерева и покрывающя соломой или лубками. Вспрѣчаются иногда и на горахъ деревянные дома, построены изъ сосновыхъ бревенъ, но они очень дурно расположены и неудобны. Въ каждой деревнѣ находишя зданіе, служащее убѣжищемъ въ случаѣ нечаяннаго нападенія. Тогда женщины скрываются въ нижнемъ жильѣ, а всѣ мужчины, способные носить оружіе, спановаясь на верху, спрѣляютъ и бросающъ камни на враговъ, копорые спарающя взобращься по лѣспнищѣ, чпобъ выломашъ двери.»

«Очень мало осешинскихъ деревенъ находишя близъ рѣкъ; всѣ онѣ расположены на возвышенныхъ мѣстахъ и по небольшимъ ручьямъ, низвергающимся съ горъ.»

«У всякаго спаршины бываешъ при дома: одинъ общвенно для него, другой для чужеземца и прешій для хозяйства и кухни. Въ первомъ хранишя оружіе, развѣщенное по стѣнамъ. Въ комнашъ сдѣланъ одинъ очагъ, пославлены деревянные козлы на копорыхъ развѣшиваютъ на день одѣяло и подушки. Кровашъ дѣлаешя вышною въ поларшина изъ дерева, съ двумя высокими споронками

по концамъ, и спавишся съ боку, подлѣ очага. На день она покрываешся войлоками, на кошорыхъ сядяшъ женщины, поджавши ноги; мужчины сядяшъ на низенькихъ скамеечкахъ или на спульяхъ, но на землю никогда не сядяшся, какъ дѣлаешъ большая часпъ кавказскихъ народовъ. Тюфяки и подушки набиваюшся шерспью; богатые люди покрываюшъ ихъ шикомъ; одѣяла вышиваюшся шерспью или бумагой и покрываюшся сипщемъ, а иногда шелковыми и другими маперіями. Посреди комнашы споишъ невысокій круглый деревянный споль, на шрехъ ножкахъ. Всѣ купленные на линіи у русскихъ купцевъ вещи, какъ по: бупылки, графины, спекляныя и деревянные чашки, фаянсовые шарелки и пр., всѣ эши вещи, съ проверченными на нихъ дырочками, или привязавши веревочками, развѣшиваюшъ въ комнашѣ по спѣнамъ. Другія издѣлія, получаемя изъ Россіи, они храняшъ въ сундукахъ, обишыхъ жеспью.»

«Обыкновенную пицу Осепинцевъ соспавляюшъ: првспный пшеничный или ячный хлѣбъ, кошорый пекушъ, подобно Имерешинцамъ, на золѣ; ржаные или просяные пироги, кошорые рѣжущъ на куски и ѣдяшъ вмѣсто хлѣба, иногда горячіе, иногда холодные. Обыкновенно ѣдяшъ баранину и говядину, а бѣдные и свинину. Когда нѣшъ мяса, тогда они варяшъ похлебку изъ ржаныхъ крупъ. Пьюшъ обыкновенно шолько чистую и здоровую воду, изъ горныхъ источниковъ. Варяшъ изъ ячменя пиво, гоняшъ изъ ячменя и ржи водку, а изъ ржаныхъ зеренъ приготошляюшъ бузу.»

«Земледѣліе по горамъ очень нягоспно, пошому чшо въ нѣкошорыхъ шолько мѣсцахъ скалы покрьшы желпою глинишною землею и шребуюшъ ежегоднаго удобренія. Нивы обыкновенно бываюшъ на ушесисшыхъ покашоспяхъ, чшо очень запрудняешъ земледѣліе. Осепинская соха, упошребипельная и у другихъ горцевъ, нѣсколько менѣ русской. Земледѣлецъ управляетъ ею лѣвою рукою, а правою погоняешъ воловъ. Борона дѣлаетъ изъ нѣсколькихъ обрубковъ дерева, связанныхъ вмѣстѣ, на кошорые спановишся земледѣлецъ для увеличенія нягоспи. Осенью сѣюшъ озимую пшеницу, а весною яровую, ячмень и иногда овесъ. У живущихъ при горныхъ выходахъ земли воздѣлываются въ долинахъ, и засѣваются шолько пшеницей, а еще болѣе просомъ и *боромъ*, копорого зерно менѣ обыкновеннаго. Сверхъ шого Осепинцы сѣюшъ горохъ, шурецкіе бобы, макъ, огурцы, конопли и леваншскій шобонъ (*nicotiana rustica*). Хлѣбъ жнушъ серпами, очень согнутыми, величиною болѣ фуша, шириною въ два пальца, съ мелкими зубцами. Косы не бываюшъ длиннѣ двухъ фушовъ, шириною пальца въ шри, доволно прямья и укрьпленныя къ коснику, длиною около полупора аршина. Молошяшъ хлѣбъ волами на гумнѣ, кошорое не успиаетъ досками, какъ у спешныхъ Тапаръ, для шого чшобъ не избипъ соломы, необходимой Осепинцамъ для корма скопа въ зимнее время. Зерно хранитъ ся близъ дома въ жипницахъ, сдѣланныхъ изъ шонкихъ вѣшвей. Мельницы усшроиваютъ ся на быспрыхъ ручьяхъ; къ

*

горизонтальному колесу придѣлывающа крылья, копорья приводяща въ движеніе силою воды, проведенной посредствомъ жолоба; на вертикальной оси колеса, вырѣзывающа зубцы, оборачивающіе жорновъ. Мука выходитъ крупная, но мелется скоро. Жернова дѣлающа изъ кабардинскаго дикаго камня, опличной доброшы; но они не введены въ употребленіе на лиши, гдѣ нѣтъ хорошихъ жернововъ и мука всегда смѣшана съ пескомъ. Хозяева мельницъ позволяющъ своимъ родственникамъ молошъ безденежно.»

«Послѣ землепашества, главное занятіе Осетинцевъ состоитъ въ скотоводствѣ; овцы составляютъ ихъ главное богатство. Они ихъ промѣниваютъ Грузинцамъ и Имеретинцамъ на дешевыя шелковыя матеріи, на полотна, бумажныя издѣлія, серебряную и золотую канишель, желѣзную посуду и оружіе. Съ Черкесами и Армянами мѣняюща на соль, и часпо на пшено и холстину. Разводятъ много козъ; запово рогатаго скота едва достаточпо для земледѣлія: имъ мѣняюща только между собою и цѣнятъ его очень дорого. Сыръ дѣлающъ изъ козьего молока, масло изъ коровьяго, но оно у нихъ считается рѣдкостью, пошому что въ горахъ очень мало травы, и невозможно держатъ много рогатаго скота. Скошенное на высотахъ стѣно связываютъ въ снопы и скапываютъ внизъ, гдѣ сноватъ повозки для перевоза его въ другое мѣсто. У кого много воловъ, шоптъ пасетъ ихъ зимою въ чужихъ пашунахъ, или опдаетъ на прокормленіе жишелямъ долинъ. Лошади

у нихъ невелики, съ крѣпкими ногами, ходящъ всегда безъ подковъ по камнямъ, вѣрно взбирающъ по горамъ, рѣдко успающъ и не спопыкающъ. Ослы еще лучше въ этомъ отношеніи. Муловъ держашъ рѣдко, между шѣмъ какъ сосѣдственныя Тапары, живущіе на высокихъ горахъ, славящя ими.»

«Тапарскія подковы очень полезны въ горахъ: онѣ дѣлающя изъ куска полсшаго желѣзнаго листа, ровнаго съ подошвою копыща; посрединѣ пробивающя опверзшіе, края нѣсколько полще, и опъ этого спереди дѣлающя родъ небольшого выпуска; по обимъ сторонамъ проверчено по шри дыры для гвоздей съ головками, сдѣланными опспроконечной призмой, въ два ряда; это помогающъ лошади удерживащя на голыхъ скалахъ и на высокихъ снѣжныхъ горахъ. Она никогда не можешъ попорпипъ верхней часши копыща, ни вырвашъ подковы.»

«Спаршинство между Осетинцами очень уважащя: молодые люди не должны садипся въ присущствіи спариковъ; сынъ не садипся передъ опцемъ и меньшей брашъ передъ спаршимъ.» Этопъ обычай былъ замченъ Спрабономъ за 1800 лѣтъ до нашего времени, и свяшо сохранился.

«Всѣ осетинскіе спаршины владѣющъ своими креспьянами и невольниками, кошорыхъ доспающъ или покупающъ. У нѣкошорыхъ служащъ вольные, кошорые свободно могушъ перемѣняшъ мѣсто.»

«Они не имѣющъ права брашъ въ прислугу, даришъ или продавашъ креспьянъ по часшамъ, но

цѣлымъ селеніемъ; невольниковъ же могутъ продаваши какъ хощаши; крестьяне и невольники влащаши имъ очень умѣренную подаши. Часпо за небольшие подарки идуши служашши вольные; иногда за нихъ выдаюши замужъ дочерей, или влащаши за приданое, когда они женяшся на другой; они же за шо служатъ у нихъ опредѣленное время.

«Вошъ имена главныхъ героевъ, копорыхъ Осетинцы воспѣваюши, и копорые служатъ имъ примѣромъ: *Ахметъ, Арсланъ-бегъ, Гитекко, Амистала, Амуръ-ханъ, Бахатерасъ, Бахиръ, Бото, Барисба, Бекби, Хамицъ, Дударукъ, Девлетъ, Джаншекъ, Гхевисъ, Гутши, Гази, Иладъ, Гази, Караджай, Мамбедъ, Мисаостъ, Максимъ, Мирза-бегъ, Мерука, Нассеранъ, Соссиреко, Сосланъ, Тезби, Тесо, Чанзе.*»

Такъ описывалъ Осетинцевъ ученый путешественникъ за 30 лѣтъ до нашего времени.

Теперь ихъ считаешся болѣе шриццати пяти тысячъ душъ, и въ нихъ шесшнадцати главныхъ колѣнъ: *Дугуръ или Дигоръ, Валаджиръ, Куртаны или Чинаны, Тагауры, Рачинцы, Зрамаги или Мамисонъ, Наро, Турсо, Кударо, Кешельта, Междуцы, Магладолети, Кудъ или Гудовцы, Джамуръ, Гудомакарцы или Гудошаурцы и Джерахи.* Они сосшавляюши самый мирный народъ изъ всѣхъ кавказскихъ племенъ, и спановяшся извѣстными подъ именемъ *кавказскихъ пастуховъ*: насущъ спада, служатъ проводниками въ горахъ, особенно въ бурное и снѣжное время, исправляюши дороги, расчищаюши ихъ, если съ вершины Казбека ска-

пишся снѣговая гряда, или, какъ говорятъ на Кавказѣ, когда *Казбекъ сниметъ свою шапку*, завалишь всѣ долины и пресѣчешь теченіе Терека.

Какъ много могли бы сообщить намъ о горскихъ народахъ наши кавказскіе соотечественники, какъ возможно для нихъ обратишь вниманіе на эти оспашки великихъ племенъ, нѣкогда спраш-ныхъ для полуміра. Какими свѣдѣніями могли бы они обогатить науку и какія живописныя спашьи могли сообщать публикѣ, проникая въ глубину горъ, куда нельзя проникнуть мирному путешественнику, вникая въ жизнь замиренныхъ поколѣній и описывая природу ихъ мѣстъ, ихъ вѣру - повѣрья, ихъ языкъ и пѣсни, ихъ одежду и оружіе, которое пришло о шрегранные шпыки нашихъ кавказскихъ воиновъ.

Вадимъ Пассебъ.

ГРАММАТИКА

ОСЕТИНСКАГО ЯЗЫКА.

(По Клапроту.)

Произношеніе въ осетинскомъ языкѣ сходно съ произношеніемъ славянскимъ и ниже-германскимъ. Вообще выговоръ довольно крѣпокъ отъ частаго соединенія согласныхъ буквъ *кх, кэ, дц, дч*, и пр.

Ни существительныя, ни прилагательныя имена родовъ не имѣютъ; напр.: *рессудъ лагъ* — хороший мужчина, *рессудъ узъ* — хорошая женщина и проч.

Прилагательныя дѣлаются изъ существительныхъ, съ приложеніемъ частицъ: *ом* и *гмнъ*; напр.: *удъ*—духъ, *удемнъ* — духовный; *бокъ* — день, *бонокъ* — дневный.

Множественное число составляется приложеніемъ къ именительному падежу единственнаго частицъ: *те, ом*, или *ту*, напр.: *хуцавъ* — богъ, *хуцавте*—боги; *дзку* — волосъ, *дзкуокъ* — волоса; *биль* — заяцъ, *бильту* — зайцы.

Склоненія.

<i>Единствен. число:</i>	<i>Множествен. число:</i>
И. <i>Ціу</i> — птица.	<i>Ціу-те.</i>
Р. <i>Ціу-н.</i>	<i>Ціу-теи.</i>
Д. <i>Ціу-энь.</i>	<i>Ціу-тевь.</i>
В. <i>Ціу.</i>	<i>Ціу-те.</i>
З. <i>Ань-ціу</i> , о птица!	<i>Ань-ціу-те.</i>
Т. <i>Уцъ ціу-эм.</i>	<i>Унь-ціу-тэи.</i>
И. <i>Фидъ</i> — отецъ.	<i>Фид-тэ.</i>
Р. <i>Фід-зъ.</i>	<i>Фид-тнсти.</i>
Д. <i>Фід-энь.</i>	<i>Фид-тэнь.</i>
В. <i>Фи-ди.</i>	<i>Фид-тэ.</i>
З. <i>Ань-фидъ.</i>	<i>Ань фід-тэ.</i>
Т. <i>Фідень.</i>	<i>Фидель-те.</i>

И. Мои — мужъ.	Мо-энтъ.
Р. Мби.	Мои-ооо.
Д. Мби-энтъ.	Мби-оонтъ.
В. Мои.	Мои-ои.
З. Анъ-мби.	Анъ моибъ.
Т. Мби-энтъ.	Мои-оои.

Сравнительная степень дѣлается чрезъ приложеніе къ прилагательному слога *дару*, какъ въ персидскомъ и курдскомъ чрезъ прибавленіе частицы *теръ*.

Мѣстоименія личныя.

Азъ — я: по-курдски *азъ*, по-литовски и ливски *эзъ*, по-слав. *азъ*. *Ди* или *ду* — ты, также сходно со всеми славянскими и германскими нарѣчіями: по-персидски *ту*, по-зендски *те*.

Уи — онъ: по-персидски и курдски *у*, по-зендски — *юз*.

Махъ — мы: по-персидски и зендски *ма*.

Змахъ — вы: по-персидски и зендски *шумъ*.

Удонъ — они.

Ме, ма, махи — мой; *дээ, давь, дахи* — твой.

Эхи, э — — свой; *оо, — — —* — вашъ.

Аи — этотъ; — *анхузъ* — — тотъ.

Склоненія.

Единствен. число:		Множествен. число:
И. <i>Азъ</i> — я.		<i>Махъ, махдеръ</i> — мы.
Р. <i>Ме</i> — меня.		<i>Мѣхъ</i> — насъ.
Д. <i>Махенъ</i>	} мнѣ.	<i>Махенъ</i> — намъ.
Д. <i>Мѣнтехэ</i> <i>Мананъ</i>		
В. <i>Манъ</i>	} я.	<i>Махъ</i> — мы.
В. <i>Махи</i>		
Т. <i>Маненъ</i>	} мною.	<i>Махэ</i> <i>Махмэ</i> } нами.
Т. <i>Мененъ</i> <i>Мѣандажъ</i>		

Единствен. число:

И. <i>Дн</i> — ты.
Р. <i>Дá</i> — тебя.
Д. <i>Давóнь</i> } тебѣ.
<i>Давна</i> }
В. <i>Давъ, дау</i> — ты.
Т. <i>Давои</i> } тобою.
<i>Датн</i> }
И. <i>Ун</i> — онъ.
Р. <i>Гé, зтн</i> — его.
Д. <i>Умень</i> — ему.
В. <i>Сун</i> — онъ.
Т. <i>Умен</i> } имѣ.
<i>Умендэръ</i> }

Множествен. число:

<i>Змáхъ</i> — вы.
<i>Змáхъ</i> — васъ.
<i>Зматенъ</i> — вамъ.
<i>Змáхъ</i> — вы.
<i>Зматé</i> } вами.
<i>Змахма</i> }
<i>Удонъ</i> — они.
<i>Удонъ</i> — ихъ.
<i>Удоненъ</i> — имъ.
<i>Удонъ</i> } они.
<i>Удоннæ</i> }
<i>Удонмé</i> } ими.
<i>Удинма</i> }

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ.

Бытъ.

Настоящаго времени.

Единствен. число:

<i>Азь донъ</i> — я есмь.
<i>Дн де</i> — ты еси.
<i>Ун нсъ</i> — онъ есть.

Прошедшаго.

<i>Азь ўденъ</i> — я былъ.
<i>Дн ўдé</i> — ты былъ.
<i>Ун ўдн</i> — онъ былъ.

Множествен. число:

<i>Махъ стемъ</i> — мы есмы.
<i>Змахъ стутъ</i> — вы есте.
<i>Онднъ нстн</i> — они суть.

Будущаго.

<i>Азь удзнемъ</i> — я буду.
<i>Дн удзнé</i> — ты будешь.
<i>Ун удзéнкн</i> — онъ будетъ.

*Водъ (вондъ, воннъ) будъ.**Имѣтъ.*

<i>Мáммн нсъ</i> — я имѣю.
<i>Давна нсъ</i> — ты имѣешь.
<i>Ума нсъ</i> — онъ имѣетъ.
<i>Змахма нсъ</i> — мы имѣемъ.
<i>Мáхма нсъ</i> — вы имѣете.
<i>Удинма нсъ</i> — они имѣютъ.

Остальные глаголы бывают или простые или сложные. Въ простыхъ первое лице настоящего оканчивается на *мнъ*; сложные составляются изъ существительнаго съ прибавленіемъ слова: *кханмнъ*.

Неопредѣленное дѣлается переменною — *м* перваго лица настоящего на *е*; напр.:

Урннъ — я вѣрю; *Урненъ* — вѣрять.

Для составленія повелительнаго наклоненія, откидывается отъ настоящаго слогъ *мнъ*; напримѣръ:

Кханмнъ — дѣлать; *кханъ* — дѣлай.

Вързмнъ — любить; *вързъ* — люби.

Въ неправильныхъ глаголахъ есть исключенія. Прошедшее время требуетъ предъ большею частию глаголь частицы *фе*, или *мн*; а будущее частицы *ба*, какъ *бе* въ персидскомъ; напр., *азъ мнъ зусмнъ* — я слышу; *азъ фекъ густонъ* — я слышалъ; *азъ бакъ густонъ* — я услышу.

Отрицательныя частицы *а*, *анъ* или *ана*, ставятся прежде словъ; напр.: *арфн* благодарность, *анарфн* неблагодарность, и пр. Отрицательная частица *ма* ставится только предъ глаголами; напр.: *кханъ* — дѣлай, *макханъ* не дѣлай. Иногда ставится *не*, напр. *феттам* — ты видишь; *нефеттам* — ты не видишь. *Не*, значить вѣтъ, а два раза повторенное — ни, ни; напр.: *нѣ фиццагъ*, *нѣ фаццагъ* — ни начала, ни конца.

Частица *нем* также употребляется для отрицанія.

Предлоги: *эм*, *мзъ* — въ, *афонъ* — подъ. Предлогъ *ма*, означаетъ движеніе куда-нибудь, и ставится послѣ слова; *октем* — для, и нѣкоторые другіе, также ставятся послѣ слова.

Нарвчія: *кхамн* — гдѣ, *амъ* — здѣсь, *умъ* — тамъ, *ахиръ-андеръ* — вездѣ, *алл-бонъ* — (всякой день) всегда, *нирдеръ* — теперь, *кхудъ* — какъ, *цалудѣ*, *цк* — что, *алм* —

все, *авоэ* — итакъ, *ама* и, также, *миди* — ничто, *миди-хаманъ* — никто, никому и пр.

Для лучшаго понятія расположенія словъ въ осетинскомъ языкѣ прилагаются выписки изъ переводовъ Катехизиса, составленнаго для этого народа.

Агадъ ноау Хуцавемъ збонъ ама фандъ-кханниъ
Довольно ли Бога знать и думать (о немъ),
ама кханниъ кхудъ тѣфенди.

а дѣлать какъ хочешь.

Нѣ азъ кхудъ фандъ-кханниъ Хуцавемъ авоэ
Нѣтъ, я какъ думаю (о) Богъ, такъ
расть царниъ кѣву ама номмнеи, кхадъ азъ
истинно жить долженъ, и именно, когда я
збонниъ кхудъ Хуцавемъ ацагу авоэ омрсдзненъ
знаю, что Богъ истинный, тогда страшусь
авзаръ кханниемъ ама ма батавонъ *ум*
зло дѣлать и не впадаю (подвергаюсь) его
расть тархоти ама мафесевонъ умъ хорзе-
правдивому суду и не утрачиваю его благоотво-
хетен. Анк'галу Хуцавемъ ама вѣрзъ умъ аппавъ
ренія. Вѣруй (въ) Бога и люби его *всѣмъ*
сердѣе.

сердцемъ.

Кхадъ кхи дзуръ ма цидзуръ.

Когда кто говорить, не говори.

Дзуръ алабонъ расть.

Говори всегда правду.

Ма кхадъ загъ мѣнѣ.

Никогда (не) говори обмана.

Для сравненія съ грамматическими замѣчаніями Клапрота на свойство осетинскаго языка, прилагается осетинская молитва, доставленная издателю Очерковъ И. И.

Срезневскимъ и списанная имъ со всею вѣрностію съ подлинника, привезеннаго съ Кавказа И. И. Соколовымъ.

Хчавъ табудонъ хчавна хчо Боже, просимъ милости фодъ да хорзахъ ненъ рать, твоей на насъ.

Вашкиргинъ хчонда фодъ Св. Георгій! просимъ тебѣ да хорзахъ ненъ рать. бя, помилуй насъ.

Михаель Габріель табудонъ да хорзахъ ненъ рать. Михаилъ Гаврииль! просимъ, помилуй насъ.

Илія табудонъ хчонде фодъ Илія! просимъ тебя, помогай намъ и помилуй насъ. да хорзахъ ненъ рать.

Хохо джуаръ да хорзахъ Горняя Церковь! помилуй ненъ рать. насъ.

Нарухшкирга да хорзахъ Нарскій Св. Георгій! помилуй насъ. ненъ рать.

Брусабзели чизадта чизадгита бодисъ удонъ има ахчонде фодъ да хорзахъ ненъ рать табудавенъ кувенники агуринъ монахчо фодъ. Брусабзели (гора), и всѣ, что на ней сидятъ, Ангелы и Апостолы! кланяемся вамъ и просимъ, помилуйте тѣхъ, кто васъ ищетъ и вамъ поклоняется.

Гурджистане чи джворти нсъ хчоне фодъ хорзахне рать тутъ ухдаме хорзахне рать тутъ. Всѣ грузинскія церкви! просимъ, помилуйте насъ! И чтобы народы, вокругъ насъ живущіе, помиловали насъ!

Русъ кане джуартель табудонъ русъ кане рать тутъ. Русскую царскую просимъ дать намъ Русскаго Царя милость!

Христіанъ хчо фодъ табудонъ да хорзахне рать. Христось! просимъ, помилуй насъ!

Рестмегенегъ Хчау нами-таненъ срестмеке табудвенъ. Справедливый Боже! помилуй насъ по своей справедливости.

Въ этой молитвѣ слово Богъ по-осетински *Хизаъ*, а у Клапрота *Хуцаъ*. Очень вероятно, что то и другое наименованіе Бога равно вѣрны и употребляются у разныхъ осетинскихъ колѣнь.

Вино Санъ.
 Вечерь Зоръ *итал.* серо; *тат.* сар-
 рахъ.
 Время Афонъ.
 Всегда Алабонъ.
 Вѣтеръ Демгазъ.
 Вижу Уинъ.

Г.

Годъ Анзъ *лат.* аннусъ.
 Говорю Дзуренъ.
 Голодъ Могуръ.
 Горло Хурхъ *курд.* геру; *нѣм.* гур-
 гель.
 Герой Кабатеръ.
 Губы Буль *перс.* лебъ; *курд.* левъ.
 Гора Хохъ *перс.* когъ; *нѣм.* гохъ-
 высоко.
 Гусь Кхазъ *курд.* хазъ; *тур.* казъ.
 Грудь Ровъ.
 Громъ Арвцалкате.
 Городъ Сааръ.
 Голова Серъ, саро . . . *курд.* серъ; *перс.* серъ.
 Говорить Сагинъ *нѣм.* загенъ.

Д.

Другъ Варзунъ.
 Дерево Кхадъ *брет.* коадъ; *вал.* кудъ.
 Дорога Фандагъ.
 Дворъ Картъ *готт.* гардъ; *перм.* кар-
 та; *ирл.* куртъ; *итал.*
 корте.
 Дяю Датинъ *перс.* дадинъ; *земд.* датъ;
курд. дедимъ; *лат.* до.
 Дятя Зевелонъ.

Духъ Удъ *занд.* аона.
 Досадою Медь-кнахинъ.
 Дълаю Кнаинъ *перс.* кунемъ.
 Дъушка Кызъ *курд.* хизъ.
 Дымъ Дининъ.
 День Бонъ.
 Далекъ Дардъ *перс.* дуръ; *курд.* дура.
 Дождь идетъ Варенъ *перс.* деръ; *нѣм.* тюръ.
 Долина Урдикъ.
 Деревня Кау *перс.* ко.

Ж.

Женщина Узъ.
 Жельзо Авсеннакъ *нѣм.* эйзенъ.
 Жениться Узъ-куринъ (вы-
 бирать женщину).
 Жертва Хорсте, нувондъ.
 Жажда Донугъ.

З.

Звърь Зиртъ, ккурдъ.
 Зубъ Дендегъ *перс.* денданъ; *занд.* ден-
 тано; *лат.* демсъ.
 Звѣзда Стале, сталь *лат.* стелла.
 Зима Зимегъ *перс.* зиместанъ; *занд.*
 зѣамнъ.

Земля Басте.
 Затылокъ Авцегато.
 Западъ Манени-гулени.
 Золото Цазгаринъ.
 Знать Зонинъ.
 Змѣя Кольмъ.

И.

Игла Судзинъ *перс.* сузинъ.
 Иностранецъ Исхе.

Трубка Лулегъ *тур. лулегъ; малорос. люлька.*

Табакъ Тамако.

У.

Утка Бабишь *черк. бабишь; тат. ног. папи.*

Усы Рихи *курд. рихъ; перс. ришь.*

Ухо (уши) Кхусъ (кхусти) . *перс. гушь; зенд. геошь.*

Убиваю Маронъ.

Х.

Хорошо Хорсъ *пер. хошь.*

Холодь Иханъ.

Хлѣбъ Дзулъ.

Ц.

Цѣпь Балласъ *перс. баллуфъ; курд. палуть.*

Цѣвъъ Хузь.

Ч.

Чась Саатъ *араб. соатъ.*

Человѣкъ Лягъ; во множе-
ственномъ числѣ

— леги *нѣм. лейге.*

Честъ Цифъ.

Черный Санъ, савъ *перс. سیاгъ; санскр. سیاге.*

Ш.

Шапка Худъ *нѣм. гуть; груз. куди.*

Шея Барзен.

Ъ.

Ъмъ Харинъ *зенд. хоре.*

Я.

Яйцо Цасте *перс. чечмъ.*

Языкъ Авзагъ.

НАЗВАНІЕ МѢСЯЦЕВЪ.

- Январь — Тенгэмаи.
 Февраль — Хомаханъ, т. е. время игръ.
 Мартъ — Цекеннэ маи.
 Апрельъ — Сашсэ.
 Май — Сердевра маи (по дугорски *никола маи*, т. е. мѣсяць св. Николая.)
 Июнь — Фистиссерá маи.
 Июль — Сузеннэ маи, т. е. мѣсяць палящій голову.
 Августъ — Икина маи.
 Сентябрь — Рахана маи.
 Октябрь — Кефта маи, т. е. рыбный мѣсяць.
 Ноябрь — Георгуба, т. е. св. Георгія.
 Декабрь — Цяппурсъ.

НАЗВАНІЕ НЕДѢЛЬНЫХЪ ДНЕЙ.

- Воскресенье — Хуцави-бонъ, т. е. день Господа.
 Понедѣльникъ — Мархау.
 Вторникъ — Дичагъ.
 Среда — Артичегъ.
 Четвергъ — Цяпаремъ.
 Пятница — Меремъ бонъ, т. е. день Св. Маріи.
 Суббота — Сабтъ.

СЧЕТЪ.

- Одинъ — Ю; *по перс.* екъ; *зенд.* ёо.
 Два — Дуэ; *перс.* и *курд.* ду; *зенд.* лу́.
 Три — Арте.
 Четыре — Цушпаръ; *араб.* чигаръ; *зенд.* четверé.
 Пять — Фонзъ; *перс.* пенджъ; *зенд.* пенчé.
 Шесть — Ахзесь; *перс.* шешъ; *зенд.* хшуешъ.
 Семь — Авдъ; *курд.* афъ; *перс.* гафъ; *зенд.* гапте.
 Восемь — Астъ; *курд.* агстъ; *перс.* гаштъ; *зенд.* аштé.
 Девять — Фарастъ.
 Десять — Дезъ; *зенд.* дезé.

Почти въ каждомъ племени или колѣнѣ Осетинцевъ сохранилась своя отличительный выговоръ.

Одиннадцать — Ю-десъ.

Двенадцать — Дуа-десъ, и т. д.

Двадцать — Зедъ.

Двадцать одинъ — Ю-ама-зедъ, т. е. одинъ и
двадцать

Тридцать — Деса-ама-зедъ, т. е. 10 и 20.

Тридцать два — Ду-ама-десъ-ама-зедъ.

Сорокъ — Дуи-зедзи, т. е. два — двадцать.

Пятьдесятъ — Десъ-ама-дуи-зедзи.

Сто — Зада. *перс.* и *курд.* задъ; *зедъ.* зетъ.

Тысяча — Десъ зада. Употребляется и *милъ.*

Почти въ каждомъ имени или
кочевъ Осетинцевъ сохраняется
свой оригинальный выговоръ.

МАРТИНЪ ПУШКАРЬ.

1657—1658.

Де-жъ ты, Пушкарю,
Храбрый козаче,
Що по тобі, друже,
Україна плаче?

Кистки у могили,
Самъ у Господа Бога!
Ой, плачъ, Україно,
Спрото небога!

Твою ясну долю
Росшарпавъ Выговський,
Що сердце мовъ камень,
А разумъ бисовський

Народн. пльня

I.

Поюшь бандурисень много думъ, поюшь и шакою:

— Ой пійшла тяжка жаль — Ой пошла тяжелая гонедома, та по всій Украині, ре-бѣда по всій Украинѣ, якъ сталася смута у городі когда смутно стало въ городі у Чигрині, що панъ геть-дѣ Чигринь, когда тамъ панъ манъ Хмельницькій Богданъ гетманъ Богданъ Хмельниц-тяжко занедуговавъ, до себе кій тяжко занемогъ. Соби-

усіхъ старшинъ, сотниківъ ралъ онъ къ себѣ всѣхъ стар-
та полковниківъ изывавъ, шинъ, сотниковъ и полков-
та на раді ізо всіми опро- никовъ, и на радѣ прощался
щеньє мавъ; привіты клавъ, со всіми. Благодарилъ онъ
що усю Украинну миромъ Бога, что оставляетъ Украй-
зоставлявъ, до послѣди-го- ну въ миръ, приближаясь къ
дини зохожавъ; словами про- смерти; и такъ молвилъ:
молвлявъ:

«Ой и вы, панове молод- «Ой, вы, паны молодцы,
ці, хоробрый сотники и пол- храбрые сотники и полков-
ковники, усї вы, старшинвы ники, всѣ вы старшины ка-
козацькї молодецькї! що зацкїе молодецькїе! нужно
треба та вамъ раду рушати, вамъ раду созвать, себѣ гет-
собї гетьмана избирати; бо мана избрать; а я уже боль-
уже я вельми недугую, до но боленъ, къ смерти при-
послїднѣго часа дождати ближаюсь, милосердому Богу
мушу, Богови милосердому долженъ свою грѣшную ду-
передати свою грѣшну душу шу отдать. Паны молодцы!
мушу.... Панове молодці! думайте, гадайте, гетьмана
добре себе дбайте, собї избирайте! Хотите, избери-
гетьмана наставляйте... Ко- те, паны, Антона Волочая
ли хочете, панове, Антона Во- кіевскаго, или Григорья Ко-
лочая кіевскаго, або Гриць- стыря миргородскаго, или
ка Костыря миргородскаго, Филона Чичая кропивянска-
або Филона Чичая кропи- го, или Мартына Пушкаря
вянскаго, або Мартына Пу- полтавскаго.»
шкаря полтавскаго.»

—То козаки тее зачували, — Услышали это казаки
смутно себе мали, тяжко и горевали, и тяжко взды-
вздыхали, словами промов- хали, и молвили такія рѣчи:
ляли:

«Не треба намъ Антона «Не нужно намъ ни Ан-
Волочая, ни Грицька Косты- тона Волочая, ни Григорья

ря, ни Филона Чичая, ни Костыря, ни Филона Чичая, Мартына Пушкаря, а хочемъ ни Мартына Пушкаря; хомы сына твоего Юруся молодимъ сына твоего, молодого дого, козака лейстрового.» Юрія, реестрового казака.»

«Вивъ, панове молодці, «У него, паны молодцы, молодой разумъ мае, звыразумъ молодъ, не знаетъ чаевъ козацкихъ не знае.» онъ обычаевъ казацкихъ.

«Будемъ мы старыхъ лю- «Будемъ при немъ старыхъ дей бѣля ёго держати; булюдей держать; будутъ они дуть вони его научати; буего учить; будемъ его чтить, демъ его добре поважати, вспоминая тебя, гетмана от- тебе батька нашего гетьмана ца нашего.»
споминати.»

«Тїльки прошу я васъ, «Только прошу васъ, паны панове молодці, спочинку на молодцы, не нарушайте ми- Украинї не рушати, розу- ра въ Украинѣ, управляй- момъ себе управляти, та у- тесь разумомъ, стойте всъ за сїмъ у одно стояти. Тимъ и одно. Тѣмъ и стала страш- сталась по всему свїту стра- на сила казацкая, что у всѣхъ шенная козацкая сила, що у васъ; паны молодцы, была у всїхъ у васъ, панове мо- и дума и воля одна... Тебѣ лодці, була воля й дума еди- же, храбрый Пушкаръ пол- на... А тобї, хоробрый Пу- ковникъ, завѣщаю: кого бы шкарю полковниче, завїтъ паны молодцы не избрали покладаю: якого не зберуть себѣ гетманомъ, всякому го- паны молодці собї гетьма- вори свою думу прямо, хра- на, усякому свою думу по- ни миръ въ Украинѣ, чти кладай, спочинокъ по Украй- славу казацкую.»
нї удержуй, козацку славу шануй.»

Отъ - тїи рїчи казавши, И досказавши эти рѣчи, Богданъ Хмельницькій Бо- Богданъ Хмельницькій мо- гови моливсь, козакамъ па- лядся Богу, кланялся каза-

взятъ молодцамъ поклонивсь, камъ, познавъ молодца, и та й доспоконясь. успоконяся навъни.

То не чорні хмары ясне Не черная гроза заволаки-
сонце заступали, не буйныи вала ясное солнце, не буй-
вітры въ тениімъ лузі бу- ные вѣтры бушевали въ мрач-
шевали: козаки Хмельницъ- ныхъ лѣсахъ: казаки Хмель-
каго ховали, батька своего ницаго погребали, по сво-
оплакали. емъ отъ рыдали.

Ему жь Богданові повѣч- Ему же Богдану в слава
вая слава, проиждь козаківъ навъки межъ казакомъ про-
и простыхъ и старшихъ, в стыхъ и старшихъ, и межъ
царей и посполитыхъ людей, селянъ, и межъ князей, и
и мѣжъ князьями повѣки. межъ царей. Аминь!
Аминь.

II.

Богданъ Хмельницкій умеръ 15 Августа 1657 года.

Юрія въ шо время не было въ Чигринѣ: онъ гулялъ, говоришь преданіе, подъ Бѣлою Церковью, и вовсе не зналъ о смерти опика. Генеральный писарь Выговскій, управлявшій всеми дѣлами гешманщины, възвалъ его и провозгласилъ себя главнымъ опекуномъ. Еще были два опекуна: обозный, Носачъ и судья генеральный, Лѣсницкій, но шо были люди счастливые и шѣмъ, что могли жить и дѣйствовать умомъ лукавоумнаго Выговскаго, и были опекунами шолько по имени. Маршинъ Пушкаръ былъ не шаковъ, былъ самъ себя голова, и голова благородноумная надъ сердцемъ благородногордымъ, а пошому его опшпоронили опш опеки, опшавили въ покоѣ въ его милой Полнавѣ.

Но Пушкаръ не осмѣлся въ поковъ. Не могъ онъ равнодушно смонрѣть на самоуправство Выговскаго и написалъ къ нему:

«Не намъ, шоварицъ, съ побою бытъ гешманами, наслѣдниками славнаго имени Богдана. Если генеральный судъ повѣрилъ шебъ Юрія Хмельниченка, шо береги его, а не дѣйспвуй за него; осперегай его онъ худаго, а не дѣлай худаго его именемъ. Знай, что и на судью всей Украйны еспь судьи не слѣпые, не нѣмые, не увѣчные!»

Кшо знаетъ, кшо думалъ Выговскій, кшпая эти ситроки прямодушнаго Пушкаря. Въ шныхъ обспюяняельспвахъ, онъ, можетъ бытъ, презрѣлъ бы ими; но не могъ презрѣть ими шеперь, когда ему нужно было еще пріобрѣсти довѣренность, опуманъ всѣхъ въ сѣни свои. . . . Выговскій, припворяясь невинно оскорбленнымъ, прочелъ письмо Пушкаря на первомъ засѣданіи генеральнаго суда. Принося жалобу на неправую обиду, онъ говорилъ: «Не какъ Выговскій, проспной казакъ, шоварицъ войска запорожскаго, прошу призору, а какъ опекунъ молодого гешмана, какъ избранный всемъ войскомъ бытъ зашпщникомъ ююоши. Дѣла мои всѣ предъ очами вашими: судите меня, и осудите невиннаго, если любо вамъ распрями поминанъ память вапшего покойнаго благодѣтеля» — говорилъ Выговскій рвшнтельно, дерзко, будучи швердо увѣренъ, что его приверженцы, копорыхъ число было уже очень значительное, сппануть за него, или изъ усердія къ нему, или за деньги, или изъ боязни, или изъ ненависти къ Пушкарю, копорый не шолько ни по-

редь къмъ не унижался, но и не хопѣлъ никого знашь, презиралъ слепнями, и во всякомъ случаѣ, былъ правдивъ и споекъ. Хопя или нехопя они помогутъ мнѣ доспигнуть цѣли, думалъ Выговскій, а цѣль, кошорая занимала его себялюбивый умъ, еще при жизни гешмана, была сдѣлашся гешманомъ, и попомъ....

Начало пошло для Выговскаго удачно: всѣ члены суда взяли его спорону. Теперь ему можно было дѣйшвовать.

Мало по-малу Выговскій получилъ сначала позволеніе полько брать съ собою клейнопы гешманскіе, бунчукъ и булаву, когда случай заспавишь его иппи на войну; попомъ онъ спалъ подписывашся «*Гетманомъ на той часъ войска запорожскаго;*» наконецъ удаливъ Юрія въ Кіевъ, какъ говоряшь, учишься, провозгласилъ себя гешманомъ на при года, и началъ самовольно управляшь войсковою казной.

И вопъ онъ мало-по-малу чупъ не полный гешманъ. Давно ли онъ былъ просшимъ плѣнникомъ. Желшоводская бишва, 5-го апрѣля 1648 года, сдѣлала его, ничпознаго пляхшича польскаго, ничпознымъ плѣнникомъ Хмельницкаго. Когда же ему пришлошь выбирашь одно изъ двухъ, казнъ или свободу, онъ выбралъ свободу, и спалъ слугой Хмельницкаго, врагомъ своей родной Польши. Выговскій сдѣлался казакомъ, но съ умомъ коварнымъ, съ нравомъ уклончивымъ, съ себялюбіемъ, презиравшимъ всѣхъ для доспигенія своихъ цѣлей, онъ не могъ оспашся полько казакомъ. Онъ

возвысился; снискалъ любовь и довѣренность Хмельницкаго; имѣлъ на него постоянное вліяніе, вліяніе, которое всегда умѣлъ обращать къ своей личной пользѣ; не мудрено ему было подписать наконецъ имя свое подъ именемъ Богдана Хмельницкаго, съ пришлою *войсковаго писаря*. А теперь онъ уже гешманъ, по-крайней-мѣрѣ, будетъ гешманомъ.

Онъ гешманъ; а Пушкаръ? Горько было Пушкарю, всегда вѣрному сыну Украйны, давно славному въ его народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ, ему горько было видѣть булаву въ рукахъ прищелца-прощелца, а себя, какъ будто изъ жалости оспавленнымъ, и по, можетъ быть, на время только, въ шемномъ уголкѣ его родной Полшавы. Пушкаръ снова написалъ къ Выговскому, что его крамолы довольно понятны, что его желаніе быть гешманомъ не есть желаніе всего войска.... Въ то же время онъ написалъ въ генеральный судъ, извѣщая его о дошедшихъ слухахъ, будто Выговскій захватилъ въ свое распоряженіе деньги войсковою казны у Юрія Хмельниченка, доставшіяся ему опшца (какъ пишущъ, около милліона), и окончилъ свое донесеніе такъ: «Чудно, что генеральный судъ ничего этого не знаетъ, или зная, позволяешь собою шупишь и не помнишь послѣдней воли гешмана.» Пушкаръ не забылъ и Царя, и послалъ въ Москву гонца Марпына Юнквича съ извѣщеніемъ о смятеніяхъ въ Украйнѣ. Напрасно! Юнквичъ былъ схваченъ и заморенъ голодомъ, а генеральный судъ не обратилъ никакого вниманія на слова

вѣрнаго сына Украйны, если шолько оно дошло до него. Закрушилъ Пушкарь свой черный усь.

III.

Между штымъ въ Москвѣ, при дворѣ, не знали, что дѣлалось въ Украйнѣ: знали шолько, что Хмельницкаго уже не было на свѣстѣ. Царь послалъ въ сентябрь 1657 г. полковника и спрѣлецкаго голову Аршамона Сергѣевича Машвѣва и дѣяка Перфиля Оловянникова съ выговоромъ генеральному писарю Выговскому и спаршникамъ, не уведомившимъ его величество о смерти гешмана, и съ приказаніемъ, чшобы казацкое посольство оправилося въ Спснгольмъ для склоненія Шведовъ къ примиренію съ Россіянами.

Выговскій нашель оправданіе. Онъ увѣрялъ Царя, что въ самый день кончины Хмельницкаго, приказано было ѣхать шремъ служивелямъ въ Москву съ эпой вѣспію, но что начальныя люди смали буншованъ и говоринъ, будшо онъ, желая получить гешманство, опираяешъ своихъ людей опъ себя, а не опъ всего войско запорожскаго, и что по эпому онъ могъ уведомить о смерти Хмельницкаго шолько кіевскаго воеводу Андрея Васильевича Бушурлина и князя Григорья Григорьевича Ромадановскаго для донесенія его царскому величеству. Къ шведскому двору онъ обѣщалъ немедленно писашъ чрезъ посланцевъ, чшобы король не надѣялся на запорожское войско, кошорое будешъ дѣйствовать прошивъ него, если онъ не примирится съ Россією.

Вслѣдъ за Машвѣевымъ прибыли въ Москву казацкіе посланники Есауль Юрій Миневскій и сопникъ Ефимъ Коробка, съ извѣстительнымъ письмомъ Выговскаго о избраніи его въ гешманы, съ просьбою къ Царю опъ всего войска запорожскаго объ утвержденіи въ семъ досшониспвѣ новаго ихъ предводишеля.

Выговскаго знали при дворѣ, какъ челоувка преданнаго, усерднаго, искренняго, какимъ онъ казался, и посланники казацкіе возврапились въ Украйну съ царскою милоспивою грамопою и съ увѣдомленіемъ о назначеніи ближняго окольничаго и намѣспника ржевскаго, Богдана Машвѣевича Хяшпрово, для приведенія избраннаго гешмана къ присягѣ.

IV.

Закрушилъ Пушкарь свой чернѣй усь и созвалъ вольную раду.

«Презрѣнный Полякъ владѣешъ нами, говорилъ Пушкарь своимъ шоварищамъ. Чего добраго! онъ предаспъ насъ въ руки кашоликовъ, и снова наспанешъ для нашей родины спрашная година Оспряницы и Полшора-Кожуха. И мы будемъ молча повинувашься его въроломной волю; и мы добровольно предадимъ на поруганіе и себя, и женъ, и дѣшей нашихъ; и мы равнодушно склонимъ головы подъ ярмо враговъ!»

Предсказанія Пушкаря начали оправдывашься скорѣе, чѣмъ собирались войны подъ его знамя. Выговскій завелъ переговоры съ крымскимъ ха-

номъ и Поляками; дворъ польскій обольспилъ его обѣщаніями и вырвалъ у него кляпву присоеди-
нишь Украину снова къ владѣніямъ польскимъ. Не
много значила кляпва Выговскаго, не прудно бы-
ло Выговскому забыть о ней, но эша кляпва, да-
вавшая ему помощь Поляковъ прошивъ Русскаго
Царя, была для него самого выгодна. Ему нечего
было сомнѣваться въ полученіи доспоинспва геш-
манскаго: онъ спалъ думашъ о другомъ, о кня-
жесствѣ. . . .

Пушкарь собиралъ войско, а между тѣмъ по-
слалъ къ Царю доносъ съ гонцомъ Яковенкомъ
(6 Февр. 1658).

И что же!

Пронырливый Выговскій умѣлъ опврашпшь опъ
себя пучу: узналъ о доносѣ, и предупредилъ и его
гибельныя послѣдствія, и сборы Пушкаря. Облек-
шись личиною вѣрноподданнаго, онъ извѣспилъ
Царя, будшо Поляки, соединясь съ княземъ Раго-
ціемъ и ханомъ крымскимъ, хоплшъ напасшъ на
Россію; онъ ласково принялъ боярина Хипрово,
поспѣшавшаго пріѣхашъ въ Украину для слѣдспвіа
по доносу; онъ, повидимому, искренно раскаялся
во всѣхъ проступкахъ, опказываясь не только
опъ гешманства, но даже и опъ опекунства; онъ
успѣлъ до того обманушь бояръ, что его ушвер-
дили гешманомъ.

Собиралась въ Переяславль рада, въ соборной
церкви, въ присушспвіи боярина Хипрово, кiev-
скаго мшпрополита Діонисія и важнѣйшихъ спар-
шинъ казацкихъ. Выговскій присягнулъ передъ

Евангеліемъ на вѣрноподданническую службу Царю, и получилъ булаву изъ рукъ Хишрово. Такъ разразилась для него шуча доноса. Оставались сборы Пушкаря; но что значили они передъ доносомъ! Пушкарь уже выступилъ было съ дружиной, уже дошелъ было до Лубень... какъ вдругъ царскій указъ, повелѣвавшій ему оспаваться въ полномъ послушаніи у Выговскаго. Пушкарь былъ вѣрный слуга Царя, не могъ ослушаться указа и возвратился мирно въ Полшаву. Что чувствовалъ онъ въ то время — кто знаетъ? а Выговскому онъ писалъ вопъ что:

«Царь утвердилъ шебя гепманомъ нашимъ: бышь пакъ. Я подъ швоимъ началомъ, и буду вѣрно служишь шебъ; но, помни, только до шѣхъ поръ, пока шы самъ не укажешь мнѣ пуши ишли прошиву долга присяги.

V.

И мирно жилъ Пушкарь. Выговскій самовольничалъ, оскорблялъ Пушкаря чѣмъ могъ; Пушкарь молчалъ; Выговскій распоряжался во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, безъ совѣщаній на радъ; презиралъ совѣшами спаршинъ казацкихъ—Пушкарь молчалъ.

Но Выговскій не могъ скрыть подъ завѣсою шайны своихъ коварныхъ, клятвопреступныхъ замысловъ: скоро вся Украина заговорила о его сношеніяхъ съ польскимъ правительствомъ. Украина спала волноваться, и начало шревогъ положили храбрые Линчаевцы...

Линчаевцы, подобно казакамъ слободской Украй-

ны, хранили швердо привязанность къ престолу русскому. Много ихъ погибло за это опъ Поляковъ, много замучено въ пемницахъ Выговскимъ; но духъ, оживлявшій ихъ кравчину, не упалъ опъ преслѣдованій, и Линчаевцы, именовъ Царя и Руси не шолько выступили на Поляковъ, какъ на враговъ православія, но и грабили, разбойничали въ Польшѣ. Несчастіе и правота Пушкаря привлекли ихъ на его сторону. Нѣсколько тысячъ вольныхъ рапниковъ явилось къ нему, предлагая свои услуги, обещая испребинъ Выговскаго, весь родъ его, всѣхъ друзей его. «Всѣ погибнемъ, говорилъ ихъ атаманъ Федоръ Линчай, всѣ погубимъ души наши; но не попустимъ погибнуть вольной гешманщинѣ опъ рукъ злодѣевъ. Богъ, Царь, швоя правота и сабля наша спасутъ тебя, и да не будетъ Выговскаго!» Кошевой гешманъ Барабашъ спалъ пакже за-одно съ Линчаевцами. Пушкаръ могъ переспашъ молчашъ, однако и шупъ все еще не смѣлъ преспунишъ указа царскаго. Моженъ бышъ, впайнъ онъ дѣйспивовалъ за-одно съ Барабашемъ и Линчаемъ; но лвные свои поступки ограничилъ одѣтми жалобами.

Линчаевцы продолжали свое дѣло, и повсюду сражали приверженцевъ Выговскаго. Выговскій почипалъ всему виною Пушкаря, жаловался на него Царю, угрожалъ ему шюрьюмою; наконецъ, думая, что эщи жалобы и угрозы не будущъ имѣшъ на Пушкаря ни какого вліянія, и зная его, какъ челоувѣка богобоязненнаго, вздумалъ успрашить его и власпю духовною, угрожалъ неблагословленіемъ

чрезъ мишрополипа кievскаго. Пушкаръ и на это опивчалъ мирно: «Если ваша паспырская милоснъ, — писалъ онъ въ опивчшъ мишрополипу, — буденъ карашъ своимъ неблагословенiемъ, що да караешъ она того, кшо служишъ царямъ невърнымъ, а у насъ одинъ православный Царь.

VI.

Наконецъ пертънiе Пушкаря должно было кончипся; о сношенiяхъ Выговскаго съ Поляками говорили не одни слухи; въ Чигринъ съхались послы шведскiе, польскiе и волошскiе, и замыслы Выговскаго спали очевидны. Пушкаръ опнесся къ Царю съ повымъ доносомъ, а самъ опкрышо поднялъ оружье.

Выговскiй узналъ о доносъ, узналъ о ръшительномъ возспанiи Пушкаря. . . . Опсправипъ къ Царю нъжинскаго пропопопа Максима Филимоновича съ жалобою на мяпежничество Пушкаря, и съ извиненiемъ, что возмущенiя и нужда охраняшъ Украину опъ Поляковъ не позволяюшъ ему самому вхашъ въ Москву: вопъ что придумалъ Выговскiй на первый разъ, и нужно было все коварство Выговскаго, чтообы умъшъ опклонишъ эщопъ новый ударъ. Царь началъ уже сомнъвашся въ върноспи Выговскаго, и послалъ подъячаго Якова Порпомоина съ милоспивой грамошой гешману, давъ Порпомоину приказанiе наблюдашъ за поступками Выговскаго. Выговскiй конечно проникнулъ намтъренiе Царя, обласкалъ Порпомоина, и, пользуясь милоспивой грамошой, послалъ къ Царю

новаго посланца. Полковникъ миргородскій Григорій Львницкій поѣхалъ въ Москву съ просьбою о помощи войскомъ прошивъ Пушкаря и Барабаша; а всѣ замыслы, всѣ переговоры съ Польшей были искусно задернуты шуманомъ. Труднѣе было ему сладить съ Пушкаремъ, особенно, когда полки нѣжинскій и спародубскій, копорымъ гешманъ велѣлъ выступить на мяшежниковъ, послушались и опказались поднимать оружіе на брашьевъ; но Выговскій не шерьялъ и шущъ надежды. Онъ выспавилъ наемное войско изъ Сербовъ и Поляковъ; онъ не опчаялся и шогда, когда эши наемники, разбишые Пушкаремъ неподалеку опъ Полшавы, при рѣчкѣ Грунь, обращены были въ бѣгство, и когда самъ господарь гордяцкій Тимоша взявъ былъ Пушкаремъ въ плѣнь со многими другими спарщинами. Новымъ наемнымъ войскомъ онъ замѣнилъ спарое. Между шѣмъ подошла ему подмога и изъ Москвы: Царь послалъ къ Пушкарю и Барабашу грамошы съ спольникомъ Ольфимовымъ и дворяниномъ Волковымъ, запрещавшій имъ буншовать; а Ромадановскому велѣно было ишши въ Украину съ войскомъ усмирить волненіе.

Выговскій ожидалъ комиссаровъ польскихъ въ Гадяч для послѣднихъ переговоровъ, долженъ былъ сорвать личину, копорую носилъ передъ Царемъ пакъ успѣшно; но и шущъ онъ надѣялся найшисъ.

Пушкаръ видѣлъ все, видѣлъ, какъ искусно Выговскій пользуется обшояшельспвами, какъ искусно обманываетъ Царя, и не зная другаго сред-

спва, какъ продолжашь начашое, не зналъ другаго средспва, какъ ослушашься указа царскаго, надѣясь, что послѣдствія оправдають его предъ Царемъ. . . . 30,000 ратниковъ спало подъ его начальспвомъ: Пушкарь надѣялся достигнуть цѣли.

VII.

Оба надѣялись — одинъ на честность дѣла, другой на коварство; оба надѣялись, и междуособная брань разразилась въ Украинѣ со всѣми ужасами.

Пушкарь повелъ свои 30,000, и побѣды пошли съ нимъ. Выговскій перпѣлъ, и выдумалъ, что сдѣлать. Онъ выдвинулъ орду Крымцевъ и цѣлыя полчища бродягъ польскихъ; онъ распустилъ слухъ, что Царь хочетъ сдѣлать важную перемену въ устройствѣ войска запорожскаго, убавишь число казаковъ и обратишь многихъ въ драгуны, что уже высылаешъ войско для занятія Украины, и съ помощію Пушкаря начнешъ скоро свои распоряженія: и шо и другое не оспалось безъ успѣха. Крымцы не въ первый разъ грабили Украину; а Пушкарь напрасно разувѣрялъ казаковъ: казаки спали спекашья подъ знамена Выговскаго, оспавляшъ Пушкаря не соннями, а шысячами, и смѣло выступилъ Выговскій на дружины, оспавшіяся преданными Царю. Сраженіе завязалось у Липовки: Пушкаревцы бились храбро, но храбрость успушила силъ; Пушкарь долженъ былъ опспушиться къ Польшавъ. Города же пылали, Ташары грабили, вводили въ плѣнъ беззащитныхъ, Ляхи убивали.

Часть дружины Пушкаря заняла было Лубны и Гадачъ, но Выговскій опрядилъ шуда нѣжинскаго полковника Григорія Гуляницкаго, и города взяты присупомъ. Оставалось еще нѣсколько сотъ Пушкаревцевъ подъ Глуховымъ, но они всѣ казнены. Царское войско съ Ромадановскимъ вступило въ Украину; но Выговскій поблагодарилъ Царя, извѣщая его, что онъ уже не имѣешь нужды въ вспомогательномъ войскѣ, и Ромадановскій получилъ повелѣнiе возвратиться.

IX.

Безвѣсна могила Пушкаря, за шо память его свѣжа въ народѣ.

Тече ричка невеличка,
 Ворскломъ прозываютъ;
 Про ту ричку невеличку
 Старци и дити знаютъ.
 Уміють про ту ричку
 Писню спивати,
 Люблять про ту ричку
 И думку гадати.
 Думонько, ты думо!
 Щось сталося сумно!
 Думонько, ты думо!
 Не сталося бы шумно.
 А де-жъ вы, панове
 Козаки-молодци?
 Кистки у могили
 А шабли въ болотци.
 Де-жъ ты, Пушкарю,
 Хоробрый козаче,
 Що по тобі, друже,
 Украина плаче?
 Кистки у могили,
 Самъ у Господа Бога;

Течеть рѣчка небольшая,—зовутъ ее Ворсклой: о той рѣчкѣ небольшой знаютъ и старики и дѣти. Умѣють о ней пѣсню пѣть, любяць о ней и думу думать. Дума, ты дума! не довела бѣ ты до горя! Дума, ты дума! не привела бы ты къ тревогѣ. А гдѣ вы, паны казаки-молодцы? кости въ могилахъ, а сабли въ болотѣ! Гдѣ жъ и ты, Пушкарь, храбрый казакъ? не по тебѣ-ли, другъ, плачетъ Украина? Кости въ могилахъ, самъ у Господа Бога. Плачь, Украина,

Ой плачь, Украина,

Сирото небога!

Твою ясну долю

Розшарпавъ Выговскій,

Що сердце мовъ камень,

А розумъ бисовскій.

плачь, бѣдная сирота! твою яс-

ную долю онедомили Выговскій:

у него ли сердце не камень, у

него ли умъ, не чортовъ умъ!

Безвѣспна могила Пушкаря; но преданія о немъ свѣжи въ народѣ. Помнятъ о его великодушїи, о его вѣрности непоколебимой къ бѣлому православному Царю. И знаютъ, что Выговскій не добромъ началъ, не добромъ и кончишь долженъ былъ.

И. СРЕЗНЕВСКІЙ.

Ц Е Р К О В Ъ

СПАСА НЕРУКОТВОРЕННАГО,

ВЪ ПОЛТАВѢ.

Полшавская битва была величайшимъ дѣломъ Петра, вѣнцемъ его многолѣтнихъ трудовъ, усилий и тяжельхъ войнъ; плодомъ всей силы его генія и напряженія его дѣятельности. Она сдѣлала Россію спрашною для Европы, обезопасила и упрочила ея благоденствіе. Подъ Полшавою въ первый разъ билась *правильнымъ боемъ* русская армія, созданная Великимъ Петромъ, и въ одной могилѣ погребла надежду Карла и силу Швеціи.

На другой день битвы, на томъ же полѣ, одна могила приняла останки нашихъ полшавскихъ героевъ, и надъ ней воздвиглась высокая насыпь, копорую и теперь называютъ *Шведчиной* и Шведской Могилой. У этой могилы молился Петръ за успокоеніе душъ павшихъ его сподвижниковъ, и, колѣнопреклоненный, положилъ при земные поклона.

Оставивши поле битвы, Петръ прибылъ въ Полшаву, верхомъ на шой лошади, копорая была

подъ нимъ во время сраженія. У городскихъ воровъ встрѣпшилъ его, съ избранными гражданами, спарикъ Келинъ, выдержавшій шакъ непоколебимо въ бѣдспвія осады. Онъ привѣспшвовалъ Царя шакою рѣчью: «Вниди, храбрѣйшій Александра, милоспивѣйшій Веспасіана, премудрѣйшій Соломона, благочеспивѣйшій, Великій Государь Царь и Великій Князь Пешръ Алексѣевичъ! Маѳусаиловыхъ шебъ лѣшь жипіа и Августова обладашельспва опъ Бога желаемъ.» Царь выслушалъ эшу рѣчь, снявши шляпу; сошелъ съ лошади, поцѣловалъ нѣсколько разъ въ лобъ спараго воина, и громко сказалъ: «почпенная глава, свершившая преславный подвигъ! надежда моя на шебя не обмануда меня!» И попомъ, снова сѣвши на коня, Царь, при шоржеспвенныхъ звукахъ музыки и колокольномъ звонѣ, пробжалъ по городу, среди рядовъ защипниковъ Полшавы, о конпорую разбилась сиада и воля Карла. Торжеспштуя, Царь доспигъ до соборной церкви Спаса Нерукошвореннаго, и здѣсь принесть благодареніе Богу, прославившему имя русское, положившему прочное начало благоденспвію нашего опечеспва.

Возблагодаривши Бога, Пешръ Великій щедро наградилъ Келина и почеспшами и деньгами; духовенство одѣлилъ шакже деньгами и богатыми матеріями; всѣхъ жипелей города освободилъ опъ подашей и повинностей на цѣлый годъ; гарнизону выдалъ не въ зачеспъ двойное жалованіе, и многихъ оплничилъ медалями; не были забышы и жены и дѣщи убищыхъ: имъ было назначено жадю

ваніе мужей и опцовъ, первымъ по смерть, другимъ до совершеннолѣтія.

Велики и справедливы были награды великаго Государя; велики были и бѣдствія осажденной Полшавы. Почпи за мѣсяць до бишвы, 1-го іюня, подъ заревомъ пожара, произведеннаго непріятельскими бомбами, Шведы поднялись уже на валы; но Полшавцы, покинувши на произволь пламени свои жилища, бросились на враговъ и опбили ихъ, съ значительнымъ урономъ. Съ эпого дня прислупы усиливались, опасность возрастала, Пепръ поддерживалъ мужество защитниковъ и вѣрно и смѣло готовился къ бишвѣ. Карлу была необходима Полшава, и онъ велѣлъ побѣдиль или умереть. Въ полночь на 22-е іюня, изнеможенные защитники города едва одолѣли Шведовъ, едва сбили ихъ съ крѣпостныхъ валовъ; но вскорѣ, вмѣсто опбитаго опряда, явился новый, и побѣдные клики непріятеля раздались въ изнемогшемъ городѣ. . . . Тогда-шо возспала Полшава во всей красѣ, во всемъ величїи войны. . . . Спарцы, жены, дѣвы, дѣти, всѣ, одушевленные святымъ чувствомъ любви къ родинѣ, ринулись на поржествующаго врага съ камнями, косами, дубинами. . . . Валы были завалены шрупами, залишы кровью, и враги уступили. Эпо было послѣднее испытаніе, послѣдній ужасъ войны для Полшавы. Жипели, лишившись въ одномъ эпомъ дѣль до 900 защитниковъ, молились въ соборномъ храмѣ за спасеніе города.

Многіе изъ жипелей погибли при защитѣ го-

рода; изъ 4000 гарнизона не оспалось и половины; разбиныя насыпи заваливали разломанными домами; пороху почти не оспавалось; осажденные упомились опъ непрерывныхъ бишвъ, изнемогли опъ іюнскихъ жаровъ, а побѣдоносный Карлъ споялъ со вѣсмъ своимъ войскомъ и посылалъ на новыя приспуны опрядъ за опрядомъ, и эши приспуны споио ему болѣе 6000 воиновъ, и наша бѣдная Полшава, съ ея деревянными хапами, съ ея земляными укрѣпленіями, выдержала всѣ непріятельскія усилія, претерпѣла всѣ бѣдствія войны и пригошвила для опечества полшавскую побѣду.

И вошъ, предъ нами видѣ бѣдной, вешхой, деревянной церкви, въ кошорой возсымались моленія полшавскихъ жипелей за спасеніе города и всего близкаго сердцу, въ кошорой Великій Пешръ преклонился предъ всемогущимъ Богомъ и молился за опечесство.

Эша церковь построена изъ дубовыхъ брусевъ; вышиною она не болѣе пяти или шести саженой; основаніе ея сосставляешъ продолговатый чепыреугольникъ, около 30 арш. длиною и слишкомъ 15 шириною. Внутренность ея раздѣлена на шесть часпей: небольшія сѣнцы, за ними припворъ, далѣе церковь и алшаръ, а направо опъ входа въ сѣнцы, вѣрояшно, какой-нибудь придѣлъ, шеперь уже обвешшавшій и назначенный для складки вешхихъ церковныхъ вещей; а за нимъ, рядомъ съ алшаремъ, или придѣлъ или церковная ризница, по крайней-мѣрѣ, шеперь находящая шамъ церковныя книги и вещи.

Украшенія церкви бѣдны и проспы; на иконоспасѣ не видно драгоценныхъ окладовъ; но въ первомъ ряду, хорошей живописи икона Божіей Матери и Спасителя, съ главами, увѣчанными коронами; еще икона Божіей же Матери и Спаса Нерукотвореннаго. Во второмъ ряду также изображенія Спасителя и Матери Божіей, и рядъ апостоловъ, а съ ними Моисей и нѣсколько святыхъ; надъ царскими дверьми позолоченой рѣзной работы большое распятіе, надъ нимъ Положеніе Христа во гробъ, и выше всего Воскресеніе Господне. По стѣнамъ развѣшаны вселенскіе соборы, рисованные на полотнѣ; предъ мѣстными образами Спасителя и Божіей Матери сдѣланы навѣсы: одинъ рѣзной работы съ золотыми листьями, а другой съ гладкими голубыми колонками, по которымъ вдлину вырѣзаны золотые жолобки.

Въ алтарѣ установлено нѣсколько иконъ также проспой живописи; на престолахъ два Евангелія: одно новое, другое въ вѣшномъ переплетѣ изъ зеленого бархата, съ мѣдными посеребренными бляхами, изъ которыхъ на одной вырѣзаны слова: «коси и знакъ смерпи, зракъ зришь всякъ, будешь такъ;» а на другой споронѣ благословляющій Спаситель, и, при его подножіи, падшій и взирающій на него человекъ, подъ которымъ вырѣзано слово «Петръ.» Это даетъ поводъ догадываться, что Евангеліе подарено Великимъ Государемъ, и вѣроятно, послѣ полтавской битвы.

Между многими книгами, сохраняемыми въ придѣлѣ церкви, находящіяся:

Трифологъ, печатанный въ 1651 году.

Ключъ разумльнїя, печатанный въ 1665 году во Львовѣ.

Четья-Минея, печатанная по повелѣнію Петра Великаго.

Толкованіе въ кратче на псалмы Давыдовы, собранное отъ многихъ богодухновенныхъ учителей Церкви.

Въ припворѣ подлѣ алтара находилъя икона святишпеля Афонасія, кошораго мощи почиушъ въ Лубенскомъ Монастырѣ. Изъ надписи, сдѣланной на иконѣ, видно, что она писана вскорѣ послѣ кончины святаго, а именно въ 1665 году, а поновлена въ 1813.

Подлѣ этой же церкви была другая, большая и шакже деревянная, во имя Преображенія Господня, но она сгорѣла, какъ записано въ Трифологѣ, неизвѣстно чьей рукою, около 1705 г., септября 6-го дня, и, по народному преданію, не была окончена поспройкою во времена полтавской битвы, а на памяши спарожиловъ, за вепхосцію разобрана, и вся ушварь и иконы перенесены изъ нея въ описанную нами церковь Спаса Нерукопвореннаго. На мѣстѣ же, гдѣ былъ пресполь, положенъ большой камень, кошорый хранишя неприкосновенно. Налъво опъ Спасской церкви, видна бѣдная колокольня, поспавленная на нѣсколькихъ сполбахъ съ кровлею опъ дожда.

Вошъ еще памяшникъ Пешрова времени, нашъ русскій памяшникъ: оспапокъ зданія, близкій сердцу русскому, богатый воспоминаніями. Эта

церковь современна нашей побѣдѣ, начашой еще при Великихъ Князяхъ, и озаренной нашимъ бѣдспвіемъ подѣ Нарвою, побѣдѣ, спойившей немного жершвъ, но смѣло рѣшившей шяжбу между Европою и Россією (*).

Сверщивши свой подвигъ и возблагодаривши Бога, Великій Пешръ пробылъ нѣсколько времени въ деревянномъ домикѣ, близъ церкви. Теперь нѣтъ этого домика: его, за-вешхосію, распашчили на починку хапъ и заборовъ; но на его мѣспѣ спспавленъ каменный сполбъ, съ надписью: «Здѣсь Пешръ I-й покоился послѣ шрудовъ своихъ, 27-го іюня 1709. Благоговѣй—мѣспо спяпо еспъ.»

Въ наспоящее время, съ особенною заботли-воспію усприваешся площадь около бѣдной спаринной церкви, какъ около спяшыни для каждаго русскаго; а самая церковь, уже обреченная, по незнанію, на уничпоженіе, скоро предохранишся опъ разрушенія прспвѣщеннымъ вниманіемъ и дѣяшельноспію высшаго мѣспнаго начальспва.

(*). Надѣмся вскорѣ передать читателямъ Очерковъ Россіи полтавское дѣло, пользуясь на мѣстѣ преданіями и пѣснями.

С Е Й М Ы.

SNĚMU.

Въ пошъ самый годъ, когда открыта была Вацлавомъ Ганкой знаменитая краледворская рукопись, заключающая въ себѣ оспашки спаринныхъ чешскихъ пѣснопѣній и уже извѣстная копия нѣкопорымъ чешашелямъ русскимъ по переводу А. С. Шишкова (1), въ пошъ самый 1819 годъ, въ національный пражскій музеумъ явился кто-то съ приношеніемъ подобной драгоценности.

Чешыре пергаменовыхъ листочка, исписанныхъ лапинскими лишерями, и лишеры *continue sunt*, ш. е. шланушыя непрерывною нишью, и почеркъ Х или начала XI вѣка, и чернило зеленое, въ иныхъ мѣстахъ съ красными подчерками, и пергамень запчканъ, кое-гдѣ обшерпъ: шакова была эша драгоценность.

Рукопись разобрали, и нашли, что она заключаетъ въ себѣ два опривка лиро-эпическихъ спиховореній, одинъ въ IX-шъ, другой въ CXI де-

сяшисложныхъ списковъ. Рукопись обратила на себя ученое вниманіе. Въ томъ же году, іюня 30, Іосифъ Юнгманнъ, одинъ изъ изыскателей древностей славянскихъ, извѣстный наиболѣе «Исторіей Чешской Импературы» и «Чешскимъ Словаремъ» (*), писалъ къ пану Скороходу-Маевскому, другому знапоку славянщины, основывая на этой рукописи кое-какіе выводы; попомъ Раковецкій напечаталъ ее два раза, въ 1820 и 1822 годахъ, въ своемъ изданіи Правды Русской (**); попомъ она вновь издана въ 1822 году въ журналъ «Кроекъ» съ объясненіями; наконецъ Мацевскій, въ наши годы, не замедлилъ воспользоваться ею въ своей Исторіи Славянскихъ Законодательствъ (†). Съ другой стороны ссыскались люди, копорые спали доказывать подложность рукописи, и въ ихъ ряду спалъ самъ препрославленный Добровскій, напечатавши крипику на нее въ апрѣльской книжкѣ Берлинскаго Архива Испоріи и пр.» на 1824 годъ. Добровскій надвляся доказать; но его доказательствамъ не повѣрили: «Zagisté ne dúwodné!» отвѣчали Чехи на крипику, и продолжаютъ счищать эту рукопись драгоценнымъ памяшникомъ своей спарины.

У насъ на Руси она неизвѣстна, и вонгъ почему, кажется, не мѣшаетъ удѣлять для нее нѣсколько спрокъ въ «Очеркахъ Россіи.» Тутъ же она будетъ не неумѣстна, и какъ памятникъ родной намъ славянщины западной, и какъ матеріалъ для будущихъ соображеній о старинѣ русской, въ копорой много оспанешся необъясненнымъ, по-

ка наши испорники и филологи не примушся изучашь спарину другихъ славянскихъ народовъ.

Привожу эпу рукопись въ подлинникъ и въ русскомъ чшеніи, раздѣливъ въ первомъ *litterae continue* на слова, а во впоромъ наблюдая смыслъ; попышаюсь перевести по-русски и сдѣлашь нѣсколько мимошешныхъ замѣчаній, предспавляя другимъ исправляшь и дополняшь мой опытъ.

Отрывокъ 1-й (*).

Подлинникъ.

Чтеніе.

Usac ot suci celedi uociuod...	Всякъ отъ своей челодеи воевод..
Muse pasu seni rubi stroia.	Муже папу, жены рубы строя.
I umreli glaua celedina	И умрели глава челедина,
Deti use tu abosiem u iedno uladu;	Дѣти всѣ ту сбожьемъ въ едно владу;
Uladicu si z roda uiberuce,	Владыку си зъ рода выберуче,
Ki plezne dle u snemi zlauni hodi	Къ плезне дѣль въ снѣми славни ходи,
Hodi s smetmi, s lehi, uladicami—	Ходи съ кмешми, съ ляхи, вла- дыками.
Ustahu smete, lesi i uladiki—	Встаху кмешы, ляхи и владыки—
Pohualihu rādu po zakonu.	Похвалиху правду по закону.

Переводъ.

Во всякомъ домѣ свой воевода; мужья папушъ, жены пригошювляюшъ одежду; если же умрешъ глава дома, дѣши всѣ за-одно владыюшъ богашшвомъ, выбравши себѣ изъ своего рода владыку, кошорый для общей пользы ходишъ на славные сеймы, ходишъ съ кмешами, ляхами и владыками. Вспали кмешы, ляхи и владыки, похвалили правду по закону.

ОТРЫВОКЪ 2-й (6).

Подлинникъ.

Ai, Uletauo ce mutisi uodu?
 Ce mutisi uodu strebropenu?
 Za te luta rosulaiase bura,
 Sesipausi tucu sire nebo
 Oplacausi glaiui gor zelenih,
 Uiplacausi slatopescu glinu,
 Sacobih iaz uodi ne mutila,
 Kegde se uadita rodna bratri,
 Rodna bratri o dedini otue,
 Uadita se cruto mezu sobu:
 Lati hrudos no otuae criue,
 Na otuae criue zlatonosne,
 Staglau hraber na radbuze hladne,

Oba bratri, oba clenouica
 Roda stara tetui popeloua,
 Iense pride s pleki s cehouimi,

Usese sirne elastu pres tri reki.

Pletese drusna ulastouica,
 Pletese ot otaiui criui,
 Sede na okence rozlozito
 U lubusine otne zlate sedle,
 Sedle otne suete uisegrade,
 Beduie i naricaie mutno,
 Cdi se zlise ieiui rodna sestra,
 Rodna sestra u lubusine duore,
 Spsi sneznu utr uisegrade
 Na popsui ustauiti pūdu;
 I pognati bratri icia oba,
 I suditi ima po zakonu.
 Case snezna uipūiti posli:
 Po zutoslai ot lubice bele
 Idese su dubrauiini une;
 Po lutohor s dobroslauska hIemca

Чтеніе.

Ай, Влетаво! че мутнши воду?
 Че мутнши воду стрепропанну?
 За ть люта розвайаше буре,
 Зесыпавши тучу шире небо,
 Оплакавши главы горъ зеленыхъ,
 Выплакавши златопеску глину.
 Како быхъ язъ воды не мутила,
 Кегде се вадита родна братри,
 Родна братри о дѣдини отнѣ,
 Вадита се круто между собу:
 Лютый Хрудосъ по Отавѣ кривѣ
 На Отавѣ кривѣ златоноснѣ,
 Стаглавъ храберъ на Радбузѣ
 хладнѣ, —

Оба братри, оба Кленовича
 Рода стара тетвы Попелёва,
 Внѣ-же приде съ плеки съ че-
 ховыми,

Взъ съ ширне власти презъ три
 рѣки.

Прилетѣше дружна властовица,
 Прилетѣше отъ Отавы кривы,
 Съде на окенць розложито
 Въ Любушинѣ отнѣ златъ сѣдль,
 Сѣдль отнѣ свѣтъ Вышеградъ,
 Бѣдуе и нарицае мутно.

Кды же слыше ею родна сестра,
 Родна сестра въ Любушинѣ дворѣ,
 Спроси кнѣжну утръ Вышеградъ
 На попражью уставити правду;
 И поняти братри ея оба,
 И судити има по закону.

Каже кнѣжна выправити послы:
 По Святославъ отъ Любице бѣле,
 Иде-же су дубравины уне;
 По Лютоборъ съ доброславска
 хлемка,

Idese orlicu laba pie;
Po ratibor ot gor creconsi,

Idese trut pogubi san lutu;
Po radouan ot kamena mosta;
Po iarosir ot bred uletorecnih;

Po stresibor ot sazau hladni;

Po samored se mase strebronosne;

Po use smeti, lehi i uladiki,
I po hrudos i steglanu bratri,
Rasudena o dedini otne.
Caha se snehu lesi i uladiki
U uisegrade. . . .
Peni stupi rosenia dle suego.

Stupi cnesna u belestruci rize,
Stupi na stol oten u zlaune sneme,

Due ueglasne deue. . . .
Uiucene uescham uitzouim:
U iednei su deaki pūdototne,
U uterei mec criudi carauici;
Ptiu im plamen pūdozuestea

I pod nima zuatosudna voda.
Pocе cnesna s otna zlata stola:
Moi smete, lesi i uladiki!
Se bratroma rozresite pūdu,
Ja se uadita se odedini,
Odedini ošne mezu sobu,
Po zaconu uecosizaih bogou!
Budeta ima oba u iednoulasti,
Ci se rozdelita roumu meru
Moi smete, lesi u uladiki!
Rozresite moie uipouedi:
Budete li u uas pa rozumu!
Ne budetel u uas po rozumu!

Иде-же Орлицу Лаба піе;
По Ратиборъ отъ горъ Креко-
ноши,

Иде-же Трутъ погуби санъ люту;
По Радованъ отъ камена моста;
По Яросиръ отъ бредъ вьето-
рѣчныхъ;

По Стрежиборъ отъ Сазавы хлад-
ни;

По Самородъ се Мже стробро-
носне;

По все кмети, лхи и владыки,
И по Хрудонъ и Стаглавъ братри,
Развадена о дѣдини отне.
Кда съ snehu леси и владыки
Въ Вышеградъ. . . .

Прокный ступи роженья дѣл
свего.

Ступи книжнавъ белеструци ризѣ,
Ступи на столъ отенъ у славне
снеме,

Дѣвъ вьгласне дѣве. . . .
Выучене вьщамъ вьтзовымъ:
У едней су дески правдототне,
У втерей мечъ криуды карауци;
Противъ има пламень правдо-
звѣстенъ,

Изь подъ нима святосудна вода.
Поче книжна съ отна злата стола:
Моѣ кмете, леси и владыки!
Се братрома розрѣшите правду,
Я же вадила съ одѣдини,
Одѣдини отше межу собу,
По закону вькожизньныхъ боговъ!
Будета имъ оба въ едновласти,
Чи съ роздѣлита roumu мѣру?
Моѣ кмете, леси и владыки!
Розрѣшите мое выповѣди:
Будете ли у васъ по разуму!
Не будете ль у васъ по разуму!

Ustanite imn noui nalez,
Ki bi smeril rosnadena bratri!

Уставите имн новый налезъ,
Кий бы смориль розвадена бра-
три!

Clanecu se lesi i ulaudiki
Pocehu tiho gouoriti:
Gouoriti tiho mezu sobu
I hualiti uipouedi ieie.
Usta lutobor s dobreslausca hlemca

Кланеху съ лесъ и владыки,
Почеху тихо говорити:
Говорити тихо между собу
И хвалити выповеди ее.
Вста Лютоборъ съ доброславска
хлемка

Iese taco slouo gouoriti:
Zlanna cnesno! s otna zlata stola

Ъше тако слово говорити:
Славна кнѣжно! съ отна злата
стола

uipouedi tuoe rozmyslehom
Seber glasi po narodu suemu!
I sebraste glasi deue sudne,
Sberaste ie u osudie zuate,
I daste ie lehom puolati.
Usta radouan ot camena mosta
Iese glasi cizlem pgladati
I uecinu puolati u narod,
U narod c rozuzenu na snem sboren.

Выповеди твоѣ размыслехомъ.
Себеръ гласы по народу сему!
И себрасте гласы деуе судне,
Сбрасте е въ осудіе свате,
И дасте е лѣхомъ проволати.
Вста Радованъ отъ камена моста
Ъше гласы числемъ преглядати
И въчину проволати въ народъ,
Въ народъ къ разуженю на
снємъ сберемъ.

Oba rodna bratri clenovica,
Roda stara tetui popeloua,
Iense pride z pleki s sehouimi,

Оба родна братри Кленовича,
Рода стара тетвы Попелѣва,
Ънъ же приде съ преки съ че-
ховими,

Usese sirne ulasti ps tri reki

Въз же ширне власти презъ три
рѣки

Smeratase taco o dedini:
Budeta im oba u iednoulasti.
Ustanu hrudos ot otai criuf

Смиратасъ тако о дидини:
Будета имъ оба въ едновластї.
Встану Хрудосъ отъ Отавы
крявы,

Zlec se iemu rozli po utrobe
Trasehus lutostu usi udi.
Mahnu recu, zarue jarim turem:
Hore ptencem, c nimse zma u nori,

Жлечь еъ ему розли по утробѣ,
Трасехусъ лютостью вси уды.
Махну реку, заруе яръмъ туремъ:
Горе птенцавъ, къ нимъ съ змїа
въ нори!

Hore musem, im se sena ulade!

Горе мужемъ, имъ же жена
владе!

Musu ulasti masem zapodobno,

Мужу властї мужемъ заподобно,

Prevenču dedinu dati řa.
 Sta lubusa s otna zlata stola
 Uece: cmete, lesi i uladiki!
 Sliseste zde poganenie moie?
 Sudte sami po zasonu řidu;
 U ne budu uam suditi suadi!
 Uolte musa mezu sobu rovná,
 Ki bi uladl uam po selezu:
 Deuce ruca na ui c ulade zlaħa.
 Uřta ratibor ot gor creconosi,

Iese tãco slovo ġovoritl:
 Ne hualno nam u nemceħ iscati
 řidu

U nas řida po zasonu suatu
 Iuse řinesehu otci nasi
 Use ze.....

Превенцу дѣдину дати правда.
 Ста Любуша съ отна злата стола
 Въче: кмете, лѣси и владыки!
 Слышесте здѣ поганенъе мое?
 Судьте сами по закону правду;
 У не буду вамъ судити свади!
 Вольте мужа между собу ровна,
 Кій бы владѣ вамъ по желъзу:
 Дѣвче рука на вы къ владѣ слаба.
 Вста Ратиборъ отъ горъ Кре-
 коноши,

Ъше тако слово говорити:
 Не хвально намъ въ Нѣмцехъ
 искати правду!

У насъ правда по закону съяту,
 Юже принесеху отцы наши,
 Всъ же.....

Переводъ.

О Влешава! (?) чшо мушишь пы воду? чшо му-
 шишь пы сребропѣнную воду? За побою завьла
 люшая буря, осыпала шучей проспранное небо;
 смочила слезами вершины зеленыхъ горъ, смочила
 слезами золопопесчаную глину. Какъ же бѣ я водъ
 не мушила, когда въ раздоръ брашья родные за
 опчее наслѣдїе, въ раздоръ жестокомъ межъ со-
 бою: одинъ-шо люшый Хрудошъ съ Опавы кри-
 вы, съ Опавы кривы злапоносной⁽⁸⁾, другой-шо
 храбрый Спяглавъ съ хладной Радбужи⁽⁹⁾; и оба
 они брашья, оба Кленовичи⁽¹⁰⁾, древняго рода ко-
 льна Попеля⁽¹¹⁾, кошорый пришедь съ чешскими
 полками и овладѣль обширными землями межъ
 шрехъ рѣкъ⁽¹²⁾. Прилешѣла дружняя ласпочка,
 прилешѣла съ Опавы кривы, съла на широкомъ
 оконцѣ въ Любушиномъ опчемъ золошомъ дворцѣ,

въ золопомъ дворцѣ въ свѣпломъ Вышеградѣ ⁽¹⁵⁾, и горюешъ, и смушно предвѣщаешъ горе. Услышала ее родная сеспра, родная сеспра въ Любушиномъ дворѣ, попросила княжну на упру въ Вышеградъ на вѣчъ правду правинъ, и призвашъ обоихъ брашьевъ ея, и судишъ ихъ по закону. Приказывашъ княжна ⁽¹⁴⁾ пословъ послашъ: за Свяшломомъ въ бѣлой Любицы ⁽¹⁸⁾, гдѣ много красивыхъ дубравъ; за Люшоборомъ съ доброславскаго холма ⁽¹⁶⁾, гдѣ Орлицу Лаба впишашъ; за Рашиборомъ съ горъ Креконоши ⁽¹⁷⁾, гдѣ Трушъ погубилъ люшаго змѣя; за Радованомъ съ каменнаго моспа; за Ярославомъ съ бродовъ вѣшпорѣчныхъ; за Спрежиборомъ опъ Сачавы хладной ⁽¹⁸⁾; за Саморадомъ съ Межи среброносной ⁽¹⁹⁾; за всеми кшешами, ляхами и владыками, и за Хрудошемъ и за Спягловомъ брашьями, спорившими объ опчемъ наслѣдїи. Всѣ ляхи и владыки вышли и въ Вышеградъ. Каждый занялъ мѣсто по роду. Взошла и княжна въ свѣшозарной ризѣ, взошла на опчїй пресполь въ славный сеймъ. Двѣ мудрыя дѣвы . . . вѣдавшія вишезевы прорицанїя ⁽²⁰⁾: одна держишъ доски законовъ, другая мечъ, неправду карающїй; а предъ ними пламень вѣщающїй правду, а за ними свѣшосудная вода. Молвила княжна съ шого золошаго прешола: мои кшешы, ляхи и владыки! разберише правду у брашьевъ, спорящихъ о наслѣдшвѣ, объ опчемъ наслѣдшвѣ межъ собою, по закону вѣчныхъ боговъ разберише ⁽²¹⁾: владѣшъ ли имъ вмѣшпъ не дѣля его, или раздѣлишъ на ровныя часши? Мои кшешы, ляхи и вла-

дыки! исполнише мою волю—доспанешъ ли у васъ разума, или не доспанешъ у васъ разума, но дайше имъ новый распорядокъ, чшобъ помирились враждующіе братья. Кланялись ляхи и владыки, спали шихо говореньи, шихо говоришь межъ собою и хвалишь ея волю. Всшалъ Люпоборъ съ доброславскаго холма, началъ шакъ говоришь: славная княжна! разсудили мы швою волю, высказанную намъ съ опчаго золопаго престола! Собери голоса у народа швоего! И дѣвы судныя собрали голоса, сбирали ихъ въ свяныи сосуды, и дали ляхамъ провозглашанъ. Всшалъ Радованъ съ каменнаго моста, спалъ перечипывашъ голоса и рѣшенъ провозглашанъ народу, народу на разсужденъ на общемъ сеймѣ. Оба родныи братья Кленовичи, спараго роду колѣна Понеля, пришедшаго съ чешскими полками и овладѣннаго обширными обласпями помежъ прехъ рѣкъ, шакъ примиришья должны о наследствѣ: будешъ оно у нихъ въ общей власпи. Всшалъ Хрудошъ съ Ошавы кривы; разлилась у него желчь на ушробъ, и онъ злоспи вспряслись всѣ члены. Магнулъ онъ рукой, заревѣлъ ярымъ шуромъ: горе шпенцамъ, къ нимъ же прокралась змѣя! горе мужамъ, ими же владѣешъ жена. Мужами долженъ новелѣзашъ мужъ, первенцу ошдашъ наследштво законъ велишъ. Спала Любуна съ опчаго золопаго престола, шакъ говоришь: кмети, ляхи и владыки! Вы слышали здѣсь мое носрамленіе? Блюдите же сами собою правду по закону, а я уже не сплану разбирашъ вани споры. Избирайте межъ собою равнаго вамъ мужа, копорый бы власшво-

валъ надъ вами желѣзомъ: дѣвичья рука владышь
вами слаба. Вспалъ Рашиборъ съ горъ Креконоши
и началъ шакія рѣчи говоришь: свидно намъ
искашь правды въ Нѣмечинъ! у насъ правда по
закону свящому, принесенному предками, и всъ
они. . . .»

Предполагаю, что въ чтеніи и переводѣ, мною
представленныхъ, есть ошибки; но избѣгнушь ихъ,
было мудро, если и было возможно избѣгнущъ:
если жъ инныя ошибки моя вина, то да извиняшь
меня и исправяшь.

Покажётся я представляю себѣ сословіе чеш-
ской землѣ время Любуши, по эшимъ пѣснопѣ-
ніямъ, въ шакомъ видѣ.

По рѣкамъ Эльбѣ (Лабѣ) и Молдавѣ (Влешавѣ)
съ Сачевой и Межой и по другимъ веболынимъ
рѣкамъ, въ нихъ впадающимъ, на юго-западъ онъ
хребта Горъ Истолиновыхъ (Креконоши), жили
погда Чехи, еще не хрисціане, но уже осѣдлыя
и имѣвши общешвенное успройство.

Центръ ихъ народнаго союза, метрополь —
былъ Вышеградъ.

Четыре главныя основанія ихъ общешвеннаго
успройства очень замѣны: 1) власнь спарвй-
шинъ (владыкъ), 2) власнь народа на общихъ сей-
махъ, 3) власнь монархическая Дѣлы-Карицы Лю-
буши, 4) власнь законовъ.

1. Власнь спарвйшинъ (владыкъ) была шпрі-
архальная. Въ эиомъ отношеніи Чехи раздѣлялись
на семьи, управляемыя спаршими въ родѣ; и по-
номъ на фамилии (челеди), изъ кошорыхъ каждая

состояла, вѣроятно, изъ нѣсколькихъ семей кмешей (земледѣльцевъ), имѣла своихъ ляховъ (дворянъ-воиновъ) и своего главнаго воеводу (владыку, главу челедину). Едва ли можно приниматьъ кмешей, ляховъ и владыкъ за при опщдѣльные каспообразныя сословія, раздѣленныя не только званіями, названіемъ и важностію сана, но и коренными правами; скорѣе можно предположить, что сословія было два, и по не сословія-каспы, а сословія-званія: сословіе селянъ-земледѣльцевъ (кмешей) и сословіе дворянъ-воиновъ (ляховъ). Земледѣльцы въ отношеніи къ воинамъ были прослоюдины, почиравшіе знаныхъ; немудрено, что ихъ повиновеніе было опнюдь не рабское, равно какъ и власпъ надъ ними воиновъ-дворянъ была вовсе не самопроизвольная, а очень ограниченная.

2. Эта ограниченность власпи однихъ и зависимости другихъ явспвенно выражалась въ сеймахъ народныхъ. Знаные люди могли на сеймахъ занимать первыя мѣста, имѣть нѣкопорыя привилегированныя обязанности; но чупъ ли не эшимъ и ограничивались ихъ преимущесва. Народъ собирался въ Вышеградъ на вѣче (попражъе), и шупъ судилъ по закону, правилъ правду вольнымъ голосомъ. Дѣла рѣшались по большинству голосовъ всего народа, рѣшались всѣмъ народомъ, если даже касались и до благородныхъ; а ляхи шолько провозглашали это большинство голосовъ (вѣчину), даже не собирали ихъ, что предоспавлено было боговдохновеннымъ суднымъ дѣвамъ. Явспвенно,

что власть народныхъ сеймовъ была главная гражданская власть. Впрочемъ и она была ограничена.

3. Она была ограничена монархическою властію Дѣвы Любуши. Любуша была высокаго рода, и получила верховную власть и прешоль своего опца въ наслѣдство. Эша верховная монархическая наслѣдственная власть, ограничивая власть народа, имѣя въ своей зависимости созываніе сеймовъ и первый голосъ въ рѣшеніи споровъ, была сама ограничена тѣми же народными сеймами, и, можетъ быть, еще нѣкопорыми знашными и сильными домами.

4. Такимъ образомъ всѣ власти были ограничены однѣ другими. Немудрено, что сила общешвеннаго успройства сосредоточивалась во власти законовъ. Эша власть одна была неограниченная, безусловная, ушвержденная вѣками, свяпостию памяти предковъ и воли боговъ. Не знаемъ, каковы были эши законы, чего касались, что повѣлвали: знаемъ шолько, что на сеймахъ судили по нимъ, и что они были писаны на доскахъ, сохраняемыхъ одною изъ судныхъ дѣвъ. Можно шакже догадывашся, что они опредѣляли права наслѣдства, а слѣдовашельно и собпвенности, и что основаніемъ сихъ правъ была семейная общность владѣній и власть старшихъ въ родѣ, а не дѣленіе на учаспки, для Чеховъ чуждое и прошивозаконное. Еще можно догадывашся, что эши законы опредѣляли и образъ судопроизводства, находившагося подъ вѣдѣніемъ судныхъ дѣвъ. Эши

судныя дѣвы пророчицы и жрицы вышезя, изъ копорыхъ одна хранила доски законовъ, другая мечъ, карающій неправду, имѣли шакже въ своемъ свѣдѣнїи и судъ огнемъ и водою—судъ Божїи. Еще можно догадывашься но вѣдѣшь съ пѣмъ и пожалѣшь, что пѣскопѣнїя, по копворымъ желали бы мы развѣдать шарину чешскую, заспаляющѣ догадывашься, а не говорѣшь ясно.

Впрочемъ и того, что они пересказали объ общественомъ успройствѣ шарой Чехїи, для шакїхъ небольшихъ опрѣвковъ слишкомъ доволно.

Досадно, что нельзя извлечь изъ нихъ сполько же свѣдѣнїи и объ общественной образованности погдашнихъ Чеховъ: въ эпомъ опношенїи они слишкомъ малословны. Извлекаемъ важнѣйшее:

1) Чехи вели жизнь осѣдлую: мужья занимались земледѣїемъ, поручая женамъ пригошвление одеждъ.

2) Они знали уже упошребленїе желѣза, золопа и серебра.

3) Жили они, конечно, въ хижинахъ; впрочемъ имѣли уже дворы, замки, каменные мосты.

4) Они вѣрили въковѣчнымъ богамъ, ихъ промыслу и безмершю.

5) Вѣрили въ предвѣщанїя; въ чудеса.

6) Имѣли уже грамошу.

7) Праздновали законность единоженства.

8) Поняшїя о семейственности были очень развиты между ними, и даже приведены въ законную форму.

9) Все это, вмѣстѣ съ народными собраніями и святошцію памяти предковъ, укрѣпляло силу ихъ народнаго союза.

Можно бы еще сдѣлать нѣсколько выводовъ, можно бы разсмотрѣть разбираемые нами опривки въ отношеніи къ языку, въ отношеніи ко времени, когда они были сочинены и написаны, или ко времени, которое описываютъ; но это завлекло бы далеко. На первый разъ довольно и этого (22).

Любите, храните, Чехи, свои народныя драгоценности, и защищайте ихъ отъ нападокъ все-разрушающей кришки, если по совѣсти признаете ихъ своего достойными. . . .

И. СРЕЗНЕВСКІЙ.

ИЗБОРНИКИ.

Старина, старина!
Съ мозгомъ была.

Въ библиотекъ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго Монастыря нашелся когда-то Изборникъ: писанъ былъ онъ, эпошъ Изборникъ, повелѣніемъ Князя Свяшослава Ярославича, шого самаго, копорый почши за 800 лѣтъ до нашего 1838 года шакъ удамо храбровалъ на Руси, когда не спало въ ней Ярослава Великаго, и попомъ «преспавися опъ рѣзанія жельве»; (1) писанъ былъ эпошъ Изборникъ діакомъ Іоанномъ въ 1073 году на пергаменѣ въ лиспѣ, успавомъ на 264 лиспахъ, прилежно и узорочно. Споишъ взглянушъ на него: книга пергаменова, спарал, — спаринная, не нашей памяши, длинная, и на всякой спраницѣ по два сполбца, изрисованныхъ, какъ двѣ египешскихъ колонны, всею роскошью древняго письменсшва; и на оборотѣ перваго лиспа, будшо снимокъ съ одного изъ барельефовъ нильскихъ пещерь: все семейсшво Свяшослава, и самъ онъ съ усами, въ зеленыхъ

самогата, въ кафтанѣ и княжеской мантіи, и сама княгиня въ покрывалѣ, и всѣ его пяць дѣшкѣ-сыновей опѣ велика до мала въ высокихъ синихъ шапкахъ, и надъ ними золошыми буквами: «*Господи, не презъри, нѣ пріими ны вся и помилуй ны!*» И попомѣ—чего нѣпѣ на спраницахъ эшого Изборника.... Когда же увидише его, шо приглядитесь къ нему: онѣ— спарѣйшій своего рода, онѣ— дѣдушка цѣлаго народа — семейсва нескончаемаго, неисчепнаго, неопѣннаго, славнаго во всѣхъ концахъ православной нашей Руси.

Былѣ онѣ, а за нимѣ было ихѣ, сборниковѣ и изборниковѣ, писанныхъ и усшавомѣ, и полуусшавомѣ, и скорописью, снюлько, чшо ни перечесѣ ни пересказашѣ. Какѣ же посмопритше на нихѣ, какѣ присмопритшесѣ къ нимѣ, сами скажете: «Сшарина, сшарина, сѣ мозгомѣ была!» О чемѣ не прочтеше, и чѣмѣ не полюбуешесѣ! найдеше и роскошныя парафы, и каршины въ золошѣ и во всѣхъ краскахъ, и красивыя спраницы, пшщательно исписанныя чернымѣ, краснымѣ и зеленымѣ черниломѣ; а на эшихъ спраницахъ найдете повѣсши и разшшпленія, басни и проповѣди, небылицы и были въ лицахъ обо всемѣ, чшо было любопытшо и пшщательно для ума, сердца и воображенія сшариннаго русскаго человека, весь занашѣ, имѣ припасенный для поддержанія и услажденія своего духовнонравсшвеннаго быштя. Онѣ расскажутѣ вамѣ, какѣ онѣ жилѣ душою, какѣ молился, какѣ думалѣ, о чемѣ и надѣ чѣмѣ задумывался, чѣмѣ «*бавиль свою крпкъую думу, свое раздумице великое*» въ шихій

часть уединеннаго вечера; или скромныя бесѣды съ пріятелемъ, чѣмъ блеспѣлъ, какъ добрый думца на сходкѣ думныхъ, разумныхъ головъ; онъ передаушъ вамъ все его познаніе былого, весь его вѣрованія и надежды на будущее, весь ипогъ его мыслей, поняшій, взглядовъ на міръ и человѣчество и на жизнь въ семьѣ и въ обществѣ.

Вопшъ драгоценность нашихъ сборниковъ и изборниковъ. Это золошья жилы (³) съ примѣсью вещеспвъ разнородныхъ, но золошья жилы; и немудрено будешъ какому-нибудь Гумбольдпу сыскашъ въ ней и алмазъ. «Сшарина, сшарина! съ мозгомъ была!»

И сшаринный русскій челошкъ дорожилъ эпимъ кладомъ. Для него, бѣднаго книгами печашными, даже церковными и богослужебными, изборники и сборники были почши единспвенными книгами, куда онъ могъ заглядывашъ опъ души, гдѣ онъ могъ найши для нея пищу: какъ же ему не дорожипъ было ими?

За шо и было ихъ многое множеспво, шакое множеспво, что въ числѣ всѣхъ рукописныхъ книгъ нашихъ они занимающъ по-крайней-мѣрѣ шрешью часпъ, а если выключипъ изъ общаго числа книги божеспвенныя, шо оспанушся почши шолько одни изборники да сборники.

Но почему же изборники и сборники были почши единспвенными книгами сшарой Руси? Почему русскій челошкъ въ нихъ любилъ заглядывашъ преимущественно?

Уже ли это случайность? Или вся причина этого въ несовершенствѣ нашего спараго,—до-пешровскаго—образованія и просвѣщенія? Или, наконецъ, шупъ виною всему и оправданіемъ всему русскій умъ?

Случайность! Семь спольпій (возьмемъ меньшую мѣру періода нашихъ изборниковъ и сборниковъ, полько писанныхъ)—семь сошъ лѣшъ, хопъ бы и въ жизни шакого великаго народа, какъ нашъ русскій, былъ бы слишкомъ долгій вѣкъ для случайности. Да полно и еспъ ли случайности въ дѣлахъ народовъ? Сошлюшя, пожалуй, иные на несовершенство нашего спараго образованія и просвѣщенія, сошлюшя на варварство нашихъ предковъ. Но доказано ли оно? И не доказано, и не докажетъ множества нашихъ изборниковъ и сборниковъ. Припомъ же, кончился ли вѣкъ сборниковъ и изборниковъ на Руси, или полько разъигривается и расцвѣшаетъ? По мнѣ, шакъ онъ идешъ, идешъ, и ему еще долго инши—конца пупи не видно: полько и разницы спараго опъ новаго, что вмѣсто ушава и вліянія Греціи византійской, какъ было вспаръ, запаревала у насъ гражданская печашъ да съ запада въперокъ. И шакъ что же? Ужели русскій умъ, его природа—рѣшатъ загадку?

Кажется, что шакъ. Русскій человекъ, по природѣ, по невольному пребованію ума своего, всегда любипъ и всегда предпочметъ всякой другой книгъ изборникъ или сборникъ, потому что онъ всего болѣе удовлешворишъ его шребованіямъ, его

вкусу, его врожденному пониманію о книгѣ. Это вовсе неудивительно, хоть и сами разсудите.

Умъ русскаго самобытень, самовольнень: есть память въ тѣлѣ, есть хотѣніе въ сердцѣ, есть и мысль во лбу: «око видитъ далеко, а мысль еще дальше.» Умъ русскаго знаетъ самъ себя, думаетъ самъ за себя и самъ по себѣ: У него *«и кафтанъ хотѣ спрѣзъ, а умъ не кто съѣлъ.»* Убѣждайте его— не убѣдите, если онъ самъ себя не убѣдитъ; не переувѣрите его, пока онъ самъ въ себѣ не переувѣрился: *«на чужой, скажешь онъ, коровай ротъ не развѣвай, а свой затѣвай; а скomoroxъ хотѣ голосъ на гудкѣ и настроитъ, да житѣя своего не установитъ.»* И онъ скорѣе сдѣлаетъ по вашему, нежели спавешъ думаетъ по вашему; скорѣе опинажешся опъ всякой думы, нежели промѣняетъ свою на чужую. Ему нуженъ умъ чужой только на подмогу, только для цинапы, какъ сказалъ бы ученый докторъ; только для того, что *«умъ хорошо, а два лучше»*; а впрочемъ онъ и безъ него гошовъ обойтись: вольная душа, некупленный и неподкупный, самъ онъ знаетъ, какъ о чемъ когда думаетъ, самъ умѣетъ разсуждать, что хорошо, а что худо. Больше всего ему нужны возбуждающія средства, мысли чужія, чтобы онъ ихъ повѣрилъ, или призналъ или осудилъ, задумавшись надъ ними; еще больше мыслей нужны ему событія изъ жизни дѣйствительной и божественнаго ученія; факты, чтобы онъ могъ ихъ сообразить, чтобы онъ могъ пробудить или развить въ себѣ какую-нибудь мысль, которая навела бы его на думу, или раз-

вила предъ нимъ свипокъ фанпазіи. Такимъ образомъ, принимаясь за книгу, чего русскій онъ нея пребуешъ, чпо въ ней надвешся найши? Подмогу и возбужденіе своему уму, а не пушеводилела, не наспавника, не законодашела. У него еспъ одинъ законъ, *законъ Божій и Государевъ*, и не нужно ему инаго: *«Все Божіе да Государево, все въ власти Божіей и Государевой»*, молвишъ онъ, и вспръчая въ книгъ законъ Божій или Государевъ, глядишъ на него не какъ на часпъ книги, но какъ на факпъ изъ жизни міра, кошорый не можешъ не бышъ, шочно шакъ, какъ и на всякой другой факпъ, кошорый и долженъ былъ бышъ, пошому чпо былъ, и не былъ бы, если бъ не долженъ былъ бышъ, по повърю: *«чему быть, тому не миновать.»* Ему нужны эти факпы, ему дороги они для соображенія, для возбужденія его размышлений. *«Умная голова, разбирай Божьи дѣла; молись да злаго берись, да и знай, что про все въдаеть Богъ да Царь.»* Такъ въришъ русскій и дорожишъ книгой, сохраняющей ему факпы, «въданій» Божіихъ и Царевыхъ, дорожишъ ею не какъ законодательницей и наспавницей, а какъ сокровищницей законовъ міровыхъ, кошорые и безъ нея сущесшвовали, и безъ нея могли бышъ ему извъсшны, и безъ нея могли бышъ имъ забышны, и съ нею всегда предъ нимъ. Пошомъ, богашый факпами, онъ желалъ бы знашъ изъ книги, какъ кто о чемъ думалъ, однако вовсе не для шого, чпобы самому шакже думашъ, а опяшъ для обогащенія себя факпами; для подмоги и возбужденія своихъ умшвенныхъ силъ,

надвѣясь вспрѣвшишь и думца, сходно съ нимъ думавшаго, и случай пораздумашь о неправдѣ словъ пѣхъ, копорые думали не шакъ какъ онъ. Наконецъ, русскій желалъ бы, чпобы ша же книга и повеселила его, подарила его краснымъ словцомъ, позабавила его оспроуміе, развернула крылья разгульному его воображенію. И болѣе опъ книги онъ ничего не попребуешъ, развѣ шолько шого, чпобы онъ могъ сказащъ о ней, прочешши ее: «*маль золотникъ, да дорогъ!*» Какая же книга можещъ удовлетворить всего лучше, всего вѣрнѣе, желанію шакого прихотливаго ума? Ужъ вѣрно не опдѣльное образцовое сочиненіе, большое и цѣлое, не сочиненіе писателя-оратора, копорый, не жалѣя бумаги и головы своей, поведешъ его по всѣмъ пушямъ своей мысли, по всему поприщу своего размышленія, поведешъ, да шого и гляди, заведешъ или въ лѣсъ безъ выходу, или въ болопо безъ берега. «Русскому ошанешся непоняшно шерпнїе чпшашъ цѣлые фоліаншы чужихъ умшпованій; русскаго упомишъ шакое невольническое пушешешствіе, гдѣ умъ его долженъ не въ-шупку бышъ дышашью на помочахъ у нянюшки-машушки, или ея внучки красавицы—сѣнной дѣвушки. Какая же книга будешъ какъ разъ пригодна русскому человеку? Изборникъ или сборникъ всего лучше, всего пригоднѣе: шупъ все лучшее избрано и собрано, и всего много, и всего немного, *и маль золотникъ да дорогъ, и дорогъ затѣмъ что маль, затѣмъ что не всякое лыко въ строку строчилось, а иное и въ сторону металось.*» Въ изборникъ или сбор-

никъ оиъ найдешъ все,—и любимыя мѣспа изъ св. Писанія, и дѣянія спарины, и сказанія о достопримѣчательностихъ всѣхъ спранъ, всѣхъ царспвъ природы, всѣхъ народовъ, все, и повѣспи, и размышленія, и басни и проповѣди, и были и небылицы.

Вошъ почему, думаю, изборникъ или сборникъ будешъ всегда любимъ русскимъ челоувкомъ, всегда предпочтенъ всякой другой книгъ; вошъ почему и были они всегда любимы и предпочипаемы на Руси всѣмъ другимъ книгаиъ; вошъ почему и было ихъ многое множеспво.

Такъ и въ Свяпославоиъ Изборникъ диакъ Иоаннъ изволилъ написашъ:

Державный властителъ Великий Князь Святославъ пожелалъ усладить разумъ свой въ глубинѣ многотрудныхъ сихъ книгъ премудраго Василиа, и повелѣлъ мнѣ мудрому перевести ихъ, собирающей все въ одинъ цѣлю, аже акы це свое и проливать изъ усть своихъ, какъ сладкій медъ, предъ боярами, для внушенія твоихъ мыслей, дѣлаясь въ выиъ Птоломееиъ, не столю ко вѣроу, какъ желаніемъ, и такъ собралъ разныя чест-

«Великий въ князихъ Князь Святославъ въжделаніемъ въжделавъ държаливый Владыка бавити покровеныи разумы въ глубинѣ многострѣпътныхъ сихъ книгъ Василиа въ раблюдая близость мыслей, и зумтхъ, повелѣ мнѣ немудруподобно любодѣльной пчель, въдію премѣну сѣтворити рѣчи инако, набѣдаща тожъсоть, собрать въ мудрое сердце разумъ его, аже акы бѣчела любодѣльна съ всяка своихъ, какъ сладкій медъ, го цвѣта псвию сѣбравъ акы, въ единъ сѣтъ въ вельмысльное сердце свое, проливаеть акы сѣтъ сладкъ изъ усть своихъ предъ бояры навѣратъ зумвнѣ твоихъ мыслѣиъ, явля-

мыя божественныя книги, и яса имъ новый Цтодомей, наполниши имъ свои клѣти, не вѣроу, нъ желаніемъ па- составилъ себѣ незабвенную че, и събора дѣля много- память.

чостынныхъ божественныхъ кѣнигъ всѣхъ, ими же и свои клѣти испълнь, вѣчную си память створи, еже памяти вину въсприяти.»

Такъ и въ другомъ сборникѣ, копорый хранища (въ уславной копіи) у меня, новѣ Свяшославова семью вѣками, написано:

Здѣсь же между дѣянїями «Здѣже межъ дѣянїи на написаны на нѣкоторыхъ нѣкїихъ лѣствѣхъ и иная раз- страницахъ различныя ду- личная по прилучаю бы тол- ховныя бесѣды, наставитель- ковательная ово рассмотр- ныя и наблюдательныя. Пи- тельная духовная бесѣда по- саны же онѣ, какъ уже я ска- ложишася. . . . Писашася бо, валъ, для себѣ, и гдѣ встрѣ- яко-же рѣхъ себѣ ради, ток- чаются толкованїя на боже- мо неже прилучится здѣв ственное Писанїе, то я напи- Божественнаго Писанїя тол- салъ ихъ потому, что они кованїя, моему худоумїю мня- казались мнѣ, по простотѣ щвеса быти изрядно же, или моей, хорошими или полез- душе моей полезное, то и на- ными для души. И подобно, писахъ здѣ; *якоже бо кто* какъ собирають въ одинъ *злато и серебро и жемчюгов* осудъ золото, серебро, жем- *и что-либо отъ драгихъ ве-* чугъ или какїя нибудь до- *щей во единъ ковчежець вла-* рога вещи, такъ и я соби- *гати, сице азъ собирала же* ралъ, вкратцѣ, въ одну эту *различныхъ воедино сию* книжечку, все, что только со- *книжциу вкратце вложихъ* брать могъ. Да пошлетъ Богъ *елико собрати возмогахъ.* читающимъ и слушающимъ Богъ и да дастъ чтущимъ и

усердіе къ чтенію и слуша- внимающимъ оусердіе къ
вію для снисканія душевной чтенію и внятню въ сниска-
пользы. ніе душевныя пользы.»

Упоминашь ли наконецъ о помѣ, что приспра-
сшіе русскаго ума къ изборникамъ и сборникамъ
дѣлаю по, что и шѣ книги русскія, копорыя не
предназначались бытъ сборниками или изборника-
ми, превращались въ нихъ шѣмъ или другимъ слу-
чаемъ и какъ будшо ненарокомъ, по какому-шо не-
вольному, безопчешному желанію «списашеля,» а
иногда и по его явному желанію угодишь чипаше-
лямъ. Сами льпописи наши,—что онъ, если не из-
борники и сборники? Онъ всѣ сшипы изъ лоску-
шьевъ, собранныхъ шамъ и сямъ, шакъ и сакъ,
и непривычный, перечипывая ихъ, вспрѣшишь
въ нихъ часшо по, чего вовсе не ожидалъ и что
покажешся ему совершенно неумьспнымъ. Я уже
не говорю о другихъ нашихъ спарыхъ книгахъ
богословскихъ, философскихъ и проч. и проч.

Немудрено, что наши сборники и изборники
храняшь въ себѣ весь запасъ спариннаго русскаго
человѣка, имъ припасенный для поддержанія и усла-
жденія своего духовно-нравспвеннаго бышія, что
они «сокровищники, ковчегъ, сопъ» его върваній,
его думъ и мыслей, его знаній, его поняшій о мі-
рѣ, человѣчеспвѣ, опечеспвѣ и о самомъ себѣ.

Ошюда переходъ лежокъ и ешеспвенъ къ
справедливому заключенію о разнообразіи нашихъ
изборниковъ и сборниковъ; попомъ къ заключенію
о возможности найши правильность часшей и оп-

дѣловъ въ хаосъ эпого разнообразія, о возможности раздѣленія всѣхъ сборниковъ и изборниковъ по вѣкамъ, по мѣспноспямъ, по классамъ грампнаго общеспва: хошя и правда, что «всякъ молодець на свой образецъ,» что «всякъ по своему праву работаешъ.» Однако и то правда, что «гдѣ сосна выросла, шамъ она и красна» и что «во всякомъ подворьи свое повѣшье.»

Предметъ любопытный, предметъ поучительный и важный для русскаго этнолога, изслѣдоващъ эпо раздѣленіе изборниковъ и сборниковъ на роды и виды, по ихъ содержанію, по мысли, ими выражаемой, по ихъ мѣспноспи и времени въ опношеніи къ классу народа, для котораго они «описывались.»

Оспавимъ эпо до другаго времени, до другой спашпы; а шеперь пожелаемъ эпому новому сборнику: «Очеркамъ Россіи,» всего добраго: были бы они сокровищницей, ковчегомъ, сопомъ свѣдѣній о нашемъ великомъ опечешвѣ, были бы они сборникомъ испинно русскимъ, dospойнымъ народа русскаго, были бы душъ русской угодны, съ любовью чпшаемы, съ любовью вспоминаемы; иначе и желашъ нечего.

И. СРЕЗНЕВСКІЙ.

ЗАМѢЧАНІЯ И ВЫПИСКИ.

I. О ЗАМЕРЗАНИИ И ВСКРЫТИИ РѢКЪ ВЪ НѢКОТОРЫХЪ МѢСТАХЪ РОССІИ. Россія отъ Морей Чернаго и Азовскаго до Бѣлаго Моря простирается тысячи на двѣ версты. Такое направленіе даетъ понятіе о разности климата въ двухъ противоположныхъ странахъ этого пространства. Положеніе горъ и близость морей производятъ только незначительныя измѣненія въ общемъ ходѣ годовыхъ временъ. Известно, что средняя Россія лежитъ большею частью на возвышенности, называемой *Плоскою*, которая соединяется на востокъ съ отрогами Уральскихъ, а на западъ съ отрогами Карпатскихъ Горъ. Самыя возвышенныя мѣста средней Россіи занимаютъ губерніи шверская, смоленская и московская. Онѣ болѣе другихъ открыты со стороны сѣвера и со стороны юга. Здѣсь рѣки обыкновенно замерзаютъ до половины ноября и вскрываются въ *первыхъ числахъ апрѣля*. Къ этому разряду губерній принадлежатъ, съ укло-

неніями едва замѣтными, пверская, калужская, шульская, орловская, рязанская, нижегородская, владимірская, коспромская и ярославская.

Опгь эгихъ губерній возвышенность поспепенно склоняется на сѣверъ, и шѣмъ болѣе опскрываетъ расположенныя на ней губерніи для холодныхъ вѣтровъ и нѣсколько закрываетъ опгь вліянія южнаго вѣтра. Здѣсь рѣки замерзаютъ ранѣе, и вскрываются позже, нежели въ средней Россіи, шакъ чпо въ архангельской губерніи, удаленной опгь Москвы, почти на штысячу верспгь, по прямой линіи, и совершенно опскрышой для сѣверныхъ непогодъ, рѣки замерзаютъ *около 1-го ноября* а вскрываются *не ранѣе первыхъ чиселъ мая*.

Напронивъ, южная поканность Плоской Возвышенности, замѣтно склоняясь къ полудню опгь курской губерніи, опскрываетъ губерніи для южныхъ вѣтровъ и для большаго вліянія солнца. Здѣсь, ш. е. на широтѣ харьковской губерніи и южной часпи курской, рѣки замерзаютъ *около 1-го декабря* и вскрываются *до половины марта*. Самыя южныя спраны, ш. е. обласпъ бессарабская, Новороссійскій Край и южная часпъ Донской Земли, по географическому положенію и мѣспности, принадлежатъ къ разряду губерній жаркаго климата Россіи. Здѣсь рѣки замерзаютъ *около 1-го января* и вскрываются *около 1-го марта*.

Иногда въ архангельской губерніи рѣки вскрываются въ апрѣль и въ концѣ мая; иногда въ Новороссійскомъ Краѣ вскрываются въ половинѣ февраля. Но вообще во всѣхъ проспраншвахъ Рос-

сін, ш. е. въ южномъ, среднемъ и сѣверномъ, шакія исключенія бываютъ рѣдки.

И шакъ: 1) въ сѣверной полосѣ Россіи, къ кошорой принадлежатъ губерніи: архангельская, олонецкая, вологодская, вятская, пермская и др., рѣки бываютъ покрышы льдомъ, приблизительно, опъ 1-го ноябра до 1-го мая, ш. е. не менѣе *полугода*. Другіе полгода осшаюпся для весны, лѣна и осени.

2) Въ средней полосѣ Россіи, къ кошорой принадлежатъ губерніи: московская, калужская, смоленская, шульская, рязанская, владимірская, орловская, курская, часпъ Малороссіи и др., рѣки бываютъ покрышы льдомъ приблизительно, опъ половины ноябра до первыхъ чиселъ апрѣля, ш. е. *четыре съ половиною мѣсяца*.

3) Въ южной часпи Россіи, къ кошорой принадлежатъ: Малороссія, Новороссійскій Край, часпъ Донской Земли и др., рѣки бываютъ покрышы льдомъ, приблизительно, опъ 1-го января до 1-го марта, ш. е. въ продолженіе *двухъ или двухъ съ половиною мѣсяцевъ, а почти 10 мѣсяцевъ* осшаюпся для весны, лѣна и осени, шакъ, что во время первыхъ лѣпниихъ жаровъ въ спранъ прибрежной къ Черному Морю рѣки сѣверной Россіи шолько чшо очищаюпся опъ льда. При эпомъ не приняшы въ разсмотрѣніе воды южной часпи губерніи шаврической и самыхъ опдаленныхъ мѣспъ архангельской и пермской губерній.

Всѣ рѣки, кошорыя шекунтъ съ юга на сѣверъ, вскрываюпся, какъ говорашся въ народѣ, *дружно*,

попому что вершины ихъ скорѣе подвергаются большему вліянію солнца, а усшья, по своей широтѣ, легко пропускаютъ ледъ, и онъ, почти не распавая, несется далѣе на сѣверъ; напроливъ, всѣ рѣки, копорыя текутъ съ сѣвера на югъ, вскрываются поспешенно, попому что усшья ихъ, при сильномъ вліяніи солнца, очищаются очень скоро, а середина печенія и вершины, проспираясь на сѣверъ, очищаются, смотря по мѣстности, все позже и позже, такъ что вскрытіе одной и той же рѣки при усшьяхъ часто бываетъ мѣсяцемъ и полушорами ранѣе, нежели при верховьяхъ, и ледъ большею частію, не доходя до моря, таетъ, ломается и исчезаетъ.

II. Предѣлъ южныхъ и сѣверныхъ растений и животныхъ въ харьковской губерніи. Изъ сѣверныхъ растений далѣе харьковской губерніи не встрѣчаются: *обыкновенная сосна, рябина и клюква*. Изъ южныхъ растений не переходить *ковыль*. Изъ сѣверныхъ звѣрей и птицъ не встрѣчаются далѣе харьковской губерніи *лѣсной заяцъ* или *бѣлякъ* и *пуночка*, а изъ южныхъ *желтощекій жаворонокъ, земляной заяцъ* и звѣрекъ *слѣпецъ* или *зильское щня*, копорый впрочемъ принадлежитъ почти исключительно одной харьковской губерніи. Обыкновеннаго *сѣвернаго рака* также нѣтъ, а водится *тонкопалый (astacus leptodactylus)*, копорый уже передвигается въ курскую губернію и все болѣе шьснитъ на сѣверъ обыкновеннаго рака. И какъ эта губернія служитъ довольно рѣзкимъ предѣломъ распространенія нѣкопорыхъ растений

и живошныхъ, такъ и сама она, по климату, не принадлежитъ собственно ни къ сѣвернымъ или среднимъ ни къ южнымъ губерніямъ, и, открывая для всѣхъ вѣтровъ, сильно зависить отъ ихъ переменъ и температуръ другихъ губерній. Иногда въ январѣ, при постоянномъ южномъ вѣтрѣ, во многихъ мѣстахъ обнажающіяся поля и начинаешь зеленѣть хлѣбъ, какъ было въ 1835 году, и въ шестъ же годъ, при продолжительномъ сѣверномъ вѣтрѣ, въ маѣ мѣсяцѣ морозъ испребилъ большую часть фруктовыхъ садовъ и даже много молодыхъ просѣныхъ деревьевъ. Такія сильныя переменны въ состояніи воздуха и такая зависимость отъ вѣтра не споль замѣтна въ другихъ губерніяхъ. Впрочемъ, несмотря на эту зависимость, средняя теплоша въ харьковской губерніи, по десятильетней сложности, составляетъ 13° а средній холодъ 10°.

III. Зимнія торговыя дороги отъ Москвы до Харькова и отъ Харькова до Одессы. Не только иностранцы, но многіе изъ нашихъ соотечественниковъ привыкли думать, что наши зимнія дороги, по скорости и легкости перевозки поваровъ, замѣняютъ, почти на цѣлые полгода, всѣ усовершенствованныя торговыя пути; что природа приспособляется для насъ удобства, до кошорыхъ въ другихъ мѣстахъ доходящъ съ великими трудами и цѣной огромныхъ капиталовъ; что наши зимнія дороги ровны, гладки и чущъ ли не замѣняютъ чугунныхъ. Быть можетъ, это до нѣкоторой степени справедливо въ отношеніи къ не-

многимъ изъ северныхъ губерній Сибири, которая тянется отъ запада къ востоку, и главные ея пуши лежатъ почти подъ однимъ градусомъ широты, подъ однимъ климатомъ; но такое мнѣніе, относительно внутренней Россіи, — средопочія ея промышленности, — совершенно неосновательно. Возьмемъ частный случай, одинъ торговый оборотъ: харьковскую крещенскую ярмарку, на которую тянутся обозы почти за 700 верстъ, изъ Одессы, и за 750 верстъ, изъ Москвы, съ поварями, на сумму 20,000,000 рублей.

Крещенская ярмарка начинается обыкновенно въ первыхъ числахъ января и оканчивается 28 числа того же мѣсяца. Товары отправляются изъ Москвы и Одессы до Рождества, чтобы не опоздать къ урочному времени. Въ это время въ Москвѣ бываютъ послонные морозы отъ 15 до 20° и болѣе, а въ Одессѣ рѣдко доходящъ до 5 или 10°, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней сильныхъ морозовъ; напротивъ, чаще случается совершенная оттепель, и во всякомъ случаѣ, всѣ повары идутъ на колесахъ. Хотя и въ харьковской губерніи бываютъ въ январѣ сильныя оттепели, но дороги до Москвы всегда оспаются санными. Самый скорый перевозъ поваровъ дѣлается въ 12 и даже 10-ть дней; но обыкновеннѣе въ 15 и даже 20 дней. Одна эта разница въ торговомъ дѣлѣ, которое требуетъ вѣрныхъ и быстрыхъ движеній, нисколько не въ пользу нашихъ зимнихъ дорогъ, а бываютъ годы, какъ напр. 1837, когда повары шатунся отъ Москвы до Харькова по шри и по

четыре недѣли и съ какимъ тяжкимъ трудомъ и мучительною работою для лошадей. Проезжая по этой дорогѣ, жалко было видѣть, какъ цѣлыя сонщи возовъ едва-едва пащились изнуренными, избитыми лошадьми, какъ часпо на цѣлые десятки верстъ дорога казалась замерзнувшими волнами рѣки: пакъ она была выбита и испорчена, и по этимъ выбоямъ нырлялъ возъ за возомъ: по напиралъ всею силою на лошадь, по раскапавшись, пащилъ ее въ сторону, и она, падая, сбивая себя колѣна, карабкалась на крупищу выбои, и обезсиленная, сбивая, часпо сваливалась въ ухабъ, изъ кошораго безъ пособія нѣсколькихъ человекъ не могла ни вспасть ни выпащить своей тягости. Тогда оспанавливался цѣлый обозъ, особенно въ ночное время, и начиналась работа, а иногда починка саней. Иногда цѣлый обозъ пробирался между двумя рядами деревъ, кошорыми обсажена дорога, и шупъ лошади ошупались въ канавы, сани безпрерывно бились о деревья и шакимъ образомъ поршили или даже совершенно ихъ уничтожали. Подъ каждой горою вы навѣрное могли видѣть по нѣсколку лошадей сбившихъ въ сугробъ снѣга или прижапшихъ санями, и около ихъ въ хлопошахъ шолпу извошиковъ. Многіе принуждены были прикупашь или даже покупашь новыхъ лошадей, и не смотря на это, немногимъ удалось доспавить шовары въ срочное время, а это, бышь можешъ, разорило не одного подрядчика перевозки, и разстроило шорговые обороты купечества. Пушь изъ Одессы въ Харьковъ не менѣе неудобенъ: ошпра-

вишись съ шоварами на колесахъ, извошники часпо цѣлыя сошни верспшъ шащущся по снѣгу; колеса глубоко врѣзываются въ него, дегопшъ заспыываетъ и лошадь едва-едва шащитъ шягоспъ въ 20 или 25 пудовъ; часпо по шому и другому пуши подь кладь въ 30 или 35 пудовъ запрягаюпшъ по шройкь, чшобы поспышъ на срокъ и сберечь скопшъ. При разьвздѣ съ ярмарки, размьнявшись шоварами, перевозка ихъ бываетъ еще шруднѣе, особенно, если не перепадетъ нѣсколькихъ хорошихъ снѣговъ. Тогда московская дорога поршпится до крайности, а одесская спановишся ни санною, ни колесною. Прибавыше къ этому внезапныя пережыны шемперашуры на проспраншвѣ обохъ пушей, шо ошщепель съ мокрымъ снѣгомъ шо назавтра 20° морозы, или и дождь и снѣгъ, и шещло и морозъ, какъ случается на пуши въ Одессу. Прибавыше спрашныя мяшели не шолько въ Новороссійскомъ Краю, но въ губерніяхъ курской, орловской и даже шульской: дорога исчезаетъ среди дня, и часпо совершенно не видно деревъ, копорыми она обсажена. Опгъ шакыхъ случайностей, обыкновенно, шо неожиданно возвышается шо неожиданно понижается цѣна за перевозку съ нуда, и всегда пошши во вредъ или извошникамъ или купечесшву, а о шомъ, чшо купецъ возьметъ все издержки съ покупателя, кажется, нечего и говоришъ. Это ли шорговые пуши, на копорыхъ должно бышъ все вѣрно и быспро, по копорымъ небольшою силою влечетъ большая шягоспъ, и копорые даюпшъ вѣрный расчетъ для шорговыхъ предпринимаше-

лей. Одна русская предприимчивость и необходимость зарабатывать въ праздное зимнее время, вызывающъ цѣлыя тысячи людей изъ ихъ семействъ на такую тяжкую работу.

IV. О ПЕРЕСЕЛЕНІИ ЖИВОТНЫХЪ. Не одни люди цѣлыми племенами переходящъ изъ сраны въ срану, изъ одной части свѣта въ другую; въ такія же сранствія пускаются живошныя всѣмъ своимъ населеніемъ: такъ переходящъ зайцы, бѣлки и другіе звѣри. Въ Сибири, по какому-то чудному предчувствію или по признакамъ незамѣтнымъ для челоука, бѣлки предузнающъ неурожай кедровыхъ ореховъ, и оставляя лѣса, пускаются несчетнымъ множествомъ въ другія мѣста, за сотни верстъ, но почти всегда въ направленіи на югъ или сѣверъ. Онѣ пробирающъ неизменно по прямой линіи, и если встрѣтятся на пути городъ, то идутъ чрезъ него иногда два и три дня, и тогда почти на каждомъ деревѣ, на каждомъ домѣ можно ихъ видѣть десятками; если итъ встрѣтятся рѣка, хоня въ версту шириною, онѣ плывутъ чрезъ нее, употребляя пушистый хвостъ вмѣсто паруса, и несмотря ни на какія преграды, достигаютъ до лѣсовъ, въ которыхъ оспаютъ по тому же предузнанію продовольствія. Такимъ образомъ переселяющъ изъ сраны въ срану и зайцы: они идутъ разсыпаннымъ стадомъ и болѣе ночью въ глубокую осень; но попадающъ и днемъ въ самыхъ городахъ, по садамъ и огородамъ. Въ одно изъ такихъ переселеній въ Сибири изъ тюбильской губерніи въ тюмскую, жишли рышши,

чно шобольскій лѣшій проигралъ въ каршы всѣхъ своихъ зайцевъ помскому, и гонитъ ихъ къ новому владѣльцу.

V. **Архангельскія промышленники.** Архангельскіе морскіе промыслы сославляютъ одну изъ самыхъ значительныхъ промышленностей цѣлой Россіи: опсюда идетъ во внутреннія губерніи киповый жиръ, ворвань, шреска, вязига, новага, семга, шюленья и моржевыя кожи и другіе предметы. Многіе изъ нихъ опсправляются за границу. Довъ морскихъ звѣрей и рыбъ производится у береговъ Новой Земли, около береговъ Сѣвернаго Оксана, направо и налѣво опъ Бѣлаго Моря, и въ самомъ Бѣломъ Морѣ. Всѣ мы, вѣрно неразъ пользовались удовольствіями и удобствами опъ промысловъ архангельскихъ рыбаковъ, но не всѣ знаемъ, какія опасности соединены съ этими промыслами, какъ смѣло идетъ на нихъ, и съ какою рѣшительностію и опвагою преодолеваютъ ихъ нашъ архангельскій рыбакъ. Бури и жестокіе морозы, опасная ловля киповъ и появленіе бѣлыхъ медвѣдей, копорые часто нападаютъ на рыбацкія хижины, —это одинаковая опасность для всѣхъ промышленниковъ въ сѣверныхъ моряхъ, но опасности коншинскаго промысла даны въ удѣлъ нашимъ Архангельцамъ.

На сѣверъ опъ Архангельска, при самомъ успѣ Бѣлаго Моря, земля вдается длиннымъ и крупнымъ успупомъ, копорый называютъ Конинскимъ Носомъ. На этомъ концѣ земли опсправляются рыбаки съ февраля по май, иногда за тысячу верствъ

опгъ своего жилья, на промыслъ морскихъ звѣрей. Какъ долженъ бытъ великъ въ это время холодъ въ мѣснахъ, незащищенныхъ даже льсомъ, совершенно опкрытыхъ для вѣтра и удаленныхъ опгъ Архангельска въ глубину сѣвера, по прямой линіи, слишкомъ на шриспа верстѣ, какъ неудобны пуши по этой снѣговой пущинѣ,—и все это не мѣшаешъ русскому рыбаку вхашъ на его любимую охопу. Здѣсь собирающся промышленники и каждый ждешъ своего роковаго часа: когда сильнымъ приливомъ обломаешъ закраины прибрежныхъ льдовъ, и огромныя льдины съ ужасною быспропую мчашся опливомъ мимо успуповъ Конинскаго Мыса, въ это время рыбаки поодиночкѣ бросающся каждый на свою льдину, и съ какими пособіями?—съ ножемъ, дубиною, обвязанные ремнемъ, съ копомкою хлѣба, и иногда съ лыжами или *ламбами*. Спущивши на свою льдину, охопникъ предаешся на волю вѣтра и спремленія океана. Часто опливъ опносишъ его далеко опгъ земли; берега шеряющся изъ виду, и шолько вѣшеръ да волны гуляющъ съ опважнымъ рыбакомъ; но рыбакъ не боишся непогоды, бѣгаешъ по своей льдинѣ и бешъ моржей и шюленей, а иногда выдерживашъ бой и съ бѣлымъ медвѣдемъ. И если его льдина спалкиваешся съ другою, копорая богаче звѣрями, шо рыбакъ перебѣгаешъ на нее и снова начинаешъ свою охопу до швѣхъ поръ, когда новый приливъ возвращишъ его землѣ вмѣстѣ съ добычкою, копорую шоваринци помогающъ ему выгрузишъ на берегъ. Но часшо сильный вѣшеръ навсегда уносишъ его

опгъ земли, или зашираешь льдомъ, или раздробивши льдину, губишь въ волнахъ океана. А съ новой весною идушь на Конинскій. Ночь новыя охопники рыбаки, и снова начинаюють свой ошважный и гибельный промысль.

VI. Курганы и городища, по преданіямъ народнымъ. По всей южной Россіи опгъ Прупа до Волги и далѣе на воспокъ черезъ сшепи до Байкала разсыано много насыпей, извъспныхъ подъ названіемъ кургановъ или могилъ и городищъ. По преданію народа, нъкошорые изъ нихъ имъюшъ ошшошеніе къ нашей испоріи. Въ кіевской губерніи еспь огромный курганъ близъ Каневскаго лъса, въ виду Днъпра, недалеко опгъ селенія Пикарей. Онъ называется *Княжою Горою*. Вскодь на него зашруднишельный; площадь на его вершинѣ не менѣе 10-ши сажень въ длину и шголько же въ ширину; на эшой площадкѣ видны слѣды жилья и оспашки подвала. По преданію народа, здѣсь былъ шеремъ Великой Княгини Ольги.

Въ шомѣ же уздѣ, въ имѣніи помѣщика Семчевскаго, еспь оспашки землянаго укрѣщенія, кошорое называюють Паланкою или Долянкою. По преданію народа, эшо было укрѣщеннымъ мѣсномъ Ташаръ, куда они проводили плѣнныхъ хрисціанъ и опсюда опшводили поддани въ свои владѣнія. Теперь насыпи покрышы огромнымъ дубовымъ лъсомъ и невдалекѣ опгъ нихъ замѣчны оспашки колодезя, кошорые цакже покрышы кушарникомъ.

Недалеко опгъ Паланки, въ лѣсу помѣщика Тарновскаго, между урочищами Лъвницемъ и То-

пиловымъ еспъ насыпъ вышиною саженой до 10-пи; она обсажена кругомъ валомъ, въ окружности съ полвершны, а при самой подошвѣ идепъ другой валъ со рвомъ; на вершинѣ городка замѣщны оспашки подвала. Саженяхъ въ пѣшидесяпи ошъ городка лежишъ въ рѣшвинѣ камень величиною сажени въ полшоры, занесенный пескомъ и землю. По преданію народа, эшо было въ половинѣ прошедшаго вѣка укрѣпленнымъ спановищемъ Гайдамаковъ. Теперь все эшо мѣспо покрыпо лѣсомъ.

VII. Пѣсня Черноморцевъ. Когда Имперприцъ Екашеринъ II, послѣ многихъ своевольспвѣ запорожскихъ казаковъ, угодно было уничпожишъ главный ихъ пришонъ, съчу, въ эшо время загрузпила малороссійская вольница, жалѣла о заселеніи нынѣшняго Новороссійскаго Края и въ пѣснѣ шакъ взывала уже къ покойному князю Григорью Александровичу Пошемкину:

Та встань, батьку, великій гетьмане,
Милостивый нашъ вельможный пане!
Та встань, Грицьку, промовъ за насъ слово,
Попроси Царицы — буде усе намъ готово:
Дастъ грамоту на вичность намъ жити;
Мыжъ ий будемъ вирнійше служити.

И когда вмѣспо Приднѣпровья дали имъ для жишья Тамань или Черноморье съ разными льготами, шо обрадованные казаки разгулялись и запѣли:

Ой, годи намъ журтися,
Пора перестати!
Заслужили у Царицы
За службу завдаты.

Полно намъ печалитися,
Пора перестать:
Заслужили отъ Царицы
За службу награды.

Дала хлѣбъ, силъ и грамоту
 За вѣрныя службы.
 Отъ теперъ мы, милыя братья,
 Забудемъ вси нужды.
 Въ Тамани жить, вѣрно слу-
 жить,

Границю держати;
 Рыбу ловить, горилку пить
 Ще ѿ будемъ богаты.
 Тай щежъ треба женитися
 И хлѣба робити;
 А кто прійде изъ невѣрныхъ
 То якъ врага бити.
 Слава Богу ѿ Царици
 И покою гетьману,
 Залечили въ сердцахъ нашихъ
 Великую рану.
 Благодаримъ мы Царици,
 Помоглимо Богу,
 Що вона намъ указала
 На Тамань дорогу.

Дали хлѣбъ, соль и грамоту
 За вѣрныя службы.
 Вотъ теперъ мы, милыя братья,
 Забудемъ вси нужды.
 Въ Таманѣ жить, вѣрно слу-
 жить,

Границю охранять,
 Рыбу ловить, вино пить
 И будемъ богаты.
 Да еще надо женитися;
 И хлѣбъ добывать;
 А кто прійдетъ изъ невѣрныхъ,
 Того какъ врага бити.
 Слава Богу и Царицѣ
 И покою гетьману,
 Залечилъ въ сердцахъ нашихъ
 Великую рану.
 Благодаримъ мы Царицу,
 Можемся Богу,
 Что она намъ указала
 На Тамань дорогу.

VIII. УПОТРЕБЛЕНІЕ ВАННЪ ВЪ МАЛОРОССІИ. Въ Малороссіи прѣспѣшой народъ не знаетъ бань; даже у рѣдкихъ помѣщиковъ найдешь кой-какую баню, копорую шопяшъ не по нашему православному обычаю—каждую субботу, а шолько передъ большими праздниками или по особеннымъ обшпояшельспвамъ. Запо вы увидише Малороссіянина каждое воскресенье въ чиспѣй сорочкѣ съ опложнымъ ворошникомъ, и эша часпая перемѣна бѣльа замѣняешъ нѣсколькѣ бани—хоща не можешъ замѣнишь ихъ совершенно,—и опъ эшого недоспашка часпо вспрѣчаюшся у прѣспѣлюдиновъ накожныя болѣзни, особенно весною, когда шемлоша воздуха свободнѣе расширяешъ поры, а весеннія работы

приводящъ въ сильное движеніе всѣ органы. Кроме того, наши бани, замѣняющія здѣсь въ нѣкоторыхъ случаяхъ ваннами. Занеможетъ ли кто одышкой или живопомъ, заболитъ ли у кого поясница, для него гошуютъ большую кадъ теплой воды, кладутъ въ нее *зори, чебрецу, душицы,* и другихъ пахучихъ травъ, сажаютъ нгуда больного и даютъ ему сидѣть около получаса и даже болѣе.

Каждая родильница на девятый день послѣ родовъ должна садиться въ легкую ванну изъ травъ, между которыми необходима въ этомъ случаѣ *золотникъ трава.*

Слабаго ребенка купаютъ въ теплыхъ ваннахъ съ сухою травою молодой ржи, сорванной раннею весною, когда трава не пошла въ колосья. Это купанье, по словамъ достовернымъ, приноситъ скорую и вѣрную помощь.

Употребляютъ ванны и въ другихъ случаяхъ и почти всегда съ пользою. Иногда купаются въ ванной вмѣстѣ бани; но это бываетъ рѣдко.

IX. Нѣкоторыя повѣрья Финновъ, живущихъ въ петербургской губерніи. Финны вѣрятъ въ *вампировъ*, и для удержанія ихъ появленія на землѣ, разрываютъ могилу покойника, оборачиваютъ его шпунтъ внизъ лицомъ и заколачиваютъ въ пяши желѣзные гвозди. Вѣрятъ въ *домовыхъ*, что они обогащаютъ и разоряютъ хозяина дома, смотря по расположенію къ нему. Вѣрятъ въ *русалокъ* и предсавляютъ ихъ женщинами съ волосами до земли и съ длинными висящими грудями. Вѣ-

ряпть въ *лѣшихъ* и воображаютъ ихъ мужчинами или даже безполыми существами, пошому что призывая его въ помощь, поютъ: «*мецѣнъ итти, мецѣнъ атти! мецѣнъ култанинъ куннигасъ! туленуть минуть туюкони!* ш. е.: опецъ лѣсной, машъ лѣсная! шы добрый царь лѣсной, поди ко мнѣ!» Энуютъ лѣшій, по ихъ понятіямъ, вырастаешъ и сокращаешся какъ захочешъ. Кшо не припомнишь при эшомъ о нашемъ лѣшемъ, копорый по лѣсу идешъ—съ лѣсомъ ровенъ, по шравъ идешъ,—съ шравою ровенъ.

Х. НАКАЗАНИЕ НЕВѢРНЫХЪ ЖЕНЪ У ЧЕРКЕСОВЪ.

По черкесскому обычаю, мужья видяшся съ женами люлько ночью, приходяшъ къ нимъ шажъ, чшобы никшо не замѣшилъ, и уходяшъ до свѣша. Если кто-нибудь поспоронній прокрадеши въ домъ Черкеса, шо хозяинъ дома можетъ безнаказанно его убишъ, а по *шеріату*, или суду старшинъ, обязанъ привязашъ пойманнаго къ сполбу и сначала обрвзашъ у него одно ухо и бросишъ собакамъ, пошомъ другое, и рвзашъ его шакимъ образомъ до смерти. Ежели откросешся, что и жена его виновна въ невѣрности, шо мужъ можетъ безнаказанно убишъ ее, а по суду старшинъ, долженъ, разрвзавши ей кинжаломъ объ щеки и обешригши волосы, прогнашъ изъ дому. Такую изгнанницу уже никшо не возьмешъ замужъ и она живешъ у родныхъ. Если же извѣнишъ жена князя, шо князь можетъ убишъ ее, но по суду старшинъ, долженъ отвесити ее на высокую гору, запречь въ *арбу*, или большую одноколку, и сполкнушъ въ пропащъ; но

если и послѣ эпои спрашной казни жена оспанешся жива, шо мужъ добиваетъ ее камнемъ. Такіе обычаи исполняются вѣрно, и Черкесъ спрашился унизились прощеньемъ женщины.

ХІ. Кавказскій прометей. Почпи всѣ наши горскіе народы вѣряють въ горныхъ духовъ. Абхазцы рассказываютъ, что на вершинѣ Эльбруса естъ спрашная пропасть, въ копорой раздаются споны и слышны звуки цѣпей: шамъ лежиць прикованный великанъ, и если кто изъ смерпныхъ заглянетъ въ пропасть, шо онъ спрашиваетъ: «что дѣлается на высотѣ? зеленѣетъ ли права? мирно ли живуць семейства? вѣрна ли жена мужу? покорна ли дочь мапери? сынъ ошцу?» Ему ошвѣчаютъ: «да» и снова слышился спонъ, и великанъ говоритъ: «долго оспавались мнѣ въ неволѣ.»

ПРИМЪЧАНІЯ.

=

1. ПОЛОЖЕНІЕ ГОРЪ ВЪ РОССІИ.

При обзорѣнн горъ Россіи сочинитель руководствовался отдѣльнымъ сочиненіемъ Палласа о переворотахъ земли въ отношеніи къ горамъ, находящимся въ Россіи; путешествіями, его же, Палласа, Гмелина, Лепехина, Рычкова, Зуева, Крашенинникова, Литке, Горнымъ Журналомъ, сочиненіями Кювье; въ особенности о переворотахъ на земномъ шарѣ; путешествіями Гумбольдта по Сибири и къ Каспійскому Морю, Ледебура и др. по Алтайскимъ Горамъ; новыми атласами, картами Риттера, частными картами, приложенными при разныхъ путешествіяхъ и собственными замѣчаніями, которыя удалось сдѣлать въ проѣздѣ по Сибири и повздакъ по разнымъ губерніямъ Россіи, преимущественно въ средней и южной ея полосахъ.

2. ПЕЧЕРСКАЯ ОБИТЕЛЬ.

1. Лѣт. Нестора по Лаврент. списку, стр. 4, 5.
2. Тамъ же, 47, 48.
3. Истор. Госуд. Рос. Изданіе IV. Т. I, стр. 103, 104.
4. Клодворская рукопись.
5. Несторъ по Лавр. списку, стр. 47, 48.
6. Тамъ же.
7. — Стр. 54.
8. 9, 10, 11. Тамъ же, стр. 34, 35.
12. Исторія Госуд. Рос. Т. I, стр. 120.
13. Сказанія всѣхъ лѣтописей о княженіяхъ Игоря, Ольги и Святослава.
14. Несторъ по Лав. списку, стр. 52, 53.
15. Тамъ, стр. 74.
16. Тамъ же.
17. Собраніе престопадныхъ думъ и цѣсень Кириши-Данилова.
18. Несторъ по Лав. списку, стр. 90.
19. Тамъ же, стр. 81.
20. Тамъ же.
21. Тамъ же, стр. 82.
23. Тамъ же.
24. Кіевскій Синописецъ, стр. 50.
25. Несторъ по Лаврент. списку, стр. 34.
26. Тамъ же, стр. 83.
27. Русскія Достопамятности, 1815. Часть I, стр. 114.
28. Сочивеніе преосвященнаго Тихона, 1825. Изданіе 2-е, стран. 26.
29. Кіево-Печерскій Патерикъ, стр. 1 на оборотѣ.
30. Тамъ же, стр. 2.
31. Тамъ же, стр. 2, 3, 4.
32. Тамъ же, стр. 5, 6.
33. Тамъ же, стр. 113.

34. Тамъ же, стр. 194.
35. Описаніе Кіево-Печерской Лавры митрополита Евгениа. 1831, стр. 14, 15.
36. Кіево-Печерскій Патерикъ, стр. 3.
37. Тамъ же, стр. 6 на оборотъ.
38. Тамъ же, стр. 44 на оборотъ.
39. Тамъ же, стр. 39 на оборотъ.
40. Тамъ же, стр. 53 на оборотъ.
41. Тамъ же, стр. 55 на оборотъ.
42. Тамъ же, стр. 205 на оборотъ.
43. Тамъ же, стр. 146.
44. Тамъ же, стр. 96.
45. Тамъ же.
46. Тамъ же, стр. 103 на оборотъ.
47. Несторъ по Лав. списку, стр. 7, 8.
48. Патерикъ, стр. 174.
49. Тамъ же.
50. Русскія Достопамятности, стр. 116.
51. Описаніе Кіевопечерской Обители, гл. IX.
52. Тамъ же, глав. XII.
53. Тамъ же, стр. 32.
54. Простонародныя пѣсни, собранныя Киршею-Давидовымъ.
55. Несторъ по Лавр. списку, стр. 92.
56. Акты, томъ 1, стр. 260.

3. ПРАЗДНИКЪ КУПАЛО.

1. Annales des Voyages 1810. III. V-me lettres sur la Suede, p. 207, 208. Доставленіемъ этой выписки обязанъ я И. И. Срезневскому.
2. Es saß am Hügel und schlug die Harfe
Der riesinn Hirte, der frohe Edger;

Da krhft vor ihm auf Baumes Gipfel
 Der purpurrothe Birkenhahn.
 In Asgard krhfte der Goldgefmmte,
 Der dort die Helden Odins weckt;
 Im Abgrund krhfte der grauliche,
 Unter der Erde in Hela's Saal (*).

3. Русскіе простонародные праздники, г. Снегирева, выпускъ I, стр. 79.
4. Геогр. описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійск. Государствъ, 1799. Томъ I, стр. 25.
5. Заимствовано изъ разсказовъ колонистовъ, поселенныхъ въ Новороссійскомъ Краѣ.
6. Русскіе простонарод. праздники, выпускъ I, стр. 73.
7. Хиджеу, въ статьѣ о Румунахъ, помѣщенной въ Молву за 1833 годъ.
8. Снегиревъ.
9. Idem.
10. Idem.
11. Выписка изъ сочиненій г. Ходаковского, помѣщенная въ примѣчавіяхъ III тома Исторіи Малороссіи Д. Н. Бантыша-Каменскаго.
12. Нѣтъ возможности передать выговоръ какого-нибудь языка словами и буквами другаго. Напѣвъ рѣчи (intonation), ударенія на слова при различномъ ихъ употребленіи, произношеніе ихъ, часто зависящее отъ гортаннаго устройства органовъ цѣлаго племени, все это непередаваемо ни какими звуками. Одно практическое изученіе языка, и то на мѣстѣ его живаго употребленія, продолжительныя и близкія сношенія съ народомъ и знаніе его дѣйствительной жизни, мо-

(*) Доставленіемъ этой выписки я также обязанъ И. И. Срезневскому.

жетъ познакомить съ языкомъ, силою, особенностями и оттѣнками. Въ малороссійскомъ языкѣ такъ много особеннаго, національнаго, принадлежащаго однимъ Малороссіянамъ, выражающаго одинъ характеръ Малороссіянина, его взглядъ на міръ и его домашній бытъ, что никто, не усвоивши себѣ малороссійской народности, не можетъ знать малороссійскаго языка и чувствовать въ немъ жизни народной, а передать эту жизнь знаками невозможно. Притомъ же во многихъ отношеніяхъ еще неизвѣстно, должно ли придерживаться общаго славянскаго правописанія, или вести его ближе къ русскому, или, что всего вѣроятнѣе, малороссійскій языкъ долженъ имѣть свое особенное. Всѣ правила правописанія, введенныя до сихъ поръ, служатъ только средствами облегчить выговоръ и частію сохранить корень слова, но ни одно изъ нихъ недостаточно и не всѣ удобны. Наприм., слово *войско*, пишутъ *війско*, совѣтуютъ выговаривать *вісько* и затемняютъ корень слова *войско*, война и пр. Пишутъ: *ходьмы*, *вечерницы*, *що* и пр., въ то время, когда *ы* въ двухъ первыхъ словахъ слишкомъ грубо для малороссійскаго языка и должно быть ближе къ *и*, а *що* не скажетъ ни одинъ настоящій Малороссіянинъ, смягчая *щ* буквою *ш* или *шш*; слово *пишовъ* и подобныя также непередаваемы по выговору, зависящему отъ свойства языка: русскій выговариваетъ его *пишобъ*, а Малороссіянинъ дѣлаетъ густое и твердое удареніе на *шовъ*. Въ избѣжаніе этого, я хотѣлъ употребить, для сохраненія выговора, различныя знаки, которые бы сгущали, утончали, сокращали слова и ударенія; но эти знаки, совершенно запестривши слова, не передали бы выговора; предполагалъ еще писать, сообразуясь съ

русскимъ правописаніемъ, но оно часто не соответствуетъ характеру малороссійскаго языка, для котораго предлежитъ еще много грамматическихъ и филологическихъ вопросовъ, и потому предстояло собразоваться съ живымъ употребленіемъ языка, по возможности соблюдая и выговоръ и корень слова, и предпочитая въ крайности первый последнему, чтобъ для всѣхъ облегчить чтенье, и въ надеждѣ, что нѣсколько желающихъ ученыхъ могутъ найти корни и начала не только въ малороссійскихъ словахъ но и въ предметахъ, гораздо болѣе затруднительныхъ. Знаю, что я мой способъ только *временный*, недостаточный и, можетъ быть, неопредѣленъ; но я не знаю ни одного постоянного, удовлетворительнаго и правильнаго, особенно изъ тѣхъ, по которымъ слова, утрачивая корень, вмѣстѣ съ тѣмъ передаются далеко отъ русскаго и малороссійскаго выговора.

12. Еще должно замѣтить, что въ малороссійскихъ пѣсняхъ слова часто привлимають для плавности и созвучія другія ударенія, нежели въ обыкновенномъ разговорѣ. Въ переводахъ я старался соблюдать почти дословную вѣрность; несмотря на это, многія выраженія не могли быть переданы буквально, и слова, имѣющія обширное значеніе, передавались въ значеніи узвѣстномъ по смыслу пѣсни; такъ наприм., *милочки* значить и *спицы*, и *сужія прутья*, и *вязальныя иглы*; *луезь* значить лѣсъ только близъ воды, на низменныхъ мѣстахъ; *зилве* значить трава, вообще цѣлебныя травы, цвѣты и пр. Нѣкоторыя выраженія переведены престонароднымъ же оборотомъ русскимъ, какъ наприм., на *Ивана*, вмѣсто на *Ивановъ день*, или накануне *Иванова дня*. Въ Россіи часто употребляется: на *Спаса*, на *Святую недѣлю*, вмѣ-

сто на Спасовъ день или предъ Святою недѣлюю и проч.

13. Простонародные русскіе праздники, Снегирева, выдача I.
- 14, 15. Тамъ же, выдача I.

4. ПОЪЗДКА ВЪ ПУТИВЛЬ.

1. Маржереть, стр. 32. Сказаніе современниковъ о Самозванцахъ.
2. Истор. Госуд. Рос, стр. 234. Томъ II.
3. И. Г. Р. Томъ II, стр. 299 и томъ III, стр. 45.
4. И. Г. Р. Томъ II, стр. 261 и 352.
5. Тамъ же. Т. II, стр. 271.
6. Тамъ же. Т. II, стр. 375.
7. Тамъ же. Т. II, стр. 401.
8. Тамъ же.

5. ОСЕТИНЦЫ.

Эта статья составлена преимущественно по руководству А. Клапрота, путешествовавшего по Кавказу за 30 лѣтъ до нашего времени. Онъ сообщил много подробныхъ свѣдѣній вообще о всѣхъ кавказскихъ племенахъ и древностяхъ; знакомить съ грузинскими, арабскими и татарскими лѣтописями, такъ необходимыми для наученія Кавказа. Кромѣ этихъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ его *Voyage au mont Caucase et en Georgie*, достоверность которыхъ подтверждается большею частію новѣйшихъ путешественниковъ и людьми, бывшими въ близкихъ отношеніяхъ съ кавказскими народами, служили пособіями его же *Tableaux historiques de l'Asie*; въкоторые изъ древнихъ географовъ, преимущественно *Страбонъ*; свѣдѣнія о Кавказѣ папскихъ посланниковъ къ монгольскимъ

*

ханамъ; записки Гюденистеда и другихъ академиковъ, посѣтившихъ Кавказъ, и общія новѣйшія свѣдѣнія, собранныя частью на самомъ Кавказѣ. Изъ картъ служила пособіями: карта, приложенная при путешествіи Клапрота и карта *Кавказскаго Края*, съ пограничными землями, составленная при Генеральномъ Штабѣ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса (*).

6. СЕЙМЫ.

1. *Rucopis Kralodworsky sebranj Liricko-Erickich narodnich' zprewu. W Praze. 1819. 8.* Рукопись Краюдворская съ русскими переводомъ и примѣчаніями А. С. Шишкова, 3 изданія: одно въ «Академическихъ извѣстіяхъ», другое въ Полномъ собраніи сочиненій и переводовъ А. С. Шишкова, третье отдѣльною книжкой. С. П. б. 1820. 8. Несмотря впрочемъ на эти изданія, Краюдворская Рукопись у насъ вообще еще мало извѣстна.
2. *Historie Literatury Ćescĕ pracj Sosefa Sungmanna, w Pıase, 1825, 8.* Здѣсь см. о древнѣйшихъ памятникахъ Чешской литературы: стр. 24—30, *Slownik Ćesko-Nĕmecký, w Praze, 1835, 36.* Еще не окончено. Изданіе чрезвычайно важное для Словенской филологіи.
3. *Prawda Ruska przez Rakowieckiego. Warszawa. 1820—22, 2-го тома.* 4. Это изданіе, мало извѣстное въ Россіи, заключаетъ въ себѣ много любопытнаго въ историко-философическомъ отношеніи.
4. «Исторія Славянскихъ Законодательствъ» Мацѣевскаго нѣсколько извѣстна по отрывкамъ, переведеннымъ въ Телескопѣ 1835 года, Но 1—2, и кромѣ того, по

(*). Вся мѣста, отмѣченныя вносными знаками, переведены изъ сочиненія Клапрота *Voyage au mont Caucase etc.*

объясненіямъ гг. Погодина и Хиджеу издать полный переводъ этого сочиненія, важнаго для Славянской Исторіи, по-крайней-мѣрѣ въ фактическомъ отношеніи. Жаль только, что были отрывки, были общенія — и только.

5. Я не соединилъ двухъ отрывковъ этой пѣсни въ одно цѣлое вовсе, не потому, что почитаю ихъ отрывками изъ двухъ разныхъ пѣсень, а только потому, что между 1 и 2 отрывкомъ долженъ быть какой-нибудь пропускъ. Отрывокъ 1-й:

1. Въ словѣ *uoieuod* пропушена буква *i* или *a* — смыслъ впрочемъ понятенъ. Можно однако, позволивши себѣ вольность, понимать его и такъ: «всякой (отъ своимъ домомъ (*celedi*) править (*uoieuodi*)).

2. *Stroia*, по опискъ или недочету, вмѣсто (*stroiu*).

4. *Sbosie* (сбожье, сбожина богатство, небога убогій) — имущество, *dedina* — наследство.

7. *Kmet*. См. прекрасное объясненіе этого слова въ Словарь Чешскомъ Югманна II, стр. 81, также у Ливде, *Slownikъ jzyka Polskiego*. Warszawa. 1808, 1, стр. 1027 — 28. Вообще о кметахъ, ляхахъ и владыкахъ у Раковъцакаго, II, стр. 157 — 58.

9. *Pudu* вмѣсто *praudu*: знакъ ~ надстрочный означалъ пропускъ буквъ *ra*.

6. Отрывокъ 2-й.

24. *Tetni*, въкоторые читаютъ: *uetui* (вѣтви).

25. *pde* вмѣсто *pride*: знакъ (передъ *p* значить пропускъ буквъ *ri* или *ro* (какъ напримѣръ въ стихъ *spsi* вмѣсто *sprosi*) или же *re*, какъ въ стихъ 91, *rgledati* вмѣсто *pregledati*).

26. *Sirne* ширне (широкія, пространныя) иные читаютъ жирне.

30. *Sedlo*, кажется дворець, замокъ.

35. *Visegrade*, вмѣсто *visegrade*: предлогъ *v* пропущенъ.

36. На *popsiu*, т. е. на *poprasiu*—на попражнѣ, на вѣчь, на сеймовой площади, за порогомъ замка.

40. *Zutoslai*—кажется, Святославъ. *Otlubice*—съ Любицы: западная славянская форма, замѣняющая *von*, или наши фамильные прозванія.

42. *S Dobroslavska hlatica*, съ доброславскаго холма: та же форма.

57. *Stol*—столь, вмѣсто престоль: въ этомъ смыслѣ слово «столь» употребляется и у насъ на Руси, а потому и Кіевъ назывался стольнымъ.

58. *Wehlas, wehlanost*—мудрость.

76. *Nalez*—уставъ, распорядокъ, впрочемъ не законъ.

91. *Cislem srplidat*: что-то въ родѣ технического выраженія: переглядывать по числу, узнавать большинство.

92. *Uecina*—голосъ народа, рѣшенье.

105. *Hore musem im se sena ulade*: Даниль Заточникъ говаривалъ, что не мужъ въ мужьхъ, кѣмъ жена владѣеть. (И. Г. Р. VIII, прибав., стр. 154).

107. *Pd*—вмѣсто *prauda*: сильное сокращеніе, въ родѣ нашего оца.

112. *u*, вмѣсто *use*—уже.

7. *Влетава*, Молдава, важнѣйшая рѣка въ Богеміи, извилисто протекающая вдоль отъ юга на сѣверъ почти во всей Богеміи и впадающая въ Эльбу, выше Праги верстахъ въ трехъ ниже Мельника.

8. *Отава крива*, излучистая, Отава нынѣ *Отава стара* или *Вотава*. Вытекаетъ изъ Рахельберга и впадаетъ въ Молдаву слѣва, выше Писека, при развалинахъ замка Звыкова.

9. *Радбужа*, рѣка, впадающая справа въ Межу, неподалеку отъ Пильзена. Истоки обѣихъ рѣкъ, Отавы и Радбужи, довольно близки.
10. Кленовичи, фамилія извѣстная въ Исторіи Чешской, Гаскъ пишетъ: leta 649 to gest po cogitij Czechowіe do té zemie leta patého: roskazal gest knijze Czech na mijstie gednom pod horau rzecenu Crip Lesposckati, a tu sobie duom ne wysoki postawiti, a od swého syna kterémuz *Klen* gmeno bylo *Klenec* gmenowati: ginij také az wlasstie znamenitiegssij pró milost, kternōz mieli k Czechowi Knijzci swétmu, prí temz domie neb *Klenci*, také sobie domy a dwory stawieli. Впрочемъ о спорѣ братьевъ Кленовичей ничего не извѣстно, хотя упоминается о подобномъ происшествіи у разныхъ летописцевъ. *Dubravins*, *Aeneas silvius* (*Hist. Bohem. ed. Hanov. 1602, p. 7 и 122*) и *Козьма Пражскій* (*Edit. Hanov. Lib. 1, p. 5*) говорятъ о немъ безлично. Гаскъ подъ 721 говоритъ и упоминая лице, но не *Сляглава*, а *Рогона* и *Миловича*.
11. О Попеляхъ есть много преданій: см. ихъ у *Нарушевича*. *Historya Naroda Polskiego. Warszawa. 1824. I, стр. 763—784*. *Кадлубекъ* рассказываетъ, что *Попель I* былъ племянникъ *Юлія Цезаря* и владѣтель всѣхъ Славянъ, и что по смерти его владѣнія раздробились между 20 его сыновьями.
12. *Между трехъ рѣкъ*, между *Вислой*, *Одеромъ* и *Эльбой*, по предположенію *Раковъцаго*.
13. *Вышеградъ*.
14. Разныя преданія о *Любушѣ*, см. у *Нарушевича*, стр. 56, 655, 713, 746. *Любуша*, по преданію, была дочь *Крака*. Преданіе о *Кракѣ* см. у *Нарушевича*, стр. 669—714; у *Раковъцаго*, II, стр. 161—166.

15. *Любица*, мѣсторожденіе св. Войцѣха.
16. *Доброславскій холмъ* между Эльбой (Лабой) и Адлеромъ (Орлицей) Königgrätz.
17. *Горы Креконоши*, Исполиновы, Riesengibirge. Тутъ лежитъ старинный городокъ *Трутновъ*, въ которомъ и доселѣ сохранилось преданіе, что въ этихъ мѣстахъ жилъ когда-то страшный змѣй, и что былъ онъ умерщвленъ великимъ Трутомъ, который въ воспоминаніе своего подвига заложилъ, на мѣстѣ убіенія змѣя, городъ Трутново. Въ гербѣ Трутнова и понынѣ видѣнъ змѣй.
18. *Сачава* рѣка, впадающая въ Молдаву справа и вытекающая изъ Моравскихъ Горъ.
19. *Межа*, вытекаетъ изъ лѣсу Шумавы въ пильзенскомъ округѣ, и впадаетъ въ Молдаву, слѣва.
20. *Витезевы* прорицанія—не Святovitовы-ли? (Нарушевичъ), стр. 459—470. Раковецкій, I, стр. 167.
21. *О святомъ законѣ* Чеховъ любопытны замѣчанія Раковецкаго, во 2 томѣ его изданія Русской Правды.
22. Я не сравнивала фактовъ, представляемыхъ этими отрывками, съ фактами, которые даютъ летописи, или Кралодворская рукопись: это должно быть предметомъ особеннаго труда. Прошу извиненія и за бѣдность примѣчаній: многихъ книгъ не доставало подъ рукою.

7. ИЗБОРНИКИ.

1. 27 декабря 1076.
2. Софійскій Временникъ Предисловіе. Т. I, стр. 14.

КЪ СЕЙ КНИГѢ ПРИЛОЖЕНЫ:

- 1) Барельефная Карта Россіи.
- 2) Видъ Кіевопечерской Обители.
- 3) Видъ Крещатика.
- 4) Планъ Кіевопечерской Обители.
- 5) Видъ праздника Купалы въ Малороссіи.
- 6) Снимокъ съ надгробнаго памятника Князя Василя Георгіевича.
- 7) Видъ церкви Спаса Нерукотвореннаго, въ Полтавѣ.
- 8) Внутренность той же церкви.
- 9) Ноты къ пѣснямъ, помѣщеннымъ въ статьѣ: Праздникъ Купалы.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ПОЛОЖЕНІЕ ГОРЪ ВЪ РОССІИ.
- II. КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ОБИТЕЛЬ.
- III. ПРАЗДНИКЪ КУПАЛЫ.
- IV. КАРТИНА СИБИРИ.
- V. ПОВЪЗКА ВЪ ПУТИВЪЛЪ.
- VI. ОСЕТИНЦЫ.
- VII. МАРТЫНЪ ПУШКАРЬ.
- VIII. ЦЕРКОВЬ СПАСА НЕРУКОТВОРЕННАГО ВЪ ПОЛТАВѢ.
- IX. СЕЙМЫ.
- X. ИЗБОРНИКИ.
- XI. ЗАМѢЧАНІЯ И ВЫПИСКИ.

ОЧЕРКИ
РОССИИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

Видимомъ Пассекомъ.

КНИГА П.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.
1840.

Содержание

Печатать дозволяется
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи до выпуска изъ Типографіи пред-
ставлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпля-
ровъ сей книжки. Декабря 8 дня 1839 года.

Ценсоръ, *М. Качиновскій.*

О, родина святая!
Какое сердце не дрожить
Тебя благословляя?

Жуковский.

ПОРТФЕЛЬ
СЛУЖЕБНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ЛОМОНОСОВА.

Почти до настоящаго времени мы гордились только литературной славой Ломоносова, и смотрѣли на него какъ на гениальнаго поэта, который далъ новое изящное направленіе Русскому языку. Этотъ плодъ гениа его, хотя второстепенный въ сущности, былъ ближе къ сердцу нашему, и мы мало или совсѣмъ не обращали вниманія на его ученія творенія, по которымъ онъ имѣетъ право стать на ряду съ великими гениами Европейскими.

Удивительно ли, что въ то время, когда жилъ Ломоносовъ, отечество обращало вниманіе только на поэта Ломоносова. Россія тогда еще не нуждалась въ его открытіяхъ по части химіи и физики: прежде всего ей нужна была наука и образцы изящнаго выраженія мыслей; за гениемъ не могли успѣвать слѣдовать общія способности, — кто же могъ оцѣнить его въ то время, кромѣ Европейскихъ ученыхъ: (Ейлера, Фарнея, Генсіуса, Вергентина, Занотти, Нол-

лета, Кондамина, Бернулліа), съ которыми, какъ видно изъ его памятныхъ отмѣтокъ *, онъ вель переписку, и которымъ, вѣроятно, сообщалъ свои открытія. Но его переписка съ учеными иностранцами не сохранилась; въ его бумагахъ найдено только прилагаемое здѣсь письмо къ Ейлеру **, и отзывъ Ейлера по случаю посланныхъ къ нему Академіей диссертаций Ломоносова на разсмотрѣніе. Этого отрывка однако же достаточно, чтобы убѣдиться, какъ высоко цѣнилъ Европейскій ученый, ученаго Русскаго. Вотъ что пишетъ Ейлеръ объ Ломоносовѣ:

MEMOIRES DE MONSIEUR LOMONOSOFF.

Toutes ses pieces sont non seulement bonnes, mais très excellentes, car il traite les matieres de la phisique et de la chimie les plus interessantes, et qui sont tout à fait inconnues et inexplicables *aux plus grands genies*, avec tant de solidité que je suis tout à fait convaincu de la justesse de ses explications. A cette occasion je dois faire justice à monsieur Lomonosoff qu'il possède le plus heureux genie pour decouvrir les phenomenes de la phisique et de la chimie; et il seroit a souhaiter que toutes les autres academies fussent en état de produire des decouvertes semblables à celles que monsieur Lomonosoff vient de faire. т. е: «Всѣ записки Г. Ломоносова, по части физики и химіи, не только хороши, но превосходны; ибо онъ съ такою основательностію излагаетъ любопытнѣйшіе, совершенно

* Смотр. приложенія N 7.

** Смотр. приложенія.

неизвѣстные и необъяснимые для величайшихъ гениевъ предметы, что я вполне убѣжденъ въ истиннѣ его объясненій; по сему случаю я долженъ отдать справедливость Г. Ломоносову, что онъ обладаетъ счастливѣйшимъ гениемъ для открытій феноменовъ физики и химіи; и желательно бы было, чтобъ всѣ прочія Академіи были въ состояніи производить открытія, подобныя тѣмъ, которыя совершилъ Г. Ломоносовъ.»

Изъ Русскихъ ученыхъ, преимущественно постигнувшихъ достоинство открытій Ломоносова по части химіи и физики, былъ профессоръ Дмитрій Матвѣевичъ Перовошиковъ. Въ торжественной рѣчи своей онъ первый объяснилъ, что Ломоносовъ предсказалъ всѣ тѣ истины и открытія, которыя совершены Европейскими учеными нашего вѣка, и слѣдовательно про Ломоносова можно сказать тоже, что Мишеле сказалъ про *Вико*: «Его открытія не были оцѣнены прошедшимъ вѣкомъ потому, что они относились къ нашему вѣку.»

Но постигая уже Ломоносова, какъ поэта и ученаго, мы не знаемъ служебной дѣятельности Ломоносова и вліяній его ума и свѣденій на возникавшія учрежденія по части просвѣщенія Россіи; между тѣмъ, какъ служебная дѣятельность на пользу отечества своими способностями, составляетъ обязанность каждаго сына отечества. Намъ неизвѣстны также отношенія, въ которыхъ находился Ломоносовъ. Довѣренный мнѣ Екатериною Николаевною Орловой *,

* Единственная дочь Михаила Васильевича Ломоносова была за мужемъ за бывшимъ бібліотекаремъ при Императрицѣ Екатеринѣ,

урожденной Раевской, портфель служебныхъ его бумагъ, сохранившихся въ семействахъ Раевскихъ, даетъ удовлетворительное понятіе, какъ объ отношеніяхъ, такъ и о пользе, которую принесъ этотъ человекъ своимъ присутвіемъ посреди разсадника просвѣщенія отечественнаго. Его мысль проникала въ учрежденія, боролась съ мнѣніями противными духу Россіи и завѣщаніямъ Петра Великаго, отстаивала Русскій умъ и честь отъ униженія, и, казалось, что самолюбіе его страдало до слезъ, повсюду, гдѣ не было вѣры въ способность Русскую. «Не употребляйте Божіаго дѣла для своихъ пристрастій, пишеть онъ къ Теплому, — *дайте возрастать свободно насажденію Петра Великаго.*» — «Что для меня надлежитъ, то я къ сему себя посвятилъ, чтобъ до гроба моего съ непріятелями наукъ Россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ смолода, на старости не покину.» Явленіе подобнаго человека въ эпоху начинаній доказываетъ, что инстинктуальный умъ Русскихъ давно уже образовался: ему стоило только перенять новыя Европейскія формы, и онъ готовъ былъ состязаться съ учителями своими, и отразить вліяніе всего, что было не свойственно или вредно народу.

Едва Ломоносовъ вступилъ въ Академію наукъ, и его духъ преслѣдованія безпорядковъ и злоупотре-

Статскимъ Совѣтникомъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Константиновымъ, который имѣлъ двухъ дочерей: Екатерину Алексѣевну и Софью Алексѣевну — нынѣ вдову покойнаго Генерала отъ кавалеріи Николая Николаевича Раевского. Такимъ образомъ бумаги Михаила Васильевича составляли родовое наслѣдіе по женской линіи.

бленій является уже въ донесеніи Сенату совѣтника Академіи Нартова отъ 22 Января 1742 года.

• Понеже всему свѣту извѣстно, какое неусыпное попеченіе блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій, по своей высочайшей къ подданнымъ своимъ благосклонности и милостивой любви, имѣлъ между прочими знатными и славными дѣлами, о произведеніи въ Россійской Имперіи наукъ; чего ради всемилостивѣйше повелѣлъ учредить Академію наукъ и художествъ, не для однихъ чужестранныхъ; но паче для своихъ подданныхъ, и при первомъ случаѣ не умедлилъ потребныхъ и искуснѣйшихъ профессоровъ и учителей выписать, регламентъ выдать, и оное основаніе при себѣ завѣсть, и въ дѣйство произвести при себѣ соизволилъ. По кончинѣ же его Императорскаго Величества, ревнуя тому Его Величества Высочайшему намѣренію, и Ея Императорское Величество блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна, профессоровъ и учителей умножить и къ лучшему произведенію наукъ милостивое стараніе прилагать не оставила; и сіе-то нужное дѣло намѣренію Его Императорскаго Величества до единой протекціи токмо Ихъ Величества принадлежало; почему и состояніе онаго по началу порядочно происходило и дѣйствіе имѣло. Когда же по волю всемогущаго Бога Ихъ Императорскихъ Величествъ жизнь прекратилась, то оная Академія отъ времени до времени будучи въ правленіи однихъ опредѣленныхъ членовъ (между

которыми бывший и нынѣ находящійся совѣтникъ Шумахеръ, по всемъ правленіи властнымъ учинился) въ такое несостояніе приведена, что никакого плода Россіи не приноситъ, кромѣ единого поврежденія противными преднимъ Государя Императора Петра Великаго учрежденіямъ поступками и государственной казнѣ убытка, что видя я всеподданнѣйшій, нижайшій Ея Императорскаго Величества рабъ и предохраняя Высочайшій Ея Императорскаго Величества интересъ по должности своей, яко членъ того правительства и сынъ отечества, не могъ умолчать, чтобъ о томъ Правительствующему Сенату не представить:

1.

О учрежденіи той Академіи Государя Императора Петра Великаго регламентъ, который надлежало не только служителямъ академіи вѣдать, и каждому должность свою знать, но и для другихъ въ печать предать, онъ Шумахеръ скрылъ и никому не объявилъ и понынѣ. Чего ради прежніе учителя не видя его Императорскаго Величества намѣренія и усмотря происходимыя притомъ непорядки, принуждены были безъ показанія Россіи плода въ свои отечества возвратиться.

2.

Онъ Шумахеръ вмѣсто тѣхъ, другихъ безъ указа собою выписывалъ и принималъ; жалованье и пенсія опредѣлялъ не малыя суммы, не по достоинству, и потомъ паки изъ службы отпускалъ безъ всякаго показанія плода, чего ему собою чинить не надлежало.

3.

Штаты сочинялъ и подавалъ положе и требуя великія суммы денегъ, и писалъ чего не подлежало къ немалому казенному убытку, безъ чего весьма обойтись и прежде опредѣленною суммою, ежелибъ съ добрымъ осмотрѣніемъ расходъ содержанъ былъ, исправиться было можно.

4.

Приходы и расходы денежные держать подъ единою своею дирекціею и дѣлаеть что хочеть, таяся протчихъ, а счетовъ правильныхъ и обстоятельныхъ и донинѣ въ ревизію не даеть.

5.

Въ бывшее правительство для показанія себя въ свѣтъ, вымыслилъ за должное явить описаніе академическаго установленія; яко бы то все его трудами произошло, что и въ дѣйство произвелъ, бывшей Правительницѣ Принцессѣ Аннѣ представилъ, а потомъ и въ печать предалъ, подъ единымъ своимъ именемъ, неосновательнымъ и фальшивымъ показаніемъ закрывая дѣла и труды Высокаго и въ свѣтъ славнаго Монарха. 1) Написалъ, будто Государя Императора Петра Великаго намѣреніе было Академію художествъ и рукодѣлій подчинить Академіи наукъ, чего не бывало, и тому во обличеніе свидѣтельствуеть своеручное росписаніе собственно Его Императорскаго Величества руки, имѣющагося у меня, на что и сумма особливая была опредѣлена, а онъ Шумахеръ оную на другое употребленіе въ

Академію наукъ безъ указу взялъ. 2) Въ той же книгѣ включилъ почетныхъ членовъ 23 человека, а въ поданномъ штатѣ написалъ четырнадцать. 3) Будто гражданская типографія, словолитная, и прочая произведены стараніемъ его, а оныя еще при жизни Государя Императора Петра Великаго, чрезъ многотрудныя Его Величества изобретенія дѣйствительно имѣлись. 4) Я по Высочайшей Ихъ Императорскаго Величества милости въ той Академіи нахожусь членомъ; а онъ злости ради съ прочими и не включилъ.

6.

Выписанные имъ Шумахеромъ профессоры какое въ собраніяхъ имѣютъ разсужденіе, то все выдаютъ въ печать на чужестранныхъ діалектахъ, а прежде выдавали на Россійскомъ діалектѣ, что и Россійскій народъ зналъ и чрезъ то любопытные люди пользовались; а нынѣ оное закрыто, и обученіе Россійскаго народу молодыхъ людей оставлено. А производятъ въ наукахъ чужестранныхъ, въ которыхъ Россійской Имперіи ни сколько пользы быть не можетъ, кромѣ единаго казеннаго убытка, который притомъ исходитъ на жалованье и прочее, съ чѣмъ оныя по времени имѣютъ бѣжать въ свои отечества, а Россійскаго народа люди въ чужихъ краяхъ обучаютъ всегда на своемъ, или на казенномъ же коштѣ; хотя же для лучшаго произведенія наукъ Россійскихъ людей, можнобъ изыскать ученыхъ нѣсколько человекъ изъ Россіянъ; но того ему Шумахеру въ память не приходитъ и слышать

не хочетъ, ни для чего инаго, токмо чтобъ въ его своевольныхъ и непорядочныхъ поступкахъ къ снисканію своего интереса никто не мѣшалъ, и чрезъ такіе непорядки и нераденіе, ни кто изъ Россійскихъ людей въ наукахъ ни въ какихъ въ профессоры съ начала Академіи наукъ и понынѣ не произведень.»

Остальные 7, 8 и 9 параграфы объясняютъ денежные злоупотребленія и особенно опасеніе на счетъ библіотеки и кунсткамеры, состоящихъ въ непосредственномъ вѣдомствѣ Шумахера.

Это донесеніе, писанное въ Январѣ (22) мѣсяцѣ 1742 года, имѣло свое вліяніе, и по указу отъ 30 Сентября того же года поручена канцелярїя Академіи наукъ совѣтнику Нартову въ смотрѣніе, со Всевысочайшимъ Ея Императорскаго Величества повелѣніемъ, что ему на мѣсто Шумахера въ оной Академіи быть до указа и во всемъ по регламентамъ и указамъ Его Императорскаго Величества блаженныя и вѣчнодѣстныя памяти Государя Императора Петра Великаго поступать, и проч.

Въ донесеніи Нартова въ Сенатъ въ Ноябрь 1743 года, приложена вѣдомость отрѣшающихся и увольняющихся членовъ за излишествомъ и негодностію; причины отрѣшенія и увольненія нѣкоторыхъ замѣчательны, на примѣръ:

при гимназии учителя.

Миллеръ } Оные Германъ и Миллеръ обучали въ оной
Германъ } Латинскому и Нѣмецкому языкамъ; а Рос-
сійскаго языка ничего не знаютъ, а дол-

жность для лучшаго понятія Россійскому народу въ Нѣмецкомъ и Латинскомъ языкахъ могутъ исправить переводчики или студенты, которые Нѣмецкой, Французской и Латинской языкъ знаютъ, что и прожектъ Государя Императора Петра Великаго объ Академіи наукъ повелѣваетъ.

Фишеръ. Онѣй Фишеръ опредѣленъ въ 741 году; Россійскаго языка, также какъ и помянутые учителя, весьма мало знаетъ и для того къ обученію Россійскихъ учениковъ неспособенъ, да и къ тому же глухъ и мало видитъ.

Танцмейстеръ Опредѣленъ въ 740 году, обучаетъ танцованію дважды въ недѣлю по четыре часа; а по прожекту Государя Императора *Баценкуръ.* Петра Великаго танцмейстера при Академіи не положено. И проч.

Сохранившійся между бумагами листъ черновой бумаги, писанный рукою Ломоносова, объясняетъ болѣе тогдашнее состояніе Академіи наукъ. Это вѣроятно отрывокъ изъ проэкта о исправленіи Академіи и составляетъ начало первой части.

ГЛАВА I.

О СОСТОЯНІИ АКАДЕМІИ НАУКЪ ПРЕЖДЕ НОВАГО РЕГЛАМЕНТА.

«Хотя академическое состояніе прежде новаго штата было по большей части въ мою при Акаде-

ми небытность; однако имъю объ ономъ не малое знаніе, которое отчасти чрезъ достовѣрныя извѣстія, отчасти по прїѣздъ изъ заморя въ немалое время собственнымъ искусствомъ сдѣлалъ. Всѣхъ безпорядковъ ни моя память обнять можетъ, ниже ихъ множество представить позволяетъ обстоятельно. Для того знатнѣйшіе кратко упоминаю:

1. Члены Академіи наукъ, Петромъ Великимъ выписанные, славные люди: Германъ, Бернулій, Бильфингеръ, Беккенъ, Штейнъ и другіе (для неудовольствія и обидъ отъ бывшаго тогда Академіи Президента Блументроста и отъ бібліотекаря Шумахера) * принуждены были выѣхать, и Россія лишилась великой отъ нихъ чаемой пользы.

2. Ссоры Шумахеровы съ оставшимися старыми профессорами, а особливо съ Делилемъ и Дюверно-емъ, много приращенію наукъ препятства учинили.

3. Великое воспященіе и помѣшательство чинили частыя неудачливыя челобитныя на Шумахера:

1) Самыхъ первыхъ выше упомянутыхъ профессоровъ бесполезныя жалобы, для незнанія Россійскаго языка.

2) Прїѣхавшихъ изъ Москвы въ 1736 году студентовъ (прошеніе въ Правительствующемъ Сенатѣ), ** для того, что ихъ почти голодомъ морили.

3) Доносительство многихъ академическихъ служителей разныхъ званій (съ Совѣтникомъ Нартовымъ), *** для чего учреждена была Коммиссія 1742

* Строки въ скобкахъ зачеркнуты.

** На боку въ выноскъ.

*** Въ выноскъ.

года, и по нѣкоторымъ пунктамъ Шумахеръ приличился (обличился); но, знатнымъ предстательствомъ прикрытъ, спасся. 4) Всѣмъ профессорскимъ собраніемъ подаваны были въ Правительствующій Сенатъ на него письменныя жалобы.

1. Съ начала Академіи наукъ отъ 1725 года по 1733 годъ ни единого Россійскаго студента при ней не было, который бы лекціи у профессоровъ слушалъ. А пріѣхавшіе изъ Москвы тогда 12 человекъ изъ Спасскихъ школъ, лучшіе посланы въ Камчатскую экспедицію, и тамъ, кромѣ Крашенинникова, стали негодными, будучи безъ всякаго призрѣнія; оставшіеся въ Санктпетербургѣ, скитавшись нѣсколько времени въ бѣдности, для худаго содержанія опредѣлились по художествамъ и въ канцелярію.

2. Взятые изъ Москвы въ Академію изъ Спасскихъ школъ въ 1736 году 12 человекъ, изъ которыхъ Ломоносовъ и Виноградовъ посланы для наукъ за море. Оставшіеся принуждены были немалое время терпѣть крайнюю нужду, и не имѣть долгое время въ наукахъ наставленія. Затѣмъ просили о томъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, и библіотекарю Шумахеру учиненъ былъ строгій выговоръ. Послѣ того лекціи начались студентамъ и деньги кормовыя въ маломъ числѣ выдавались. По окончаніи лекцій нѣкоторые опредѣлены въ переводчики, прочіе остались студентами, и по большей части безъ призрѣнія и добраго смотрѣнія, будучи въ уничтоженіи, отъ унынія и отчаянія опустились въ подлость и

тѣмъ потеряны. (Мы двое) Ломоносовъ и Виноградовъ съ третьимъ Рейзеромъ опредѣлены были кабинетскимъ указомъ, 1736 года Марта 18 дня, учиться за моремъ на суммъ особливо изъ статской конторы сверхъ академической. Однако получивъ оную, употребила на другіе расходы канцелярія академическая; а оныя три студента принуждены были жить въ Санктпетербургъ съ 19 Марта до половины Сентября мѣсяца, затѣмъ что денегъ на дорогу долго ждали *. За моремъ будучи претерпѣвали великую нужду за удержкою жалованья, и живучи въ долгъ и *берущи* деньги въ процентъ великіе понесли убытки. Наконецъ, какъ они во Фрейбергъ горнымъ дѣламъ учились, и совѣтникъ Генкель не получалъ напередъ шести сотъ рублейъ обѣщанныхъ, половину своей за нихъ платы, также и къ студентамъ весьма скудно деньги, и то чрезъ него Генкеля присылались, которыя онъ у себя сталъ удерживать, и не надѣясь отъ Академіи себѣ награжденія, по прошествіи десяти мѣсяцевъ, при окончаніи химическаго курса совсѣмъ онымъ студентамъ отказалъ въ деньгахъ. Въ такихъ обстоятельствахъ принужденъ былъ Ломоносовъ искать случая въ Россію возвратиться и по прошенію онаго, а по ордеру Академіи президента фонъ Бреверна въ С. Петербургъ пріѣхалъ. Оставшіе послѣ его товарищи близко три года не могли для долговъ въ отечество возвратиться, пока ихъ Горная Коллегія по представ-

* Прибавлено на сторонѣ: и въ осень глухую на морѣ едва не потонули.

Книга II.

ленію вице-президента Рейзера выкупила. Хотя между тѣмъ въ Академіи сумма на троихъ оныхъ студентовъ каждый годъ напередъ отпускалась. (И уже въ мою бытность здѣсь въ адъюнктахъ четыреста рублей на мою часть якобы для посылки мнѣ за море изъ статсъ-конторы принимались въ Академіи. Чудное дѣло! я былъ въ одно время три года здѣсь и за моремъ вдругъ.)»

(Окончаша вѣтъ).

Нельзя оспоривать, что при началѣ учрежденія Академіи наукъ, въ Россіи необходимо было дать ученымъ людямъ, выписаннымъ изъ-за границы, преимуществу, выгоды и даже право распорядительности. Петръ Великій основалъ дѣятельность Академіи на людяхъ, которыхъ память чтитъ Россія, но послѣ Петра Великаго, новыи комплектъ, кажется, занялъ Академію, точно также какъ Дидона землю туземцевъ Африканскихъ, и сталъ истреблять насажденія великаго образователя; следовательно постоянныя негодования и жалобы Ломоносова на злоупотребленіе справедливы, и мы можемъ считать его Русскимъ отводомъ противъ тогдашнихъ иноземныхъ тучъ. За него, какъ за челоуѣка съ сильной душою, готовой къ самопожертвованію, загородились многіе; одаренный могучею умственною дѣятельностію и проникнутый любовью къ отечеству, онъ уважалъ всѣхъ истинно просвѣщенныхъ; но ненавидѣлъ ученыхъ подантовъ и арендаторовъ науки и ученаго званія, сталъ невольнымъ представителемъ борьбы за завѣтъ Петра и за самостоятельность Русскую, и

Слѣдовательно имѣлъ враговъ, невольно становился жалобникомъ, потому что въ этой тяжбѣ терпѣла и личность его. Явный врагъ его былъ Таубертъ; Ломоносовъ преслѣдуетъ его неутомимо за злоупотребленія и несправедливости; но повсюду видна главная цѣль: возстановленіе Академіи для пользы отечества и Русскаго юношества, которую *предназначилъ Петръ Великій*. Всѣ предложенія о новыхъ учрежденіяхъ писаны его рукою, и во всѣхъ черновыхъ бумагахъ видны родныя заботы объ успѣхахъ Русскаго просвѣщенія.

Между бумагами находятся собственноручныя черновыя:

1. Краткій способъ приведенія Академіи наукъ въ доброе состояніе.

2. Всенижайшее мнѣніе о исправленіи Санктпетербургской Императорской Академіи наукъ.

3. Новое примѣрное распоряженіе и учрежденіе Санктпетербургской Академіи наукъ, на Высочайшее разсмотрѣніе и апробацію Ея Императорскаго Величества сочиненное.

4. Разсужденіе о академическомъ регламентѣ и штатѣ.

5. *Idea status et legum academiae Petropolitanae* (черновая, также собственноручная).

6. Примѣрная инструкция морскимъ командующимъ офицерамъ, отправляющимся къ поисканію пути на востокъ съвернымъ Сибирскимъ Океаномъ.

И много другихъ, касающихся до Университета и Гимназіи.

Выпишемъ: Краткій способъ приведенія Академіи наукъ въ доброе состояніе.

1.

«Учинить надобно въ голосахъ равновѣсія между Россійскими и иноземцами, и для того прибавить въ канцелярію члена Россійскаго. По моему мнѣнію весьма къ тому способенъ господинъ профессоръ Кательниковъ: человекъ ученый, порядочной, смысленной и трезвой.

2.

«Для известныхъ противоборствъ и препятствій къ приращенію наукъ не имѣть никакого дѣла до наукъ Г-ну Тауберту, а стараться ему привести въ добрый порядокъ бібліотеку и кунсткамеру и книжную лавку, и больше попеченіе имѣть о надлежащемъ числѣ и расположеніи нужныхъ книгъ, какъ изъ нихъ многихъ нѣтъ, нежели о внѣшнемъ видѣ, чтобъ только въ глаза бросалось. Порученные мнѣ единственно Департаменты, Университетъ и Гимназія, не взирая на великія соперниковъ противленія и хулу, состоятъ въ хорошемъ порядкѣ. А гдѣ Г. Таубертъ голосъ имѣеть, тутъ ужасныя остановки. Я думаю, что можно науки повѣрить лучше двумъ Россіянамъ, мнѣ и господину Кательникову: довольно и такъ иноземцы Россійскому юношеству недоброхотствомъ въ происхожденіи препятствовали.

3.

«А для лучшаго удовольствія и покоя отдѣлить опредѣленную сумму на науки въ особое коми-

сарство, и учредить особое повѣтье; ибо съ самаго начала Академіи, науки претерпѣвали нужду, будучи главное дѣло, а деньги исходили на перестройки, починки, ненужныя покупки и прочіе, — и такъ нынѣ академическое комисарство должно наукамъ около семидесяти тысячъ рублевъ.

4.

« Секретарь конференціи въ тѣхъ Академіяхъ надобенъ, гдѣ нѣтъ Канцеляріи; а у насъ онъ со всѣмъ излишенъ и сверхъ того нынѣшній недобрый человекъ, сначала Академіи возмутитель и недобротъ Россіи *. Безъ него и безъ всякаго, протоколы конференціи, какъ и прежде было, можетъ вести актуариусъ и всѣ члены подписывать. Переписку съ иностранными имѣть долженъ каждый академикъ по своей профессіи; равно какъ каждый сочинить на свою диссертацию сокращеніе въ комментаріи, что не токмо Миллеру невѣждѣ, но и Полигистору трудно исполнить; довольно ему работъ, чтобъ вѣрно и безъ шикановъ писать исторію Сибирскую и ежемѣсячныя сочиненія.

* Секретаремъ былъ Миллеръ. Его диссертация, о происхожденіи Руссовъ отъ Скандинавовъ, возстановила противъ него всѣхъ Русскихъ ученыхъ тогдашняго времени. Въ то время это казалось злоумышленіемъ противъ самобытности народа Славянскаго племени, и иначе не могло казаться; раздражительный Ломоносовъ возненавидѣлъ Миллера за несправедливость историческую. Послѣ этого удивительныя отзывы его о человекѣ, котораго считалъ врагомъ самобытности своего отечества, и независимости происхожденія отъ опасныхъ въ то время сосѣдей. — Смотри ниже: Высочайшій указъ о предосудительности диссертациі Миллера для Россіи. 1750 года Сент. 24 дня. Прим. издателя.

5.

«Инструментальное искусство заведено при Академіи, для дѣланія инструментовъ по профессорскимъ изобрѣтеніямъ; а нынѣ въ рукахъ у Г. Тауберта. Съ нужною и я для опытовъ достаю позволеніе; то подумать можно чего надѣяться могутъ прочіе академики. Для того весьма надобно опредѣлить нѣкоторыхъ инструментальщиковъ, кои бы единственно работали изобрѣтенія профессорскія и принадлежали департаменту наукъ; тогда и лѣнивые не могутъ отговориться, что по ихъ идеямъ ничего не дѣлаютъ, и должны будутъ дать отвѣтъ, ради чего не трудятся. И словомъ, будетъ можно ихъ заставить думать, чтобъ напрасно не брали денегъ.

Такимъ образомъ несомнѣнно уповаю, что Академія придетъ въ цвѣтущее состояніе, застарѣлое зло искоренится и она будетъ не смѣхъ, но примѣръ другимъ командамъ.»

Въ доказательство непоколебимой настойчивости для достиженія своей благонамѣренной цѣли можетъ служить *приступленіе* (вѣроятно къ проекту исправленія Академіи).

«Въ благословенное время государственоваія Всемилостивѣйшія Самодержицы нашея, наслаждаясь многочисленными ея къ намъ подданнымъ благодареніями, съ радостною надеждою ожидаемъ полного благополучія, то есть всесовершеннаго установленія непоколебимыхъ и ясныхъ законовъ, которыми

отвратятся всѣ вредительные въ судахъ безпорядки и пагубныя ухищренія.

«Высочайшее повелѣніе Ея Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената, о разсмотрѣніи и исправленіи всѣхъ Россійскихъ законовъ по справедливости касается и до Императорской Академіи наукъ. Того ради высокопомянутой Правительствующій Сенатъ повелѣлъ учинить академическаго регламента разсмотрѣніе. Всевождедѣльный случай къ исправленію бѣднаго состоянія Академіи! Однако вкоренившееся и застарѣлое въ ней злочастіе чинитъ препоны и сему великому матернему и божественному попеченію и желанію всемилостивѣйшія Монархини нашей. Ибо все оное разсмотрѣніе пресѣклось коварными происками и наглыми поступками, которымъ самозванно сочинитель, а слѣдовательно и защититель онаго регламента старался отъ него отвести Высочайшій указъ Ея Величества, данный изъ Правительствующаго Сената о исправленіи законовъ. Стоя за пользу и важность высокопомянутаго указа, принужденъ я былъ претерпѣть несправедное и несносное огорченіе; однако какъ протчихъ поношеній и гоненій мною претерпѣнныхъ, такъ и сего не упоминаю обстоятельно. Нынѣ въ разсужденіи Академіи предпріялъ я отдать отечеству послѣднюю должность. Ибо ежели симъ ничего не успѣю, твердо увѣренъ буду, что нѣтъ Божія благоволенія, дабы по мѣрѣ желанія и щедролюбія Великія нашей Государыни ученые люди размножились и науки распространялись и процвѣтали въ отечествѣ.

«Симъ предпріятіемъ побуждая на себя безъ сомнѣнія нѣкоторыхъ негодованія, которыхъ по силѣ доброжелательство прежнее чувствительно; однако совѣсть и должность онаго несравненно сильнѣе. Чѣмъ могу я предъ правосудіемъ извиниться? Оно уже заблаговременно мнѣ предвѣщаетъ и въ сердцѣ говоритъ, что имѣя во многихъ наукахъ знаніе, видя другихъ Академій поведеніе, видя великій упадокъ и бѣдное состояніе здѣшней Академіи, многіе недостатки и неисправности въ Регламентъ и бесполезную трату толикой казны Ея Величества, не представлять по своей должности. Что отвѣтствовать? Развѣ что я боюсь руки сильныхъ? Но я и живота своего не жалѣть въ случаѣ клятвою предъ Богомъ обѣщавшійся. И такъ ежели симъ истинной своей ревности не удовольствую, и можетъ быть себя опасности подвергну, однако присяжную должность исполню.

«Для лучшаго изысканія способовъ, какъ исправить Академію Наукъ, должно вопервыхъ предложить ея состояніе, потомъ показать причины таковаго оныя упадку; наконецъ объявить способъ къ исправленію и приведенію въ цвѣтущее состояніе.»

—

Въ 1758 году раздѣлены Академическіе Департаменты, и Ломоносову поручены ученые, а именно: Академическое профессорское собраніе, Университетъ, Гимназія и Географическій департаментъ. Знаніе дѣла по части послѣдняго извѣстны намъ изъ изданныхъ сочиненій Ломоносова; дѣятельность же его и распорядительность въ управленіи, и всѣ помѣ-

нительства, которыя дѣлали ему къ исполненію его полезныхъ и обширныхъ предположеній, можно видѣть изъ прилагаемыхъ выписокъ.

Первой заботой его было исправить старый атласъ Россіи, который, какъ видно изъ донесенія его президенту Академіи, Графу Разумовскому, исполненъ былъ погрѣшностями и недостатками до того, что «многія имена и положенія мѣстъ ложно были означены, значительныя урочища пропущены, и цѣлыя уѣзды, многолюдными волостями населенныя, были на картѣ пусты, и сверхъ того Санктпетербургская губернія съ завоеванными провинціями вмѣщены въ одну карту.»

«По порученіи отъ Вашего Сіятельства мнѣ особливо смотрѣнія надъ Географическимъ Департаментомъ, — доносилъ Ломоносовъ, — впервыхъ я старался какъ бы сей недостатокъ отвратить и тѣмъ показать въ другихъ государствахъ, что наше отечество не такъ пусто и безнародно, какъ на атласѣ нашемъ поставлено; къ сему концу 1. сочиняются въ Географическомъ Департаментѣ новыя карты въ большой форматъ. Первая, особливо, карта С. Петербургской губерніи, потомъ Лифляндіи, Эстляндіи, также и Новгородской губерніи, что производится изъ имѣющихся въ географическомъ архивѣ документовъ.

2. Для лучшаго и нынѣшняго исправленія погрѣшностей и для исполненія недостатковъ по моему представленію подано отъ Академической канцеляріи въ Правительствующій Сенатъ доношеніе, дабы повелѣно было собрать географическія извѣстія со всего Россійскаго Государства для исправленія Рос-

сійскаго атласа, на что полученъ отъ Правительствующаго Сената повелительный указъ, чтобъ географическіе запросы, въ Академіи сочинивъ и напечатавъ, представить высокопомянутому Сенату для разсылки по Государству при указахъ, и оныя запросы сочинены и къ подацію отпечатываются. 3. Подобное доношеніе подано и въ Святѣйшій Синодъ для географическаго знанія синодальныхъ стросеній, откуда также не безнадежно о получении удовольствія....»

Для большей исправности Россійскаго атласа неотмѣнно должно знать долготы и широты знатнѣйшихъ мѣстъ Россійскаго Государства, о чемъ неоднократно отъ профессоровъ представляемо было и должно быть исполнено, а особливо нынѣ при сочиненіи новаго атласа.....»

Представленіе Ломоносова Президентъ Академіи предписалъ исполнить, и вѣроятно въ слѣдъ за симъ представлены были Ломоносовымъ мнѣнія: 1, мнѣніе о посылкѣ астрономовъ и геодезистовъ въ нужнѣйшія мѣста въ Россіи, для опредѣленія долготы и широты.

2, Мнѣніе о употребленіи нынѣшней ревизіи въ пользу Географіи Россійской и сочиняющагося атласа.

Содержаніе перваго, исключая вступленіе, въ которомъ повторяется вышесказанное, слѣдующее:

«4, Раздѣлить великую Россію (Сибирь послѣ слѣдовать имѣеть) на три экспедиціи, которыя бы всѣ въ полтора, а по большей мѣрѣ въ два года могли быть окончены: ибо всего путешествія по

моему исчисленію будетъ около 18 тысячъ верстѣ, что раздѣливъ на трое, достанется на каждую экспедицію по 6000 верстѣ. Положивъ, что въ ѣздѣ надобно по 3 недѣли на 1000 верстѣ, пойдетъ на одну 13 недѣль; для обсерваціи всѣхъ пунктовъ 50, считая на каждыи по три недѣли; будетъ 150, и на одну экспедицію 50 недѣль; всего годъ и 16 недѣль.

« 5, Первая экспедиція должна опредѣлить астрономическое положеніе городовъ: Нарвы, Пскова, Великихъ Лукъ, Смоленска, Тулы, Глухова, Кіева, Запорожской Сѣчи, Бахмута, Бѣла города, Воронежа, Верхняго Ламова, Касимова, Владиміра, Москвы, Твери, Новагорода.

« 6, Въ сію экспедицію употребленъ быть можетъ адъюнктъ Красильниковъ съ однимъ геодезистомъ и съ приданнымъ ему морскимъ или сухопутнымъ кадетомъ, которыхъ истребовать должно.

« 7, Вторая экспедиція назначить имѣть по астрономіи положеніе мѣстъ: Казани, Хлынова, Кайгородка, Соли Камской, Екатеринбургѣ, Уфы, Оренбургѣ, Яика, Гурьева, Астрахани, Царицына, Черкаска или Азова, устья рѣки Медвѣдицы, Борисоглебска, Пензы.

« 8, Въ сію экспедицію употребленъ быть можетъ адъюнктъ Шмидъ, съ вспоможеніемъ геодезиста, или кадетовъ, о чемъ должно послать въ оныя корпуса промеморіи. Но ежели Г. профессоръ Гришовъ пожелаетъ въ сію экспедицію, то бы могъ онъ измѣрить сверхъ того 47 градусъ и учинить нивелла-

цію между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ. Что Академіи въ славу, и ему бы въ похвалу послужило.

«9, Третья экспедиція опредѣлить имѣеть астрономическое положеніе мѣстъ: Ладоги, Тихвина, Ярославля, Нижняго Новгорода, Козмодемьянска, верховья рѣки Ветлуги, Галича, Вологды, Устюга, устья рѣки Выми, Усть-Елмской слободы, Пустозерскаго острога, Мезени, города Архангельскаго, Кемь, Кандалакши, Коль, Каргополя.

«10, Къ сему опредѣлить Г. Попова, съ надлежащимъ вспоможеніемъ геодезистовъ, и кадетовъ, которыхъ ради великаго разстоянія мѣстъ и разности мѣстъ, должно усугубить.

«11, Всѣмъ въ инструкціяхъ изобразить, и отъ Сената для всѣхъ указы испросить, чтобъ гдѣ въ городахъ есть геодезисты или инженеры, даваны бѣ были безъ отговорки въ ихъ команду, для вспоможенія въ тѣхъ самыхъ провинціяхъ.

«12, Средства къ исполненію сего предпріятія, при искусныхъ людяхъ суть инструменты, изъ которыхъ нѣкоторые должно взять изъ принадлежащихъ къ обсерваторіи. Впрочемъ употребить другіе краткіе способы, которые служатъ для обрѣтенія долготы на морѣ; ибо они на сухомъ пути много удобнѣе и съ довольною точностію для Географіи употребляемы быть могутъ, въ чемъ, по согласію съ господами астрономами, могу рекомендовать мои изобрѣтенія.

«13, Впрочемъ солнечное сего года затмѣніе и два лунныхъ не бесполезны въ сѣмъ предпріятіи будутъ.

«14, Наконецъ въ инструкціяхъ, которыя симъ экспедиціямъ дадутся, все нужное и полезное обстоятельно изображено быть имветъ.

«15, И такъ ежели сіе дѣло съ надлежащимъ раченіемъ и безъзавистно предпріято и продолжаемо будетъ, (въ чемъ я крайнія мои силы употреблять намбрень) то, весьма не сомнѣваюсь, что чрезъ три года будемъ за Божією помощію имѣть несравненно исправнѣйшій передъ прежнимъ Россійскій атласъ въ шестидесяти или осьмидесяти специальныхъ картахъ, съ отмѣнными украшеніями и съ политическимъ и экономическимъ обстоятельнымъ описаніемъ всея Имперіи, включая Сибирь, на которую еще сверхъ того два, или три года употребить должно будетъ.»

Предполагаемое мнѣніе Ломоносова о командированіи трехъ астрономическихъ экспедицій однако же измѣнено имъ на двѣ. Мы выпишемъ любопытныя «подписки академическихъ членовъ и адыонктовъ для апробаціи пути посылающихся въ экспедиціи обсерваторовъ.»

— «Подъ сими подписать свое мнѣніе господамъ профессорамъ Миллеру, Брауну, Попову, Котельникову, Епинусу, господамъ адыонктамъ Красильникову, Трускотоу, Румовскому, Шмиту, о расположеніи пути двухъ астрономическихъ экспедицій. Первый путь и обсерваціи: Нарва, Псковъ, Великіе Луки, Смоленскъ, Тула, Глуховъ, Кіевъ, Сѣчь Запорожская, Бахмутъ, Бѣлгородъ, Воронежъ, Верхній Ло-

мовъ, Переяславль Рязанскій, Володимеръ, Москва, Тферь, Ярославль, Нижній Новгородъ, Кузьмодемьянскъ, верховье рѣки Ветлуги, Вологда, Устюгъ, городъ Архангельской, Кѣмь, Каңдалакша, Кола, три острова, Каргополь, Ладога. Второй путь и обсерваци: Новгородъ, Тихвинской монастырь, Бѣло озеро, Кострома, Казань, Хлыновъ, Яренскъ, верховье рѣки Выми, Пустозерской острогъ, верховье большой Печоры рѣки, Солькамская, Екатеринбургъ, Уфа, Оренбургъ, главный изгибъ рѣки Яика, Гурьевъ, Астрахань, Царицынъ, Черкасскъ, устье рѣки Медвѣдицы, Саратовъ, Пенза, Самара.

На подлин: Секретарь Михайло Гурьевъ.
Сентября 24 дня 1760 года.

Подписки:

«Прежде какъ учредить такія важныя экспедици, которыя не малой суммы требовать будутъ, надлежитъ знать, кто такіе въ каждый путь отправлены быть имѣютъ, что имъ на оныхъ путяхъ дѣлать, можетъ ли каждый изъ нихъ потому исполненія чинить, и есть ли на то довольно число надлежащихъ инструментовъ въ готовности. О чемъ яко о главномъ дѣлѣ надлежитъ довольно разсмотрѣніе имѣть въ академическомъ собраніи, дабы требуемое на то иждивеніе не употреблено было въ тунь. А что касается до опредѣленія дорогъ, сіе дѣло мало-важное, можно такъ, можно и инымъ образомъ; однако сіе притомъ наблюдать надобно, чтобъ дороги были способны, по коимъ либо на телегахъ, или на саниахъ, или водянымъ путемъ на судахъ проѣхать

можно было жилыми мѣстами, и никакое бы знатное мѣсто, поколику положеніе ихъ допустить, пропущено не было. О семъ я впредь свое мнѣніе дать буду.»

Сентября 24 дня 1760 года.

Подписано: Г. Ф. Миллеръ.

«Духъ празднословія не даждь ми.»

Н. Поповъ.

«Es liegt nichts daran, ob diese 2 Expeditiones von Norden oder Süden anfangen wenn nur bey solchen der Endzweck erhalten wird, ich denke und werde auch ganz gewiß behaupten, daß man viele von denen vorgeschriebenen Orten, wird veglassen können wenn man sich derer Hülfsmittel so noch bey dem Departament vorhanden bedienen will.»

Schmidt.

Переводъ помѣщенъ въ экстрактъ географической экспедици:

«Въ томъ нужды нѣтъ, хотя сіи двѣ экспедици отъ сѣвера и юга начать, когда только ими намѣреніе исполнится, я думаю и заподлинно утверждаю, что многіе изъ вышеупомянутыхъ мѣстъ исключить можно, ежели употребятся тѣ средства, которыя въ департаментъ находятся. Шмидъ.»

«О показанной экспедици я нижеподписавшійся согласенъ.»

Андрей Красильниковъ.

« О вышеобъявленномъ расположеніи двухъ астрономическихъ экспедицій я согласенъ. »

ИВАНЪ ТРУСКОТЪ.

« Согласенъ. » СТЕПАНЪ РУМОВСКІЙ.

« О сѣмъ расположеніи пути я согласенъ. »

СЕМЕНЪ КОТЕЛЬНИКОВЪ.

Nihil habeo quod moneam.

BRAUN.

Meiner Meinung wird man wenn die Lage der in der beſtiegenden Chartre angegebene Orte, durch Aſtronomiſche Obſervationen berichtigt iſt, im Stande ſeyn, eine ſehr richtige Chartre des Ruſſiſchen Reichs zu verfertigen. Es iſt alſo allerdings zu wünfchen daß die angegebene Expeditionen vollführt werden mögen.

AEPINUS *.

Для совершениа этихъ экспедицій назначены были въ первую профессоръ Поповъ и Адыонктъ Шмитъ, въ другую въ званіи адыонкта капитанъ Геодезин Красильниковъ и присланный по требованію Академической канцеляріи изъ Государственной Коллегіи математическихъ и навигацкихъ наукъ подма-

* Фамилія вѣроятно принята отъ Греческаго слова *απτεροῦς* — hochfliegend; tieffinnig.

стерье ранга порутчискаго Николай Кургановъ, и сверхъ того при каждой экспедици по одному геодезисту.

Экспедици готовы были уже отправиться; но, къ несчастію, погнались за Венерой, которая проходила чрезъ солнце, и оставили полезное предпріятіе. Въ Ноябрь мѣсяцъ Надворный Совѣтникъ Профессоръ Поповъ и адъютантъ Степанъ Румовскій отправлены были для наблюденія прохожденія Венеры, и почти всѣ астрономическіе инструменты взяты этими двумя обсерваторами. Это первая остановка экспедиціямъ. Рѣшились за нужное выписать инструменты изъ-за моря. За комиссію взялся сначала Статскій Совѣтникъ Таубертъ, но чрезъ нѣсколько дней отказался; потомъ взялся выписать инструменты Статскій Совѣтникъ Штелинъ, и получены эти инструменты 1763 года Апрѣля 1 числа, ровно чрезъ два года. 17-же Апрѣля 1763 года господинъ Президентъ за благо почелъ оныя экспедици приостановить; а между тѣмъ «господамъ Статскимъ Совѣтникамъ Тауберту и Ломоносову прислать каждому особое свое мнѣніе, и ежели оба на одномъ согласятся, тогда учредить экспедици, чтобъ напрасно коштъ не былъ потерянь, такъ и честь Академіи была сохранена.»

Уничтоженіе этого предпріятія было уже при знакомѣ, что Таубертъ, Миллеръ, Шлецеръ и словомъ всѣ иноземные ученые Академіи подавили Ломоносова. Письмо къ Теплову есть уже голосъ отчаянія.

Копія съ письма Г. Теплову, писаннаго на Украйну въ 1761 году:

«Неоднократно писалъ я къ Его Сіятельству и къ Вашему Высокородію отъ истиннаго усердія къ расширенію наукъ въ отечествѣ, въ Москву и на Украйну, и представляясь здѣсь, словесно и писменно о исправленіи застарѣлыхъ непорядковъ. Однако не по мѣрѣ Монаршей къ наукамъ щедротъ, вослѣдовали рѣшенія и успѣхи; затѣмъ что не отнято прежнее самовольство недоброхотамъ приращенію наукъ въ Россіи; а когда злодѣи ободрятся, а добрые умножаются, то всегда добру вредъ чинится. Кромѣ многихъ недавнѣйшій примѣръ сами довольно помните, и въ совѣсти своей представить можете; что вы осердясь на меня по безсовѣстнымъ и ложнымъ жалобамъ двухъ студентовъ, кои отнюдь требовали быть адъюнктами по недостоинству, а сами отъ университета вовсе отстали, и изъ коихъ, какъ я послѣ увѣдомился, одинъ вамъ сватъ, здѣлалъ неправое дѣло. Не спрося отъ меня отвѣту и оправданія присоветовали, да и по штилю видно, сами сочинили мнѣ публичный выговоръ, челоуьку, которой больше достоинствъ и услугъ имѣсть, нежели за такую мѣлочъ передъ командою былъ обруганъ. И того еще вамъ было мало; вдовсаду мнѣ, прибавили Миллеру жалованья, чтобъ онъ отправлялъ три дѣла исправно. А именно за то, что онъ будучи профессоръ тридцать лѣтъ никогда лекцій не читывалъ и не сочинялъ ничего, чтобъ профессора было достойно. 2) Что онъ будучи конференцъ-секретаремъ задерживаетъ намъ ме-

морни неисправности въ сочиненіи сокращеній, ведутъ тайную, непозволительную и подозрительную съ иностранцами переписку. 3) Что въ ежемѣсячныя сочиненія вносить не только вещи, какія студентъ можетъ и кадетъ, съ похвалою исправляютъ; но и вездѣ, гдѣ только можно предосудительныя нашему отечеству мысли вносить.

Все сіе показалось вамъ заслугами; а мое представленіе, что черезъ шестнадцать лѣтъ одами, рѣчами, химією, физикою, исторією дѣлаю честь отечеству, и всегда о добрѣ Академіи и о праведной, а не подложной чести Его Сіятельства усердствую, вы пріяли за погрѣшность, для того, что я не удовольствовалъ безстыдныхъ требованій вашего свата. Повѣрьте, Ваше Высокородіе, я пишу не изъ запальчивости; но принуждаетъ меня изъ многихъ лѣтъ извѣданное слезными опытами академическое несчастіе. Я спрашивалъ и испыталъ свою совѣсть; она мнѣ ни въ чемъ не зазритъ сказать вамъ нынѣ всю истинную правду. Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ, да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго Промысла, которой не лишилъ меня дарованія и прилѣжанія въ ученіи и нынѣ дозволилъ случай, далъ терпѣніе и благородную упряжку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего въ жизни моей дороже.

Нѣкогда отговариваясь учинить прибавку жалованья профессору Штрубу писали вы къ нему: *L'academie sans academiciens, la chancellerie sans membres, l'université sans étudiants, les regles sans*

*

autorité, et au reste une confusion jusque à present sans remede. Кто въ томъ виновать, кромъ васъ, и вашего непостоянства? Сколько разъ вы были другъ и недругъ Шумахеру, Тауберту, Миллеру, и, что удивительно, мнѣ? Въ томъ больше вы слѣдовали стремленію своей страсти, нежели общей академической пользы; и чрезъ таковыя повседнєвнныя перемѣны колебали какъ трость все академическое зданіе. Тотъ сегодня въ чести и въ милости, завтра въ позоръ и въ упадкъ. Тотъ кто высланъ съ безчестіемъ, съ честию назадъ призванъ; изъ многихъ примѣровъ нѣтъ Миллерова чуднѣе. Для него положили вы въ регламентъ быть всегда ректоромъ въ университетъ исторіографу, сирѣчь Миллеру. Послѣ осердясь на него сдѣлали ректоромъ Крашенинникова; послѣ примиренія опять произвели надъ нимъ комиссію за слово *academie phanique*; потомъ не столько за дурную диссертацию, какъ за свою обиду низвергнули вы его въ адъюнкты, и тотчасъ возвели опять въ секретери Конференціи съ прибавкою вдругъ великаго жалованья; представили его въ Коллежскіе Совѣтники, въ канцелярскіе члены; и опять мнѣніе отмѣнили; потомъ прибавили 200 рублей жалованья и еще съ похвалами; въ ту самую пору, когда его должно было послать на соболонную ловлю. Все сіе происходили вы по большей части подъ именемъ охраненія президентской чести, которая однако не въ томъ состоитъ, чтобъ дѣлать вышеупомянутыя перевороты; но чтобъ производить дѣло Божіе и Государево постоянно и непревратно, приносить обществу безпрепятственную,

истинную пользу, и содержать порученное правленіе въ непоколебимомъ состояніи, и въ неразвратномъ и непрерывномъ теченіи. Представьте себѣ, что знающіе думаютъ, а знаютъ всѣ; представте, что говорятъ? Миллеръ штрафованный за вздорную диссертацию о Россійскомъ народѣ и оному предосудительную, и за то въ опредѣленіи подозрительнымъ признанный, имѣеть уже позволеніе писать и печатать на нѣмецкомъ языкѣ Россійскія извѣстія безъ всякой опасности. Изобличенный въ непозволенной перепискѣ и за то арестованный, учиненъ секретаремъ конференціи и пишетъ что хочетъ безъ ея вѣдома! Всѣватель недоброхотныхъ и занозливыхъ мыслей въ мѣсячныя сочиненія получаетъ за то похвалы и награжденія. Все сіе происходитъ чьимъ стараніемъ? Вашего Высокородія. Надѣясь на васъ не хочетъ и не думаетъ отстать отъ своихъ наглыхъ глупостей, и презираетъ указы, посылаемые изъ канцеляріи.

Обратитесь на прошедшее время и вспомните, сколько разъ вы мнѣ на Шумахера и на Миллера жаловались. Вспомните его самохвальное и Россійскому народу предосудительное Сибирской исторіи предисловіе, которое вы сами опровергли; представте его споры о комиссіяхъ съ Шумахеромъ, со всѣми профессорами, съ вами, съ президентомъ; вспомните съ другой стороны ваши споры съ Шумахеромъ, между тѣмъ письма о моемъ уничтоженіи къ Ейлеру, и отвѣтъ, что вы мнѣ сообщили. Вспомните сто рублевъ передъ вашею первою свадьбою; и между множествомъ подобныхъ дѣлъ; вспомните,

что вамъ благоразумный мужъ, вашъ благодѣтель Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій говаривалъ о Сапожникѣ. Не бывать де добру, пока онъ А нынѣ его наслѣдникъ и подражатель тожъ и еще дерзновеннѣе дѣлаеть. Вспомните и то, что многими таковыми дурными преворотами обезславленную Академію вывезть изъ нареканія отпущенъ былъ Бургавъ въ чужіе край и нарочный пунктъ о томъ написанъ въ его инструкціи.

Но все не смотря еще есть вамъ время обратиться на правую сторону. Я пишу нынѣ къ вамъ въ послѣдній разъ, и только въ той надеждѣ, что иногда примѣчалъ въ васъ и добрыя о пользѣ Россійскихъ наукъ мнѣнія. Еще уповаю, что вы не будете больше одобрять недоброхотовъ Россійскимъ ученымъ. Богъ совѣсти моей свидѣтель, что я симъ ничего инаго не ишу, какъ только чтобъ закореняемое несчастье Академіи пресѣклось. Будежъ еще такъ все останется и мои праведныя представленія уничтожены отъ васъ будутъ; то я забуду вовсе, что вы мнѣ нѣкоторыя одолженія дѣлали! За нихъ готовъ я вамъ благодарить приватно по моей возможности. За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ и противъ отца своего роднова восстать за грѣхъ не ставлю. И такъ нынѣ изберите любое. Или одобряйте явныхъ недоброхотовъ не токмо учащемуся Россійскому юношеству, но и тѣмъ сынамъ отечества, кои уже имѣютъ знатныя въ наукахъ и всему свѣту извѣстныя заслуги. Одобряйте, чтобъ Академіи чрезъ ихъ противоборство никогда не бывать въ цвѣтущемъ состояніи, и за то

ожидайте отъ всѣхъ честныхъ людей и роптанія и презрѣнія; или внимайте единственно дѣйствительной пользѣ Академіи, откиньте льщенія опасныхъ противоборниковъ наукъ Россійскихъ, не употребляйте Божіяго дѣла для своихъ пристрастій, дайте возрастать свободно насажденію Петра Великаго. Тѣмъ заслужите не только въ прежнемъ прощеніе, но и не малую похвалу, что вы могли себя принудить къ полезному наукамъ постоянству.

Чтожъ до меня надлежитъ, то я къ сему себя посвятить, чтобъ до гроба моего съ непріятелями наукъ Россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ смолода, на старость не покину.

Зачеркнутый постскриптумъ:

P. S. Вчерашняго числа Клейнфельдъ удавился. Таубертъ отозвавъ меня къ сторонѣ просилъ никому того не сказывать ради чести Академіи. А про Софронова дурную смерть ходитъ вездѣ сказывать, что Русскіе такіе-то, сякіе, не думалъ про честь Академіи. «

Здѣсь слѣдуетъ приложить записку на клочкѣ бумаги собственно для напомниманія самому себѣ Ломоносовымъ написанную; это набросанныя мысли, которыя лучше всего подтверждаютъ чистоту его намѣреній, хотя въ борьбѣ и нельзя избѣжать пристрастия:

1. Видѣть Г.
2. Показывать свой трудъ.
3. Можетъ быть понадоблюсь.
4. Беречь нечево. Въ Россійской библиотекѣ есть больше секретовъ. Все открыто Шлццеру, ввѣрили такому сумазбродному человѣку, у коего нѣтъ ни ума, ни совѣсти, рекомендованному отъ моихъ злодѣевъ.
5. Приносить Его Вы... дедикации. Да все! и мѣста нѣтъ.
6. Нѣтъ нигдѣ мѣста и въ чужихъ краяхъ.
7. Всѣ любятъ да Шумахершина.
8. *Multa tacui multa pertuli multa concessi.*
9. За то терплю, что стараюсь защитить трудъ П. В., * чтобъ выучились Россіяне, чтобъ показали свое достоинство *pro agis etc.*
10. Я не тужу о смерти, пожилъ, потерпѣлъ, и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ.
11. Ежели не пресъчете — великая буря возстанетъ.

Мы никакъ не можемъ сказать, чтобъ польза, принесенная академиками времени Ломоносова, собственно для исторіи была особенно значительна; но это доказываетъ, что и они посреди борьбы не въ состоянціи были сдѣлать того, что могли. Вражды, несогласія, взаимныя противорѣчія были ужасны. Призванные ученые Германцы хотѣли все зданіе построить сами по своей мысли; а ученые Русскіе ло-

* Петра Великаго.

мали ихъ начала и говорили: «не вамъ здѣсь жить, а намъ; учите насъ, какъ чертить планъ, какъ выбирать и какъ употреблять матерьялы, а строить мы будемъ сами, по своей мысли.» Это требованіе было истинно; а между тѣмъ иностранцы не могли ни постигать быстрыхъ Русскихъ понятій, ни вѣрить способности Русской учиться всему со взгляду; они считали это невѣжественной самонадѣянностью; а потому удивительно ли пристрастіе и со стороны Ломоносова, который, какъ часовой, требовалъ отъ каждаго иностранца, вступающаго въ врата Академіи, Русскаго пароля. Тогда еще самопознаніе Русское только что возникало, и его легко было извести односторонними доказательствами, что Руссы отрасль Нѣмцевъ, а Русскій языкъ одно изъ нарѣчій Германскихъ.

Положить въ основаніе неосновательное было противно истиннѣ. Русскіе въ то время могли только чувствовать всю ложь этого мнѣнія, и опровергать его однимъ ропотомъ на предосудительность его для Россіи.

Послѣ этого будетъ понятно возстаніе на диссертацию Миллера о началѣ Россійскаго народа. Вышисываемъ указъ, послѣдовавшій на счетъ ея, отъ Сентября 24 дня 1750 года, за N 1387:

«Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ канцеляріи Академіи Наукъ въ профессорское собраніе. Канцелярія Академіи наукъ слушавъ поданныхъ мнѣній отъ Гг. профессоровъ и адъюнктовъ на сочиненную диссертацию Г. Профессора Миллера, о началѣ Россійскаго наро-

да, въ коихъ значить, что нѣкоторые Гг. Профессоры изъ иностранныхъ совсѣмъ разсуждаютъ о томъ за незнаніемъ ихъ Россійскаго языка и за невѣденіемъ подлинно Россійской Исторіи, отказались; а другіе изъ нихъ же отдають оное на разсужденіе природныхъ Россіанъ; а иные объявляютъ, чтобъ нѣкоторыя мѣста въ той диссертациі выпустить, а напротивъ того касающіяся до важности въ семь дѣль пункты обстоятельнѣе описать; а изъ Россійскихъ Гг. Профессоровъ Ломоносовъ, Крашенинниковъ и адъюнктъ Поповъ оную рѣчь къ напечатанію и публикѣ весьма не апробовали и совсѣмъ предосудительною для Россіи признали; Профессоръ же Тредіаковскій во мнѣніи своемъ между прочимъ написалъ, что она диссертација есть вѣроятная и возможно ей быть напечатанной, токмо же есть что надлежитъ въ ней перемѣнить и исправить; слѣдовательно ни одинъ профессоръ такъ не опробовали, чтобъ какъ та диссертација сочинена, такъ бы ее и напечатать, а Россійскихъ профессоровъ двое и одинъ адъюнктъ, кромѣ профессора Тредіаковскаго, совсѣмъ ее предосудительною для Россіи нашли, и совершенно доказали, какъ то и присутствующіе канцеляріи Академіи наукъ члены за справедливое почитаютъ, больше полагаются въ такомъ дѣль на Россійскихъ ученыхъ людей, нежели на иностранныхъ; профессоръ же Тредіаковскій одинъ хотя ту диссертацию и за вѣроятную признаваетъ, толькобъ ее исправить, однако же сего мнѣнія въ силу именнаго указа вѣчной славы достойнаго памяти Его Императорскаго Величества Государя Петра Вели-

каго, состоявшагось въ 714 году Апрѣля 4 числа, въ дѣйствиѣ не принимается, ибо въ ономъ Его Императорскаго Величества указѣ между прочимъ написано: «куда въ какомъ дѣлѣ болѣе голосовъ явится, такъ и вершить,» того ради основываясь на объявленномъ Его Императорскаго Величества указѣ, и что оная диссертація отъ троихъ Россійскихъ не опробована, да и отъ иностранныхъ ни отъ кого, и отъ профессора Трѣдяковскаго за прямо основательную не признана, определено: оную диссертацію совсѣмъ уничтожить, и что оная диссертація по мнѣнію Гг. Профессоровъ и по разсужденію канцеляріи Академіи наукъ, такъ какъ она предосудительная Россіи, въ свѣтъ не выдана и совсѣмъ уничтожена, о томъ профессорскому собранію вѣдать. Сентября 24 дня 1750 года.

Подписано: Григорей Тепловъ.

Секретарь Петръ Ханинъ.

Отношенія Миллера къ Ломоносову и мнѣніе послѣдняго о Шлецерѣ можно видѣть изъ слѣдующихъ бумагъ.

Собственноручное:

Въ Канцелярію Академіи Наукъ

Доношеніе.

1.

Съ начала учрежденія историческаго собранія, по определенію Сіятеельнѣйшаго Академіи Президента вельно было мнѣ съ протчими профессорами присуд-

ствовать въ историческомъ собраніи, что я и исполнилъ по самое тое время, пока помянутыя собранія бывшими въ 1749 году слѣдствіями диссертациі профессора Миллера не прекратились;

2.

И какъ канцеляріи Академіи наукъ извѣстно, коль много принужденъ я былъ отъ помянутаго профессора Миллера ругательствъ и обиды терпѣть напрасно *. А въ нынѣшнихъ историческихъ собраніяхъ читается его жъ Миллерова Сибирская Исторія. И для того опасаясь, чтобъ обыкновенныхъ его досадительныхъ рѣчей не претерпѣть напрасно, и безпокойствуясь принятою отъ того досадою, въ другихъ моихъ дѣлахъ не имѣть остановки.

3.

Ибо кромѣ тѣхъ упражненій, которыя въ лабораторіи почти всегда моего присутствія требуютъ, и кромѣ академическихъ конференцій положена почти на меня одного должность профессора поэзіи и красноречія Россійскаго, къ чему я всегда готовъ быть долженъ. И сверхъ сего другія начатія мною части словесныхъ наукъ на Россійскомъ языкѣ привести къ концу надобно, что все особливаго времени требуетъ. А особливо что трагедія, которую Ея Императорское Величество указали мнѣ сочинить, три раза въ недѣлю въ собранія ходить никакъ не позволяютъ.

* Зачеркнуто: и за то не получалъ довольной сатисфакціи.

Того ради канцелярію Академіи наукъ прошу, дабы Его Сіятельству Академіи Президенту. представила о моемъ увольненіи отъ историческихъ собраний и только позволить сочиненія профессора Миллера читать на дому, и съ примѣчаніями моими отсылать въ помянутое собраніе на разсужденіе.

Сентября 4 дня 1751 года.

Подписано: Совѣтникъ и Профессоръ
Михайло Ломоносовъ.

Собственноручная черновая:

О издаваемой въ печать Шлецеровой грамматикѣ Россійской.

1. Хотя всякъ Россійскому языку искусной легко усмотрѣть можетъ, коль много нестерпимыхъ погрѣшностей въ сей печатающейся беспорядочной грамматикѣ находится, показующихъ сочинителевы великія недостатки въ таковомъ дѣлѣ; но больше удивится его неразумной наглости, что зная свою слабость и вѣдая искусство, труды и успѣхи въ словесныхъ наукахъ природныхъ Россіянъ, необи- нулся приступить къ оному, и какъ бы нѣкоторой пигмѣй поднялъ Алпійскія горы.

2. Но больше всего оказывается не токмо незна- ніе, но и сумазбродство въ произведеніи словъ Россійскихъ. Кромѣ многаго, что развратно и здравому разуму противно, внесены еще ругательныя чести и святости разсужденія, что видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Стр. 58. Бояринъ, производится 1) отъ дурака, 2) отъ барана.

Стр. 82. Слово *Дѣва* производитъ Шлецеръ отъ Нѣмецкаго слова *Dieb* (воръ), отъ Голландскаго *teef* (непотребная д....) отъ нижняго Саксонскаго слова *Tiffe* (сука). Диво, что сумозброду не пришло въ голову слово *Deufel*, оно ближе будетъ по его мечтаніямъ къ дѣвъ, нежели *Dieb* и протчія.

Стр. 83. Слово *Король* производитъ отъ слова *Kerl*.

Стр. 89. Напечатано ругательнымъ образомъ высочайшій степень Россійскаго дворянства *, кажется быть тоже что по нѣмецки *Knecht* (холопъ).

5. Изъ сего заключить должно, какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродить въ Россійскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ скотина.

Слѣдствія отъ принятія Шлецера Ординарнымъ Профессоромъ Истории **

1. Роптаніе, что онъ принять не по справедливости, то есть излишней, недостойной, незаслужившей, въ обиду старшимъ, противъ согласія общаго, въ нареканіе природнымъ Россіянамъ, въ утверженіе старыхъ академическихъ непорядковъ.

2. Поводъ и дорога къ прикрытію худыхъ поступковъ. Ибо симъ успѣхомъ Таубертъ покрываетъ не позволенную дерзость допущенія совсѣмъ чужаго и ненадежнаго чловѣка въ библіотеку Рос-

* Князь.

** Писано не извѣстно чѣй рукою.

сійскихъ манускриптовъ, которую не меньше архивовъ въ сохранности содержать должно. Что многими примѣрами доказать нетрудно.

3. Шлецеръ не имѣя такой, какъ нынѣ, привилегіи, обращалъ уже въ шутки, что у насъ въ Россіи почтительно. Нынѣжъ получивъ толь высокую протекцію поступить еще дерзновеннѣе.

4. Какое разсужденіе произойдетъ между учеными и всѣми знающими, что выше всякаго примѣра на свѣтѣ. Шлецеровы сочиненія выключены и освобождены отъ общаго академическаго разсужденія и рассматриванія, отъ чего нигдѣ ни единый академикъ, ни самой ученой и славной не бывалъ свободенъ. Правда, что для Шлецера то надобно; за тѣмъ, что опасается отдать на рассмотрѣніе иноземецъ природнымъ; учинить, учителямъ начавшей многотрудившимся.

5. Всѣ удивляются, что профессоръ Миллеръ за диссертацию, въ которой нашлись сатирическія нѣкоторыя выраженія, штрафованъ былъ не токмо уничтоженіемъ оныхъ; но и пониженіемъ чина и убавкой жалованья и публично тѣмъ обруганъ, не смотря на его долговременную службу. Нынѣ Шлецеръ новопріѣзжей еще за большія наглости вдругъ награжденъ чиномъ и жалованьемъ ординарнаго профессора съ преимуществами, каковыхъ никогда славнѣйшіе на свѣтѣ профессоры не имѣли.

6. Таубертъ и его крестуръ разносятъ по городу копии безсовѣстной Шлецеровой на Ломоносова жалобы, и тѣмъ разсѣваютъ на него гнѣвъ Государской, дабы отворотить отъ него его доброжела-

телей и пріятелей; а особливо уничтожить послушаніе его подчиненныхъ, которые уже давно настрашаны Таубертомъ боятся Ломоносову оказывать исполненіе дѣлъ законныхъ по командѣ.

Помыщаемъ здѣсь еще нѣсколько любопытнѣйшихъ собственноручныхъ бумагъ изъ порфеля М. В. Ломоносова.

I.

ВСЕНИЖАЙШЕЕ МНѢНІЕ О ИСПРАВЛЕНІИ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1.

Ея Императорскаго Величества Всемилоствивѣйшія Государыни наша о благополучіи наследнаго Государства попеченіе и великодушная щедрота простирается какъ всеобще чрезъ цѣлое отечество, равнымъ образомъ и на каждое изъ государственныхъ дѣлъ отправленію учрежденное мѣсто. Кромѣ многихъ другихъ свидѣтельствуеть Императорская Академія Наукъ, которую дабы востановить отъ прежняго испорченнаго состоянія и мало полезнаго поведенія, матернимъ милосердіемъ и щедролубіемъ подвижна, прибавленіемъ великой суммы оную снабдить, и регламентомъ утвердить всемилоствивѣйшее попеченіе возымѣть благоволила.

Успѣхи толь великодушнаго и безпримѣрнаго снабженія весьма бы должны быть чрезъ семь лѣтъ чувствительны и очевидны. Правда, что нѣкоторые въ началѣ стали было оказываться; однако такъ малы, что не токмо толь великой суммѣ не

могутъ соответствовать; но и въ сравненіи съ уронами, съ другой стороны приключившимися, едва ли оныя наполнить могутъ. Словомъ, по оказаніи толь высокой и безприкладной милости Ея Величества, Академическое состояніе ни мало не исправилось; но больше прежняго къ паденію и конечному разрушенію приблизилось; что необходимо трбуетъ наискорѣйшаго исправленія. Сіе какъ бы въ дѣло произвести съ желаемымъ успѣхомъ.

1-е, Должно разсмотрѣть самыя недостатки и

2-е, Показать онаго упадку и недостатковъ происхожденіе и причину.

3-е, Дать способъ къ оныхъ отвращенію и къ исправленію всего корпуса.

1. Главное дѣло и самое основаніе и начало къ происхожденію ученыхъ Россіянъ Гимназія пришла въ худшее состояніе, нежели прежде. Ясное сему есть доказательство, что по сіе число въ семь лѣтъ ни единъ школьникъ въ достойные студенты не доучился. Аттестованные приватно ссѣмъ человекъ латинскаго языка не разумѣютъ; слѣдовательно на лекціи ходить и студентами быть не могутъ, что на экзаменъ въ собраніи оказалось.

2. Набранные изъ синодальныхъ школъ изъ Спасской, Новгородской и Невской студенты 1748 года ни сданаго не чинятъ Академіи преимущества предъ набранными прежде новаго штата въ 1732 и 1736 годѣхъ. Для всѣхъ лекціи только на время начинались, и безъ продолженія прекратились, всѣхъ происхожденіе и произведеніе есть равное.

Книга II.

4

3. Академическія собранія были полнѣе и порядочнѣе. Нынѣ для недостатка нужныхъ профессоровъ весьма неполны и безпорядочны. Ибо нѣтъ вышешаго математика, географа, физика, ботаника, механика.

4. Печатаніе книжное и торгъ едва можетъ ли съ прежнимъ худымъ сравниться.

5. Старыхъ долговъ не токмо многіе тысячи не заплачены, но и въ новыѣ беспрестанно прирастаютъ. А особливо неплаченіемъ обещаннаго награжденія чужестраннымъ членамъ, что именнымъ Ея Величества указомъ особливо повелѣно было.

6. Библіотска и кунсткамера имѣетъ расположеніе такъ же худо, какъ и прежде. Не упоминаю о недостаткахъ, которые воспослѣдовали отъ пожара, крайнимъ небреженіемъ воспослѣдовавшаго.

7. Художества, а особливо грядированіе не малое имѣетъ приращеніе. Однако не токмо приложенная на то въ регламентъ чрезвычайно великая сумма исходитъ, но и сверхъ оной вся прибыль, что отъ художествъ собирается, употреблена бываетъ. Что по разсужденіи несравненной пользы отъ Академіи и отъ Университета ожидаемой весьма непропорціонально.

Сии недостатки никогдабъ не были столь велики, и никакимъ бы партикулярнымъ пристрастіемъ или интересамъ желанное приращеніе наукъ не моглобъ прескаться и приходитъ въ непорядокъ, когда бы въ Академическомъ регламентъ узаконенія были на

всѣ случаи довольны, и утверждены толь неподвижно, чтобы ихъ никто не могъ перемѣнить или толковать по своему произволению.

Правда, что Академической регламентъ опробованъ и подписанъ Высочайшею Ея Императорскаго Величества рукою, и ради того почитать должно оной свято, и во всѣхъ Академическихъ поведеніяхъ ему согласоваться; но 1-е, многіе примѣры не токмо внѣ, но и внутри Россіи имѣемъ, что прсмудрые Государи усмотрѣвъ лутчее, узаконенія свои отмѣнили; 2-е, въ послѣднемъ пунктѣ Академическаго регламента позволяется Президенту чинить отмѣны; изъ чего явствуетъ, что оной регламентъ за совершенной не признается; 3-е, что въ ономъ о учрежденіи Университетскаго регламента и Гимназіи ничего не содержится, что необходимо нужно и медленія не отнюдь не терпѣть; не упоминаю, что онъ безъ предписанія Высочайшаго титула Ея Императорскаго Величества на переди, какъ всѣ прочіе регламенты и узаконенія; 4-е, яснѣе всего доказываютъ сіе многія важныя отмѣны пунктовъ въ разныхъ случаяхъ. Сіе рассуждая, и видя, что толикое множество казны Ея Величества, безъ желаемаго успѣха исходить, а паче всего Высочайшее благоволеніе и матернее намѣреніе и желаніе по надлежащему не исполняется по всеподданнической моей должности и по усердной любви къ отечеству прісмыло дерзновеніе предложить: 1) недостатки Академическаго регламента, 2) какъ онъ исправленъ и въ требуемое совершенство приведенъ быть можетъ.

*

2.

Для всякаго предприіемлемаго важнаго дѣла должно полагать напередъ непоколебимыя основанія и предписывать неложныя правила, дабы въ произведеніи оныхъ не подвергнуться какимъ предкновеніямъ, не просмотрѣть ничего нужнаго и не употребить безполезнаго. Учрежденіе Императорской Академіи наукъ простирается не токмо къ приумноженію пользы и славы цѣлаго Государства; но и къ приращенію благополучія всего человѣческаго рода, которое отъ новыхъ изобретеній происходитъ и по всему свѣту расширяется, о чемъ вышнія Академіи довольно свидѣтельствуютъ. Того ради приступая къ оному, должно положить въ началъ общія основанія, на которыхъ утвердить и расположить всю сего великаго государственнаго и полезнаго учрежденія систему. Ибо безъ оныхъ все должно быть зыблемо и къ скорому паденію и разрушенію склонно.

Оныя основанія въ слѣдующихъ пунктахъ кратко предлагаются.

(отъѣтки на полл). 1. Регламентъ академической такимъ образомъ сочинень и расположенъ
1. 3. 46. 12. 20. быть долженъ, чтобы онъ всегда
26. 27. 48. имѣлъ свою силу и всякому буду-
Дивлюсь что и щему времени былъ приличень и со-
студентовъ из- гласень и вездѣ полезенъ. Того ра-
замора не велл- ди не должно смотрѣть на лицо,
но выписывать. заслуги и недостатки тѣхъ, которые
находятся въ Академіи, при нынѣш-

16. 19.

*Россійское со-
браніе...*

18. 23. 24, 36.

нѣмъ состояніи, ниже на поведеніи и поступки, или обстоятельства.

2. Дабы Академія не токмо сама себя учеными людьми могла довольствовать, но размножать оныхъ и распространять по всему государству.

3. При сочиненіи регламента должно прилежно смотреть на учрежденія славныхъ Академій въ другихъ государствахъ изъ древнихъ временъ процвѣтающихъ, какъ добрыя примѣры, выключая то, что съ протчими узаконеніями Россійскаго государства не согласуется.

(4-й и 3-й зачеркнуты).

1. *Чиновъ нѣтъ.*2. *Запрещ. 9.*

6. Между равными, а особливо между вышними чинами была бы всегда дружба и согласіе. Отъ нижнихъ къ вышнимъ пристойное почтеніе, отъ подчиненныхъ къ начальникамъ законное послушаніе. Все сіе къ беспрепятственному приращенію наукъ и къ пріобрѣтенію отъ народа къ нимъ почтенія и любленія необходимо нужно.

14.

О награжденіяхъ и штрафахъ ничего не положено, дѣлаютъ какъ хотятъ.

7. Дабы добрые имѣли одобреніе, а злые страхъ, должно опредѣлить по мѣрѣ заслугъ награжденіе, по мѣрѣ преступленія наказанія; но такъ чтобы излишествомъ воздаяній не привести къ высокоумію и лѣности, без-

Штрафуютъ мѣрнымъ изгнаниемъ къ подлости и студентою под-отчаянню.

ло. Примѣры

(в. зачеркнута).

здѣшніе, примѣры иностран- ные; мой при- мѣръ въ студен- тахъ, въ совет- никахъ штра- фованъ.

9. Дабы Академической регламентъ былъ наблюдаемъ строго и порядочно, для того положить учрежденія никогда и никѣмъ неотмѣняемыя, безъ Высочайшаго Монарческаго повелѣнія, по примѣру другихъ командъ, и предписать точно предѣлы, до которыхъ главные командиры въ потребныхъ обстоятельствахъ отмѣну учинить могутъ, и что съ общаго членовъ согласія, что сами собою.

Профессоровъ, студентовъ и школьниковъ мало.

10. Дабы въ произведеніи и содержаніи разныхъ Академическихъ департаментовъ и наукъ было полагаемо равномѣрное попеченіе и наблюдалась бы надлежащая пропорція. Въ противномъ случаѣ будетъ Академія подобна нѣкоторому безобразному тѣлу, которое отъ болѣзни, неровное питаніе въ членахъ производящей, имѣеть тѣ части больше и тучнѣе, которыя въ здоровомъ состояніи должны быть равны или еще и меньше.

3.

Сочинитель апробованнаго Академическаго регламента, о которомъ профессоры не знали, при начина-

ни онаго не имѣлъ предъ собою таковыхъ необходимо нужныхъ основаній, что изъ слѣдующихъ ясно усмотрѣть можно.

1. Большая часть штата расположена по бывшему прежде въ Академіи до прибавленія суммы по большей части испорченному состоянію. Напримѣръ:

ВЪ ДЕПАРТАМЕНТАХЪ.

1. Канцелярія вовсе излишня. Въ другихъ государствахъ отнюдь ихъ нѣтъ при таковыхъ корпусахъ. Однако была и затѣмъ не токмо оставлена, но и больше власти получила, къ уничтоженію профессорскаго достоинства.

2. Россійскаго собранія, нужнаго весьма учрежденія, тогда не было; слѣдовательно въ регламентъ и не упомянуто.

ВЪ ПЕРСОНАХЪ.

1. Въ астрономическомъ классѣ положенъ калкуляторъ только для того, что былъ тогда профессоръ Вингеймъ, которой только къ тому и способенъ. Въ другихъ Академіяхъ и имени того нѣтъ.

2. Ректоромъ университета положенъ исторіографъ, то есть профессоръ Миллеръ, затѣмъ что онъ тогда былъ старшей. И если бы Миллеръ былъ юристъ, или стихотворецъ, то конечно и въ штатѣ ректоромъ былъ бы положенъ юристъ или стихотворецъ. Послѣ переменъ и сдѣланъ ботаникъ.

3. Исторіографу приданъ переводчикъ Китайскаго и Манжурскаго языка; то есть переводчикъ Рос-

сохинъ; но если бы онъ зналъ вмѣсто Китайскаго и Манжурскаго языка на пр. Персидской и Татарской; то бы конечно положенъ былъ въ штатъ переводчикъ Персидскаго и Татарскаго языковъ.

4. Въ канцеляріи члены положены совѣтникъ и ассесоръ, которые въ наукахъ и языкахъ нѣкоторое понятіе имѣютъ, то есть Шумахеръ и Тепловъ. Но если бы оба они были люди великаго ученія, и Тепловъ бы былъ уже тогда совѣтникомъ; то бы конечно въ штатъ положены были въ канцеляріи два совѣтника, въ высокихъ наукахъ весьма искусные.

5. Въ Европейскихъ государствахъ, которыя ради отдаленія меньшее сообщеніе съ Азіатическими народами имѣютъ нежели мы по сосѣдству, содержатся при университетахъ профессоры оріентальныхъ языковъ. Но въ академическомъ штатѣ оной не положенъ: затѣмъ что тогда его въ Академіи не было.

ВЪ ЖАЛОВАНЬѢ.

1. Каждая наука въ Академіи имѣетъ равное достоинство; и въ каждой можетъ быть равенство знанія и неравенство. И такъ вообще разсуждая: должно всѣмъ положить въ штатѣ равное жалованье. Ибо для неравности положеннаго жалованья студенты больше будутъ стараться о тѣхъ наукахъ, гдѣ профессору больше жалованья положено. Что уже и примѣромъ оказалось. Ибо вѣдая что и вышшему математику жалованья положено 1800 рублей, а химику 860; и притомъ алгебраистъ сидя въ своей

камеръ или въ саду можетъ свое дѣло исправлять; а химикъ напротивъ того долженъ въ дыму, въ пыли и вредныхъ парахъ обращаться, всѣ лутчія студенты къ математикѣ прилагаютъ стараніе, отъ химіи удаляясь. Причина сего что сочинитель въ опредѣленіи жалованья положеннаго въ штатѣ смотрѣлъ на тогдашнія обстоятельства. И алгебраисту положено жалованья 1800 рублей для Ейлера или Бернулліа; астроному 1200, чтобъ славнаго Емса приласкать въ Россію; анатомику 1000 рублей для Бургава; прочимъ по 860, и по 660 рублей, не по достоинству и трудности самой науки; но по обстоятельствамъ особъ, которые тогда оныя профессіи имѣли. Однако если бы Ейлеръ (или Бернулій) былъ таковъ химикъ, каковъ онъ математикъ; то бесспорно было бы химику положено жалованья въ штатѣ 1800 рублей.

Изъ сихъ примѣровъ явствуетъ, что Академической штатѣ сочиненъ по большей части взирая на персоны и обстоятельства тогдашняго времени. Следовательно во всѣ будущія времена служить не можетъ, что весьма противно первому основанію.

въ поведеніяхъ.

1. Объ отсутствіи президентскомъ многократно при всякомъ случаѣ упоминается. Якобы то нужное и узаконенное было дѣло во всѣ будущія времена, чтобъ президенту въ Академіи рѣдко присутствовать.

2. Такимъ же образомъ о выписаніи профессоровъ и о контрактахъ наблюденіи узаконеніе положено, яко-

бы то всегда впредь будет и надежды нѣтъ, чтобы мы могли довольствоваться своими. Временныхъ дѣлъ въ неподвижныхъ государственныхъ узаконеніяхъ вносить не должно; но на то дѣлать особливья опредѣленія.

II. Основаніе о произведеніи и размноженіи ученыхъ людей въ Россіи не токмо весьма мало наблюдаемо было; но и совсѣмъ оному впротивность поступано быть кажется. На примѣръ:

1. Во всѣхъ Европейскихъ государствахъ позволено въ Академіяхъ обучаться на своемъ коштѣ, а иногда и на жалованьѣ, всякаго званія людямъ, не выключая посадскихъ и крестьянскихъ дѣтей. Хотя тамъ уже и великое множество ученыхъ людей. А у насъ въ Россіи при самомъ наукъ начинаніи уже сей источникъ регламентомъ по 24 пункту запертъ, гдѣ положенныхъ въ подушный окладъ въ Университетъ принимать запрещается. Будто бы сорокъ алтынъ толь великая и казнѣ тяжелая была сумма, которой жаль потерять на приобрѣтеніе ученаго природнаго Россіянина, и лутче выписывать. Довольнобъ и того выключенія, чтобы не принимать дѣтей холопскихъ.

2. Профессоры въ другихъ государствахъ, не взирая на ихъ великое довольство, имѣють во первыхъ чины знатныя и всегда выше или по послѣдней мѣрѣ равно коллежскимъ ассесорамъ считаются; второе, ободряются къ прилежному ученію не токмо произведеніемъ въ чины, но и возвышеніемъ въ знатное дворянство; такъ что нерѣдко бывають за особливое достоинство произведены по первому въ тайные совѣтники, по второму въ фрейгеры или въ бароны.

Здѣсь правда что ободреніе отъ произведенія, по Высочайшей милости Ея Величества съ радостію видимъ. Однако что до перваго надлежитъ, капитанскія чины профессорамъ малы, а адъюнктамъ и никакихъ нѣтъ. О семъ въ регламентъ и въ штатъ не токмо по прежнему оставлено; но и почти вся надежда отнята къ ихъ происхожденію въ высшіе чины по 10 пункту. Напротивъ того канцелярскимъ членамъ и другимъ чинамъ положены пристойныя ранги къ униженію профессорскаго достоинства, и слѣдовательно и къ помѣшательству въ размноженіи ученія. Сіе такъ же не мало препятствуетъ, что дворяне больше записываютъ дѣтей своихъ въ кадеты, нежели въ Академію; ибо положивъ многіе труды и годы на ученіе, не имѣютъ почти никакой надежды произойти какъ только до капитана; да и то струдомъ, есть велик....

(не кончено).

3. Каждому Академику положено упражняться въ своей профессіи, а въ чужую не вступаться (16). Сіе ограничено весьма тѣсно. Ибо иногда бываетъ, что одинъ академикъ знаетъ твердо двѣ или три науки, и можетъ чинить въ нихъ новыя изобрѣтенія. И такъ весьма неправильно будетъ, ежели когда астроному упадетъ на мысль новая физическая машина, или химику труба астрономическая; а о приведеніи оной въ совершенство и описаніи стараться ему не позволяется: и для того о томъ молчать или другому той профессіи уступить, и слѣдовательно чести отъ своего изобрѣтенія лишиться принужденъ будетъ. Сіе немало распространенію знаній можетъ препятствовать,

и для того нѣкоторыми правилами изъяснено быть должно.

4. Больше всего препятствуетъ приращенію наукъ и размноженію людей ученыхъ весьма малое число студентовъ и школьниковъ, въ разсужденіи такъ великой суммы, на Академію положенной, и безпропорціональное раздѣленіе студентовъ и школьниковъ. Ибо всѣхъ ихъ только 50 человекъ, которыхъ число по примѣру кадетскихъ корпусовъ много больше быть должно. Сверхъ сего школьниковъ много меньше нежели студентовъ; что совсѣмъ противнымъ образомъ быть должно: затѣмъ что не всякой школьникъ произойти можетъ въ студенты, какъ не всякой студентъ въ профессоры. Посторонніе вольные школьники тому не замѣна, затѣмъ что должны быть и студенты вольные и посторонніе, безжалованные.

5. Таковыя студенты числятся по Университетамъ въ другихъ государствахъ не токмо стами, но и тысячами изъ разныхъ городовъ и земель. Напротивъ того здѣсь почти никого не бываетъ. Причина сего весьма видна и явственна. Ибо здѣшней Университетъ не токмо дѣйствія, но и имени не имѣетъ. Но когда бы здѣшнему Университету учинена была инаугурація, то есть торжественное учрежденіе, какъ то въ другихъ государствахъ видится, и на ономъ бы программу всему свѣту объявлены были вольности и привилегіи, которыми Университетъ пожалованъ; въ разсужденіи профессоровъ, какую имѣютъ честь, преимущество и власть, и какія нужны науки преподавать, и въ какія градусы атте-

ствовать и производить имбютъ; въ рассужденіи студентовъ, какія имбютъ увольненія, по какимъ должны поступать законамъ. Какъ могутъ происходить въ градусы, и какія преимущества обученія въ Университетъ передъ неучеными въ произвожденіи имбть будутъ; все сіе когдабъ учинено было; то конечно Университетъ Санктпетербургской былъ бы доволенъ и вольными студентами. Которые купно съ содержащимися на жалованьѣ могли вскорѣ не токмо Академію удовольствовать, но и по другимъ командамъ распространяться.

III. Хотя изъ вышеписанныхъ уже ясно видѣть можно, что при сочиненіи Академическаго регламента и stata мало смотрѣно на достохвальныя учрежденія Академій и Университетовъ въ чужестранныхъ государствахъ; однако еще не мало другихъ есть сего доказательствъ.

1. Въ Европейскихъ государствахъ Университеты раздѣляются на 4 факультета: на богословской, юридической, медицинкой, философской. Здѣсь хотя богословской оставляется святѣйшему Синоду; однако прочихъ трехъ порядочное учрежденіе необходимо нужно: 1), для обученія студентовъ праву вообще, такъ же Европейскихъ и Россійскихъ, для умноженія въ Россіи Россійскихъ докторовъ и хирурговъ, которыхъ очень мало. Для приумноженія прочихъ ученыхъ, которые въ философскомъ факультетѣ заключаются. Для порядочнаго произведенія въ градусы, чтобы произведенной въ Санктпетербургскомъ Университетѣ порядочнымъ и обыкновеннымъ у другихъ образомъ (на примѣръ) док-

торъ медицины признаваемъ былъ за доктора во всѣхъ государствахъ. 3) Чтобы въ трудныхъ судебныхъ, медицинскихъ и другихъ дѣлахъ можно было въ другія команды изъ Академіи требовать по факультетамъ мнѣнія. Какъ то обыкновенно въ другихъ государствахъ трудныя судебныя медицинскія и другія дѣла по Академіямъ и Университетамъ для совѣта сообщаются. О семъ нужномъ и полезномъ учрежденіи въ Академическомъ штатѣ и регламентѣ ничего не упомянуто.

2. Въ Университетахъ ректорамъ какъ велика власть дается, такъ и недолго поручается. Ректоръ имѣеть власть живота и смерти надъ студентами, и на всякую полгода перемѣняется по избранію. Здѣсь должно или имя оное оставить, или учинить по иностранному. Однако изъ сихъ ни одного не сдѣлано. Я предложу о семъ въ другой части, что и съ иностранными обыкновеніями сходствовать и Россійскимъ узаконеніямъ не противно будетъ

(отл. н. на пол.). 3. О произвожденіи въ градусы, о публ-Диво, что личныхъ экзерциціяхъ студентовъ и о въ Академіи лекціяхъ профессорскихъ въ регламентѣ музыки! тѣ ничего не предписано; что однако ба! да Шума- необходимо нужно, и въ другихъ государствѣхъ происходя порядочно, вевать не умъ- ликое ободреніе наукамъ и честь приносить.

4. Академическій корпусъ составляется: 1) ради того чтобъ изобрѣтать новыя вещи. 2) Чтобы обв нихъ разсуждать вмѣстѣ съ общимъ согласіемъ.

Но разсужденія быть общія не могутъ, ежели о достоинствѣ изобретенія одинъ только знаніе имѣеть. Напримѣръ во всемъ собраніи только одинъ ботаникъ, слѣдовательно, что онъ ни предложитъ, то должно разсудить за благо, какъ бы оно худо ни было: за тѣмъ что одинъ только ботаникъ разумѣеть. Слѣдовательно и собранія академиковъ тщетны. И такъ въ другихъ Академіяхъ каждая профессія имѣеть въ одной наукѣ двухъ или трехъ искусныхъ. Чего въ новомъ регламентѣ отнюдь не упомянуто, и ни самаго дѣла, ниже примѣровъ въ разсужденіе не принято.

IV. Штатъ академической хотя самъ положенной суммы не превосходитъ; однако для недостаточныхъ узаконеній и для данной великой свободы оныя перемѣнять по произволению, къ тому дали причину, что не токмо безъ нужды набранными людьми сумма отягощена, а годныхъ положеннаго числа нѣтъ; но и старые долги не выплачены, и новые прирастаютъ. Чтожъ до прибыли надлежитъ, которая отъ художествъ, а особливо до типографіи надлежитъ; о томъ, какъ умножить, расположить и получить великую пользу, нѣтъ въ регламентѣ никакихъ учрежденій. Коль великая государственная отъ сего прибыль, польза и слава оставлена въ небреженіи, о томъ въ учрежденіи Академіи художествъ имѣя одну типографію во всемъ государствѣ. Могло бы много остаться суммъ въ 7 мѣтъ, хотя бы по 10,000, былобъ уже 70,000.

5. Для неумедительнаго наставленія учащихся и учащихся должно быть надлежащее расположеніе

въ Гимназіи школъ и классовъ. Довольное и порядочное число учителей и множество школьниковъ; частые экзамены. Въ университетѣ на всякую полгода профессорскія лекціи печатнымъ листомъ объявлять, и оныя предлагать дѣйствительно; студентамъ имѣть на каждой мѣсяцъ публичный диспутъ, и протч. по примѣру Европейскихъ гимназій и университетовъ.

1. Но при Академіи наукъ, въ Гимназіи верхнихъ классовъ учителей уже много лѣтъ не было, а когда и были, то почти недостойные.

2. Напротивъ того въ нижнихъ классахъ учителя за излишкомъ; а почти всѣ негодные, у которыхъ школьники время теряютъ.

3. Нѣкоторые учителя приняты изъ милости, и получая не малое жалованье, никого въ Гимназіи не обучаютъ; а живутъ при дѣтяхъ у знатныхъ господъ.

4. Многіе учителя были и нынѣ есть, въ латинской школь, которые Россійскаго языка не искусны, и учать школьниковъ по латинѣ съ нѣмецкаго. Для того принуждены они прежде учиться по нѣмецки. Въ чемъ ради безпорядка потерявъ много лѣтъ къ латинскому языку уже устарѣвъ приступаютъ, и затѣмъ онаго не выучаются.

5. Всего недостатка причина въ томъ состоитъ, что въ Академическомъ регламентѣ о гимназическомъ учрежденіи и поведеніяхъ ничего не упомянуто.

6. Университетской регламентъ не сочиненъ; хотя много на то трудовъ профессорскихъ и времени положено.

Противъ 6 основанія.

Для дружбы, для повелительства, для послушанія, долженъ служить 1) всегда взаимно соответствующія и общими силами производимыя труды; 2) извѣстныя каждому ранги и команды; 3) члены и другіе служители всякъ въ своемъ дѣлѣ искусные.

Въ академическомъ регламентѣ положено, что профессору одной профессіи нѣтъ дѣла до другой. Сей пунктъ разрушаетъ общество академическихъ конференцій: 1) въ совѣтахъ и разсужденіяхъ; 2) въ трудахъ тѣхъ профессоровъ, которые больше нежели одну науку знаютъ. Ибо ежели астрономъ знаетъ физику или химию или ботанику, не долженъ сочинять диссертаций физическихъ, химическихъ или ботаническихъ, хотя что новое найдетъ: затѣмъ что по сему пункту могутъ по зависти тѣхъ наукъ профессеры спорить. Отъ чего ссоры и препятствія въ распространеніи наукъ. 3) Малое число профессоровъ по одной наукѣ. Что скажетъ то и ладно, какъ бы худо ни было.

II.

(Переписанная, но переправленная собственною рукою).

Въ канцелярію академіи наукъ представленіе.

По примѣру другихъ государствъ весьма полезно быть разсуждаю, чтобы учредить при Академіи наукъ печатаніе внутреннихъ Россійскихъ вѣдомостей, которыя бы въ государственной экономіи и частныхъ людей, а особливо въ купечествѣ, приносили

пользу отечеству сообщеніемъ знанія о внутреннемъ состояніи государства, въ чемъ гдѣ избытокъ или недостатокъ: напримѣръ плодородія хлѣба или недороду, вывозъ товаровъ или припасовъ и о многихъ другихъ вещахъ подобныхъ, какъ для извѣстія во всѣхъ въ государствѣ въ присутственныхъ мѣстахъ и для знанія частнымъ людямъ, торгами и промыслами пропитаніе себѣ имѣющимъ; того ради канцлеріи Академіи наукъ представляю, чтобы о учрежденіи таковыхъ вѣдомостей учинить опредѣленіе къ опробованію Его Сіятельству Академіи господину Президенту, въ чемъ особливо означить: 1) чтобы сіи вѣдомости печатать на одномъ Россійскомъ языкѣ; 2) къ онимъ бы припечатывать все, что къ обыкновеннымъ вѣдомостямъ припечатывается для извѣстія; 3) вмѣсто того припечатывать къ политическимъ вѣдомостямъ, о ученыхъ дѣлахъ сокращенія новыхъ книгъ и проч.; 5) представить доношеніемъ Правительствующему Сенату о присылкѣ изъ губерній и городовъ потребныхъ къ тому извѣстій, которымъ сдѣлать въ Академіи просктъ для поданія Правительствующему Сенату.

III.

(СОВСТВЕННОРУЧНАЯ ЧЕРНОВАЯ).

о мозаикѣ (1764 года).

1757 года Февраля 11 дня, изъ Правительствующаго Сената посланъ былъ въ Академію наукъ указъ, коимъ повелѣно освидѣтельствовать мозаическія картины, составленныя на моей фабрикѣ, дѣланія раз-

ноцѣтнѣхъ стеколь и изъ нихъ бисеру, стеклярусу и протчаго. Которыя картины весьма одобрены и ко всякимъ украшеніямъ рекомендованы съ похвалою, что-де оное искусство приведено здѣсь въ краткое время до столь хорошево состоянія, до котораго въ Римѣ едва въ нѣсколько сотъ лѣтъ достигло. И по моему повелѣнію мнѣ отъ онаго Правительствующаго Сената о пріобрѣтеніи въ томъ вѣщаго искусства и обученіи учениковъ всячески стараться, о чемъ я всевозможное употребилъ попеченіе и произвелъ до совершенства, а потому пришолъ въ долги около четырнадцати тысячъ, затѣмъ что прочія фабричныя дѣла и модели оставилъ для приведенія мозаичнаго художества въ надлежащее состояніе.

А 1758 года Генваря 14 дня, въ Правительствующемъ Сенатѣ опредѣлено соорудить монументъ съ мозаичными украшеніями въ славу блаженныя памяти Государя Императора Петра Великаго въ Петропавловскомъ соборѣ, по моему изобрѣтенію и оное стросніе и сумму на то опредѣленную ввѣрить въ мое расположеніе, о чемъ и поданъ докладъ блаженныя памяти Государынь Императриць Елисаветъ Петровнѣ. Потомъ 1760 года отъ 26 Октября, на оной докладъ воспослѣдовало именное повелѣніи Ея Императорскаго Величества о строеніи помянутаго монумента съ мозаикою, которое и производиться мною началось по первой выдачѣ назначенной суммы по 13,460 рублевъ въ годъ, учиненной 1761 Марта 29 дня.

Сколькожь мозаическаго стросенія произведено и что употреблено на оное суммы и по указу Прави-

*

тельствующаго Сената на плату долговъ, взятыхъ займу изъ казенныхъ мѣстъ на строеніе помянутой фабрики и на приведеніе къ совершенству мозаичнаго дѣла, то все явствуетъ изъ поданныхъ мною въ Правительствующій Сенатъ доношеній.

Нынѣ же всепокорнѣйше прошу выдать мнѣ на произведеніе и строеніе прочихъ картинъ сего строенія определенную годовую сумму 13,460 рублей, чему уже за три мѣсяца срокъ минулъ. А нынѣ мастеровые и работные люди платы неотступно требуютъ; безъ чего неотмѣнно воспослѣдуетъ остановка.

IV.

(СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЧЕРНОВАЯ).

Въ Правительствующій Сенатъ всепокорнѣйшее прошеніе.

1.

Ежели Божескою судьбою отъ настоящей болѣзни жизнь моя пресѣчется, то приношу оному высокому Сенату всенижайшее прошеніе о нижеслѣдующемъ:

2.

Понеже производимое мною великое * мозаичное дѣло въ самомъ своемъ лутчемъ теченіи какимъ образомъ производится и Правительствующій Сенатъ

* Было написано *слабое*; но зачеркнуто.

въ сомнѣніи состоятъ будетъ, продолжать ли оное или нѣтъ, на то оному слѣдующее представляю.

3.

Дѣланіе мозаичныхъ составовъ не можетъ отнюдь быть остановкою долговременнымъ искусствомъ....

4.

Шуринъ мой регистраторъ Ив. Цилихъ дошелъ въ семь искусствъ толь довольнаго совершенства, что никто въ Европѣ лучшихъ успѣховъ показать не можетъ; имѣеть учениковъ уже далече знающихъ. Еще большее число придано быть можетъ. Сіе приуготовленіе инструменты и другія надобности изготовлены и * къ тому работники; всѣ цвѣты безъ меня произведены быть могутъ, ибо уже года съ три въ составленіи оныхъ мозаичныхъ цвѣтовъ я головою не вступался, а производилъ все оной мой шуринъ Ц. **

У.

ЧЕРНОВОЕ ПИСЬМО КЪ ЕЙЛЕРУ.

Ich habe mich höchst verwundert, daß E. S. als ein großer gelehrter, und schon betagter Mann, über dieß ein großer Rechenmeister in Ansehung ihrer letzten Aufführung gar zu sehr verrechtet haben. Man siehet

* Въ этомъ мѣстѣ пробѣлъ.

** Не кончено.

es deutlich, daß die höchste Algebra in moralischen Sachen ein elendes Mittel ist, die so viele data bekannter Zahlen sind für Sie nicht zulänglich gewesen eine schon halb bekannte kleine Zahl zu evaluiren. Sie wußten genug was Schumacher in Ansehung der gelehrten für ein Schelm gewesen; und daß sein Lehrling, Schwieger-Sohn und Nachfolger noch ärger ist; daß Müller ein Ignorant, und von den aller ersten professor flagellum professorum genannt, ein lebendiger Machiavel und stetiger Stöhrer der Academischer Ruhe ist und immer gewesen. Und sie haben doch ihre falsche insinuationes in Ansehung des Taubertischen Schoßhündchen des Rumowsky nicht einsehen können. Denn der Taubert, wenn er etwa einen Hund auf der Straße siehet, der mich anbelleet, so ist er im Stande so eine Bestie sich an den Hals zu hängen und stets unter dem S..... zu küssen. Und er thut es so lange bis er sein Gebelle nicht nöthig hat, da schmeißt er ihn ins D.... und heßet auf ihn andere Hunde. Was E. H. an den Erzfeind aller ehrlichen Leuten den Müller geschrieben haben, davon lege ich einen Extract hiebey, sammt meinen Anmerkungen. Uebrigens meine harte Ausdrücke werden Sie mir nicht verdenken, denn sie stammen von einem durch unerhörte Bosheit meiner Feinde erbitterten Herzen her, derer gottlose Anfälle will ich Ew. Hoch. kürzlich für

die Augen legen, daß Schumacherisch schelmische principium: divide et impera ist auch noch bis dato bey seinem successor in dem größten Schwanz. Es ist E. H. sehr wohl bekannt, daß der Schumacher immer junge professores auf die Alte gesetzt hat. Ich will aber außer anderen melden, was ich ausgestanden habe. 1) So bald mich die Conferentz zum Professor erwählet und attestiret hat und die sehlige Kayserinn darzu eingesetzt, so hat der Schumacher meine schon approbierte dissertationes an Ew. Hoh. geschickt, in der Hoffnung einer schlechten testimonii, Sie haben aber damahls als ein ehrlicher Mann gehandelt. 2) Ich habe Summa Geldes zum laboratorio von Kabinet erhalten bey der Academie zu bauen; dieses alles, wie auch die Chymische Profession, wollte er dem Burhaawe zu schenken; es gelang aber ihm nicht, und ich habe treffliche experimente auf die Mqsaique gemacht, wodurch ich Ehre, Landgüter und Gnade erhalten. 3) Dieses war dem Schumacher, Müller und Laubert ein greulicher Stachel in den Augen. Sie erschnappen eine Gelegenheit, da ich auf einen Befehl die Historie schreiben sollte, und haben den elenden Salchen vor die Chymie verschrieben, um mich vom Laboratorio und vom freyen Quartier zu vertreiben. Gott hat mir aber gleich zu eigenen Haus geholfen, daß ich mitten im Petersburg in einem geraumen nach meinem Sinn

erbaueten, mit einem Garten und Laboratorio versehen schon acht Jahr wohne, und allerhand Instrumente und Experimente nach meiner Willkühr mache. 4) Da ich schon auch acht Jahr in der Cantzeley sitze (nicht um zu commandiren, sondern unter Taubertischen comando nicht zu stehen) So suchen.... hat doch das gedachte Gesiedel mich immer davon zu bringen....

(не кончено).

VI.

(СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА).

Грыдорованіе и печатаніе сочиненныхъ картъ къ Россійскому атласу стоитъ уже два года, только за одною апробаціею конференціи. А она тянется безъ всякой причины. Къ поправленію Россійскаго атласа больше ничево не требуется, какъ первое, чтобъ сочинитель показалъ оригиналы, изъ которыхъ онъ собралъ сочиненную имъ карту, что они самыя въ нынѣшнее время лутчіе и что положены на новую карту исправно и вѣрно. 2) Что имена были, сколько изъ имѣющихся извѣстій возможно, исправны. 3) Чтобъ расположеніе было по принятой заблаго Газовой проекціи. 4) Чтобы всѣ въ сочиненіи и издавніи употребительные знаки городовъ, деревень, дорогъ и протчаго были исправны.

Когда сочиненныя въ географическомъ департаментѣ карты имѣють всѣ помянутыя недостатки; то должно ихъ неукоснительно отдать въ дѣло, для на-

родной пользы и для чести Академіи; будежъ явят-ся недостатки немедленно велѣть поправить, и отда-ть въ дѣло. А долге не коснѣть и тѣмъ не чн-нить ущербу казнѣ и чести академической. Августа 27 дня 1762 года. Михайло Ломоносовъ.

7.

(совст. руч. записка).

- Писать 1) къ Эйлеру и къ Фармею.
 2) къ Генсіусу и къ Володимеру Григорь-евичу.
 3) къ Вергентину.
 4) къ Занотти.
 5) къ Ноллету и Кондамину.
 6) НВ. Испанія.
 7) Лондонъ.
 8) къ Бернуллію и ко всѣмъ почетнымъ членамъ иностр. Парижской Академіи.

Н. Фабрики объѣздить и мастеровъ и мастер-ства при командахъ осмотрѣть. Въ Адмиралтействѣ, въ канц. отстр....

Рвѣчь 1 и 2 для Академіи художествъ.

8.

(Переписанная; поправки рукою Ломоносова).

Для извѣстия о нынѣшнихъ академическихъ обсто-ятельствахъ.

I.

1. Господинъ Миллеръ не токмо пишетъ, но и печатаетъ ложь и общество обманываетъ, на пр. Рычкова представлялъ почетнымъ членомъ. А какъ

его по справедливости сдѣлали только корреспондентомъ, то Миллеръ печаталъ его членомъ корреспонденціи въ противность опредѣленія и обыкновенія. Изъ сего и изъ многихъ примѣровъ видно коль неправедны бываютъ протоколы конференцскіе, кои онъ одинъ подписываетъ.

2. Господина Брауна не токмо въ конференціи осмѣхалъ, ни вочто вмѣняя изобрѣтеніе замороженія ртути; но и согласясь съ господиномъ Епинусомъ писалъ за море отводя отъ Брауна оное изобрѣтеніе и начало онаго приписывать хотя Цейгеру, что все и напечатано въ Лейпцигѣ, яко бы то сообщено отъ здѣшней Академіи; однако ни канцелярія, ни конференція того не вѣдала.

3. Комментаріи не выходятъ повсягдно по большей части за тѣмъ, что Миллеръ не зная своей должности дѣлать на диссертациі сокращеній не въ состояніи и принужденъ другихъ просить.

4. Какъ извѣстно, что Миллеръ выписалъ Салхова для того, чтобы меня изъ готовой квартиры вытѣснить. Но нынѣшняго лѣта подалъ въ канцелярію доношеніе, чтобъ у Салхова отнять диплому при его отпускѣ безъ моего вѣдома. И Господиномъ Таубертомъ послана въ Адмиралтейскую коллегію однѣмъ безъ общаго согласія промсморія, чтобы въ Кронштатѣ удержавъ Салхова диплому отнять. Сіе столько шуму, негодованія и смѣху въ городѣ сдѣлало, сколько съ начала не бывало, и Салховъ не преминетъ уповательно отмщать свою обиду ругательными сочиненіями о Академическомъ правленіи.

5. Что непозволенные переписки Миллеръ производить съ чужестранными, то довольно утверждать бывшая надъ нимъ вторая комиссія для слова *phanatique*. И многія причины къ подозрѣнію имѣю, что по его отпискамъ внесены обо мнѣ несправедливыя разсужденія въ ученыхъ вѣдомостяхъ; студента Арнолда старался сюда выписать академикомъ, чтобы мнѣ и здѣсь былъ соперникомъ; за тѣмъ что онъ писалъ противъ моей теоріи о теплотѣ и стужѣ.

6. Безъ вѣдома канцеляріи и конференціи выписалъ Французъ для обсерваціи Венеры въ Сибирь, чѣмъ и при Дворѣ и въ Сенатѣ не очень довольны, разсуждая чтобы Французъ въгъхавъ не издалъ безславнаго журнала, какъ прежде бывало.

7. Посылающіеся указы въ конференцію, кои по моему особливо представлено бывають, отнюдь не старается исполнить, напр. уже тому больше двухъ лѣтъ, какъ требуется отъ каждаго профессора сократительное понятіе его науки, для того, чтобы выходящимъ изъ Гимназіи студентамъ имѣть о наукахъ ясное воображеніе; но оноѣ понынѣ не исполнено. Такъ же и требуемыхъ канцеляріею ежемѣсячныхъ сочиненій никогда не сообщаетъ напередъ канцеляріи для вѣдома.

8. Семь лѣтъ имѣвъ Географической Департаментъ въ своемъ смотрѣніи, ниже начало положилъ къ сочиненію настоящаго Россійскаго атласа. А дѣлалъ по большей части карты для частныхъ въ угожденіе, какъ и прежде сего вмѣсто Россійской Исторіи знатымъ особамъ генеалогическія таблицы.

А какъ увидѣлъ мои труды и успѣхи, сперва все купно съ господиномъ Таубертомъ не токмо по городу ходя уничижалъ, но и въ глаза мнѣ говаривалъ, сперва что никакихъ географическихъ отвѣтовъ изъ городовъ не будетъ; а какъ стали приходить; то онъ нѣкоторымъ присоветывалъ, чтобы оныя извѣстія требовалъ отъ насъ сухопутной кадетской корпусъ. По справедливомъ въ томъ оному отказъ по его жъ совѣту и какъ слышу по обещанію, чтобы сочинить для корпуса географію его стараніемъ, кадетской корпусъ истребовалъ по нашему примѣру, отъ Правительствующаго Сената такъ же во всѣ города указы, и откинутые въ Академіи Миллерскіе трудные или и невозможные къ отвѣтствованію запросы прибавлены. Не явной ли подкопъ добрымъ академическимъ успѣхамъ!

9. Близъ тридцати лѣтъ будучи профессоромъ ни единой не читалъ лекціи, и надъ чтеніемъ другихъ смѣялся, а Гмелдину въ Сибирь и заказывалъ, какъ я многократно слыхалъ отъ Крашенинникова. И тому нынѣ послѣдуя всякими ложными словами и пророчествами по городу разноситъ и порочить полезныя новыя учрежденія Университета и Гимназіи.

10. Ни единого не выпустилъ въ свѣтъ сочиненія, гдѣ бы не было великаго множества пустоши и нерѣдко досадительной и для Россіи предосудительной.

11. И хотя за негодную диссертацию о произхожденіи Россійскаго народа былъ штрафованъ лишеніемъ чина; однако не отстаеъ прежнихъ своихъ

поступковъ, доказательства тому изъ слѣдующихъ ясны.

12. Мѣсячныя сочиненія содержатъ въ себѣ толь важныя политическія ошибки, ежели ошибками называть можно, что Миллеръ призванъ былъ въ придворную конференцію и сильно репримендованъ не задолго предъ полученіемъ прибавки жалованья. Дѣло было о Запорожцахъ въ мѣсяцъ (Августъ *) листъ перепечатанъ и слѣдующіе слова выкинуты **. Иностранная коллегія и безъ того затрудненіе имѣеть отвѣтствовать о набѣгахъ изъ Запорожья.

13. На все не смотря и по сіе время не токмо словесныхъ отъ канцеляріи требованій, но ниже указовъ исполняетъ, и не объявляетъ матерій вносимыхъ въ сочиненія.

Въ Іюль мѣсяцъ сочиненій прошлаго 1760 году стр. въ примѣчаніи Андреевскихъ казаковъ Персіи присвояеть, на что въ иностранной коллегіи негодуютъ.

14. Самовольство Миллерова такъ далече произошло, особливожь въ печатаніи сочиненій, что недавно Епинусъ подалъ на меня и при мнѣ въ собраніе поносительное письмо и говорилъ, что оное Миллеръ можетъ въ сочиненіяхъ напечатать. Въ ономъ письмѣ жалуется, яко бы я по городу бѣгалъ и поносилъ его книжку о прохожденіи Венеры по солнцу. Погрѣшность въ показаніи пути примѣтилъ

* Замарано.

** Точки.

господинъ Поповъ, а я прежде отъ знатныхъ людей слышалъ, нежели отъ Попова и только въ канцеляріи напоминалъ о томъ моимъ товарищамъ.

15. Жалуются не рѣдко, что ему въ сочиненіяхъ помогать не кому; хотя ему двое даны студентовъ и переводчики его жъ помощники. Не смотря на то Канцелярія опредѣлила къ нему для вспоможенія адъюнкта Мотониса, которой изъ награжденія ста рублевъ и принялся добровольно; однако вскорѣ прошеніемъ письменнымъ отъ того дѣла и отъ ста рублевъ отказался, не терпя Миллерова повелительства.

16. Не токмо въ ежемѣсячныхъ, но и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ всѣваетъ по обычаю своему занозливыя рѣчи, напр. описывая Чувашу, не могъ протти, что бы ихъ чистоты въ домахъ не предпочесть Россійскимъ жителямъ. Онъ больше всего высматриваетъ пятна на одеждѣ Россійскаго тѣла, проходи многія истинныя ея украшенія.

17. Ясное и весьма досадительное доказательство сего моего примѣчанія, что Миллеръ пишетъ и печатаетъ на Нѣмецкомъ языкѣ смутныя времена Годуновы и Растригины, самую мрачную часть Россійской Исторіи; изъ чего иностранные народы худыя будутъ выводить слѣдствія о нашей славѣ. Или нѣтъ другихъ извѣстій и дѣлъ Россійскихъ, гдѣ бы по послѣдней мѣрѣ и добро съ худомъ въ равновѣсіи видѣть можно было?

18. Всего доказательнѣе его злоба, что онъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ вмѣщаетъ свою ска-

редную диссертацию о Россійскомъ народѣ по частямъ; и забывъ свое наказаніе, хвастаетъ, что онъ ту диссертацию, за кою штрафованъ, напечатаетъ золотыми литерами. Причемъ хвалитъ превеликаго педанта Бейера превеликія въ комментаріяхъ и намъ прикрытыя ошибки; для того что Миллеръ въ помянутую заклятую диссертацию все выкралъ изъ Бейера; и ту ложь, что за много лѣтъ напечатана въ комментаріяхъ, хотѣлъ возобновить въ учономъ свѣтѣ.

II.

1. Изъ Правительствующаго Сената указомъ требовано, чтобы перевестъ Лифляндскія права. Подлинно что у насъ такихъ людей нѣтъ, да и я въ томъ не виноватъ; однако чтобы Правительствующему Сенату не показать никакой прикромсти, совѣтовалъ я моимъ товарищамъ, чтобы по возможности что нибудь въ послушаніе сдѣлать. Но господинъ Таубертъ ускоривъ пошолъ въ оной въ Сенатъ съ отказомъ, гдѣ ему по справедливости учиненъ твердой выговоръ въ чувствительное нареканіе всей команды.

2. Всегда требуетъ росчоту о расходахъ Гимназическихъ и съ трудомъ получаю умѣренное число денегъ на Гимназію и Университетъ, не смотря на то, что подаются всегда исправные счоты въ надлежащее время и деньги употребляются съ бережью. А напротивъ того отъ новой типографіи, отъ библиотеки и отъ переплетной нѣтъ ни какихъ репортовъ для отчету и сколько я ихъ ни требовалъ,

добиться не могу, что противъ регламента и противъ самой правды.

5. По примѣру своего тестя старается молодыхъ профессоровъ и адъюнктовъ вооружать противъ старыхъ. Епинуса преклонивъ на свою сторону, такъ его употребляетъ, что не токмо здѣсь, но и у Вашего Сіятельства рекомендуетъ выше его знанія. Правда, что онъ изрядной физикъ; только по Астрономіи весьма малъ въ разсужденіи практики. Обсервации астрономическія требуютъ долговременнаго упражненія. Господинъ Епинусъ былъ года съ два въ Берлинѣ, гдѣ ни одинаго нѣтъ добраго инструмента, и почти одинъ заржавелой квадрантъ, и Епинусъ не видалъ нигдѣ хорошихъ астрономическихъ инструментовъ, какъ только здѣсь у Грипева. Однако по мнѣнію господина Тауберта научился онъ такъ много, что въ столь же краткое время научилъ и Румовскаго Астрономіи и онъ уже по его рекомендаціи можетъ сдѣлать обсервацию, которой и славные астрономы не безъ осторожности ожидаютъ. Коль легкая и подлая наука Астрономія! Плоше сапожнаго дѣла. Отъ незнающаго никакой практики Епинуса Румовской выучился въ три мѣсяца. Между тѣмъ я бы весьма радовался какъ сынъ отчества Румовскаго успѣхамъ. И дай Богъ, чтобы то было правда! Да другимъ бы не обидя и главной командѣ не слѣдовало бѣ нарѣканія; въ ордерѣ написано, что кромѣ Румовскаго важнаго онаго наблюденія учинить нѣкому. Ежели правда, то сама главная команда Академическая виновата, что о томъ давно не старалась; ежели неправда, то жаль что изво-

лите принимать частныхъ представленийъ мимо канцеляріи, что Ваше Сіятельство сами при отъѣздѣ вашемъ словесно и писменно запретили. А чрезъ оной ордеръ привели въ огорченіе и уныніе тѣхъ, кои двадцать и тридцать лѣтъ упражняются въ астрономическихъ наблюденіяхъ, и вами жъ самими въ томъ знаніи удостоены и произведены чинами. Профессоръ Поповъ услышавъ, что его отдаютъ Румовскому почти въ команду, жаловался и отъ Сената получилъ чинъ и въ наблюденіяхъ первенство, и воспослѣдовавъ въ отправленіи остановка хотя еще не опасна.

4. Довольно извѣстно какія отговорки подалъ писменно Профессоръ Епинусъ, чтобы не читать физическихъ экспериментальныхъ лекцій студентамъ. Я о томъ представлялъ; однако ему упущено: нынѣ жъ въ Кадетскомъ корпусѣ за то принялся. Называлъ тогда скучною работою читать студентамъ физическія лекціи, какъ видно по наущенію, чтобы Университету здѣлать въ исправленіи препятствіе. А нынѣ не токмо воробья уморить антлією, но и реестръ держать кадетскимъ въ классы приходамъ и выходамъ, нескучно тому жъ Епинусу.

5. Захватавши деньги отъ книжной лавки, кому хочеть, тому и даетъ жалованье, что должно быть за общую судейскою печатью.

6. Всего несноснѣе и справедливости противнѣе поступки господина Тауберта въ подрядахъ, о коихъ должно предложить здѣсь пространнѣе, и представить нѣсколько прошедшихъ лѣтъ соединяющихъ

ся въ тѣхъ съ нынѣшнимъ временемъ 1) На погорѣ-
 лья палаты академическія по указу Правительству-
 ющаго Сната, чтобы ихъ починить, выдано отъ
 Статсъ-Канторы 23,089 руб. и сверхъ того изъ ака-
 демической суммы употреблено около полутретьихъ
 тысячъ. Однако и по сіе число съ лишкомъ въ пол-
 пята года оныя палаты несовершенны за недостат-
 комъ денегъ, а имено обсерваторія и шкапы для
 книгъ, о которыхъ должно упомянуть особливо. 2)
 Обсерваторію починкою достроить подрядились нѣм-
 цы столары Кинтъ и Бехеръ прошлаго 1759 года,
 обещаясь построить прежде позднаго осенняго вре-
 мени. И хотя я противъ того въ Канцеляріи пи-
 сменно протестовалъ 1) для излишней цѣны, 2) для
 позднаго времени, что лутче начать весною рано, а
 осеннее дѣло неспрочно. Однако строеніе поздно на-
 чато и не совершенно, не токмо той осени, но и
 въ цѣлое минувшее лѣто 1760 не послѣло, такъ
 чтобы утвердить можно было инструменты для об-
 сервацій. И все время тратится и деньги напрасно
 исходятъ на астрономовъ, на починки и на наемъ
 квартиръ. И какъ я подрядчика Кинта хотѣлъ за
 такую неисправность посадить подъ караулъ, то
 господинъ Таубертъ по знакомству съ ними испол-
 нить того не велѣлъ 3) По моему представленію и
 проекту здѣланъ счетъ мною и архитекторомъ, во
 чтобы обошелся новой каменной корпусъ равной то-
 му, въ которомъ теперь находится канцелярія и
 прочее. Сумма на то потребна до 17,000 рублевъ. И
 какъ то господинъ Таубертъ примѣтилъ, что почин-
 ка погорѣвшаго корпуса многими тысячами дороже

обошлась, нежели на цѣлое строгіе немного меньшаго корпуса потребно. То онъ разсудилъ за благо не просить отъ Правительствующаго Сената прибавочной суммы на Библіотеку и Кунсткамеру, чтобы не потребовано было счоту о прежней суммѣ 23-хъ тысячъ. И для того исходатайствовалъ себѣ ордеръ, чтобы положенную въ академическомъ штатѣ сумму на размноженіе Библіотеки и Кунсткамеры употребить на шкапы и прочее. И хотя я представлялъ, что и кромѣ того много употреблено суммы не на тѣ расходы, на которые опредѣлена Высочайшею Монаршескою милостію, и отъ того науки претерпѣвають упадокъ; однако не смотря на то чинить господинъ Таубертъ внѣ Канцеляріи подряды и выдаетъ на то деньги безъ общаго опредѣленія и ордеровъ. 4) На нововыстроенныхъ дворахъ Волкова и Лутковскаго дѣлаетъ оной Таубертъ всякія пристройки и перестройки безъ опредѣленія по своимъ прихотямъ и деньги выдаетъ казенныя безъ ордеровъ же канцелярскихъ.

7. При выдачѣ опредѣленныхъ на Гимназію денегъ всегда безъ притчины спорить, только чтобы остановить какъ нибудь мои успѣхи, и не смотря иногда, что гимназисты обувью скудаются, опредѣленія подпискою продолжаютъ. Напротивъ того въ то же время на другія совсемъ излишніе расходы выдаетъ деньги.

8. Стараясь всячески отвести отъ меня до наукъ принадлежащіе департаменты, нахально принялъ на себя дѣлать для Его Высочества Государя Великаго Князя Павла Петровича глобусъ и карты; и

чтобы себя рекомендовать, а мнѣ не дать въ смотрѣніи участія, далъ безъ вѣдома канцеляріи Трескоту готовую профессорскую квартиру въ Боновскомъ домѣ, и не смотря на то, что жена и дѣти Трескотовы во Фря...хъ, вселѣлъ ему все на квартиру дѣлать. Однако онѣя вещи ко Двору не приняты.

9. Мастеровыхъ людей господинъ Таубертъ заграбилъ подъ свое вѣденіе затѣмъ, чтобы дѣлать инструменты въ угожденіе нѣкоторымъ; а не для того чтобы профессеры могли пользоваться и дѣлать инструменты по своимъ изобрѣтеніямъ.

10. О профессоръ Ботаники какихъ не дѣлалъ господинъ Таубертъ происковъ для своихъ прихотей. Спознавшись со студентомъ Кельрейтеромъ въ Тибингнѣ будучи и желая за него сестру свою выдать, призвалъ его Адьюнктомъ мимо Щепина, коего тогда нарочно перевели въ медицинскую канцелярію и чтобы Кельрейтеру дать не подостоннству профессорство ботаники, сперва присовѣтывалъ Гебенштрейту отправиться въ Германію для измеченія, а послѣ и остаться тамъ, истребовавъ отсюда абшидь. Однако Кельрейтеръ еще сомнѣвается не лутчели домой вхать, нежели за себя взять дѣвку дурную, старую, безприданую.

11. Занявъ въ Академическомъ Волковскаго и Лутковскаго домъ самъ лутчис покои, на кошѣ академической великолѣпно украшенные, роздалъ другіе по своему расположенію квартиры; и персметчикъ Розенбергъ имѣеть столько простору, что мож-

но бы умѣстить хорошаго Профессора, которой терпѣть нужду переѣзжая по наемнымъ дорогимъ квартирамъ.

12. Въ реляціи о взятіи Берлина двѣ погрѣшности въ переводѣ на Нѣмецкомъ языкѣ съ Россійскаго, которыя его нерадѣніемъ здѣланы, касались до ущербу чести Россійскаго оружія, пропустилъ безъ слѣдованія, хотя при Дворѣ весьма негодовали и больше нежели за погрѣшность почитали. Напротивъ того Барсова арестовалъ Таубертъ за опечатку въ титулѣ нѣкотораго знатнаго господина.

Кромѣ этихъ избранныхъ изъ портфеля Ломоносова бумагъ, я надѣюсь издать и другія не менѣ любопытныя.

Всѣ эти бумаги, какъ черновыя и писанныя торопливо, заключаютъ въ себѣ неизбѣжно ошибки и описки; но я считалъ долгомъ не исправлять ничего, чтобъ не сдѣлать собственныхъ ошибокъ въ отношеніи правописанія времени Ломоносова.

А. ВЕЛЬТМАНЪ.

КАРТИНЫ СТЕПЕЙ.

I.

СИБИРСКІЯ ТУНДРЫ.

Лѣса, опоясывающіе среднюю Сибирь, приближались къ Сѣверу, рѣдѣютъ постепенно; страна видимо бѣднѣетъ и замираетъ.... « Одно дитя сѣвера—посреди зимы цвѣтущій мохъ, покрываетъ землю за нѣсколько тысячелѣтій оцѣпенѣвшую. Безлѣсная пустыня, обыкновенно тундрою называемая, до самаго моря покрыта озерами и лужами. » ⁽¹⁾ Многоводныя рѣчки, раздѣленныя одна отъ другой обширными пространствами, пробиваются къ морю медленно, неохотно, и предъ впаденіемъ въ него разливаются широкими лиманами. Рѣчки и ручьи рѣдки; нѣкоторые озера глубоки и обширны; лужи простираются часто на многія версты въ длину и ширину. Крутые берега ручьевъ и озеръ, на нѣсколько саженъ вышины, составлены изъ перемѣнныхъ пластовъ земли и твердаго льда. ⁽²⁾ Въ нѣдрахъ этой почвы сохранились цѣлые остовы мамонтовъ и часто среди мертвой пустыни видите ихъ клыки выставленные изъ-

подъ земли, или цѣлыя ихъ груды лежать по берегамъ моря, которое волнами выкатываетъ ихъ изъ своей глубины.... Цѣлыя деревья, съ вѣтвями и корнями сокрыты въ землѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь совершенная пустыня и растительность отодвинулась къ югу слишкомъ на триста верстъ. Вездѣ слѣды жизни давно угасшей и кругомъ оцѣпенныя. Не слышно голоса пѣвчей птички, ни шума дерева; ни шелеста травы; кузнечикъ не куеть, зелень не радуется взору — не засвѣтится огонекъ, зовущій къ приюту.... И кажется, природа преобразовала здѣсь ту страшную вѣчность, которою подавлялъ наши чувства Байронъ, передавая ее бѣднымъ языкомъ чловѣка.

«Мертвая тишина нарушается только лѣтомъ, прилетною птицею. Безчисленныя стада гусей и утокъ покрываютъ озера и лужи.» ⁽³⁾ Но можно ли назвать лѣтомъ нѣсколько мѣсяцовъ беззакатнаго солнца, нѣсколько недѣль утомительнаго зноя, не оживляющаго страны.—«Жары доходятъ до 38°; комаровъ необятное множество; нечистоты, скрывавшіяся въ снѣгу, наполняютъ воздухъ удушающими испареніями. Всюду грязь и вода поверхностная, потому что и въ жарчайшее лѣто земля не растаиваетъ глубже четверти аршина. Убийственно было бы продолжительнѣйшее лѣто....» ⁽⁴⁾

«Зимою страна принимаетъ прежній, пустынный, мрачный видъ свой. Въ нѣсколько переѣздовъ едва увидишь песка, или стадо дикихъ оленей.... Почъ длится мѣсяцы, воздухъ сгущенъ и вреденъ, морозъ бываетъ выше 40°. Съ грустію въ душѣ, робко

вступаетъ въ эту мертвую страну чуждый ей, изнѣженный природою своей родины иноземецъ; только обязанность гонить его впередъ и невольно возбуждаетъ ослабѣвшее мужество.» ⁽⁵⁾

Это мертвыя степи. Онѣ лежатъ отъ Тихаго Океана, по всему протяженію Ледовитаго моря и Севернаго Океана до Шведской Лапландіи, на шесть тысячъ верстъ въ длину. Мѣстами перерѣзаны хребтами горъ мрачныхъ и разрушаемыхъ частыми непогодами и постоянно страшнымъ климатомъ. На западъ, по сую сторону Урала, въ нихъ болѣе жизни: по нимъ кочуютъ бѣдные бродячія племена, но тоска все еще подавляетъ не привыкшее чувство — и человекъ невольно сознается въ безсиліи оживить пустыни, нѣкогда цвѣтуція.

II.

СТЕПИ ОТЪ ДУНАЯ ДО ЗАБАЙКАЛЬЯ.

На противоположномъ рубежѣ Русскаго царства отъ Охотскаго моря до границъ съ Турціею, на протяженіи почти семи тысячъ верстъ, другія степи прерываютъ хребты горъ Забайкальскаго края и стелются непрерывною широкою полосою отъ Енисея до береговъ Дуная.

Съ высотъ Алтая и Хамарь-Дабана взоръ теряется въ пространствѣ Китайскихъ владѣній, въ глубинѣ степей средней Азіи, облеглихъ предѣлы Сибири.

Посреди горныхъ хребтовъ Забайкальскаго края, между рѣкъ Аргуна и Онона, лежатъ степи, обильныя пажитями. Зимю кочуютъ по нимъ Буряты и Тунгусы. Почва ихъ черноземная, плодородная. Пашни удобренны, но даютъ хлѣба иногда въ сорокъ разъ болѣе посѣва.

Отъ лѣваго берега Енисея до Иртыша идутъ степи Барабинскія, плодородныя, богатыя водами и дичью, усыяныя группами отдѣльныхъ деревьевъ—и страшныя трясинами, множествомъ комаровъ и мошекъ, отъ которыхъ привыкшіе жители тѣхъ мѣстъ ничѣмъ не могутъ спастись, кромѣ насмоленныхъ сѣтокъ, завѣшивая ими лица даже во время сельскихъ работъ.

Отъ лѣваго берега Иртыша по всей Омской линіи, чрезъ Тоболь до горъ Уральскихъ, тянутся степи, которыя по рѣкъ Ишиму называются Ишимскими. Онѣ плодородны и богаты многими дарами природы.

На югъ отъ нихъ къ Каспійскому морю до р. Урала лежатъ обширныя равнины, изрытыя оврагами, ручьями и рѣчками, которыя, не протекая на далекое пространство, разливаются при своихъ устьяхъ озерами. Почва сихъ равнинъ плодородна, обильна сочными травами; мѣстами вздымаются по нимъ каменные холмы и горныя возвышенности; мѣстами лежатъ пространства сыпучаго переноснаго песка. Это степи Киргизскія. Сотни тысячъ народа, съ многочисленными стадами, находятъ здѣсь обильное продовольствіе; выгодное хлѣбопашество начинается водво-

рятся; торговыя пути въ Хиву, Бухару, Коканъ и Индію лежатъ черезъ эти степи.

Отъ р. Урала чрезъ Волгу къ Дону стелются широкія степи Волжскія, Саратовскія, Астраханскія, Моздокскія, Терекскія и др. Сѣверная ихъ полоса занята селидьбами Уральскихъ Казаковъ, Русскими и Малороссійскими переселенцами, Нѣмецкими выходцами, частью поселеній войска Донскаго. По южной, вблизи устьевъ Волги, кочуютъ Калмыки, около Терека живутъ Русскіе и инородные поселенцы, а между Кубанью и Азовскимъ моремъ поселено войско Черноморское.

Отъ Дона къ берегамъ Дуная тянутся двѣ полосы степей: Сѣверная занята губернією Полтавскою и частями Воронежской, Харьковской, Курской и Черниговской. Эта полоса составляетъ какъ-бы переходъ отъ внутреннихъ губерній Россіи къ чисто-степнымъ. Южная занята степями: Днѣпровскими, Херсонскими, Екатеринославскими, Азовскими, Крымскими, Ногайскими, Перекопскими и Буджакскими. Всѣ онѣ могутъ быть названы степями Южными или Новороссійскими.

Эти степи наполняются рѣками, начавшими свою жизнь въ сердце Россіи; прилегаютъ къ двумъ морямъ, оживляющимъ промышленность обширнаго края нашего отечества, быстро и сильно вызваны къ новой жизни, богаты воспоминаніями и памятниками, и могутъ быть для насъ знакомы скорѣе другихъ степей.

III.

Южныя или новороссійскія степи.

Вѣрно понятія наши о степяхъ перешли съ Востока, вмѣстѣ съ фантастическими сказками, или переданы торговыми людьми, которымъ приводилось испытать бѣдствія пути по печальнымъ равнинамъ Азіи или Африки, гдѣ человекъ по цѣлымъ днямъ томится жаждою, гдѣ ураганъ, взметая волны песчаного моря, топить въ нихъ караваны, и не рѣдко изъ нѣсколькихъ сотъ путешественниковъ не оставляетъ ни одного, который бы разсказалъ о гибели товарищей.

Нѣтъ, не таковы наши степи. Земля ихъ тучна, неистоцима; живые пути торговли, величайшія рѣки Европы: Донъ, Днѣпръ, Бугъ, Днѣстръ, Дунай, вмѣстѣ съ второстепенными рѣками и ручьями, наполняютъ ихъ своими водами. Богатые лѣса идутъ по Самарѣ, Донцу, Днѣстру и по сѣверной полосѣ Херсонской Губерніи. Травы сочны, растительность богата и разнообразна; дичи и рыбы обиліе; климатъ благоприятенъ; широкія равнины и луга, разнообразная ткань логовъ, скалистые овраги, гранитная полоса на протяженіи тысячи верстъ, два моря, сближающія насъ съ Европой и Азіей, обиліе каменнаго угля и алебаstra, со всеми сокровищами, перешедшими отъ великихъ переворотовъ земли, и, наконецъ памятники и прахъ народовъ, давно отжившихъ — вотъ достояніе Новороссійскихъ степей. ⁽⁶⁾

/// Какъ часто среди степи, казалось, былъ я въ безпредѣльности неба и земли. Гляжу на небо—взоръ

тонетъ въ безконечной синѣвѣ: нѣтъ ни облака, только жаворонокъ распростерся въ воздухъ и съплетъ на землю звонкія пѣсни. Смотрю кругомъ себя, не на чемъ остановить взоры; развѣ на одинокомъ курганѣ, затаившемъ въ своемъ сердцѣ прахъ челоуѣка!...

Будто затихъ и не хольхнется цѣлый океанъ земли, и отливаетъ всѣми тѣнями цвѣтовъ и курит-ся благоуханіемъ.... Но не върете тишинѣ этого океана: онъ кругомъ васъ колышется и, какъ волнами разбѣгается широкими логами и оврагами. Тамъ, по углубленіямъ, скалы выступаютъ изъ-за скалъ; тамъ бѣжитъ истомленный ручей, и по сторонамъ видны въ лѣсахъ остатки весенней воды; тамъ роскошно льется рѣка, дитя сѣвера, который питаетъ ее могучею грудью; тамъ обрывы поднялись уступомъ берега рѣкъ; тамъ раскидываются богатые луга и по островамъ синѣютъ лѣса.... Правда, не видно ни холма, ни пригорка, кромѣ могильныхъ насыпей; но возвышенности, которыя въ другихъ мѣстахъ разнообразятъ страну, какъ будто выступая изъ земли, замѣнены въ степяхъ разнообразіемъ углубленій. //Виды другихъ странъ, какъ опрокинутые отражаются въ нихъ будто въ лонѣ водъ. Однѣ степи Переконскія, Херсонскія и Буждакскія улеглись не колыхнувшись.

// Человѣкъ не успѣлъ еще овладѣть степями. Обширныя пространства земли не воздѣланы, даже не заняты кочевыми стадами овецъ. Селенія тянутся болѣе по берегамъ большихъ рѣкъ, какъ по жизнен-

нымъ жиламъ страны; въ глубинѣ степей онъ рѣдки и спустились въ удоля логовъ, къ ключамъ и колодцамъ.

изъ камня, 24/10/11
 Жилѣ челоуька сложено изъ камня, который былъ некогда дномъ Океана, и слитъ изъ несмѣтнаго множества раковинъ, этихъ опустылыхъ жилищъ некогда живаго міра; — теперь онъ скрытъ въ землѣ или выступаетъ скалами по глубокимъ оврагамъ. Заборы, около хатъ, сплетены изъ тростника или сложены изъ неровныхъ кусковъ того же сѣраго камня. На нихъ лежатъ клочки налѣтѣвшей соломы и сушатся груды сѣровато-чернаго кизяка. Подлѣ выступаетъ, спокойно—будто дома, дикій анстъ: гнѣздо его сплетено изъ прутьевъ и сухихъ травъ на кровлѣ хаты, и челоуькъ боится коснуться до него по какому-то необъяснимому повѣрью. * Такіе виды, поразительные для сѣвернаго жителя, своею дикостью и бѣдностію, почти нигдѣ не оживлены — ни садомъ, ни даже однимъ кустомъ зелени. Бѣдные начатки садовъ *и коденцистовъ* и рѣдкихъ изъ нашихъ немѣнниковъ, грустно напоминаютъ пустыню. За тѣ придиѣнровье и побережья другихъ большихъ рѣкъ обильны фруктовыми садами, оживлены зеленью дикихъ деревъ, и взоръ, утомленный однообразіемъ и пустынными видами степи, отрадно отдохаетъ на темной зелени острововъ и на прохладной синѣвѣ (Днѣпра, Дона, Буга, Днѣстра и Дуная.) *6116. //*

* Его почитаютъ благотвельной для челоуька птицей; ибо анстъ истребляетъ змій и гадъ, употребляя ихъ въ пищу. Гнѣздо его на хатѣ предвѣщаетъ, по повѣрью, благополучіе.

Болѣе миллиона людей живетъ на степяхъ отъ береговъ Дона до Дуная и пользуется ихъ дарами. Тяжелый плугъ силою осьми воловъ браздитъ нетронутыя равнины. Тысяча плотовъ и барокъ несутся по теченію рѣкъ съ избытками сѣвера и самихъ степей. Болѣе пятнадцати миллионѣвъ пудовъ хлѣба передается на чужеземныя корабли за наличный капиталъ или за прозведенія ихъ земли. До двухъ миллионѣвъ тонкорунныхъ овецъ свободно бродятъ почти круглый годъ на равнинахъ, обильныхъ травами, и наводятъ мысль на огромные успѣхи и выводы промышленности. (7) Каждое мѣсто ожидаетъ челоуѣка, чтобъ вознаградить его трудъ, и вызываетъ къ смѣлости предпріятій. Пароходство по морямъ и рѣкамъ; разработка каменнаго угля и замѣнъ имъ дровъ въ безлѣсныхъ пустыняхъ; разведеніе лѣсовъ и садовъ; неисчерпаемые запасы соли; винодѣліе; обширныя рыбныя ловли; овцеводство; удобство заведенія лучшихъ лошадей и рогатаго скота; удобство и быстрота сообщеній; артезіанскіе колодцы — все это великія начала жизни степей, и все на первой ступени движенія, еще въ колыбели, еще далеко отъ прочнаго устройства и совершенствованія, еще далѣе отъ возможности правильной мануфактурной дѣятельности; но все преуспѣваетъ съ неимовѣрною быстротою, если только сообразить, что за сто лѣтъ среди этихъ пустынь, поросшихъ гагантскимъ бурьяномъ и застланныхъ ковылемъ, почти не было ни жилья, ни безопаснаго проѣзда; что даже въ царствованіе Анны Іоанновны онѣ назывались Татарскою стороною и наша порубежная оборона-

тельная линія шла къ Днѣпру чрезъ губерніи Харьковскую и Полтавскую. А теперь, въ вѣнцѣ городовъ, впоенныхъ благомъ степей и моря, растутъ и красуются: Одесса, Таганрогъ, Керчь, Севастополь, и изъ рыбацкихъ лачугъ и сараевъ, въ три года возникъ Бердянскъ и выступилъ рядами каменныхъ зданій. ⁽⁸⁾ И не даромъ древніе народы приплывали къ этимъ пустынямъ, водворялись въ нихъ, и основанные ими города однимъ прахомъ возбуждаютъ въ насъ удивленіе и приковываютъ вниманіе.

Много приволья и простора жизни среди степей.

Я видѣлъ ихъ въ Мартѣ, предвозвѣстникъ южной весны. Солнце горѣло высоко и жарко. Воздухъ дышалъ свѣжестью. Бѣлыя облака, какъ-то беспокойно бѣжали по синевѣ неба. Птицы неслись, то вереницами, то нестройными стадами, и ихъ крикъ и свистъ не умолкали ни днемъ, ни ночью. Жаворонокъ разсыпался пѣснью. Рѣки въ разливъ своемъ обхватили луга, до вершинъ деревъ залили острова и перешагнули черезъ гранитъ пороговъ; ручьи съ шумомъ сновались по всемъ логамъ и оврагамъ Новая свѣжая зелень пробивалась сквозь отжившія травы, высокіе дочернѣвшіе остовы бурьяна безжизненно смотрѣли на призывъ новой весны.

Человѣкъ весело выходилъ изъ жилья и радовался, смотря на Божій міръ, и радовался, смотря на зеленѣющія пажити, воздѣланные его трудомъ и богатые будущею жатвою.

Я видѣлъ степи въ Маѣ, Солнце одиноко и знойно горѣло въ лазури неба; воздухъ полонъ нѣги и благоуханія; ночи холодны и живительны. Травы, полныя жизни цвѣтутъ и незримо выработываютъ зерно новой жизни, для новой весны. Птицы зажили семьями и заботливо укрываются въ густотѣ травы. Природа погружена въ тайны жизни и все живое, будто затаивъ дыханіе, наслаждается въ самомъ себѣ; кругомъ тишина отрадная, невыразимая... (Верно въ это время поэтъ слышалъ, какъ мотылекъ комыхался надъ травкою, и какъ змѣя, скользя, допрогивалась до стебля травы)

Кажется, небо, упивался наслажденіемъ, едва переводитъ дыханіе, и цѣлый океанъ цвѣтовъ и злени затихъ и курится благоуханіемъ.

Въ Сентябрѣ уже кончена жатва; поля отягощены золотыми снопами хлѣба. Заговорили токи, и полное зерно обильно сыплется изъ-подъ цѣповъ и копытъ лошади. Увѣдающія травы желтѣютъ; однѣ бережно хранятъ сѣмя будущаго поколѣнія; другія открываютъ свои сокровищницы, и легкій вѣтеръ прилетаетъ за сѣменемъ, уносить его и раньше отводитъ ему мѣсто для колыбели и могилы, для смерти и воскреснія. Серебристый ковыль волнуется широкимъ озеромъ и, кажется, плещетъ на желтый берегъ увѣдающей зелени. Птицы вывели изъ травной глуши свою молодую семью, учатъ дѣтей хитростямъ жизни и слетаются въ стади.

Солнце горитъ одиноко; полдень зноенъ; утро и вечеръ прохладны; воздухъ замѣтно сухъ; день коротокъ; зари почти нѣтъ: близка южная осень,

По ноябрьскому небу тяжело носятя сѣрыя облака. Земля смочена и дождь снова накрапываетъ; солнце не лелѣетъ земли своей любовію: едва проглянетъ и скростся на цѣлый день. Туманъ потопомъ разлился по окрестности. Травы увяли; новая зелень хлѣбовъ, среди угасающей жизни, наводитъ уныніе, какъ предсмертный румянецъ лѣта. Въ вышинѣ слышны крики гусей и журавлей; ^{Филии} дрофы ходятъ огромными стадами; аисты собираются на взморьѣ тысячами: одно стадо поджидаетъ другое, чтобъ было не такъ грустно покинуть родныя степи и летѣть на чужбину)

Жилье чловѣка обставлено скирдами хлѣба: собранъ ^(разеванный) трудъ цѣлаго лѣта; надъ хатою чаще и долѣ вѣется сѣроватый дымъ; по токамъ слышенъ стукъ цѣповъ и топотъ ^{Ахиллѣ} коленъ; тяжелый плугъ снова бороздитъ ^{землю.} ниву.

Генварь. Рѣки окованы уже льдомъ. Южныя степи забѣлелись ^(какъ Сибирскія тундры) Съ Запада налетаютъ снѣжныя тучи, засыпаютъ курганы и овраги; мятель бьетъ въ окно поселанина и, завывая, будто просить приюта. Съ Востока набѣгаетъ ураганъ; съ свистомъ взметааетъ волны снѣга, своенравно сбиваетъ ихъ въ сугробы, заметааетъ рвы и холмы. Вольный сынъ

степей — онъ привыкъ здѣсь жить съ вольными кочевыми народами, еще недавно гулялъ съ ватагами Татаръ и Казаковъ; онъ хочетъ простора, а предъ нимъ жилье человѣка, запасы труда — и онъ, какъ хищникъ, кидается на нихъ, рветъ, мечетъ, хочетъ увлечь съ собою, и утомленный бѣжить далѣе.... А въ жильѣ свѣтится огонь: человѣкъ, привыкнувъ къ степнымъ непогодамъ, спокойно занятъ своимъ дѣломъ и не страшится набѣговъ.

Буря утихла; небо безоблачно и холодно; солнце свѣтитъ сквозь мириады сверкающихъ пылиннокъ; высокій бурьянъ стоитъ недвижимо и свѣтитъ радужно оледенѣлыми вѣтвями. Степь безпредѣльна, и подъ саваномъ снѣга укрываетъ и бережетъ жизнь другаго льта.

Я былъ въ степяхъ, и теперь онъ будто передо мною. Душа полюбила ихъ безпредѣльность, ихъ равнины и лабиринтъ ихъ логовъ, и ребры рѣкъ-великановъ, и пустыню неба съ одинокимъ знойнымъ солнцемъ, и темную синеву неба среди ночи, съ яркими звѣздами; ихъ непробудную тишину, вихри, бури, миражи, ужасъ засухъ и метелей.

Какъ часто среди тишины неожиданно, внезапно схватится вихрь и побѣжитъ по степи; то понесется прямо стрѣлою, то закрутится и объѣжитъ кругомъ васъ; сметаетъ сухія травы, срываетъ съ кровель тростникъ и солому, взвѣваетъ пыль; бѣжитъ, растетъ, вздымается къ облакамъ — и вдругъ будто выбившись изъ силъ — роняетъ все, что захва-

тилъ на пути — и добыча безобразно сыплется на землю.

Бываетъ: въ ясный день, въ пустынной степи подымутся верхи церквей, колоколенъ, какихъ-то готическихкихъ зданій, окруженныя широкимъ разливомъ воды; тамъ озеро и по немъ острова, покрытые деревьями, тамъ бродятъ какія-то громадныя чудовища, тамъ море гонитъ свои синія волны.... приближаетесь, и все какъ очарованное удалится отъ васъ; идете тихо—и зданія и воды отодвигаются медленно, скачете— и все бѣжитъ и изменяется, а предъ вами таже пустыня неба и безводной степи и тѣже могильныя курганы.

Не грядущую ли жизнь и благо степей прообразуютъ эти видѣнія?

Хорошъ видъ степныхъ пожаровъ; когда раннею весною выжигаютъ степи—огонь перебирается по травѣ, и сухой стебель то затлѣется, то вдругъ вспыхнетъ какъ свѣчка; пламя перебѣгаетъ, разливается; столбъ чернаго дыма встаетъ, растетъ, и если огонь нашелъ преграду, отдѣлится отъ земли и свертываясь и развываясь несетъ облакомъ. Опаленная земля, черна, какъ уголь; сухія травы сожжены; но не пройдетъ мѣсяца, и земля съ новою силою и свѣжестью убирается зеленю.

Напоминать ли о страшной годинѣ засухъ и голода? Какъ они были страшны въ степяхъ. Отъ невыносимыхъ жаровъ изсохли ручьи, изсякли источники; растресканная земля раскалилась; травы не доживши до лѣта засохли и помертвѣли; вкругомъ

жилья не видно было запасовъ хлѣба; человекъ сталъ тихъ и унылъ; толпы работниковъ, зашедшихъ издамече, бѣжали на сѣверъ; стада овецъ и рогатаго скота блуждали и, не находя обычной пищи, ѣли камышь и бурьянъ; даже соломенные кровли хатъ служили для нихъ кормомъ, и въ ихъ ревъ и мычаніи слышалось предчувствіе смерти.... Обезлюдло не одно селеніе, и теперь остатки разрушающихся домовъ въ опустѣлыхъ дѣревняхъ по Крымскимъ степямъ—тяжело напоминаютъ о страшной годинѣ.

Но какъ изобразить весь ужасъ и все очарованіе степей?

«Кто хочетъ понять поэта, пусть идетъ въ страну, гдѣ пѣлъ поэтъ.» *

Кто хочетъ постигнуть страну, пусть сживется съ природою страны.

Много было жизни среди этихъ степей, много приволья для кочевыхъ народовъ. Передвигавшись изъ одной части свѣта въ другую, они останавливались здѣсь; основывали свои кочевья царства, вели тяжелыя войны съ Азіатскими и Европейскими Государствами; многіе занимались земледѣіемъ и сбывали избытокъ хлѣба Греческимъ торговцамъ; имѣли свои города и свои временныя и постоянныя кладбища.

По взморью, чужеземцы устраивали города — и слава о нихъ доходила до отдаленныхъ странъ тогдашняго міра.

* Гете.

Но непрерывныя войны, но враждебныя племена, выдвинутыя обстоятельствами или прихотью изъ степей средней Азіи, измѣняли или лучше устроивали обычный ходъ дѣль, заступали однѣ мѣсто другихъ, гнали побѣжденныхъ въ пустыни Сѣвера и въ ущелья сосѣднихъ горъ и въ даль Европы.

Такъ переходили племена, и измѣняя свое настоящее, измѣнялись сами, и шли по неисповѣдимымъ путямъ Провидѣнія. Изъ праха ихъ жизни возникала жизнь новая, и посреди нашего настоящаго лежать грустные остатки ихъ городовъ; вездѣ видны слѣды жилья и повсюду разбросаны могильныя курганы.

1838.

Вадимъ Пассекъ.

ПОЪЗДКА

ИЗЪ ИРКУТСКА ВЪ КЯХТУ

ЧРЕЗЪ БАЙКАЛЬ ИЛИ СВЯТОЕ МОРЕ. *

Путешественникъ, достигнувъ Иркутска, чувствуетъ непреодолимое желаніе посѣтить страны Далай-Ламы и Шамановъ, и ближе познакомиться съ Монгольскими кочующими племенами, столь страшными нѣкогда для Европы, и теперь такъ спокойно отправляющими обряды своего языческаго богослуженія, подъ скипетромъ Императора Всероссийскаго.

Отъ Иркутска до Кяхты считаютъ 550 верстъ. Лѣтомъ туда два пути: почтовою дорогою по теченію р. Ангары, вытекающей изъ Байкальскаго озера; отсюда на перевозномъ суднѣ черезъ Байкаль, потомъ лѣвымъ берегомъ Селенги черезъ города Верхнеудинскъ и Селенгинскъ. Но должно замѣтить, что нерѣдко противныя вѣтры затрудняютъ переездъ черезъ озеро. ** Другая, транспортная дорога, окружая рукавъ Бай-

* Изъ книги: *Wiedomosci o Syberyi ipodroze wniej odbyte wlatach 1831, 1832, 1833, 1834.* p rez I. K. w. Warszawa 8:7.

** Устройство на Байкаль пароходовъ было бы по видимому выгодно для постоянного перевоза Русскихъ и Китайскихъ товаровъ; потому что вѣтры здѣсь такъ сильны, что далеко загоняютъ суда

кала съ правой стороны, тянется через хребетъ Хамарь-Дабань. Правда, что она не ровна, но довольно выгодна и хорошо устроена. Въ Усть-Кяхть, послѣдней станціи персдъ Кяхтою, она соединяется съ первымъ трактомъ.

Зимою еще скорѣе можно проѣхать разстояніе отъ Иркутска до Кяхты, подвергаясь за то большимъ невыгодамъ и опасностямъ, отъ того что этотъ путь пролегаеть по льдамъ быстрой Ангары, озера Байкальскаго, называемаго Св. Моремъ, и по р. Селенгъ.

Отправившись по этой послѣдней дорогѣ, я выѣхалъ изъ Иркутска въ покойной повоакѣ 15 Генваря 1832 года въ 4 часа утра, при 27^о мороза по Реомурову термометру.

Блѣдный свѣтъ луны освѣщаль дорогу. Въ небольшомъ разстояніи отъ города, мы спустились на Ангару, еще не вездѣ покрытую льдомъ. Теченія ея отсюда до Байкала будетъ версть шестьдесятъ. Она очень широка и такъ быстра, что покрываетъ своими струями ледъ, образующійся на ней; льдины кажутся выступающими изъ-подъ воды, и здѣшніе жители думаютъ, что ледъ подымается со дна рѣки. Вода въ ней чиста, но нездорова и безрыбна. Множество водопадовъ дѣлають плаваніе по ней труднымъ и опаснымъ. Быстрота ея теченія 8 футовъ въ секунду.

Зная, что Ангара покрывалась льдомъ только мѣстами, я находился съ безпрерывномъ опасеніи, тѣмъ бо отъ настоящаго направленія. Въ 1834 г. Генераль-Губернаторъ Сулима во время поѣздки въ Забайкальскія страны, былъ занесенъ на перевозномъ суднѣ въ отдаленныя окрестности и много перенесъ трудовъ и опасностей прежде нежели доѣхалъ до Иркутска.

лве, что всё окружающіе предметы принимали ночью страшныя, фантастическіе образы. Мнѣ хотѣлось разглядѣть дорогу въ окружавшемъ меня полусвѣтѣ и я безпрестанно протиралъ глаза, слипавшіяся отъ мороза. Но знаніе дороги извозчиками успокоиваетъ до такой степени, что путешественникъ перестаетъ бояться даже дѣйствительной опасности. Мой извозчикъ, то придерживался одного берега, то въ мѣстахъ совершенно покрытыхъ льдомъ, перезъезжалъ на другую сторону, и такимъ образомъ выбиралъ лучшую и самую безопасную дорогу. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ озеру, тѣмъ болѣе тѣснились горы, оступившія Ангару, и поездка становилась все труднѣе и труднѣе. Сани едва помѣщались на замерзшемъ прибрежьи, опираясь о подножіе горъ и скаль, которыхъ вершины висѣли надъ нашими головами, а съ другой стороны быстрыя клокочущія струи черной Ангары безпрестанно грозили намъ поглощеніемъ. За то какъ величественны были эти виды! Луна освѣщала снѣговья горы и, отражая дрожащій свѣтъ о глыбы льда, повсюду выступающія изъ-подъ пѣлящихся водъ, производила на зрителя какое-то очаровательное впечатлѣніе; а противный берегъ, потонувшій въ сумракъ, представлялъ зрѣнію черныя исполинскія массы горъ, которыя скрывали въ облакахъ свои бѣлыя снѣговья вершины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога тянулась чрезъ просѣки акацій, которыя въ изобиліи растутъ по берегамъ Ангары. *

* *Robinia Sibiriana*, Сибирская акація — кустарникъ отъ 14— до 16 фут. вышины. Первобытное ея отечество есть Сибирь.

Оставивъ за собою нѣсколько станцій, мы проѣхали село Никольское, гдѣ устроенъ зимній портъ, для перевозныхъ Байкальскихъ судовъ, двухъ военныхъ и 23 купеческихъ, состоящій подъ ведомствомъ адмиралтейства, и наконецъ приблизились къ самому озеру, изливающему массы водъ Ангары. Видъ величественный, прелестный! Не смотря на рѣзкій вѣтеръ и жестокий морозъ, я съ любопытствомъ разсматривалъ окрестности. Изъ-подъ неподвижной плоскости замерзшаго Байкала, сквозь подножіе остроконечныхъ скалъ, упирающихся въ небо, прорывается черною, широкою лентою быстрая Ангара—и скрывается въ горахъ. Я сталъ на правомъ ея берегу, на самомъ поворотѣ высокой горы, гдѣ вода съ необычайною силою вырывалась изъ-подъ гнетущихъ ее льдинъ моря. Пѣнящіяся струи ея разбивались о два огромныхъ гранита, выступившихъ со дна посреди ея русла; густой паръ подымался къ небу; миллионы дикихъ утокъ качались на опѣенныхъ волнахъ; Святое море, какъ огромное лединое зеркало, отражало ослѣпительные лучи восходящаго солнца. Трудно было бы оторваться отъ этого зрѣлища, если бы климатъ не былъ такъ жестокъ.

Продолжая путь нашъ, мы ѣхали по берегу Байкала, перемѣнивъ лошадей на двухъ станціяхъ, устроенныхъ въ небольшихъ деревенькахъ, прелестныхъ по своему положенію у подноженія высокихъ горъ, обросшихъ густымъ ельникомъ. Здѣсь находится Тальзинская фаянсовая фабрика и стеклянный заводъ, основанный Профессоромъ Лакеманомъ въ 1784 году. Видѣльваемые на немъ зеркала и разная

стеклянная посуда отправляется въ Китай. Отъ послѣдней станціи, называемой Лиственичною, дорога перемѣнила направленіе и мы поѣхали поперекъ озера, которое здѣсь верстъ сорокъ въ ширину. Но не смотря на такое пространство, перспектива такъ обманчива, что возвышенности противоположнаго берега, казалось, были отъ насъ въ нѣсколькихъ верстахъ. Я удивился, замѣтивъ, что въ сани положили желѣзный ломъ и нѣсколько дощечекъ; но эта предосторожность, какъ увидимъ, была необходима. На Байкаль господствуютъ два главные вѣтра: одинъ, какъ говорятъ, разламываетъ его льды, другой скрепляетъ; при вліяніи перваго ледъ часто трескается во всю длину озера и раскрываются большія разщелины: тогда путникъ полагается на одну расторопность и смѣлость извощика, и на быстроту его лошадей, которыя однимъ скачкомъ выносятъ изъ опасности. На наше несчастіе вѣтеръ былъ холодный и рѣзкій; отъ него не спасла меня ни теплая шуба, ни повозка со всеми удобствами: меня какъ будто окунули въ холодную воду. Въ близости берега видны были гранитныя скалы, взгроможденныя надъ озеромъ и подъ ними въ польняхъ всплывали тюлени или такъ называемыя Байкальскіе теленки; держась ластами о краяны льда, они дышали свѣжимъ воздухомъ. *

Ледъ на озерѣ отъ равнообразнаго замерзанія былъ гладокъ, какъ стекло, а сухой снѣгъ, взметаемый

* Байкальскіе теленки водятся здѣсь въ большомъ числѣ. Самка рождаетъ одного и кормитъ его грудью. Буряты убиваютъ ихъ стрѣлами съ берега. Они боязливы, скоры на бѣгу и спитъ крѣпко.

вѣтромъ, несся по его поверхности, представляя видъ песчаной степи. Бѣда путешественнику, или охотнику, который рѣшится въ такое время переходить черезъ Байкаль: гонимый по льду ужасною мятелю, онъ съ величайшимъ усиліемъ достигаетъ береговъ озера. По этой причинѣ жители окрестныхъ странъ, отправляясь черезъ Байкаль, не забываютъ запастись топорами, и врубивши ихъ во время опасности въ ледъ, держутся за топорщица, какъ за якорь спасенія.

Дорога наша была обсажена сосновыми вѣтками, воткнутыми въ ледъ. Тройка Бурятскихъ лошадей, залoженная въ сани, бѣжала скорою и ровною рысью, искры летѣли изъ-подъ копытъ и острая подкова не оставляла слѣда на льдахъ Байкала. Противоположный берегъ болѣе и болѣе приближался, и былъ такъ ясно видѣнъ, что можно было распознать деревню, монастырь, и за нимъ высокія горы и темныя лѣса. Выведенный изъ терпѣнія продолжительною и однообразною поѣздкой, и думая согрѣться ходьбою, я было хотѣлъ пройти пѣшкомъ это небольшое разстояніе; но отдаленность обманула меня, и извозчикъ, улыбаясь, сказалъ: «еще 15 верстъ до берега, а этотъ вѣтеръ ничего добраго не предвѣщаетъ.» Дѣйствительно, слова его сбылись какъ предсказанія: не провхали мы и ста шаговъ, какъ вдругъ раздался громъ, длившійся нѣсколько секундъ подобно выстрѣлу съ сильной батареи и мы увидѣли передъ собою вдоль озера разщелины въ нѣсколько футовъ.... Казалось, гробъ отверзся передъ нами; но привыкнувшій къ подобнымъ явленіямъ ямщикъ, остановилъ по одалѣ лошадей, вынулъ желѣзный ломъ, сдвинулъ, гдѣ могъ,

глыбы льда, и положившись на быстроту лошадей, рѣшился, по обыкновенію, переѣхать черезъ разщелину: сѣлъ въ сани, перекрестился, пустилъ лошадей ровною рысью, потомъ вдругъ всталъ, крикнулъ, махнулъ плетью, какъ чародѣйскимъ жезломъ, и лошади, какъ пораженныя электрической искрой, понеслись во весь духъ, разомъ оперлись задними ногами о закраину и вмѣстѣ съ санями перенеслись черезъ разщелину. Признаюсь, я закрылъ въ эту минуту глаза, затаилъ дыханіе и осмотрѣлся уже въ то время, когда лошади побѣжали ровною рысью, оставивъ далеко за собою опасную переправу.

Байкаль на Буритскомъ языкѣ означаетъ котловину огня. И въ самомъ дѣлѣ, разсмотрѣвъ внимательно окрестности, находимъ въ нихъ слѣды давняго землетресенія: вездѣ видны остывшіе вулканы, гранитныя глыбы разорванныхъ скалъ окружаютъ озеро. Горы покрыты первобытнымъ снѣгомъ и среди ихъ лежитъ Байкаль, какъ огромная котловина на тысячу верстъ въ длину и отъ сорока до полуторста въ ширину. Все это достаточно убѣждаетъ насъ въ причину его образованія. Дно Святаго моря, чтимаго Бурятами, очень неровно: въ одномъ мѣстѣ недосыгаемая глубина, и опущенный лотъ иногда въ 500 аршинахъ не находитъ земли, въ другихъ отмѣли препятствуютъ судоходству. Въ чистыхъ прѣсныхъ водахъ его видны здѣсь и тамъ затопленные лѣса, изъ которыхъ добываютъ множество окаменѣлостей; а туземные судовщики показываютъ источники горячихъ водъ и асфальта или жидовской смолы. Около двухъ сотъ большихъ и малыхъ рѣкъ несутъ дань

Святому морю. Главныя изъ нихъ: Селенга, Бургузинь и верхняя Ангара. Изъ него вытекаетъ только одна собственно такъ называемая Ангара. При помощи этихъ рѣкъ легко бы можно устроить сообщеніе отъ Кяхты во всю длину Сибири.

Байкаль обиленъ рыбою и довольствуется ею здѣшнихъ жителей. Въ Августъ и Сентябрь ловятъ до десяти милліоновъ штукъ разнаго рода: хайрузовъ, таймени, линей, ментусовъ, щукъ, окуней, сиговъ, осетровъ и стерлядей ловится до 1000 пудовъ.

Среди горъ, окружающихъ Байкаль, высочайшая есть Хамарь-Дабанъ, т. е. спино-ногъ.

На обширномъ озеръ, или лучше на моръ, находится множество острововъ. Изъ нихъ самый замѣчательный Ольхонъ, около 70 верстъ въ длину и слишкомъ 12 въ ширину. Здѣсь на песчаномъ грунтѣ растутъ роскошныя сосны, ели, лиственницы и березы. Сильныя вѣтры, дующіе зимою, сносятъ снѣгъ съ песчаныхъ мѣстъ острова. Дикіе Буряты занимаются пастьбою скота, и подъ защитою скалистыхъ береговъ долго не знали власти чужеземцевъ; только въ 1646 году храбрый казацкій пятидесятникъ Курбатъ Ивановъ, съ ватагой изъ семидесяти пяти удалцовъ, пустился по Байкалу и покорилъ островитянъ. Но увѣнчанный здѣсь побѣдой, отважный Ивановъ былъ не столько счастливъ въ войнѣ съ туземцами, обитающими при верхней Ангарѣ, и съ большимъ урономъ скрылся на островъ Верхнеленскомъ,

При сѣверномъ мысѣ Ольхона возвышается шаманскій камень, которому островитяне приносятъ

жертву. Кажется, что одна только дикость мѣста могла побудить грубое понятіе къ созданію здѣсь храма божеству. На вершинѣ скалы видны развалины молебни; островитяне утверждаютъ, что здѣсь стоитъ желѣзный треножникъ, съ котломъ Чингизхана, и въ немъ варится лошадиная голова. Теперь на этой скалѣ возносится знаменіе христіанской вѣры — крестъ Господень. Буряты язычники сносятъ къ шаманскому камню мѣдныя и серебряныя монеты, соболы и лисьи мѣха, и другія вещи. Сосновый лѣсъ вблизи кумирни почитается священнымъ, и никто не смѣетъ коснуться сѣкирою до дерева, или убить водящихся здѣсь во множествѣ лосей, лисицъ и дикихъ утокъ, для которыхъ здѣсь много приволья и защиты отъ вѣтровъ. На этомъ святомъ камнѣ островитяне давали другъ другу важныя клятвы. Въ небольшомъ разстояніи отъ него находятся развалины крѣпости, разрушенной въ незапамятныя времена. Окрестные жители увѣряютъ, что въ ней имѣлъ пребываніе величайшій человекъ въ мірѣ: не Чингисханъ ли?

Проѣзжая далѣе, мы наконецъ остановились на второй станціи за Байкаломъ въ селѣ Посольскомъ, расположенномъ на берегу Селенги. Зная мѣсто это по исторіи, я посѣтилъ, во время переправки лошадей, могилы Россійскихъ пословъ, которые пали здѣсь жертвой вѣроломства Бурятовъ, и дали этому мѣсту настоящее его названіе.

Былъ я также въ древнемъ монастырѣ, выстроенномъ въ 1651 г. при Царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ. Кельи монаховъ клонятся къ разрушенію; часовня и цер-

ковъ каменная; все окружено довольно высокою стѣною. Въ небольшомъ разстояніи отъ монастырской ограды, видны семь пригорковъ: это могилы убитыхъ пословъ.

Древняя исторія Забайкальскихъ народовъ, и начало ихъ, покрыты мракомъ неизвѣстности до XIV вѣка. Только въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Московскій уроженецъ, Похабовъ, отправился за Байкаль, гдѣ въ то время владычествовалъ надъ этою страной, обильною драгоценными металлами, Ханъ Цецини. Желаніе услужить своему Государю доставило отважному Россіянину средства къ сближенію съ ханомъ, который, бывши нѣсколько просвѣщеннѣе своихъ подданныхъ, гостепріимно принялъ промышленнаго чужеземца и замѣтивъ въ немъ высокое образованіе, довѣрялъ его совѣтамъ. Смѣтливый Похабовъ расчелъ, какъ могутъ быть выгодны для Россіи сношенія съ Бурятами, и постоянно стремясь къ предположенной цѣли, описывалъ хану силу, могущество, величіе и богатство своего Монарха, и наконецъ уговорилъ его отправить въ Москву пословъ, которые и прибыли туда въ 1648 году. Царь принялъ ихъ ласково, и въ доказательство своей пріязни отправилъ къ Монгольскому хану посольство подъ начальствомъ Іерофея Заболоцкаго, сына знатнаго Боярина. Послы, твердо увѣренные въ святости народнаго права и неприкосновенности ихъ сана, переправившись черезъ Байкаль, остановились на скаль, называемой теперь Посольской, въ ожиданіи гостепріимнаго и торжественнаго пріема; но вмѣсто того, толпы дикихъ Бурятъ неожиданно напали на нихъ и умертвили всѣхъ

безъ исключенія. Трупы несчастныхъ долгое время лежали не погребенными на берегу Святаго моря. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ соорудилъ монастырь въ память своихъ вѣрныхъ подданныхъ и щедро надѣлилъ его рыбными ловлями, которыя составляютъ здѣсь величайшее богатство. Этотъ монастырь называется Посольскимъ.

Въ селѣ Посольскомъ при монастырѣ считается до 20 дворовъ. Прежде была здѣсь школа для обученія Бурятскому и Монгольскому языкамъ, устроенная въ монастырскихъ зданіяхъ; теперь она соединена съ главнымъ училищемъ въ Иркутскѣ.

Въ дальнемъ странствованіи до самой Кяхты запрягали намъ на каждой станціи тройку лошадей, которыми управлялъ Буритъ—это дивное твореніе въ образъ челоуѣка: изъ-подъ остроконечной шапки изъ волчьихъ шкуръ, спускается длинная черная коса; маленькіе черные глаза блестятъ какъ два горящіе въ темнотѣ угля; широкое плоское и отвратительно смуглое лице, обезображено рѣдкою бородою; рѣдкіе усы торчатъ во всѣ стороны. Одежда его таже, какъ и у другихъ сѣверныхъ народовъ: шуба вывернута шерстью вверхъ; у пояса ножъ и маленькая трубка страннаго вида. Погоняя лошадей, онъ безпрестанно кричитъ: чу! чу!...

Буриты смѣло управляютъ лошадьми; на всѣхъ станціяхъ ожидаютъ путешественниковъ и очень дешево берутъ за провозъ.

Выѣхавши изъ села Посольскаго, мы тотчасъ спустились на покрытую льдомъ Селенгу, и по ней, какъ по гладкому шоссе, будемъ продолжать нашъ

путь до самой Усть - Кяхты, слишкомъ четыреста верстъ. Эта рѣка вытекаетъ изъ Китайской Монголіи; вся судоходна; изобилуетъ рыбою, особенно омулями, которыхъ иногда въ одинъ разъ вытаскиваютъ до ста тысячъ. Ширина и глубина рѣки значительны; вода чиста; берега и острова служатъ любимымъ мѣстопробываніемъ Бурятъ и Монголовъ. Лѣтомъ, набережные луга наполнены безчисленнымъ множествомъ верблюдовъ, лошадей и овецъ. Здѣсь же встрѣчается много старообрядческихъ селеній; въ нихъ учреждены почтовые станціи. Путь рѣкою Селенгою занимателенъ и разнообразенъ. Лошади неслись съ чрезвычайною быстротою, такъ что едва можно было примѣтить мелькавшіе предметы. Въ одномъ мѣстѣ нависнувшія скалы, казалось, то грозили путнику неизбѣжною смертію, то защищали его отъ вліянія суровой атмосферы; въ другомъ были видны юрты Бурятовъ, раскинутыя по долинѣ, окруженной горами. У прибрежныхъ прорубей тѣснились стада овецъ и маленькихъ Бурятскихъ лошадей, отыскивая водопоя въ чистыхъ струяхъ Селенги; среди ихъ, подобно великанамъ, возвышались верблюды, прикрытые войлоками для защиты отъ непогоды.

Пробѣгая мимо обитаемыхъ острововъ, слышенъ былъ далеко раздававшійся по ледяной равнинѣ лай большихъ черныхъ бурятскихъ собакъ, охранявшихъ входъ въ избы мирныхъ жителей. Природа скупая во многихъ мѣстахъ, щедро излила дары на страны Зайбайкальскія. Горы покрыты величественными лѣсами кедра, лиственницы, сосны, ели и березы; въ ихъ нѣдрахъ сокрыты неизчерпаемыя богатства ме-

талловъ и драгоценныхъ камней; не достаетъ только рукъ, чтобъ извлечь эти сокровища. Лѣса наполнены разнаго рода звѣрями: лосями, сернами, волками, лисицами, зайцами, медвѣдями и др. Обильная жатва хлѣба вознаграждаетъ труды земледѣльца, прелестная растительность украшаетъ луга — эти превосходныя пастбища для многочисленныхъ стадъ, которыя составляютъ дѣйствительное богатство кочующихъ народовъ.

Ночь простерла свою завѣсу надъ берегами Селенги; наша повозка быстро неслась по ледяной дорогѣ; звонъ почтоваго колокольчика неумолкаемо раздавался въ ухахъ; вмѣсто унылой пѣсни русскаго извозчика, слышался только тоскливый крикъ Бурята: чу! чу!... Дикость и угрюмость страны, ломка подъ копытами лошадей верхняго слоя льда, образовавшася отъ разлива рѣки, темнота ночи — все это наводитъ на путешественника невольную, даже не неосновательную боязнь, потому что разливы простирались иногда на нѣсколько верстъ, польныи шли по теченію рѣки и среди ихъ безднѣ клочкотали волны. Однѣ вѣхи, укрѣпленныя здѣсь и тамъ, предостерегали отъ опасностей; но Бурятъ, зная безошибочно дорогу, не смотря на мракъ ночи, искусно объѣзжаетъ опасныя мѣста, въ чемъ ему не мало пособляетъ инстинктъ лошадей. Впрочемъ такая увѣренность не избавляетъ путника отъ безпокойства, и я, проѣхавши 195 верстъ отъ Байкала, съ особеннымъ удовольствіемъ остановился ночевать въ городѣ Верхнеудинскѣ. О, какъ сладко благословить гостепримство послѣ утомительной и опасной поѣздки, и найти

удобный и теплый пріютъ: я испыталъ это! Одинъ изъ богатыхъ здѣшнихъ купцовъ сдѣлалъ мнѣ пріемъ выше моихъ ожиданій. Каменный двухъэтажный домъ, выстроенный со вкусомъ и хорошо меблированный, былъ назначенъ къ моимъ услугамъ: почтенный хозяинъ не зналъ мѣры своему радушію. Но не смотря на это, усталость, воспоминаніе о минувшихъ опасностяхъ, разливъ рѣки и прибрежныхъ скалы грезилась мнѣ на яву, а голосъ Бурята и звонъ почтового колокольчика безпрестанно раздавались въ ушахъ и не давали покоя.

На другой день я осматривалъ городъ и, къ немалому удивленію, нашелъ въ немъ зданія красивыя и совсѣми удобствами, что придавало городу наружность европейскаго заселенія, хотя онъ удаленъ отъ Урала слишкомъ на три съ половиною тысячи верстъ. Рѣка Уда впадаетъ здѣсь въ Селенгу, и вмѣстѣ съ нею окружаетъ городъ съ одной стороны, а съ другой возвышаются надъ нимъ горы, покрытыя лѣсами. Лѣтомъ мѣстоположеніе Верхнеудинскѣ очаровательно. Окрестности его можно назвать забайкальскимъ расмъ: цвѣты изпещряютъ луга и горы, нивы даютъ богатые плоды, множество дичины водится въ лѣсахъ, однимъ словомъ, все необходимое для жизни достается здѣсь почти даромъ. Пудъ лучшей говядины стоитъ не болѣе рубля; торговыя площади наполнены Бурятами и Тунгусами, которые приносятъ на продажу плоды своей промышленности; каменные лавки, построенныя въ центрѣ города, завалены разнѣми товарами, купцы богаты и ведутъ значительную торговлю съ Китаемъ

*

и забайкальскими народами. * Въ сорока пяти верстахъ отъ Верхнеудинска лежитъ колонія Торбагтай на очаровательномъ мѣстоположеніи; жители Русскіе, переселенные старообрядцы, ** честные люди, живутъ въ изобиліи и отличаются необыкновенною опрятностію. Хозяйство ихъ можно сравнить только съ лучшимъ хозяйствомъ нѣмецкихъ поселянъ. Здѣсь считаютъ во сто десяти домахъ болѣе 700 душъ. Двѣ порядочныя часовни служатъ старовѣрамъ мѣстами ихъ богослуженія.

Продолжая путешествіе по Селенгѣ, мы проѣхали мимо такъ называемой Разбойничьей горы, потому, что въ ея окрестностяхъ, въ страшной густотѣ лѣса, скрывалась долгое время шайка разбойниковъ, которые грабили проезжихъ. Теперь, по истребленіи злодѣевъ, не только въ этихъ мѣстахъ, но и по всей вообще Сибири можно странствовать, не опасаясь никакихъ нападеній.

Черезъ нѣсколько станцій остановились мы въ бѣдномъ городкѣ Селенгинскѣ, отстоящемъ отъ Верхне-

* Южная часть Иркутской Губерніи есть самая плодосная страна. Во время неурожая доставляется сюда изъ Томской Губерніи до 200,000 четвертей хлѣба. Майоръ Селенгинскаго полка Чечулинъ первый засѣялъ здѣсь кавказскую пшеницу. Старанія его увѣщались успѣхомъ и по прошествіи менѣе десяти лѣтъ она такъ размножилась въ забайкальскомъ краѣ, что со 100 десятинъ, засѣваемыхъ тогда въ Верхнеудинскомъ округѣ, дооблѣстывалась вся Иркутская Губернія.

** Въ 1765 г. 40,000 старообрядцевъ повелѣно выслать изъ Россіи въ Сибирь. Въ Тобольскѣ устроено изъ нихъ два полка: Томскій и Селенгинскій. Оставшихся затѣмъ поселили одну половину на Иртышѣ, а другую за Байкаломъ.

удинска во сто верстахъ. Хотя онъ расположенъ по другую сторону главной дороги въ Кяхту, однако въ немъ не видно ни благоустройства, ни достатка: это, кажется, происходитъ отъ того, что городъ часто бываетъ опустошаемъ сильнымъ разлитіемъ рѣки Селенги. По этой причинѣ попечительное правительство предположило перенести Селенгинскъ на противоположный берегъ, по которому идетъ главная сухопутная дорога, и который гораздо выше и безопаснѣе противоположнаго.

Селенгинскій арсеналь украшенъ нѣсколькими десятками знаменъ старинныхъ Сибирскихъ полковъ, и заключаетъ въ себѣ нѣсколько орудій, примѣчательныхъ по своей древности и необыкновенному устройству, каковы напр. бронзовыя гаубицы, большаго калибра, называемыя секретными. Въ окрестностяхъ городка есть соловарни. Въ Селенгинскихъ озерахъ добываютъ глауберову соль (*sal mirabilis glauberi*). Озеро считаютъ пять: четыре малыя, а пятое большое и самое прибыльное; поверхность его покрыта на 4—12 вершковъ горькою солью, которую Буряты называютъ *гунджиръ*; подъ нею лежитъ до 3 вершковъ толщины иловатая почва, а еще глубже находится еще слой сухой кристаллизованной чистой глауберовой соли, отъ двухъ до двѣнадцати вершковъ толщины.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Селенгинска на противоположномъ берегу рѣки, видны два обширные деревянные дома, обнесенные стѣною и застроенные разными службами. Кто бы угадалъ, что здѣсь, среди кочевья Буряты, живутъ два Англійскіе миссіонера и

проповѣдуютъ Евангеліе! Ни безмѣрная отдаленность отъ мѣста родины, ни малые успѣхи въ проповѣдываніи слова Божія не отвращаютъ отъ предположенной цѣли добродѣтельныхъ мужей, посвятившихъ себя на душевное спасеніе дикихъ Бурятъ. Миссіонеры, почтенные и ученые люди, кончившіе воспитаніе въ Эдмбургскомъ университетѣ, имѣютъ небольшую бібліотеку, много медикаментовъ, которые раздаются равно и Русскимъ и Буритамъ. За то эти люди пользуются у всѣхъ особеннымъ уваженіемъ. Одинъ изъ нихъ переводитъ псалмы Давида на Бурятскій языкъ. Иногда они оставляютъ свое жилище на долгое время, отправляясь въ самыя отдаленныя страны для проповѣдыванія Евангелія Харинскимъ племенамъ, кочующимъ за Яблоновыми горами. До двадцати Бурятскихъ дѣвушекъ учатся въ миссіонерскомъ домѣ у трудолюбивыхъ и добрыхъ Англичанъ искусству плести корзинки. Миссіонеры живутъ здѣсь съ своими семействами. Не смотря на ихъ старанія, на усердную заботливость Грекороссійскихъ пастырей и нѣсколько церквей, устроенныхъ въ городахъ и селеніяхъ, кочующіе Буряты, живя въ сосѣдствѣ съ Тунгузами и Монголами, охотнѣе предаются всѣмъ чародѣйскимъ суевѣріямъ шамановъ или вѣръ Ламайской, нежели откровенію, и только немногіе обратились въ Христіанскую вѣру. Подобно всѣмъ Азіатцамъ, они предпочитаютъ язычество, которое болѣе соответствуетъ ихъ кочевому образу жизни. Большая часть Бурятъ, особенно изъ числа племенъ обитающихъ на границахъ Китайской Монголіи, слѣдуютъ исповѣданію Далай-Ламы, имѣютъ своего *Хамбу* или начальника, и, по ихъ

словамъ, главу Ламъ, который живетъ въ храмѣ Гунь-геляхъ; этотъ храмъ окруженъ главными кумирнями и лежитъ верстахъ въ тридцати отъ Селенгинска, въ сторону. Дорога къ нему пролегаетъ по степи, обнаженной отъ снѣга, и очень дурна и утомительна, а природа наводитъ на путешественника грусть и уныніе. Только восемь верстъ по Гусиному озеру, названному такъ отъ многочисленныхъ стадъ гусей, можно ѣхать скоро. Близъ озера много плетушекъ для ловли рыбы. Буряты называютъ ихъ *Морды*.

Отъ Гусинаго озера до жилья *Хамбы* считается только 5-ть верстъ. Не далеко отъ озера поставленъ сооруженный рукою чловѣка гранитный столбъ, 14 футовъ вышиною, съ рѣзнымъ человѣческимъ изображеніемъ на верху, но безъ признаковъ пола. На бокахъ столба, кажется, были какія-то украшенія, но онѣ почти совсѣмъ изглажены давностію времени. Исторія и преданія не сообщаютъ намъ никакихъ извѣстій объ этомъ памятникѣ, который свидѣтельствуетъ о пребываніи здѣсь какого шибудь неизвѣстнаго и можетъ быть несуществующаго уже народа.

На разстояніи пяти верстъ отъ Гусинаго озера начинаютъ показываться юрты, а за ними у подножія высокихъ горъ расположены кумирни Бурятъ въ видѣ навильоновъ съ остроконечными крышами, на которыхъ вырѣзано искусною рукою пламя въ чашахъ, называемыхъ *Ганджиръ*. Одна только главная кумирня покрыта бѣлою жестью, съ подобными же украшеніями. Вблизи этихъ святилищъ

разбросаны здѣсь и тамъ маленькіе домики, выкрашенные красною краскою; они назначены для помѣщенія Ламъ, которыхъ такъ много, что безъ сомнѣнія, на пять Бурятъ придется по одному Ламъ. Кельи устроены безъ всякихъ удобствъ; вмѣсто стеколъ вставлены въ окна широкіе куски слюды. Каменный полъ нагрѣвается снизу; царствующая здѣсь темнота и уныніе могутъ быть дѣйствительнымъ изображеніемъ строгаго монашескаго образа жизни. Но домъ, предназначаемый для Хамбы, гораздо выгоднѣе: большую его часть занимаетъ домовая молеельня, украшенная портретами Императорской фамиліи, сдѣланными довольно неискусно. Настоящее жилище начальника религіи нѣсколько отдалено. Имя нынѣшняго Хамбы: Данзинъ-Кованъ-Ишимтямцуевъ; онъ находится подъ вѣдомствомъ Далай-Ламы Гингена, который живетъ въ Китайской Монголіи и, по мнѣнію суевѣрныхъ Бурятъ, безсмертенъ. Данзинъ-Кованъ-Ишимтямцуевъ гигантскаго роста и необыкновенно толстъ. Онъ былъ одѣтъ въ запачканный мѣховой халатъ, покрытый матеріею апельсиннаго цвѣта и опоясанъ по животу; голова была обрита; онъ сидѣлъ на землѣ поджавши ноги по Азіатскому обычаю и облокотясь на низменный диванъ, на которомъ лежали разной величины подушки; близъ него были поставлены: тазъ и серебряная табакерка. Замѣтно, что онъ любилъ нюхать табакъ, потому что очень часто открывалъ табакерку. Отъ ужасной толщины онъ сохлѣлъ безъ милосердія. Ламы носятъ одежду краснаго цвѣта.

Всѣ Бурятскіе священнослужители, какъ начальники, такъ и Ламы, вообще не имѣютъ женъ, но для порядка въ хозяйствѣ держатъ ключницы, которыя часто встрѣчаются съ связками ключей у пояса. Впрочемъ въ домѣ у Хамбы все было въ большомъ беспорядкѣ: шубы, войлоки, шапки, шляпы валялись въ разныхъ мѣстахъ, на оловянной тарелкѣ были огромныя кости; запачканный чайникъ лежалъ на боку; косъ гдѣ валялись развернутыя, измятыя и истертыя книги; однимъ словомъ все говорило о кочевой жизни начальника Ламъ, даже въ собственныя его покоя. Однако домовая модельня заслуживаетъ особаго описанія. Г. Мартосъ, посѣтившій эти мѣста, расспрашивалъ черезъ переводчика отдѣльно о всякомъ предметѣ, и вотъ результатъ собранныхъ имъ свѣдѣній. Моельня имѣетъ въ длину около десяти футовъ и состоитъ изъ двухъ ярусовъ; въ верхнемъ поставлена предъ бурханомъ жертвенная посуда. Главный идолъ сдѣланъ изъ мѣди въ сидячемъ положеніи съ поджатыми ногами и держитъ въ рукахъ чашу: его называютъ *Шакья-муни*. Другая статуя одинаковой величины изображаетъ женщину и называется *Дарохе*: это мать всѣхъ боговъ, которыхъ, по словамъ верховнаго жрца, безчисленное множество. Идолы стоятъ въ деревянныхъ ящикахъ простой грубой работы. Богомольцы приносятъ имъ дары. *Яндарь* или жертвенникъ Бурятскихъ идоловъ стоитъ въ этой же моельнѣ; здѣсь же помѣщены небольшіе металлическіе сосуды; нѣкоторые изъ нихъ наполнены водою, другіе хлѣбными зернами, въ нѣкоторыхъ горитъ масло. Кроме того

зажигаютъ тонкія свѣчи, изъ Китайскаго пахучаго растенія *арци*. Воду въ сосудахъ перемѣняютъ ежедневно.

Буряты очень преданы своей религіи, охотно украшаютъ кумировъ разными добровольными дарами, плетеными сѣтками, особенно занавѣсками, развѣшенными на желѣзныхъ прутьяхъ и состоящими изъ разныхъ длинныхъ кусковъ шелковыхъ матерій, преимущественно полосатыхъ. За ними видны идолы. Желтая матерія, повѣшенная въ самой серединѣ, называется *Цялянъ хадахъ*, а другая близъ нее, пестрая, называется *Куль*. Всѣ эти куски матерій или пояса, накатанные вмѣстѣ, составляютъ цилиндръ, который называютъ *Джашъ-цань*.

Между завѣсою и идоломъ виситъ на черномъ шнуркѣ круглое стекло въ полтора вершка въ поперечникъ, подъ нимъ стеклянная банка: все это называется *таликъ* и служитъ для отраженія сіянія отъ горящихъ предъ идоломъ свѣчей. Въ нижней части жертвенника лежатъ кадилышницы и мѣдныя тарелки—*селмямъ*; въ нихъ ударяютъ во время моленія. Первое мѣсто между принадлежностями богослуженія занимаетъ *хурду*, т. е. хранилище, заключающее въ себя всѣ религіозныя пѣсни и молитвы, напечатанныя на длинной вершковъ въ 5 шириною бумагъ, наверхенной на цилиндръ. Хранилище это или ковчегъ имѣетъ видъ осмиугольнаго фонаря, вертится на желѣзномъ прутѣ, какъ на оси, и помѣщено по правую сторону моельни близъ самыхъ подушекъ, на которыхъ сидитъ Хамба. Оно украшено зелеными и желтыми полосами съ рисованными изображе-

нiями разныхъ звѣрей, въ особенности слона и лошади; изображенiями костяныхъ трубъ, въ которыя трубятъ во время моленiя; фигурами рыбъ, различными сосудами, наполненными творогомъ и молокомъ; разными цвѣтами, лечебными травами; зеркалами; изображенiемъ золотаго цвѣтка, называемаго *ирдыни*, который прообразуетъ вѣчность; множествомъ шелковыхъ матерiй и наконецъ людей въ различныхъ положенiяхъ. Образъ челоуька означаетъ небеса. Шесть поясовъ находятся на *хурду*; изъ нихъ второй, третiй, четвертый и шестой украшены исчисленными изображенiями, первый и пятый содержатъ однѣ только молитвы.

Въ назначенные часы, верховный жрецъ, ни сколько не измѣняя своего положенiя, вертитъ хурду, что очень удобно, и въ тоже время перебираетъ другою рукою четки, въ которыхъ сто бѣлыхъ костяныхъ шариковъ и три желѣзныхъ. По окончанiи молитвы ставитъ ящикъ, въ которомъ хранятся духовныя книги. Ламы въ своихъ юртахъ держатъ въ рукъ небольшой серебряный хурду, въ которомъ цилиндръ оклеенъ молитвою, состоящую изъ нѣсколькихъ только словъ, и безпрестанно оборачиваютъ его. Оборачиванiе этой молитвы служитъ вмѣсто громкаго ея произношенiя, и чѣмъ кто чаще прочитываетъ въ своей жизни эту молитву, тѣмъ онъ ближе къ спасенiю: такъ увѣряютъ Ламы.

Для умноженiя прiятностей жизни, или можетъ быть для драгоценныхъ воспоминанiй о первоначальномъ своемъ кочеванiи, Хамба часто переходитъ въ отдѣльное свое жилище. И этотъ повелитель нѣ-

сколькихъ сотъ Ламъ, верховный жрецъ языческихъ народовъ, обитающихъ отъ Байкала до Китайской Имперіи, и отъ хребта Яблоновыхъ горъ до горъ Тункинскихъ, не стыдится своей родной юрты, обтянутой войлоками и лошадинымъ кожами. Подлѣ небольшого деревяннаго домика, торжественнаго жилища Хамбы, разбиты двѣ большія юрты: одна назначенная для его слугъ, другая служить любимымъ его мѣстопребываніемъ. Въ ней соединено все, что только можетъ привести ему на память обычай кочевой жизни и протекшей молодости. Она похожа на соломенный улей и обита внутри войлоками. Въ ней безпрестанно горитъ огонь; для дыма сдѣлано отверстіе въ верху, которое прикрывается войлокомъ; двери завѣшиваются пологію. *Яндарь* занимаетъ первое мѣсто въ этой юртѣ; по лѣвую сторону помѣщено *хурду*; сундуки поставлены одинъ на другомъ; подлѣ стѣнъ лежатъ подушки, и вся юрта отличается отъ юрты кочующаго владѣльца однимъ дощатымъ поломъ. Хамба живетъ въ пяти верстахъ отъ главныхъ кумиренъ, владѣсть множествомъ овецъ, лошадей и верблюдовъ, которые гордо поднимаютъ свои головы на звукъ почтоваго колокольчика; Бурятскія лошади свѣклись съ ними, но Русскіи боятся и, фыркая, бросаются въ сторону.

Правила Далай-Ламы основаны на добродѣтели и любви боговъ. Христіанинъ пораженъ какимъ-то соединеніемъ таинствъ Вѣтхаго Завета съ Вѣрою Спасителя, искаженною множествомъ самыхъ неслѣпыхъ языческихъ обрядовъ. Молитвы и пословицы Бурятъ исполнены чистою нравственностію и высокою

добродѣтелию. Сочиненія ихъ писаны на Монгольскомъ языкѣ; напечатаны, кажется, вырѣзанными на деревѣ буквами, которыя очень ровны и красивы; бумага украшена по концамъ искусными арабесками. Подобную бумагу нарочно заготовляютъ для Бурятъ на большой Иркутской фабрицѣ, потому что она непременно должна имѣть на себѣ разныя буквы и священныя изображенія, безъ чего не можетъ быть употреблена на книги.

При Гусиномъ озерѣ находится одиннадцать кумиренъ; изъ ихъ десять построены въ равномъ другъ отъ друга разстояннн и составляютъ четверугольникъ, въ центрѣ котораго находится главный храмъ, съ четырьмя башнями по бокамъ и съ одною на самомъ зданнн, что очень украшаетъ цѣлость зданнн. Пять крылецъ ведутъ въ сѣни главнаго храма, въ двадцать квадратныхъ аршинъ пространства. Первый предметъ, поражающн зрнтеля, есть большое *хурду*, обвѣшенное шелковыми поясами *Джань-цань*; а на верху его укрѣплены колокольчики, которые при поворотѣ *хурду* издають прнятный звукъ. Набожный Бурятъ ревностно хлопочеть о чести оборачпвать собственною рукою *Джань-цань*.

Входъ въ святиню охраняють два уродливые звѣря, выдѣланные долотомъ: на правой сторонѣ бѣлый левъ, съ развѣрзтою пастью, на лѣвой страшный тигръ; подъ ними висять кожи: рысьи, волчьи, медвѣжьи, и жеребьячьи; еще выше кольчуги, ружья, бердыши, луки, стрѣлы, палашн, копыя и другнѣ

воинскіе снаряды; два распушенныя Китайскіе вѣера прибиты надъ дверьми; стѣны стѣней украшены тремя изображеніями идоловъ, называемыхъ *Мижоранзи*, среди пламени и змѣй. У одного изъ нихъ лице зеленое, у другаго черное; одинъ держитъ обоюду острый мечъ, другой играетъ на инструментѣ, сходномъ съ Русскою балалайкою. Съ правой стороны льва виднѣнъ рисунокъ грубой работы. Все украшеніе стѣней изображаетъ, кажется, религіозныя наказанія, и потому, можетъ быть, этотъ послѣдній рисунокъ имѣетъ какую нибудь связь съ Библейскимъ потопомъ.

Внутри храма, хотя всѣ предметы, представившіяся нашему зрѣнію, сдѣланы безъ всякаго искусства, вкуса и соответствія; но здѣсь царствуетъ какая-то угрюмая свѣтось, которая вѣрно имѣетъ большое вліяніе на духъ сусвѣрнаго Бурята. Одинъ храмъ безъ стѣней занимаетъ 80 футовъ въ длину и 44 въ ширину; колонны поставлены въ четыре ряда и поддерживаютъ тяжелую часть верхняго строснія; два окна слабо освѣщаютъ залу; между колоннами столько развѣшано шелковыхъ матерій, что, желая приблизиться къ главному жертвеннику или алтарю, должно идти нагнувши голову. Колонны или столбы выкрашены красною краскою; въ промежуткахъ съ верху видны рѣзныя изображенія боговъ (*машырталовой*), отъ которыхъ ниспадаютъ отъ cadaго по три шелковыхъ платка съ кистями; на скамьяхъ, поставленныхъ между колоннами и обитыхъ войлоками, могутъ садиться во время богослуженія одни Ламы; а народъ стоитъ на дворѣ и только по окончаніи службы желающіе подходятъ къ идоламъ для

полученія отъ жреца благословенія. Въ срединѣ храма въ самомъ узкомъ ходѣ къ алтарю всего болѣе замѣчательнъ *шухуръ* или десять разноцвѣтныхъ шелковыхъ поясовъ, свернутыхъ въ видѣ цилиндра; за нимъ на шесть футовъ ближе къ истукану привѣшсны по обѣимъ сторонамъ колоннъ девять колокольчиковъ и фонарь въ деревянныхъ рамахъ *хонъ-гоо*; это мѣсто предназначено для *Хамбы* и старшихъ *Ламъ*. Верховный жрецъ сидитъ въ креслахъ по лѣвую сторону близъ самаго алтаря; передъ нимъ поставленъ небольшой столъ, на которомъ находится мѣдный колокольчикъ; противъ него съ правой стороны имѣеть мѣсто *шретьуй* или второй изъ старшихъ жрецовъ; прочіе же: *Сирфий*, *Засыкъ-шензави*, *Узыльнъ*, *Дал* и *Ляису*, располагаются на той сторонѣ, гдѣ и *Хамба*, а простые *Ламы*, которыхъ здѣсь болѣе 250, садятся по старшинству на скамьяхъ. Свита главныхъ жрецовъ и служители кумиренъ называются *Хубораки*. Яндарь, т. е. алтарь или жертвенникъ, тогоже вида, какъ описанный въ домовой моленнѣ *Хамбы*, только гораздо въ большемъ размѣрѣ. Инструменты, на которыхъ играютъ во время моленія, суть: трубы, мѣдные колокольчики, китайскіе лнчары, бубны, мѣдныя тарелки, что - то похожее на волторны, бубенчики и кобзы или бандуры; трубы очень длинны, состоятъ изъ пяти или шести колѣнъ и украшены, какъ и колокольчики, довольно искусною рѣзбою.

Трудно описать дѣйствіе, какое производитъ эта нестройная музыка при отголоскѣ пѣсней или, правильнѣе, криковъ нѣсколькихъ тысячъ *Бурятъ*, собрав-

шихся во время чествованія празднествъ *благого мѣсяца!* Хамба и Ламы читають книги и по сложени ихъ предъ идоломъ, верховный жрецъ благословляетъ стекшійся народъ. Есть еще особенная кумирня, выстроенная въ уединенномъ мѣстѣ и посвященная зеленой лошади, — и этому истукану, какъ и прочимъ, приносятъ дары и предъ нимъ также зажигаютъ свѣчи изъ благоухающихъ травъ *арц.* Зеленая лошадь сдѣлана изъ дерева въ гигантскомъ размѣрѣ и движется на колесахъ, неволью приводя на память покореніе Трои. На лошади Русскій хомутъ, сѣдло и чапракъ изъ волосяной матеріи; грива и хвостъ сплетены изъ зеленой шерсти, къ сѣдлу утверждена какая-то деревянная сквозная фигурка, похожая на кардинальную шапочку; къ подножию приделаны, вѣроятно, для прочности, двѣ подпорки, выкрашенныя зеленою краскою и обитыя цвѣтами: онѣ поддерживаютъ лошадь близъ хомута. По лѣвой сторонѣ стоятъ Русскія сани, называемыя роспусками, нѣсколько побольше обыкновенныхъ; на нихъ во время процессіи ставятъ мѣдный истуканъ *Надиръ*. Эти повозки выкрашены также зеленою краскою. Въ углахъ кумирни находятся девять небольшихъ знаменъ на красныхъ древкахъ, обтянутыхъ чехлами: онѣ употребляются для приданія большей пышности религиознымъ обрядамъ.

У Бурятъ, поклонниковъ Далай-ламайской вѣры, есть еще боги низшаго разряда, подвѣдомственные старшимъ. Пенатовъ или своихъ домашнихъ боговъ они называютъ *Оигонами* и *Иргекинами*, и увѣряютъ, что *Тенгері-бурханъ* или самъ творецъ раздѣлить

между ними владычество надъ свѣтомъ, назначивъ каждому особенный удѣлъ. Почти у каждаго Бурята въ его юртѣ виситъ кожаный мѣшокъ, въ которомъ покоятся его пенаты. Изображенія этихъ идоловъ или вырѣзаны изъ дерева вышиною въ 5 вершковъ, или сдѣланы изъ войлока, а нѣкоторыя изъ набитыхъ бараньихъ шкуръ, съ ногами, хвостомъ и человѣческими лицами. Если Бурятъ, положась на покровительство своихъ пенатовъ, будетъ обманутъ въ надеждѣ, или неуспѣшно выполнить свое преднамѣреніе, тогда онъ высыпаетъ ихъ изъ мѣшка, хватаетъ несчастнаго барана, съчетъ безъ милосердія лозой, приговаривая иногда ругательства на русскомъ языкѣ: «чортъ, дьяволъ, каторжный» и проч. Напротивъ, если Бурятъ доволенъ своими пенатами, то вытаскиваетъ снова бѣднаго барана, мажетъ ему губы смятаной и, вложивши въ мѣшокъ, вѣшаетъ его съ величайшимъ равнодушіемъ на прежнее мѣсто.

Удостоверясь на дѣлѣ въ справедливости всего слышаннаго мною о вѣрѣ Бурятовъ, что мнѣ казалось сначала совершенною сказкой, я спѣшилъ возвратиться въ Селенгинскъ, чтобы какъ можно скорѣе проѣхать оставшіяся до Кяхты болѣе 100 верстъ, и поспѣть къ китайскому празднику *блѣга мѣсяца*.

Дорога до Усть-Кяхты не заключаетъ въ себѣ ничего любопытнаго, кромѣ одного значительнаго Бурятскаго лекаря. Слава Гальцинъ-Сахина гремитъ вездѣ въ странахъ Забайкальскихъ; его совѣтамъ и декохтамъ приписываютъ чудесныя дѣйствія. Многіе богатые русскіе купцы были его пациентами; я зналъ

даже одну благородную даму въ Иркутскѣ, которая, со времени выхода замужъ, семь разъ имѣла преждевременныя роды, и когда самыя искусныя доктора не могли освободить ее отъ этой болѣзни, тогда посовѣтовали ей взять нашего Бурята. Онъ не задумался, составилъ ей какое-то лекарство, которое подѣйствовало съ такимъ успѣхомъ, что у прежней больной теперь семь здоровыхъ дѣтей. Все искусство этого доктора основывается на открытіи, въ теченіи долгаго времени, спасительныхъ дѣйствій травъ и кореньевъ. Онъ вылечиваетъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ всякаго рода воспаленія, и если върять рассказамъ, то и начало чахотки. Китайцы хвалятся, что имъ издавна извѣстна тайна леченія послѣдней болѣзни, и что средства ихъ въ этомъ случаѣ безошибочны.

Въ Усть-Кяхтѣ я видѣлъ Бурятскій полкъ, которымъ предводительствовалъ уже не страшный Чингисханъ и не достопочтенный Дымбыта-Тайша, владѣлецъ нѣсколькихъ поколѣній; но ѣхавшій верхомъ на Бурятскомъ аргамакѣ Иркутскій Губернаторъ, которому могущественный Монархъ вверилъ управленіе этой части Азіи. Онъ ежегодно пріѣзжаетъ на это время въ Усть-Кяхту и въ другія мѣста Забайкальскихъ странъ, для раздачи наградъ, которыя Всемилостивѣйше жалуетъ Государь Императоръ въриноподаннымъ своимъ Бурятамъ, а также для выслушанія ихъ жалобъ, претензій и просьбъ; для оказанія имъ справедливости; для сформированія изъ среды ихъ иррегулярныхъ козацкихъ полковъ; для составленія списковъ ново-

браннымъ, и для увольненія въ отставку выслужившихъ сроки. Страненъ для зрителя видъ этой Бурятской кавалеріи, выступающей изъ-подъ разноцветныхъ круглыхъ палатокъ, обшитыхъ мѣхомъ; черныя косы воиновъ придаютъ имъ еще болѣе странности и какого-то исключительнаго отличія отъ всего, что мы видѣли въ этомъ родѣ. На каждомъ воинѣ накинута плащъ или бурка, то длинная, то короткая изъ рысьяго или другаго мѣха, шерстью вверхъ. Оружіе ихъ составляютъ: лукъ, колчанъ съ стрѣлами, сабля и пика. Изъ старшихъ почти всѣ украшены золотыми медалями; нѣкоторые носятъ черное атласное платье; многіе пользуются военными чинами и имѣютъ сабли съ серебряными темляками. Этотъ Бурятско-казачій полкъ состоитъ изъ пяти сотъ всадниковъ; имѣетъ свои собственные знамена, и несетъ службу въ здѣшнихъ мѣстахъ. Во время смотра и ученія поданы были Губернатору и намъ, бывшимъ въ его свитѣ, славныя Бурятскія лошади въ рысьихъ чапракахъ, съ Бурятскими сѣдлами, которыя, такъ какъ и уздечки, были густо усажены серебряными бляхами. Губернаторъ командовалъ самъ, и по данному имъ знаку всѣ разлетѣлись какъ пчелы; крикъ, беспорядокъ, замѣшательство, превзошли всякое ожиданіе; не было никакой возможности удержать ихъ въ порядкѣ; никто не достигъ мѣста своего назначенія. Устройство и обученіе ихъ чему нибудь требовали необыкновеннаго терпѣнія и хладнокровія, которыми отличался Губернаторъ, и онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть при окончаніи смотра, продолжавшагося довольно

*

долго, что Буряты, старавшіеся выполнять его приказанія по мѣрѣ своихъ силъ и понятій, казалось, находили удовольствіе въ своихъ маневрахъ. Все они очень любятъ пріѣзжающаго къ нимъ начальника и торжественно празднуютъ время его пребыванія. При выѣздѣ его въ Кяхту, обыкновенно толпы всадниковъ окружаютъ его экипажъ, стрѣляютъ изъ пушекъ, разставленныхъ по возвышенностямъ, махаютъ знаменами съ громкими кликами радости. Пріятно смотрѣть на этотъ полудикій вооруженный народъ, испытывающій благодѣяніе кроткаго правительства и почитающій Государя Императора въ особѣ его намѣстниковъ.

Въ селѣ Усть-Кяхтѣ, послѣдней станціи предъ Кяхтой, проѣзжающіе обыкновенно берутъ вмѣсто саней экипажъ на колесахъ, потому что постоянно дующіе въ этой сторонѣ вѣтры сметають снѣгъ съ песчаныхъ мѣстъ, и санной путь пропадетъ. Дорога до Кяхты въ эту пору года показалась мнѣ довольно пріятна, хотя мы ѣхали не такъ скоро, какъ прежде. Множество любопытныхъ предметовъ попадалось намъ на встрѣчу: старшіе и простые Ламы отправлялись многочисленными партіями въ Кяхту, толпы бѣдныхъ и богатыхъ Бурятъ верхомъ и пѣшкомъ поспѣшали туда же; иные для торговыхъ оборотовъ, а большая часть на праздникъ *блага мѣсяца*. Земли, прилегающія къ дорогѣ, показались мнѣ обработанными; сосновые небольшие лѣса, совершенно обнаженные холмы, и засыпанные снѣгомъ впадины, разнообразили окрестные виды. Наконецъ мы

пріѣхали въ Кяхту, и я не-хотя очутился въ семи тысячахъ верстахъ отъ роднаго пчелища.

КЯХТА.

Кяхта есть главное мѣсто торговли Россіи съ Китаемъ, лежитъ въ обширной песчаной долинѣ на границѣ съ Китайскою Монголою. Основана въ то время, когда эти великія Государства открыли между собою первыя торговыя сношенія. Кяхта довольно значительный городъ, какъ увидимъ ниже; состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей, а именно: Троицко-Савской крѣпости, получившей названіе отъ р. Савы. Она была нѣкогда сильною крѣпостію, но теперь видны только слѣды прежнихъ укрѣпленій, и есть небольшой арсеналь. Эта часть города соединяется съ другою, которая называется собственно Кяхтою. Въ разстояніи четырехъ верстъ отсюда находится небольшое, но порядочное мѣстечко—*нижняя плотина* или торговая слобода, гдѣ живутъ кушцы и комиссіонеры, ведущіе торгъ съ Китаемъ. Здѣсь у нихъ прекрасные дома, магазины и обширные амбары или кладовыя для складки товаровъ. Длинная, высокая, крашеная ограда съ большими воротами, увѣнчанными гербомъ Россійской Имперіи, служитъ границею со стороны Китая. По лѣвой сторонѣ воротъ, въ каменномъ домѣ, живетъ таможенный окружный надзиратель, а на правой находятся гоуптвахта и караульня. Не далѣе 300 шаговъ за этими воротами лежитъ Китайское селеніе *Маймачи*.

Кяхта съ Троицко-Савскою крѣпостию находится, какъ было замѣчено, среди песчаной долины, окруженной небольшими возвышенностями. Небольшой источникъ, который вымерзаетъ зимою и высыхаетъ лѣтомъ, не доставляетъ жителямъ необходимѣйшей стихіи — воды, которую достаютъ версть за 15-ть отсюда.

Три каменные церкви, каменные купеческіе магазины и лавки, и 474 деревянныхъ дома составляютъ всѣ зданія Кяхты. Жителей считаютъ около 4500, вмѣстѣ съ гарнизономъ, состоящимъ изъ цѣхоты, небольшого отряда артиллеріи, казаковъ и таможенной стражи. Россія содержитъ незначительныя военныя силы на границахъ Китая, потому что въ случаѣ даже непріязненныхъ дѣйствій со стороны Китайцевъ достаточно небольшого количества войскъ для отраженія ихъ нападѣній и для успѣшныхъ наступательныхъ движеній, какъ это было доказано при осадѣ Китайцами Албазинскаго острога. «Въ 1683 г. Китайцы начали приготовляться къ войнѣ. Русское правительство, узнавъ о семъ, прислало въ Албазинъ надежнаго начальника, Алексѣя Толбузина, который прибылъ туда въ Іюнь 1684. Черезъ годъ послѣ сего Китайцы въ числѣ 14 или 15000, при 150 пушкахъ, осадили Албазинъ, въ которомъ гарнизонъ состоялъ только изъ 450 человекъ, при 9-ти пушкахъ, и острогъ укрѣпленъ былъ худо. Китайскій воевода потребовалъ сдачи и, не получивъ отвѣта, началъ канонаду. Храбрый Толбузинъ принялъ намѣреніе обороняться до крайности, надѣясь получить помощь изъ Нерчинска; но надежда его осталась

тицственно. Въ первые дни осажденные лишились слишкомъ 100 человекъ; деревянныя укрѣпленія недѣлю стояли противъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ; наконецъ не стало ни пороху, ни свинцу; всѣ жители просили воеводу начать переговоры о сдачѣ, съ условіемъ свободнаго пропуску въ Нерчинскъ. Китайцы уговаривали сперва Русскихъ переселиться на ихъ сторону: не более 25 человекъ согласились на это; всѣ прочіе, гнушаясь предложеніемъ, отправились въ отчизну подъ предводительствомъ Толбузина, бывъ однако же лишены неприятелемъ всего имущества, кромѣ запаса, нужнаго для прохода до Нерчинска. Нерчинскій воевода Власовъ, видя несправедливость Китайцевъ и жалѣя о важномъ уронѣ, началъ помышлять о возвращеніи потеряннаго. Получивъ свѣдѣнія, что Китайцы сожгли Албазинъ и всѣ тамошнія Русскія селенія; но хлѣбъ въ полѣ оставили невредимымъ, онъ отправилъ туда опять Толбузина, подчинивъ ему Полковника Бейтона съ 200 человекъ военныхъ; къ сему отряду присоединились многіе изъ бывшихъ Албазинскихъ жителей, что все вообще составило 671 человекъ, при 5 мѣдныхъ и 5 чугунныхъ пушкахъ. Толбузинъ пришелъ на мѣсто въ слѣдствіе приказанія Власова; сперва сжалъ хлѣбъ, а потомъ заложилъ (25 Сент.) вновь Албазинъ на старомъ мѣстѣ, укрѣпивъ его землянымъ валомъ. Китайцы, узнавъ объ этомъ, начали сперва безпокоить жителей, а потомъ (7 Июня 1686) явились подъ Албазиномъ въ числѣ 7000 человекъ съ 40 пушками, а въ Албазинѣ было не болѣе 736 человекъ. Перваго Сентября сдѣлали они приступъ, но были отбиты съ

большимъ съ ихъ стороны урономъ. Въ продолженіи сей осады цынготныя и другія болѣзни истребили Албазинскій гарнизонъ до того, что въ исходѣ Ноября оставалось онаго не болѣе 150 человекъ; но величайшее для Албазинцевъ несчастіе состояло въ томъ, что мужественный начальникъ ихъ Толбузинъ былъ убитъ пушечнымъ ядромъ. Мѣсто его занялъ Бейтонъ, который искусствомъ своимъ и храбростію умѣлъ уничтожить всѣ непріятельскія покушенія; наконецъ Китайцы, видя свою неудачу, перемѣнили осаду на блокаду, а въ началѣ Мая 1657 сняли и эту, отступивъ на 4 версты отъ города. Они были такъ учтивы, что предложили Бейтону прислать своихъ лекарей для пользованія больныхъ, если только объявятъ имъ число оныхъ. Храбрый Полковникъ, благодаря ихъ за это, отвѣчалъ, что не имѣетъ нужды въ лекаряхъ, ибо всѣ люди его въ самомъ лучшемъ здоровьи, а для доказательства, что у него и съѣстныхъ припасовъ много, прислалъ главному Китайскому воеводѣ пирогъ, вѣсомъ въ пудъ, который и принять отъ него съ благодарностію. Вскорѣ послѣ сего Русское правительство, желая прекратить несогласія съ Китайцами, назначило для сего Околичнаго Федора Алексѣевича Головина. Пекинскій дворъ, узнавъ о семъ, послалъ къ осаждавшему Албазинъ войску приказъ возвратиться на прежнія свои мѣста, что и было исполнено 30 Августа 1687 года. Головинъ, по прибытіи на мѣсто, началъ сношенія съ Китайскимъ правительствомъ, слѣдствиемъ коихъ было то, что мѣстомъ конгресса былъ назначенъ городъ Нерчинскъ, куда прибыли и Ки-

тайскіе уполномоченные. По заключенному тутъ 27 Ав. 1689 года мирному трактату, между прочимъ Албазинъ уступленъ Китайцамъ, которые раззорили его до основанія.» *

Значительнѣйшею особою въ Кяхтѣ считается Директоръ пограничной таможи, безъ вѣдома котораго не могутъ быть заключены никакія торговыя сношенія между здѣшними купцами и Китайцами. Китайцы очень уважаютъ его. На объѣдахъ у Директора во время табельныхъ праздниковъ часто видите богатыхъ Китайскихъ купцовъ, со вкусомъ распивающихъ шампанское.

Во время пребыванія моего въ Кяхтѣ находилась здѣсь миссія, возвращающаяся изъ Пекина. Разказы нѣкоторымъ ея членамъ о Китайскихъ обычаяхъ очень любопытны. Миссіонеры, во время пребыванія въ Китаѣ, носили Китайское платье и приплетенныя длинныя косы; точно въ такомъ видѣ нѣкоторые изъ нихъ имѣли свои портреты, написанные славнымъ художникомъ, членомъ миссіи, имѣвшимъ счастье снимать портретъ съ Богдыхана. Правительство тщательно избрало просвѣщенныхъ и способныхъ мужей для порученія имъ столь важнаго дѣла, какимъ намъ кажется собраніе статистическихъ и географическихъ свѣдѣній о сосѣдственномъ государствѣ. Астрономъ, ботаникъ, минералогъ, топографъ, хирургъ, докторъ и филологъ, даже въ самыхъ Китайцахъ возбудили величайшее уваженіе къ своимъ познаніямъ. Докторъ В.* выдѣлилъ отъ тяжкой и опасной болѣзни наследника престола. Въ благодарность ученому

* Энцикл. Лекс. т. 1.

иностранцу, Богдыханъ приказалъ помѣстить въ своемъ Сенатѣ таблицу съ подробнымъ описаніемъ болѣзни и чудеснаго ея излеченія. О. Кавалевскій, Профессоръ Казанскаго Университета, снискалъ благорасположеніе Пекинскаго Хутухты, начальника придворнаго духовенства. Его святѣйшество, предъ которымъ тысячъ Монголовъ падаютъ ницъ, принималъ ученаго Европейца въ кабинетъ, устроенномъ по Европейски. Святой мужъ дружески разговаривалъ съ Кавалевскимъ, и въ доказательство высокой своей пріязни подарилъ ему святую книгу, писанную на Монгольскомъ языкѣ собственною рукою Хутухты. Духовенство Забайкальскихъ кумирень, узнавши объ оказанной ученому Профессору чести, старалось получить отъ него благословеніе, и самъ Хамба объявилъ, что душа Монгольскаго племени перешла въ него; назвалъ его своимъ братомъ и вручилъ ему дипломъ на это достоинство. Буряты очень удивляются, какъ можетъ иностранецъ въ такомъ совершенствѣ знать ихъ языкъ, вѣру и обычаи. Тотчасъ по приездѣ его въ Кяхту, Ламы начали собираться со всѣхъ сторонъ, чтобы получить отъ него благословеніе и удостоиться прикоснуться къ священной книгѣ. Нѣкоторые изъ нихъ предложили ему даже дары, состоящие изъ маленькой статуйки Бурхана, густо вызолоченной, и изъ небольшого серебрянаго хурду. Почти невѣроятно, чтобы Европеецъ могъ превратиться въ такого отличнаго Монгола.... *

Орестъ Евекцій.

* Кавалевскій нѣсколько лѣтъ жилъ среди Забайкальскихъ кочующихъ народовъ.

КІЕВСКІЯ

ЗЛАТЫЯ ВРАТА.

Отъ Неводницкой пристани до дальнаго края Подолья, на пространствъ семи верствъ, раскинулся Кіевъ. То подымется бѣлыми хатами и крѣпостными окопами на крутые уступы горы; то выстроится по нагорнымъ полянамъ широкими и красивыми улицами домовъ; то перекинется чрезъ глубокіе овраги, пойдетъ въ степи и, вспомнивши свой родимый Днѣпръ, снова тѣснится къ нему и снова сбѣгаетъ, по крутизнамъ горы, къ его широкому лону. Въ немъ слились три города: *Печерскій*, *Сирый* и *Подолье*; это три живые памятника его славы и бѣдственной жизни. И всѣ они, рисуясь въ воображеніи, какъ будто на картинѣ художника, такъ живо выступаютъ съ своими торжественными храмами, и внушаютъ такое благоговѣніе, какого не сильны произвести ни самыя храмы нашей Москвы. На всѣхъ ихъ такъ еще замѣтны слѣды недавнихъ усилій человека, всѣ они, не взирая на прекрасное устройство, какъ будто не dokonченны, какъ будто

съ каждымъ годомъ мужають, красуются, и снова вызываютъ былую красоту и величіе Кієва. Но среди новаго и недоконченнаго устройства, невольно замѣчае остаткі минувшей жизни; среди новыхъ зданій видите развалины зданій древнихъ; подъ кирпичными надстройками соборовъ и монастырей виденъ или неправильно, но прочно положенный гранитъ, или мраморныя колонны, уцѣлѣвшія отъ вѣковъ прошедшихъ; подъ новой живописи подьсмлются колоссальныя изображенія святыхъ, выложенныя Греческимъ мозаикомъ; рядомъ съ недостроеннымъ храмомъ или домомъ обломки колоннъ, карнизовъ и груды щебня.... Кажется, что сквозь новую картину Кієва, сквозь ея живыя цвѣты и тѣни проступаетъ другая полумисчезнувшая картина общественной жизни, какъ будто время, всесильный художникъ, рисуетъ на обѣтшломъ полотнѣ, жить и сильнѣе скрѣпляетъ его своею работою.

И неужели новорожденный вѣкъ становится на развалинахъ прошедшаго вѣка? Неужели настоящій Кієвъ стоитъ на прахъ древняго Кієва и не слитъ съ нимъ судьбою, не оживленъ его прежнею жизнью? Къ сожалѣнію, почти всѣ храмы, всѣ укрѣпленія, воздвигнутыя нашими Князьями, или погибли, или остались полуразрушенными, или передѣланы и поновлены, и въ народѣ сохранились только древнія названія *урочищъ* и память о нашихъ *первыхъ Князьяхъ*: о Владиміръ, Ярославѣ, о прежней жизни и славѣ Кієва. Жизнь въ народѣ не умерла, но правильное развитіе жизни было надолго прервано бѣдствіями; между настоящимъ и прошедшимъ втѣсни-

лись иноплеменники и вызвали другую жизнь, другое устройство. Одна Печерская обитель, какъ краугольный камень и вѣчный свидѣтель нашей преданности къ вѣрѣ, навсегда пребыла вѣрною Православію. Даже въ нашествіе Татаръ, во времена этого потопа, сокрушившаго полміра, даже во времена страшныхъ, неутомимыхъ гоненій отъ Уніатовъ и цѣлой Польши, она уцѣлѣла и не преставала существовать ни на одинъ день. А Кіевъ, разрушенный, обращенный въ прахъ и пепель, долго былъ безводною пустынею, и его жители или погибли или бѣжали, и скрывались въ лѣсахъ и городахъ. «Тоска разливалась по Русской землѣ, печаль какъ потокъ покрывала ея... и на поляхъ не орастая голось былъ слышенъ; но карканье врановъ, дѣлвшихъ бездушные трупы.» ⁽¹⁾

Благословенный до своего рожденія, какъ говоритъ преданье, святымъ Апостоломъ, Кіевъ основанъ слишкомъ за тысячу лѣтъ до нашего времени. Первымъ зерномъ его было мѣсто, гдѣ теперь красуется на крутомъ уступѣ горы соборъ Андрея Первозваннаго. Съ сѣвера и юга, оно замыкалось двумя оврагами; съ запада доходило за Десятинную церковь, и теперь еще замѣтны здѣсь остатки древнихъ валовъ. Это отдѣленіе называется теперь *Андреевскимъ*. При Ярославѣ предѣлы города раздвинулись далеко по нагорной части. Одолѣвши Святополка, онъ, по сказанію летописца, заложилъ городскую стѣну и церковь св. Софіи; но новый успѣхъ Святополка, съ помощію Польскаго Короля Болеслава великаго, лишилъ его Кіева и не далъ окончить нача-

таго дѣла. Только въ 1037 году опредѣленно говорится объ окончаніи городской стѣны и Софійскаго собора. Эта стѣна примыкала двумя концами къ древнему Кіеву и обнимала широкое поле, почти отъ нынѣшнихъ развалинъ Десятинной церкви, до развалинъ *Златыхъ вратъ*. Весь городъ, съ древнимъ Андреевскимъ отдѣленіемъ, занималъ пространство болѣе четырехъ верстъ въ окружности и былъ въ длину отъ Днѣпровской стороны къ западу болѣе версты, и въ ширину около версты. Лучшими зданіями древняго Кіева, во времена Ярослава, были: Десятинная церковь, сооруженная свитымъ Владиміромъ; церковь трехъ Святителей, построенная на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна; Софійскій соборъ, сооруженный Ярославомъ; монастырь св. Ирины, церковь святаго Георгія и *Златая врата*, находившіяся на западной сторонѣ Ярославовой стѣны. Онѣ были обиты вызолоченными листами, а надъ ними возвышалась церковь Благовѣщенія съ вызолоченнымъ куполомъ. Таковъ былъ Кіевъ за 800 лѣтъ до нашего времени, въ одинъ изъ первыхъ вѣковъ исторической жизни нашего отечества.

Остальныя части нынѣшняго Кіева, *Печерская* и *Подолье*, были также населены, хотя еще не причислялись къ городу. На югъ отъ Андреевскаго отдѣленія, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, уже существовалъ Михайловскій монастырь. Въ Печерской части, покрытой лѣсомъ, были селенія, и въ горѣ служило убожищемъ для первыхъ нашихъ христіанъ, уединившихся въ пещерахъ. Подолье было многолюдно и извѣстно какъ торговое мѣсто.

Время Ярославово было лучшимъ временемъ силы и красоты Кіева. Его великолѣпіе изумляло нашихъ соотечественниковъ. Посоль Германскаго Императора Генриха II, посѣтившій Кіевъ въ 1018 году, когда еще не было ни Софійскаго храма, ни Ярославовой каменной стѣны, ни златыхъ вратъ, удивлялся великолѣпію, богатству и многолюдству Кіева. Онъ разсказывалъ, что въ городѣ 300 церквей и восемь торговыхъ площадей. Быть можетъ разсказъ этотъ преувеличенъ, но во всякомъ случаѣ говорить за современное великолѣпіе и населенность города. Быть можетъ не многого было надобно, чтобъ изумить богатствомъ и красою города посла Германскаго Императора, потому что въ самой Германіи, по сказанію иноземныхъ писателей, отъ Рейна до Балтійскаго моря, прежде IX вѣка, едва ли существовалъ хотя одинъ собственно Германскій городъ, въ настоящемъ значеніи этого слова, ⁽²⁾ и въ это же время Кіевъ былъ главнымъ городомъ своей страны и успѣлъ уже перейти къ Варягамъ изъ-подъ зависимости Хазарь, завоевавшихъ его во времена отдаленныя. И не одинъ Кіевъ былъ у насъ городомъ; кромѣ его существовали: *Новгородъ*, *Смоленскъ*, *Любечъ*, *Ростовъ*, *Муромъ*, и другіе города. Правда, всѣ они были сначала строены изъ дерева, ограждены окопами и деревянными стѣнами; но не смотря на это, *городская жизнь* уже началась въ то время, когда на пространствѣ цѣлой Германіи не было ни одного собственно Германскаго города. Въ нашихъ городахъ были посадники, которыхъ и Владиміръ избиралъ изъ людей лучшихъ; были торговыя пло-

наде; было средоточіе страны и племени; были постоянныя мѣста для пребыванія Князей удѣльных и великихъ. А Германцы долго смотрѣли на города, какъ на темницы или убѣжища, и боялись утратить дикій, воинственный духъ посреди городской жизни. Колоніальные города Римлянъ и Норманновъ не были произведеніемъ собственно Германской жизни. Только со времени Карла Великаго и преимущественно съ Генриха, прозваннаго птице-ловомъ, началось построеніе Германскихъ городовъ. И эти города устроивались болѣе на скалахъ и уступахъ горъ, которыми такъ богата Германія; ограждались камнемъ, стѣняясь на небольшомъ пространствѣ, укрѣпленномъ и ограниченномъ самою природою, *подымались вверхъ* узкими рядами улицъ, съ домами въ нѣсколько этажей, были военными укрѣпленіями для защиты отъ набѣговъ Венгерцевъ и другихъ народовъ. Между тѣмъ какъ у насъ, вообще лишенныхъ неприступныхъ мѣстъ и камня, который бы можно было найти, такъ сказать, подъ руками, всѣ города были деревянные, основанные нашімъ Гражданскимъ развитіемъ, не столько для защиты и военнаго дѣла, какъ для удобствъ семейной жизни; въ нихъ не было необходимости тѣсниться, въ нихъ жили даже своимъ сельскимъ хозяйствомъ, и наши города *выросли въ ширину*, и носили тотъ же характеръ растяженія, съ которымъ распространялись всѣ Славянскія племена, занимавшія почти вездѣ при небольшомъ населеніи огромныя пространства. Этотъ характеръ устроенія городовъ постоянно сохранился въ новѣйшія времена; очевиденъ въ устройствѣ

Москвы, Новгорода, Кіева и другихъ городовъ. И не знаю, перевѣсятъ ли выгоды стѣсненныхъ душныхъ улицъ, пяти-этажныхъ домовъ, выгоды нашихъ раскинутыхъ городовъ, возможности жить своей семьею не на глазахъ сотни жильцовъ, не убивая равнообразія характеровъ частной жизни, удобства широкихъ улицъ, бульваровъ, садовъ и свѣжаго воздуха? Сама природа, говоря о Россіи вообще, невольно придаетъ и всегда допускала привольное заселеніе и не лишала, принимая во вниманіе всѣ состоянія жителей, нѣкоторыхъ сельскихъ удобствъ, не отнимала возможности жить каждому своимъ домомъ, своимъ дворомъ, и часто своимъ огородомъ и садомъ, отъ чего, вѣроятно, не отказались бы жители старинныхъ Германскихъ городовъ, если бы для нихъ предстоила въ этомъ возможность.

При соображеніи этихъ обстоятельствъ, кажется не удивительнымъ богатство и приволье Кіева, изумившее Императорскаго посланника, ничего не выдавашаго въ своей странѣ, кромѣ бѣдныхъ замковъ и стѣсненной Вѣны. А нашъ древній Кіевъ былъ славею въ то время не въ одной Европѣ: его знали и на Востокъ; онъ привлекалъ къ себѣ всѣ искусства и богатства Цареграда, въ который и послѣ X вѣка отправлялись изъ разныхъ мѣстъ Европы, чтобы только взглянуть на его великолѣпіе. Наши зданія древняго Кіева сооружены Греческими художниками, и самыя наименованія многихъ зданій заимствованы прямо изъ Византіи. Наши Князья не жалѣли богатствъ для сооруженія церквей и монастырей. Мраморъ, мозаикъ, живопись, все, что было лучшаго

Книга II. 10

въ искусствѣ Европы того времени, все украшало наши храмы; золото и серебро блистало на церковной утвари и изображеніяхъ святыхъ, даже городскія ворота, называемыя златыми, были обиты позолоченными листами.

Но скоро миновала слава Кіева; скоро послѣ Ярослава междусобія обезсилили лучший городъ Русской земли. Не разъ Князья, овладѣвши Кіевомъ, грабили его, снимали ризы съ святыхъ иконъ, снимали съ церкви колокола, все увозили въ свои удѣльные города и можетъ быть вмѣстѣ съ этимъ выносили изъ бѣдствующаго Кіева вооруженной рукою, лучший вкусъ, высшее знанье общественной жизни, какъ многіе изъ нихъ выносили въ мирное время.

Пользуясь нашими внутренними раздорами и войнами, Половцы, кочевавшіе въ Новороссійскихъ степяхъ, вторгались въ наши предѣлы со всею разрушительною силою кочеваго народа, не знакомаго ни съ городами, ни съ удобствами общественной жизни, и грабили удѣльнее отъ междусобныхъ войнъ. Князь ихъ Бонякъ дошелъ до самаго Кіева, оборвалъ позолоченныя листы, прикрывавшіе златыя врата, и увезъ ихъ съ собою въ степи, какъ добычу побѣды.

Но мало этихъ бѣдствій. Провидѣнію было угодно провести насъ по терновому пути для исполненія надъ нами своихъ несповѣднмыхъ судебъ. На Русь хлынули съ востока сокрушительныя толпы Татаръ — и почти въ одну весну обратили въ прахъ и пепелъ все княженія отъ Рязани почти до Пов-

города, и, отъ Ярославля до самыхъ степей Половецкихъ. Рязань, Москва, Коломна, Владиміръ, Суздаль, Ростовъ, Галичь, Тверь, Козельскъ, Курскъ все пало; все было разрушено до основанія, и послѣдними падали стѣны соборовъ и церквей, погребая подъ развалинами послѣднихъ жителей города. Ни одного города, гдѣ прошла эта нежданная гроза, не осталось цѣлымъ, ни одного жителя не оставалось въ развалинахъ: вездѣ былъ прахъ и пепель и трупы людей. Лѣса, болота и далекія мѣста спасали ненадежную жизнь; только оттуда выходили люди на свои пещелища. Это было въ 1238 году. Сохранилась одна Южная Русь; уцѣлѣли: Кіевъ, Черниговъ и другіе приднѣпровскія княженія. Но черезъ два года послѣ опустошенія Сѣверной Россіи, настала гибель Кіеву. Съ открытіемъ весны, передовые отряды Татаръ, подъ начальствомъ Мангу, двинулись къ лѣвому берегу Дрѣпра и, остановившись близъ нынѣшняго села Песочнаго, обозрѣвали мѣстность Кіева. Наши Князья одинъ за другимъ оставляли городъ; покинулъ его и Даніиль Галицкій, передавши защиту боярину Дмитрію, испытанному въ храбрости. Вскорѣ явился самъ Батый со всемъ войскомъ, которое, по приблизительнымъ извѣстіямъ, доходило до 500,000 человекъ: «и окружилъ градъ, и остушилъ его всею силою Татаръ, и былъ градъ въ великой осадѣ — и не слышно было въ немъ разговаривавшихъ отъ скрыша телегъ, крика верблюдовъ и ржанія конскихъ стадъ: вся земля Русская наполнилась иноплемennыми воинами». (2) Стѣсненные Кіевляне за-

*

хватили какого-то Татарина Торвула и допросили его о силѣ Батгя; но допросъ не отвратилъ бѣдствія. Татары подошли къ самымъ стѣнамъ съ Печерской стороны, покрытой большими лѣсами, и утвердили стѣнобойные снаряды подлѣ Лядскихъ воротъ. Съ этого часа, день и ночь разбивали стѣны, толпы смѣнялись новыми толпами, и стѣны рухнули.... Осажденные бросились на ихъ обвалы и тутъ-то настала «ломъ копій, удары мечей, и стрѣлы затмили воздухъ». ⁽²⁾ Дмитрій былъ раненъ; жители отступили; но вѣрно тяжела была эта удача Татарамъ: они, завладѣвши стѣною, цѣлый день и ночь не начинали новаго приступа. Кіевляне воспользовались ихъ медлительностію: снова окопались и оградились около десятинной церкви Пресвятой Богородицы. На утро другаго дня началась новая битва. Одолъваемые со всѣхъ сторонъ, многіе изъ жителей бросились въ церковь и думали скрыться въ ея надстройкахъ; но надстройки не выдержали тяжести народа, обрушились, — вслѣдъ за ними распались церковныя стѣны, и города не стало.... Раненому Дмитрію была дарована жизнь, какъ говорить лѣтописецъ, въ уваженіе его необычайной храбрости. Послѣ онъ служилъ проводникомъ Татаръ въ Волюнь и Галицію, и спышилъ отвлечь ихъ отъ своей земли въ землю Венгерскую.

Такъ палъ Кіевъ и это было его конечнымъ паденіемъ. Все, чѣмъ онъ красовался, чѣмъ былъ славенъ на Западъ и Востокъ, все погибло: храмы разрушены, дома сожжены, люди убиты; самые гробы были раскопаны рукою Татарина, и въ нихъ

искали добычи. Все стало развалинами и обратилось почти въ такую же пустыню, изъ которой вышли наши завоеватели. Во многіе города, по удавленіи Татаръ, люди немогли войти: такъ смертоносенъ былъ запахъ отъ труповъ, покрывавшихъ пепель и развалины. Такъ гибла наша древняя Русь отстаивая себя изаслоня собою Европу; а Европа страшилась гибели и молилась. Папы отправляли пословъ, и одинъ изъ нихъ, проѣзжавши къ Батью, чрезъ Кіевское княженіе, говорить, что былъ въ опасности отъ Литовцевъ, которые врывались сюда для грабежа. «Отъ Руссовъ же, прибавляетъ онъ, были мы въ безопасности, имѣя вышесказаннаго служителя; да и кромѣ того большая изъ нихъ часть была побита или уведена въ плѣнь Татарами.» (4)

А хотя въ это же время, т. е. вскорѣ по взятіи Кіева, снова были въ немъ жители и Русская власть, но онъ не поднялся до прежней славы; и послѣ того, обезсиленный Литовцами, подавленный Поляками, доселѣ хранить эти развалины, какъ свидѣтелей прежней славы и вѣковыхъ бѣдствій.

Златыя врата, какъ живописная развалина, невольно приковываютъ вниманіе своимъ видомъ, прочностью и воспоминаніями.

Они находятся на западной сторонѣ Кіева, за Софійскимъ соборомъ. Ихъ составляютъ два обломка стѣнъ справа и слева, вышиною до 3 сажень и толщиною до 2 аршинъ. Длина большой развалины будетъ до 36 ар., а другой, южной отъ входа, вполнину меньше. Оба обломка сдѣланы изъ цѣльныхъ кругляковъ гранита, скрѣпленнаго съ мѣлкимъ кам-

немъ, известію и битымъ кирпичемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны скважины, гдѣ проходили, кажется, желѣзныя связи; замѣтны какія-то искусственныя углубленія и гладко обдѣланныя мѣста.

Съ обѣихъ сторонъ примыкаетъ къ воротамъ городской валъ, насыщенный Фельдмаршаломъ Минихомъ во время войнъ съ Турками, и, кажется, подъ этимъ валомъ хранятся остатки Ярославовой стѣны, по крайней мѣрѣ сквозь обвалившуюся насыпь проглядываютъ известъ и камни. Самыя Златыя врата покрыты были валомъ; отысканы учеными людьми, и по слову Царя, для нихъ снова открылся бѣлый свѣтъ.

На доскѣ, прибитой къ большой развалинѣ, написано золотыми буквами:

Вадимъ Пассекъ.

ОТРЫВКИ
ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ
ПО КРЫМУ.

I.

ТАВРИДА.

Люблю тебя, моя красавица, Таврида. Какъ очаровательно раскинулась ты на лонѣ морей, какъ они лелѣютъ и ласкаютъ тебя, мою прекрасную! То сыплютъ къ твоимъ ногамъ сокровища, затаенныя въ ихъ глубинѣ, и носятъ предъ тобою станицы кораблей; то плещутъ живительною влагой на распаленную грудь и катятся живымъ серебромъ по твоимъ разметаннымъ членамъ. Люблю тебя, моя красавица Таврида!

Когда дыханіе весны разольетъ въ тебя новую жизнь, накинеть на тебя покровы изъ цвѣтовъ и зелени, обовѣетъ твое чело вѣнками легкихъ облаковъ, тогда не налюбуются тобою моря: неизмѣримымъ зеркаломъ раскинутся вокругъ тебя, и въ нихъ, какъ будто въ глубинѣ души, отражается твой образъ.... Но если небо повѣетъ на тебя холодомъ, сорветъ и размететь твои покровы, и твое дѣвственное лице

поблѣднѣеть отъ испуга; какъ страшно тогда взметутся твои моря: со стономъ поднимаются и шлютъ на бой съ стихіями дружины черныхъ волнъ, однѣ свирѣпѣе другихъ....

Какъ не любить тебя, вдохновительницу поэтовъ! Ты не сурова, не грозна, какъ твой жестокой братъ, Кавказъ; твое чело не блѣдно, твой высота не недоступна—но говорить о небѣ....

И скажите: есть ли мѣсто, съ котораго вы смотрѣли и не любовались Тавридой? Когда вы захотите летѣть туда на крыльяхъ парохода, и оставите Одессу, этотъ цвѣтокъ гражданской жизни среди пустынь, эту новую Ольвію, какъ будто не выстроенную на нашей памяти, а открытую среди глухой степи, какъ тогда приветно загорится первый маякъ Тавриды и невольно перенесетъ васъ отъ пустыни моря и неба въ среду людей, къ родной землѣ; а на утро, едва займется свѣтъ, уже белѣется другой маякъ, и за нимъ Георгіевскій монастырь спускается съ своими садами, келіями и переходами къ берегу моря, которое бѣется о подводные камни и плещетъ на стѣны скаль. Когда же кругомъ васъ все потонуло въ туманъ, и слышны однѣ всплески волнъ и шумъ колесъ, и вдругъ, будто изъ невѣдомой страны, донесется заунывный благовѣстъ монастырскаго колокола: какъ много онъ пробудитъ грустныхъ думъ!... Но вотъ и Ялтинская гавань и южный берегъ, какимъ-то чарованіемъ обращенный изъ дикихъ скаль и пустыннаго взморья въ цвѣтущій садъ, оживленный дачами, бесѣдками, фонтанами, и—то миловидными и затѣйливыми домиками, то велико-

льпными дворцами. Подъ ними равнина моря; надъ ними скалы, то гладкія и отвѣсныя, какъ стѣна, то растреснутыя и взгроможденныя одна на другой, и по ихъ ребрамъ цвѣляется кустарникъ или одиноко растеть южная приморская сосна, и почти изъ облачной высоты бьютъ ключи и водопады. Хороша Таврида, если впервые увидите ее, приближаясь къ Евпаторійской гавани, окруженной рамою песковъ; или къ Керчи, обвившей своими зданіями Митрида-тову гору, — къ этой таинственной землѣ, усыянной курганами и памятниками всѣхъ народовъ, владѣвшихъ ею въ продолженіи двадцати пяти вѣковъ.

Не таковы впечатлѣнія при вѣздѣ въ Тавриду сухимъ путемъ. Далеко не доѣзжая до Перекопа, открываются на лѣво отъ дороги заливы Сиваша или Гнилаго моря, съ его мутными водами; на право, за плоскою поверхностію степи, видна узкая полоса Чернаго моря, а въ самомъ Перекопѣ, этой бѣдной деревнѣ съ нѣсколькими десятками домовъ, которые называются городомъ, остановятъ ваше вниманіе остатки Татарскихъ укрѣпленій и древній ровъ отъ моря до моря, на протяженіи семи верстъ. Теперь одинъ только мостъ соединяетъ дорогу Новороссійскаго края съ дорогою Крыма. За этимъ мостомъ идутъ два пути: одинъ на лѣво къ соленнымъ озерамъ, къ этому неисчерпаемому руднику, изъ котораго каждый годъ добываютъ милліоны пудовъ соли и отсюда везутъ ее въ Новороссійскій край, на Донъ, въ Подолію, въ Малороссію и во внутреннія губерніи. Прямо дорога тянется къ Симферополю, по самой грустной степи: кругомъ глинистая и из-

вестковая земля напитана солончаками; травы тощи; мѣстами бродягъ стада овецъ или толпятся подлѣ колодезей, въ которыхъ хранится вода въ глубинѣ 50 и 80 сажень; кое-гдѣ видны Татарскія деревни съ черепичными или плоскими дерновыми кровлями; порою встрѣтится скрипучая Татарская арба, или два, три Татарина верхами. Невольно тоска овладѣваетъ душою, и не вѣрится, что это Крымъ. Отсюда на право, далеко за Тарханкутъ, тянутся почти такія же пустынные степи; на лѣво перерѣжутъ однообразный путь едва замѣтныя рѣчки: Салгиръ и Карасу, а за ними до Керчи почти на двѣсти верстъ опять степь, взволнованная кое-гдѣ пригорками и сжатая двумя морями, да вправо тянется вдали цѣпь горъ. Но если вы направитесь прямо къ Симферополю, тогда утомленіе непродолжительно: чѣмъ глубже въ степь, тѣмъ она болѣе оживаетъ и, вмѣсто бѣдной, тощей зелени, раскидываются поля, покрытыя густыми травами и цвѣтати. Повсюду растутъ въ изобиліи: донникъ, царскій скипетръ, шалфей, божье дерево, дикой ленъ (*linum usitatissimum*), ивановъ цвѣтъ, резеда, стародубки и болѣе всего вѣтреницы: голубыми ея цвѣтами затканы всѣ ковры этихъ степей. Еще ранѣе весною, повсюду цвѣтутъ дикіе тюльпаны; а къ осени, на пожелтѣвшихъ и увядающихъ равнинахъ, во многихъ мѣстахъ бѣлѣетъ и волнуется ковыль. Но это разнообразіе, даже роскошь степей, не могутъ овладѣть вниманіемъ путешественника: онъ все смотритъ вдаль, все ищетъ тамъ, какъ будто, желанной цѣли,—онъ ищетъ того, что при-

выкли соединять съ названіемъ Крыма — долинь, скаль и цѣпи горъ. Смотрить.... что-то видится, какъ синія туча.... да, это облака синбють на склонѣ горизонта; но вотъ онъ пролетѣлъ еще двадцать верстъ и снова всматривается въ глубокую даль, и снова видна таже туча, но такъ неподвижна и такъ неизмѣнна, какъ цѣпь далекихъ горъ: да, это горы, это хребетъ Яйлы, и посреди ея подьмется Чатырдагъ, какъ престоль Тавриды, какъ развалина, уцѣлѣвшая отъ зданія первобытныхъ людей. Верстахъ въ двадцати отъ Симферополя и въ пятидесяти отъ Чатырдага уже видны его отвѣсныя скалы, и синбють лѣса, и съ обѣихъ сторонъ тянутся облака по вершинѣ Яйлы. Такъ вотъ она, Таврида! вотъ что поражаетъ такъ путешественника послѣ утомительнаго пути по равнинамъ моря и степей.

За двадцать верстъ не доѣзжая до Симферополя, равнины уже взволнованы пригорками и долинами, которыя тянутся болѣе на югъ и разбѣгаются по всѣмъ направленіямъ; по нимъ разбросаны сады, рощи и идутъ строй за строемъ райны или пирамидальныя тополи. Какъ радуется эта зелень и разнообразіе послѣ степныхъ видовъ, гдѣ часто въ продолженіи нѣсколькихъ дней не удастся замѣтить ни одного дерева, ни куста.

Отсюда всѣ долины, всѣ возвышенности, изгибаются и перерываясь, подьмаются къ югу, и за Симферополемъ далеко на востокъ и западъ оканчиваются крутыми уступами. За этой первой цѣпью идетъ вторая, и за нею хребетъ Яйлы, который почти надъ самымъ моремъ, то оборвется отвѣснымъ усту-

помъ, то выдастся огромнымъ мысомъ, и раскидывается отъ Феодосіи до Балаклавы на протяженіи полутора ста верстъ. Почти по срединѣ, хребетъ Яйлы, какъ будто разорванъ, и въ этихъ широкихъ воротахъ подъемлются два здѣшнія великана, Чатырдагъ и Темирджи. Кажется, подземныя силы выдвинули изъ нѣдръ земли эти цѣпи горъ, эти огромныя массы гранита, извести, мрамора и лавы, и, дѣйствуя сильнѣе на взморь, ослабѣли къ сѣверу; или, какъ будто, взволновалась земля и три ряда ея волны, однѣ огромнѣе другихъ, оцѣпѣли и остались недвижимы. И конечно до этого переворота весь Крымъ былъ, если уже не дномъ моря, то ровною степью, самою грустною пустынею, утомительнѣе его сѣверныхъ степей.

Внутренности горъ такъ разнообразны, что едва переступите нѣсколько шаговъ, и открываются новыя виды: здѣсь долина, богатая садами, украшенная раинами, и по ней журчитъ быстрый и холодный потокъ, перебираясь по камнямъ, или страшно мечется, если въ горахъ прошли дожди, рвется и увлекаетъ все, что встрѣтитъ на пути; тамъ видны деревни или дачи и по *взгорью* проведены каналы, въ которыхъ быстро бѣжитъ вода, уловленная человекомъ на возвышенныхъ мѣстахъ и проведенная чрезъ сады и табачныя плантаціи, которыми простой народъ занимается съ выгодною; тамъ обрывы скалъ или склоны горъ, поросшіе лѣсомъ, и по нимъ проложены дороги и тропинки; или сквозь ущелія видна на возвышенности деревня и за нею синѣва другихъ горъ. По теченію каждой рѣки идетъ долина

и носить ея названіе; такъ перерѣзываетъ долину Салгирскую рѣка Салгиръ, Бельбекскую рѣка Бельбекъ, Качинскую Кача, и почти всѣ онѣ идутъ по разнымъ направленіямъ верстъ на 10, на 20 и болѣе, подобно большимъ логамъ, или какъ Байдарская и Варнутка, почти овальны и со всѣхъ сторонъ окружены горами, покрытыми лѣсомъ.

Какъ роскошна зелень этихъ долинъ, какъ богаты фруктовые сады и виноградники! Природа не пожалѣла для Крыма своихъ даровъ: часто отъ основанія до вершины горъ онѣ покрыты растительностію разныхъ климатовъ. Въ самыхъ долинахъ и на южныхъ склонахъ найдете растительность жаркихъ климатовъ, а чѣмъ далѣе къ вершинамъ, тѣмъ болѣе встрѣчается растеній сѣверныхъ. Здѣсь найдете и простой и южный дубъ, и нашу сѣверную сосну, и южную приморскую, найдете букъ, ольху, осину, грабину или бѣлый букъ, липу, можжевельникъ, разнаго рода вербы, тисъ, гумма - трагантный кустъ, дикіе жасмины, каперсы, ландыши, розаны, шафранъ, дикую конопель, овесъ и виноградъ, разныя ягоды, особенно клубнику и землянику, и множество дикихъ фруктовыхъ деревьевъ: яблони, груши, сливы, персики, вишни; а въ садахъ всѣ утонченные роды грушъ и яблонь, абрикосы, грецкіе орѣхи, айву, миндаль, гранаты, лавры, маслины, и все это произрастаетъ безъ всякой защиты противъ зимнихъ непогодъ. Но Крымъ богатъ не одними деревьями и цвѣтами; въ немъ изобильно своими дарами и царство животныхъ; въ немъ много волковъ, зайцевъ и дикихъ козъ; а изъ

домашнихъ животныхъ, кромѣ быстрыхъ и крепкихъ лошадей и рогатаго скота, есть буйволы, много верблюдовъ, козъ, стада овецъ, которыя нигдѣ не водятся у насъ кромѣ Крыма и даютъ такіе прекрасные мѣха. Въ рѣкахъ есть форели; моря изобилуютъ вкусною рыбой, которою съ избыткомъ могутъ продовольствоваться окрестные жители; керченскіе сельди славятся вкусомъ; около береговъ, особенно въ Азовскомъ проливѣ, попадаются тюлени. Изъ птицъ, кромѣ множества степныхъ дрофъ и стрепетовъ, появляются весною и осенью несметныя стада перелетныхъ гусей, лебедей, утокъ, куликовъ и перепелокъ.

Такія выгоды, вмѣстѣ съ торговыми удобствами, неприступностію горъ и затишьемъ страны, отдаленіемъ ея отъ степей Новороссійскихъ, отъ этой большой дороги всѣхъ переселявшихся народовъ, привлекали къ ней на житье почти всѣ племена, переходившія въ Европу, и почти всѣ онѣ оставили здѣсь слѣды своего бытія. Первыми извѣстными обитателями Крыма были Кимеріане. За 2500 лѣтъ до нашего времени, у нихъ уже были города; имъ приписываютъ основаніе Перекопа и Перекопскій ровъ. Но ни города, ни ровъ не защитили ихъ отъ вторженія дикаго племени Скифовъ, которые вытѣснили ихъ въ горы. Почти въ это же время, то есть за долго до Р. Х., торговые виды привлекли сюда Грековъ, и на двухъ противоположныхъ сторонахъ Крыма основались два славные города: Херсонесъ и Пантикапея, нынѣшніе Севастополь и Керчь. Изъ городскихъ стѣнъ они распространили владычество на весь Крымъ и на

Тамань, или нашу Тмутаракань; сдѣлались царствами, одно Херсонскимъ, другое Босфорскимъ, и стали достояніемъ Митридата, пока онъ не палъ передъ Римлянами. Тогда всѣ его царства сдѣлались Римскою областію. А тамъ, какъ волны понеслись племена народовъ: Аланы, родоначальники нашихъ Осетинцевъ, стѣснили Римлянъ; Готы вытѣснили Алановъ; за ними нахлынули Гунны, Угры, Хазары, Печенѣги, Половцы, и наконецъ Татары; но во время владычества послѣднихъ, Генуэзцы успѣли на развалинахъ Греческихъ колоній основать города и великую торговлю, пока не были вытѣснены Турками.

И повсюду видны слѣды жизни всѣхъ этихъ племенъ, во всѣ двадцать пять вѣковъ ихъ власти и паденія. Въ скалахъ изсѣчены пещеры: то одинокія, въ какомъ нибудь оборвавшемся камнѣ, то по нѣскольку десятковъ вмѣстѣ въ отвѣсномъ утесѣ горы. Эти пещеры, по ихъ устройству, относятъ ко временамъ глубокой древности, когда первобытные люди не знали почти ни какихъ удобствъ и скрывались въ этихъ убѣжищахъ отъ непогодъ, враговъ и звѣрей; нныя относятъ ихъ ко времени истребленія одного племени другимъ, уже на памяти Исторіи. На равнинахъ замѣтны могильныя насыпи, и въ нихъ находятъ скелеты, украшенные и Скифскими поручнями, и Египетскими изображеніями, и вещами Греческой работы. Подлѣ Георгіевскаго монастыря выдался далеко въ море высокій мысъ, гдѣ еще недавно находили остатки Греческаго храма въ честь Діаны, выстроеннаго на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Ски-

ФЫ приносили въ жертву всѣхъ несчастныхъ пловцовъ, выброшенныхъ на ихъ берега. Въ окрестностяхъ Керчи видны тысячи кургановъ, и въ одномъ изъ нихъ найдены драгоценныя золотыя украшенія: вѣнцы, скиптры, щиты. Въ другомъ открыта гробница со стрѣльчатымъ сводомъ, сложенная изъ огромныхъ плитъ, несвязанныхъ цементомъ; великолѣпнѣ этой гробницы не нашли ни у одного изъ Римскихъ Императоровъ; но въ ней не было праха, вещи были похищены, и неизвѣстно кто изъ великихъ земли здѣсь погребенъ. Въ другихъ курганахъ находятъ много Греческихъ вазъ, статуйки, разной величины сосуды, часто изящной работы; былъ даже отысканъ остовъ любимой птички подлѣ остова женщины; найдены сѣти и прекрасная рабочая корзинка, сплетенная изъ дерева, а подлѣ этихъ вещей статуи и надгробные памятники съ надписями, изсѣченными до Рождества Христова.

У Севастопольской гавани сохранились еще остатки колоннъ и стѣнъ Херсонеса, гдѣ крестился нашъ Великій Владиміръ. По возвышенностямъ горъ, почти во всѣхъ выходахъ, видны то одинокія бапни, то основанія церквей, то цѣлыя остовы полуразвалившихся крѣпостей, обросшихъ травой и кустарникомъ, совершенно покинутыхъ людьми и часто не извѣстно кѣмъ воздвигнутыхъ. А тамъ въ стѣнахъ Генуезской Кафы, полуразрушенной Турками, цвѣтеть новый городъ, новая Θεодосія; на мѣстѣ древней Эвпаторіи, построенной Митридатомъ, видны Христіанскіе храмы, Татарскія мечети, хижины и Еврейскія модельни: это Татарскій Гѣзловъ или вантъ

Козловъ; въ Бахчисараѣ сохранились части Ханскаго дворца, съ фонтанами и со всѣми его украшеніями; надъ самой Керчью поднялась высокая гора, съ которой открываются — большая часть прежняго Босфорскаго царства, проливъ между двумя морями, и за нимъ наша древняя Тмутаракань; здѣсь, какъ думаютъ, былъ дворець Митридата, гдѣ онъ погибъ, потерявши свое царство. Какъ много кипѣло жизни тамъ, гдѣ для насъ сохранился одинъ ея прахъ и остались развалины слѣдовъ ея! Взглядитесь въ нихъ въ часы свѣтлой Таврической ночи, настроенные къ грусти и думъ стройностію чистаго, глубокаго неба, ропотомъ моря или журчаньемъ горнаго ручья; взгляditесь въ нихъ, когда улягутся люди и съ ними заснетъ шумъ суеты и всѣ мелкія хлопоты на нашей грустной поденщинѣ....

Но въ мѣрѣ все переходитъ.... Есть осень для цвѣтка, есть время паденья для царства; народы, какъ древесные листья, опадаютъ въ свою осень и укрываютъ своими остатками землю, которая ихъ живила, а съ новой весною дерево снова убирается зеленью.... Взглядитесь же въ это дерево, зеленѣющее жизнью, богатое плодами, благоухающее надеждами,— взгляditесь въ наше прекрасное отечество!

Но достанетъ ли взора, силы мысли и воображенія обнять этотъ колоссъ человечества, это дерево, которое напоминаетъ допотопныхъ виликановъ и такъ свѣжо, такъ полно юныхъ силъ. Какъ крѣпко обвилось оно своими корнями около хребтовъ Кавказа, Урала, Алтая, раскинуло ихъ къ Карпатамъ, горамъ Сканди-

навскимъ и къ Американскимъ Андамъ. Цѣлыя моря и океаны и тысячи рѣкъ напояютъ его жителюю влагой. Чѣмъ же измерить его жизнь, чѣмъ считать его годы? Были страшныя годины для этого древа, когда съ обширныхъ степеней налетѣлъ на него ураганъ Татарскихъ набѣговъ.... Казалось, онъ смялъ его, вырвалъ съ корнемъ, уничтожилъ—и что же? гроза оборвала листья, опалила вѣтви, а древо укрѣпилось, разцвѣло и принесло плоды, дало: Москву, Дмитрія Донскаго, и показало свою силу и крѣпость. Казалось, смяла его буря Литвы и Польши, а оно разцвѣло, принесло плодъ и дало: Гермогена, Минина, Скопина-Шуйскаго, и показало силу души Русскаго народа. Что сломить его, когда въ усилія половины Европы, все искусство великаго генія сломить этотъ колоссъ остались ничтожными и вызвали новыя силы и средства жизни.

Какихъ вѣтъ на немъ плодовъ и какіе плоды не привьются къ нему, не сроднятся съ нимъ, не будутъ проникнуты соками его жизни.

Вотъ и теперь передъ нами одна его вѣть—Крѣзь, вѣть цвѣтущая, благоухающая. Эта вѣть привита силою и благомъ нашей жизни. Взгляните только на Татарина—на этотъ какъ будто чуждый намъ прививокъ. Какъ спокойно съмываетъ онъ съ мизарета правосѣрныхъ на молитву, когда ночью водѣ слышится звонъ колокола, призывающій въ храмъ христіанскій; какъ часто за столомъ—однимъ поднявши передъ глазами обѣ руки, читаетъ молитву изъ Корана, а другой, крестясь, призываетъ имя Спасите-

ля. Армянинъ и Еврей ведутъ за одно съ нами торговлю, Грекъ охраняетъ наши приморскіе берега отъ чумы. Едва минуло полвѣка какъ привита эта вѣтвь къ нашему отечеству, и ея плоды видимъ на рынкахъ всей Россіи; за ними приходятъ къ намъ и Турокъ и Черкесъ и житель дальняго запада. А военныя силы? а Севостополь съ его рядами страшныхъ батарей, съ его гаванями полными кораблей и судовъ? а поэтическое чувство наслажденія и грусти, которою вдохновляетъ Крымъ, — развѣ оно не его достояніе, не богатство наше?

И все это одни начатки жизни, все это плоды и надежды одной вѣтви, одной части Россіи!

II.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ СЛЕЗЪ, И ПАМЯТНИКЪ МАРИИ.

«Мнѣ мечтается, что какой нибудь волшебникъ занесъ меня на востокъ и оставилъ посреди горъ, въ пустомъ обвороженномъ замкѣ.... Я хожу по огромнымъ заламъ, и одинъ гулъ отъ шаговъ моихъ раздается подъ высокими потолками.... Зелень древесная манитъ за ограду: вступаю, и при слабомъ мерцаніи луннаго свѣта вижу надгробныя мраморы, бѣлющіеся подъ деревьями, между густою травою.... Все безмолвствуетъ въ обители смерти, и оглашаетъ пу-

стыню одинъ только шумъ источниковъ, текущихъ въ каменные чаши.»

И я по долгу грустилъ и задумывался въ опустѣлыхъ садахъ и комнатахъ Ханскаго дворца. Вездѣ видны надписи и зданія напоминающія почти всѣхъ Хановъ отъ Менгли-Гирея, друга нашего Юанна Великаго, до Шагинъ Гирея, при жизни котораго Крымъ сдѣлался Русскою областію. Въ садахъ, огражденныхъ каменными высокими стѣнами, доживаютъ свое время огромныя грушевыя и шелковичныя деревья, и журчитъ вода, переливаясь изъ фонтана въ фонтанъ. Стѣны и потолки дворцовыхъ комнатъ пестрѣютъ разноцвѣтными украшеніями, узорчатыми надписями изъ Персидскихъ поэтовъ, живымъ изображеніемъ цвѣтовъ, фруктовъ и видами восточныхъ городовъ. Въ фонтанной комнатѣ всѣ стекла раскинуты радугою и за нею, темною сѣнью, склонились вѣтви винограда и поднялись кусты розановъ. Сквозь одно стекло все кажется голубымъ: небо, земля, листья, цвѣты, зданія; сквозь другое все розовымъ или багровымъ или мутно-желтымъ, какъ будто передъ страшнымъ переворотомъ природы. И здѣсь, какъ и въ садахъ, журчатъ фонтаны; и, въ ненарушимой тишинѣ, каждая капля воды дробится звуками и раздается въ опустѣлыхъ комнатахъ таинственнымъ, едва слышнымъ гуломъ.

Но изъ всѣхъ фонтановъ случай сдѣлалъ любимымъ *фонтанъ слезъ*.

Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны

И селы мирныя Россіи,
 Въ Тавриду возвратился Ханъ,
 И въ память горестной Маріи
 Воздвигнулъ мраморный фонтанъ,
 Надъ нимъ крестомъ освѣена
 Магометацкая луна....
 Есть надпись; вѣками годами
 Еще не сгладилась она.
 За чуждыми ея чертами
 Журчить во мраморъ вода
 И каплетъ хладными слезами
 Не умолкая ниюгда.
 Такъ плачетъ мать во дни печали
 О сыиъ падшемъ на войнѣ.
 Младья дѣвы въ той страцѣ
 Преданье старины узнали,
 И мрачный памятникъ онъ
 Фонтаномъ слезъ именовали....

Мечта поэта въ живыхъ, прекрасныхъ картинахъ представила нашъ востокъ, и теперь привлекаетъ вниманіе всѣхъ путешественниковъ къ Бахчисарайскому фонтану.

Онъ поставленъ въ главныхъ сѣняхъ дворца. Надпись сдѣлана на мраморной доскѣ, украшенія, состоящія болѣе изъ цвѣтовъ и плодовъ, и чашечки, изъ которыхъ переливается вода, высѣчены также изъ мрамора. На верху сдѣлано украшеніе, *похожее на луну съ крестомъ, или цвѣткомъ*, въ срединѣ.*

На верхней доскѣ написано:

«Слава въ вышнихъ Богу! Бахчисарайъ возрадованъ благотѣльной заботливостію лучезарнаго хана

* На прилагаемомъ рисункѣ фонтанъ изображенъ съ возможною вѣрностію.

Крымъ-Гирея. Его великодушная рука утолила жажду своей страны и стремится разлить еще болѣе благодѣяній, если угодно Богу! Своею кротостию онъ открылъ прекраснѣйшій источникъ воды. Если есть еще подобный фонтанъ, пусть онъ представитъ! Много хорошаго въ городахъ Дамаскъ и Багдадъ; но тамъ никто не видѣлъ столь прекраснаго фонтана. Эту надпись сдѣлалъ Поэтъ *Шеги*. Подобно чловѣку, томимому жаждою, жаждутъ прочесть сквозь воду, струящуюся изъ трубочки тонкой, какъ перстъ, начертанія на этомъ фонтанѣ. Но что онѣ означаютъ? Пей эту прекрасную воду, истекающую изъ чистѣйшаго источника: она даетъ здоровье. 1177. »

На другой небольшой доскѣ написано: «*Дильара*,» имя женщины, любимой Крымъ-Гиреемъ. О ней сохранилось преданіе народное; она же названа нашимъ Поэтомъ *Марію*. Это имя могло быть и собственнымъ и любимымъ названіемъ женщины; въ буквальномъ переводѣ слово *Дильара* значитъ *утѣшеніе сердца*.

Изъ первой надписи видно, что фонтанъ сдѣланъ по нашему лѣтосчисленію въ 1762 году; еще живы современники Крымъ-Гирея; еще не очень давно умерла старушка, которая жила въ то время при дворцѣ и лично знала *Дильара* или *Марію*. Передаю, что слышалъ я отъ Сеитъ-Амета, который хорошо помнить послѣдняго Хана, и даже Крымъ-Гирея.

«У Крымъ-Гирея было много женъ. Старшая изъ нихъ, или *ханымъ*, шла однажды мимо оконъ Хана,

а позади ее была *Дильара*, страстно любимая Гиресмь. Въ гнѣвъ, онъ велѣлъ ханымъ идти позади своей любимицы: эта обида такъ поразила ее, что она вскорѣ умерла съ горя. Но кто была *Дильара*, никому не извѣстно. Слышно было, что она Грузинка, другіе говорили что Польшка; но послѣднему не многіе вѣрили. Навѣрное же знали, что она не Татарка. Какой она была вѣры, тоже не извѣстно, только въ ней не было замѣтно чего нибудь не мугамеданскаго, и выходила она подъ покрываломъ.» Вотъ все, что сохранилось о ней въ преданіи народномъ. Болѣе не удалось мнѣ слышать ни отъ духовныхъ ученыхъ, ни отъ старожилловъ, ни отъ почтеннаго смотрителя дворца г. Булатова, который, при знаньи восточныхъ языковъ, не пропускалъ ничего въ продолженіи двѣнадцатилѣтней службы, чтобы познакомиться съ обычаями и преданіями народными.

Замѣчательно, что противу Татарскаго обычая, въ надписи не сказано чья она дочь, между тѣмъ какъ имя правовѣрнаго вѣрно не было бы забытымъ. Если же она была христіанкою, то или въ младенчествѣ или въ тайнѣ хранила чувство вѣры своей. Нѣсколько крестовъ или даже фигуръ въ родѣ крестовъ ничего не доказываютъ. Нѣтъ вѣроятія, чтобы Ханъ Татарскій, поклонникъ Мугамеда, рѣшился для женщины, какъ бы ни любилъ ее, осѣнить луну знаменіемъ креста. Подобный же крестъ сдѣланъ надъ каминомъ во внутреннихъ комнатахъ дворца и даже—надъ домашнюю моленную Хановъ. Если это дѣйствительно кресты, а не простыя украшенія, не розаны съ

двумя листками, то я скорѣе раздѣлю мнѣніе г. Булатова, что это хитрое дѣло Греческихъ мастеровъ, которые часто занимались работами у Татаръ, нежели подумаю, что любовь къ женщинѣ заставила Хана водворить надъ мечтью крестъ. Любители Маріи отдаютъ ей и тѣ комнаты и моельню, вмѣсто домашней церкви; но въ комнатахъ было многое передѣлано во время путешествія Государьни Екатерины II, и въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Надъ дверями моельни написано:

«Селяметъ-Гирей Ханъ, сынъ Хаджи Селимъ-Гирей Хана.»

А Селяметъ-Гирей жилъ за долго до Крымъ-Гирей и его любимицы. Самое устройство моельни доказываетъ, что она была домашнею мечтью: окна изъ нее проведены въ главныя сѣни, которыя были проходными и полны прислуги. Могъ ли допустить Ханъ, чтобъ на виду людей молилась его любимица христіанскою молитвою, когда для мугамеданскихъ женщинъ устроены въ мечтяхъ особенные хоры или палаты.

Самый фонтанъ слезъ сомнительно отнести къ столь нѣжной привязанности Хана, какъ мечталъ объ этомъ Поэтъ. Подобный же фонтанъ устроенъ въ ханскомъ саду близъ купальни: устройство его, размѣры, даже украшенія очень сходны, и не отъ нѣжной любви называются подобныя фонтаны фонтанами слезъ, а отъ ихъ устройства.

Нѣтъ сомнѣнія, что *Дильвара* или *Марія* нашего Поэта была любимицей Хана; но этой Маріи, созданной образованнымъ чувствомъ поэта, не должно

смѣшивать съ Дильара, и думать о любви къ ней Крымъ-Гирей съ утонченностію Европейскихъ понятій.

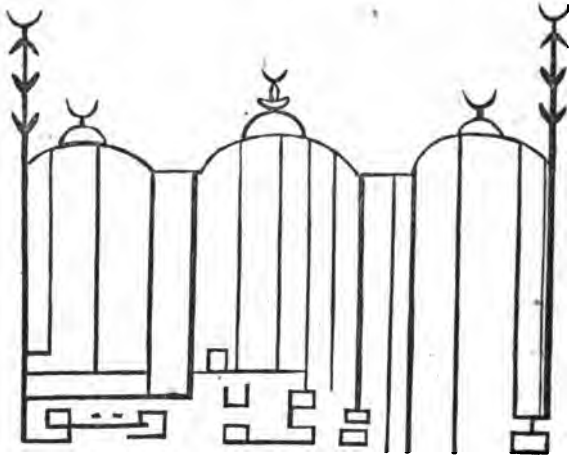
Впрочемъ, не отвергать хочу я чувствованіе истинной любви въ мугамеданинѣ и человекѣ образованномъ не по нашимъ понятіямъ, а говорю только о различіи формъ, въ которыхъ выражается эта любовь. Когда Дильара перешла изъ здѣшняго міра, Гирей устроилъ надъ прахомъ ея огромный памятникъ за своимъ терраснымъ садомъ и осѣнилъ его позлащенной луною. Надъ дверью гробницы есть надпись:

«Да почіетъ въ миръ прахъ Дильара.»

Лѣтъ за тридцать по рассказамъ старожилловъ въ каждой изъ семи сторонъ памятника было окно, а въ осьмой устроены двери. Внутренность была убрана роскошно: стѣны обиты дорогою матеріею, куполь покрытъ свинцомъ. Теперь уже нѣтъ свинца; видны только остатки черепицы и глины, на которой онъ лежалъ и гдѣ теперь успѣла разрости трава. Двери и окна заложены, и только въ отверстіе надъ дверьми, вѣроятно сдѣланное любопытными, можно не безъ труда заглянуть въ этотъ памятникъ и видѣть его запустѣніе при свѣтѣ факела.

Поднявшись на взгорье выше памятника, и обернувшись къ дворцу, открываются его пестрыя кровли, а на противоположной горѣ между частными домами старая мечеть съ зеленою черепичною кровлею; ее называютъ: *Ешилъ Джамэ* или Зеленая мечеть. Въ ней есть надпись: «*Дильара! Да помилуетъ ее Богъ! 1178 эджеры.*»

Мечеть давно опустыла: нѣтъ ни оконъ, ни пола. Сохранились легкія деревянныя колонны и надписи изъ корана. Буквы одной изъ нихъ представляютъ мечеть съ двумя минаретами.

СОДЕРЖАНІЕ ЕЯ:

Ля-иляхъ-иль-ал-лахъ
Мугамедъ ресуль-уль-лахъ.

Нѣтъ Бога кромѣ Бога, Муга-
медъ пророкъ его.

Въ той весь разсказъ о Маріи. Давно ли пѣль ее нашъ Пушкинъ, а о немъ уже есть преданіе въ томъ же Бахчисараѣ. Извѣстно, что въ Крыму почти нѣтъ пѣвчихъ птицъ: рѣдко кому удастся слышать разъ въ жизни пѣнье соловья; но разсказываютъ, что въ бытность Пушкина во дворцѣ хановъ, цѣлыя ночи пѣль соловей въ ханскомъ саду. И теперь путешественники, пріѣзжая въ Бахчисарай и слушая о Маріи, смотря на памятники, воздвигнутые для нее Гиреемъ, задумываются о Поэтѣ. И кажется въ слезахъ фонтана есть слезы о немъ....

III.

ПАМЯТНИКЪ КРЫМСКИХЪ ХАНОВЪ: Хаджи-Гирея и мен-
гли-Гирея.

Дорога изъ Бахчисарая въ Чуфуть-Кале идетъ по каменистому ущелью. Съ обѣихъ сторонъ поднимаются крутые, мѣстами отвѣсные утесы горъ и стройно взбѣгаютъ къ ихъ вершинамъ пирамидальные тополи. Въ подножii скалъ изсѣчены пещеры; въ нихъ тѣснится на временное житье Татаринъ съ своею нищею семьею, или бродячіе цыгане, и порою путешественникъ укрывается отъ непогоды. Говорятъ, что въ старые годы, близъ самаго города начинались виноградные сады; теперь уже нѣтъ ни одного: ихъ замѣнили однѣ раины и нѣсколько огромныхъ вербъ. Горный потокъ быстро перебирается по камнямъ; изъ предмѣстiя Бахчисарая почти всегда слышна народная музыка; около фонтановъ и въ тѣни деревь сидитъ Татарская молодежь; по дорогѣ идетъ, или тихо пробирается верхомъ, Караймъ въ свой городокъ, и ребятишки ловятъ путешественника, чтобъ пропѣть ему пѣсню о живой еще красавицѣ *челеимъ*, или тоскливое: *Бенъ буерлы....*

При поворотѣ на право въ другое ущелье, гдѣ на отвѣсной скалѣ повисъ Греческій монастырь Ус-

пѣнія Божіей Матери, встрѣчаете осміугольное зданіе, съ небольшими сѣнями, покрытое черепичною кровлею. Это памятникъ двухъ первыхъ хановъ Хаджи-Герей, основателя независимости Крымскаго царства, и Менгли-Гирей, котораго нашъ Іоаннъ великій называлъ другомъ и братомъ. Этотъ памятникъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ Татарскимъ памятникамъ. Въ сѣняхъ вокругъ дверей сдѣлана надпись изъ Корана; надъ нею на особенной доскѣ другая, такого содержанія:

«Надгробный Памятникъ сей исправленъ милостями великаго хана, могущественнаго хакана, и повелителя вселенной Менгли-Гирей-Хана сына Хаджи-Гирей-Хана. 907 геджирь.»

Во внутренности зданія, на деревянномъ помостѣ замѣтны два мѣста, гдѣ погребены Гирей—отецъ и сынъ. Оба хана принимали столь великое участіе въ нашихъ дѣлахъ, что невольно вспоминаешь событія тѣхъ временъ, и дивишься неисповѣдимости провидѣнія.

Скоро послѣ нашествія на Россію Татаръ нѣкоторые изъ орды поселились въ Крыму, другія заняли широкія степи отъ Дона къ Днѣпру до самой Курской Губерніи. Главная, Кипчакская орда была на Волгѣ. Литовцы быстро и сильно обложили порубежныя орды и оттѣснили ихъ къ Крыму; моровая язва, свирѣпствовавшая въ Кипчакѣ (1348), загнала сюда же толпы Татаръ. Усиленная такимъ образомъ Крымская орда стала тревожить своихъ сосѣдей,

задумала о самобытности и начала выбиваться изъ подъ зависимости Кипчакскихъ Хановъ. Съ этой цѣлю она передавалась то Литвѣ, то Россіи, то Польшѣ, билась смертнымъ боемъ съ Золотой ордою и ускорила ея паденіе и независимость нашего отечества: Хаджи-Девлетъ-Гирей, воспитанный въ Литвѣ, привыкшій уважать христіанъ и смягченный вліяніемъ святаго ученія, пользуясь примѣромъ основанія царствъ Казанскаго и Астраханскаго, объявилъ себя независимымъ Ханомъ Крымской орды и сильно заботился объ устроеніи новаго царства: старался найти союзниковъ и выбралъ Польшу.

Въ это время развивалась самобытною жизнію, росла и мужала Россія. Она наводила ужась на Гирей, и говорятъ что онъ торжественно утвердилъ грамотою отдачу нашего Отечества Польшѣ, сдѣланную еще Тохтамышъ-Ханомъ, и старался поддерживать тѣснѣйшій союзъ съ Поляками. Но 1469 былъ годомъ смерти Хаджія. Послѣ него осталось восемь сыновей и всѣ они вступили въ споръ за наслѣдство; началось междоусобіе; Менгли-Гирей превозмогъ своихъ братьевъ — и старался найти помощь у Генуэзцевъ въ ихъ крымскихъ колоніяхъ: Кафѣ, Судагъ, Чембалъ и др. Татары, недовольные связью Хана съ иноплеменниками, сдѣлали заговоръ, избрали главою его Гайдера, и предложили корону Турецкому султану Мугамеду II. Распри султана съ Генуэзцами еще скорѣе склонили его къ согласію, и Турецкій флотъ явился съ 20,000 войска, подъ стѣнами Кафы, въ которой скрывается Менгли-Гирей. Не долго держались Генуэзскіе города; плѣнные жители были

препровождены въ Стамбуль. Между ними находился самъ Менгли-Гирей. Прошло три года его почетнаго плѣна, три года страшныхъ смуть и междоусобій Крыма. Татары просили Султана назначить имъ Царя, кого онъ захочетъ избрать, и тѣмъ прекратить бѣдствія страны. Мугамедъ избралъ Менгли-Герей съ тѣмъ, чтобы онъ обязался покорностію Портв. Вотъ главныя условія двухъ Государствъ. Султанъ не имѣетъ права на жизнь крымскаго Хана или кого нибудь изъ дома Гиреевъ. На престолъ Крыма Государя могутъ быть избираемы изъ рода Чингисъ-Хана. Въ мечетяхъ должно всенародно молиться о Ханѣ, а потомъ о Султанѣ. Ханъ имѣетъ право на пяти бунчужное знамя. На письменную просьбу Хана Султанъ не долженъ отказывать. За каждую войну, веденную Ханомъ противъ враговъ порты, Султанъ обязывался платить условленную сумму денегъ.

Въ одной Татарской летописи сказано: «по опредѣленію высочайшей мудрости чрезъ нѣсколько времени прибыло къ Султану отъ Хана большихъ владѣній письмо съ извѣстіемъ, что всѣ поколѣнія Хановъ отъ междоусобій пресѣклись и области степныя раззорены, и что для возстановленія мира между мусульманами, онъ проситъ прислать Менгли-Хана. Тогда Султанъ Мугамедъ Ханъ, давъ ему барабанъ, бунчукъ, знамя и грамоту, немедленно отпустилъ его съ великими почестями.» Прибывши въ Крымъ Мингли-Гирей былъ коронованъ со всею пышностію. Но когда народъ узналъ о согласіи его на зависимость Крыма отъ Турецкаго Султана, то начался общій ро-

путь и новый Хань долженъ былъ прибѣгнуть къ Турецкому войску. Но народъ отстоялъ право выбирать себя Хановъ изъ рода Гиреевъ. Пользуясь случаемъ и опасаясь народа, Менгли-Гирей оставилъ у себя въ Крыму Турецкія войска и старался обратить гнѣвъ народа на христіанъ, живщихъ въ Крыму. Опасаясь своихъ кровныхъ враговъ, Хановъ золотой орды, онъ съ помощію Турецкаго войска разбилъ ихъ, и дѣлалъ набѣги на Польшу и Россію. Ханъ золотой орды, Ахметъ боялся усиленія Крыма и вступилъ въ союзъ съ Поляками, чтобы дѣйствовать въ одно время противъ Гирей и противъ Россіи; но обманутый Поляками едва успѣлъ скрыться въ Кіевъ. По проискамъ Менгли-Гирей онъ былъ заключенъ въ Ковно на всю жизнь; съ нимъ пресѣкъсь родъ Чингисъ-Хана въ главной орды, и сама орда распалась и впала въ безсиліе.

Такимъ образомъ Россія избавилась отъ страшнаго непріятеля: Татары возстали противу Татаръ—и Крымъ ускорилъ гибель нашихъ враговъ и независимость нашего отечества.

Не страшась болѣе Кипчакской орды, Менгли-Гирей нашелъ выгоднымъ союзъ съ Россією, и Иоаннъ великій отправлялъ къ Хану посольства и ввелъ Русскихъ въ торговля обороты съ Генуэзцами.

Близъ Ханскаго памятника, устроена мечеть бѣдная и тѣсная. Въ надписи надъ дверями сказано, что она сооружена при Менгли-Гирей-Ханѣ, и что Ханъ, повелитель вселенной, приказалъ сдѣлать эту мечеть такъ, чтобы лучше ее ни гдѣ не было. Замѣчатель-

но что она строилась почти въ одно время съ нашимъ московскимъ Успенскимъ соборомъ и показываетъ различіе гражданской жизни въ двухъ царствахъ. Черезъ улицу отъ памятника находится *медресе* или училище; кругомъ кладбище, осѣненное огромнымъ деревомъ грецкаго орѣха; у подошвы горъ разбросаны Татарскія хижины; надъ ними отвѣсные уступы...

Вадимъ Пассекъ.

ШВЕДСКАЯ МОГИЛА

ПОДЪ ПОЛТАВОЮ.

На полѣ Полтавской битвы есть могила: народъ зоветъ ее *Шведскою*. Незнаю почему дано ей народомъ такое названіе; здѣсь погребены одни Русскіе, убитые въ Полтавскомъ сраженіи: 52 офицера и и 1300 рядовыхъ. Правда, за паденіе ихъ дорого заплатили Шведы совершеннымъ истребленіемъ своихъ силъ, и можно сказать, что эта могила унесла могущество Карла XII.

Нельзя не удивляться геніальнымъ соображеніямъ Петра Великаго, исполненнымъ желѣзною волею Его, которыя дали возможность малою жертвою пріобрѣсти знаменитость русскому оружію и искупить первенство Россіи на Сѣверѣ. Въ послѣднее время Сѣверной войны, Русскіе, можно сказать, собирали плоды Полтавскаго сраженія. И эта могила можетъ служить памятникомъ славы величайшаго изъ Царей, памятникомъ Генію Петра Великаго.

1707 года Петръ Великій собралъ въ Жолкіевъ совѣтъ, на которомъ было предложено рѣшить: какой образъ дѣйствій должно избрать при наступленіи Карла XII изъ Саксоніи на Русскую армію, расположившуюся въ Польшѣ около Дубно и Острога.

Шереметьевъ, представляя гибельныя послѣдствія, какія могутъ быть при отступленіи арміи, послѣ пораженія, въ краю, котораго жители не расположены къ намъ, предложилъ: уклоняться отъ рѣшительнаго сраженія съ Карломъ XII въ Польшу, отступая къ предѣламъ Россіи, тревожить его отрядами, истреблять все за собою, и тѣмъ лишить жителей средствъ вредить намъ, а непріятеля способовать быстро преслѣдовать насъ.

И мнѣніе Шереметьева было только наведеніемъ генію Петра Великаго къ развитію величайшаго военнаго соображенія въ оборонительной войнѣ, сообразно обширности и народности государства: объ чемъ иностранцы только начали писать спустя столѣть, а именно послѣ кампаніи 1812 года, и стали создавать теоріи того, что за цѣльмъ вѣкъ отчетливо приводилось въ исполненіе въ Россіи — и удивлять Европу своими теоріями.

1708 года, при наступательныхъ движеніяхъ Карла XII на Россію, Петръ I-й положилъ не вступать въ рѣшительное сраженіе съ непріятелемъ, а отступать въ глубину Россіи, — и при всякой возможности имѣть вѣрный успѣхъ нападать на него, останавливать его наступленіе; а между тѣмъ истреблять мосты, портить дороги, скрывать запасы и тѣмъ изнурять, ослаблять непріятеля, лишать его нравственныхъ силъ, и довести до того, чтобъ можно было съ полною увѣренностью на побѣду вступить въ рѣшительное сраженіе.

Соображеніе геніальное, и исполненіе было отчетливое, безошибочное. Оно все совершилось подъ ру-

ководствомъ самаго Петра, а въ главномъ даже личными его усиліями.

По его распоряженію Генераль Гомць находился на пути Карла XII въ Малороссію и первый затруднилъ движеніе Шведовъ; самъ Петръ начальствовалъ арміей, при наступленіи Карла на Смоленскъ; жегъ, истреблялъ все по дорогѣ, даже вступивъ въ Россію; по его распоряженію Шведы потерпѣли поражение при С. Добромъ. Онъ первый увидѣлъ важность въ томъ, чтобъ не допустить соединиться съ Шведскою арміею Левенгаупта, шедшаго съ 16,000 войскъ и съ огромнымъ обозомъ военныхъ и продовольственныхъ запасовъ; самъ повелъ отрядъ для рѣшительнаго нападенія на Левенгаупта, и, съ меньшимъ числомъ войскъ, нанесъ ему совершенное пораженіе, подъ Лѣснымъ, такъ, что остатки Шведовъ, разстроенные и изнуренные, сдѣлали больше вреда Карлу XII, нежели пользы своимъ соединеніемъ съ нимъ; а потеря военныхъ запасовъ была невознагражима и имѣла гибельныя послѣдствія для Шведской арміи, при осадѣ Полтавы и въ самомъ сраженіи. По приказанію Петра, Генераль Боуръ долженъ былъ идти вслѣдъ за Карломъ при движеніи его въ Украйну, а Генераль Ифландъ шелъ въ видѣ авангарда непріятеля и занялъ Стародубъ, первый укрѣпленный городъ Малороссіи, на пути Карла, первый, возставшій противъ измѣны Мазепы, и первый, поколебавшій надежды Шведовъ. Между тѣмъ Меньшиковъ долженъ былъ взять Батуринъ, главный опорный пунктъ Мазепы; уничтожить въ источникъ зло отъ измѣны Гетмана и обратить каза-

*

ковъ противъ непріятеля. Предупредивъ Шведовъ въ Украинѣ, Меншиковъ взялъ Батуринъ и истребилъ часть магазиновъ, приготовленныхъ для Шведовъ.

По распоряженію Петра Великаго, непріятель въ Украинѣ нуждался въ продовольствіи, въ порохѣ, не имѣлъ покоя на зимнихъ квартирахъ, и, ослабленный къ веснѣ цѣлою третью всей арміи, принужденъ былъ ограничиться осадю Полтавы, чтобъ только скрыть свою слабость для настоящихъ наступательныхъ дѣйствій, въ ожиданіи союза съ Турціей. И наконецъ, изнуренный при осадѣ Полтавы, доведенъ былъ до крайности искать спасенія своего въ Полтавской битвѣ.

Петръ Великій, имѣя полную увѣренность на побѣду, и желая спасти Полтаву, перешелъ черезъ Ворсклу съ 55 тыс. регулярныхъ войскъ, приблизился къ городу и въ ожиданіи казаковъ Скоропадскаго, и 37 тыс. Калмыковъ, расположился въ укрѣпленномъ лагерѣ. Въ день Петра и Павла, 29 Іюня, рѣшено было напасть на Шведовъ.

Положеніе Карла XII было самое бѣдственное. Съ 30 тыс. войскъ, уже упавшихъ духомъ, безъ артиллеріи за недостаткомъ пороху и снарядовъ *, въ краю, гдѣ жители съ жаромъ возстали прогнвъ него, могли онъ думать о наступательныхъ дѣйствіяхъ на Россію, имѣя противъ себя армію вдвое сильнѣйшую, устроенную, испытанную и предводительствуемую самимъ Петромъ.

* Въ Полтавскомъ сраженіи Карлъ XII имѣлъ всего 4 орудія; остальная артиллерія оставалась въ лагерѣ подъ Полтавой, находившемся подъ прикрытіемъ Запорожьей.

Ожидать нападенія Русскихъ, по соединеніи всѣхъ ихъ силъ, было явно гибельно: Карлъ XII былъ бы подавленъ превосходствомъ Русскихъ.

Отступленіе было единственнымъ средствомъ для спасенія; но отступленіе становилось невозможнымъ по соединеніи Калмыковъ и казаковъ съ Русскою арміею. Преслдуемый самимъ Петромъ съ 55 тыс. регулярныхъ войскъ, и окруженный со всѣхъ сторонъ 60 тыс. иррегулярной кавалеріи, онъ былъ бы безъ боя совершенно истребленъ на пути отъ Украйны до великой Польши, гдѣ находился его резервъ.

И Карлъ XII избралъ лучшее: онъ рѣшился, не смотря на все превосходство силъ Петра Великаго, дать сраженіе до соединенія его съ казаками и Калмыками, чтобъ побѣдою обезпечить свое отступленіе.

Слишкомъ ясно, что не для торжества надъ Россіею, а для спасенія своего, Карлъ XII вступилъ въ сраженіе подъ Полтавою. Побѣда, по малочисленности Шведовъ, не могла быть рѣшительною, и не давала возможности продолжить ему свои успѣхи и особенно наступательныя дѣйствія; а пораженіе, при многочисленности Русскихъ и въ краю непріязненномъ, было бы гибельно для Шведовъ.

И только это опасное средство оставалось испытать для спасенія своего Карлу XII: до такой крайности была доведена Шведская армія соображеніями Петра Великаго.

Настало 27 Іюня, и совершилось торжество генія Петра: армія Шведская была истреблена и истребленіе было некуплено 1400 Русскихъ, погребен-

ныхъ подъ курганомъ, называемымъ народомъ Шведскою могилкою.

Чувство благоговѣнія къ необъятности генія Отца Отечества, проникаетъ душу при взглядѣ на этотъ могильный курганъ, священный великими воспоминаніями.

Въ 4 часа утра, 28-го Іюня * по повелѣнію Государя начали дѣлать 2 могилы: одну для офицеровъ, другую для унтеръ офицеровъ и рядовыхъ. Къ 6 часамъ могилы были готовы, войска были выстроены карсемъ около могилъ, и самъ Царь вышелъ на поле. Въ присутствіи его сложили тѣла въ могилы и началась погребальная панихида. Петръ Великій присоединилъ голосъ свой къ голосу клироса; но часто пѣнье его было прерываемо слезами, и тогда плакало все окружающее. И кто не умилился слезами при одномъ воспоминаніи этого событія — не слабый, не безсильный мужъ плакалъ здѣсь надъ могилой; но мужъ железной воли, Гений, Пресоборователь Россіи.

По окончаніи панихиды, Царь обратился съ прощальнымъ словомъ къ убиеннымъ, сдѣлалъ 3 земныхъ поклона, и первый началъ ихъ засыпать землею.

Когда насыпали курганъ, Царь своими руками водрузилъ на немъ крестъ съ надписью: «воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіися, лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1709, Іюня 27 дня.»

28 и 29 Іюня происходило погребеніе Шведовъ пѣвчими, и надъ ними также совершили священный обрядъ пѣвчиие пасторы. Шведовъ погребено было болѣе 9000, а по Голикову 13,281.

И тогда же издавъ указъ о вѣчномъ поминовеніи убиенныхъ во вѣки. И каждый годъ 27 Іюня совершается изъ города крестный ходъ на могилу, и народъ тысячами стекается съ окрестныхъ мѣстъ и молить Господа о вѣчной памяти ихъ и виновника славы Россіи подъ Полтавой.

Теперь уже на курганъ стоитъ другой крестъ и на немъ другая надпись: «А о Петръ вѣдайте, что жизнь ему не дорога: была бы жива Россія, вѣра и благоденствіе ваше.» И кромѣ словъ Петра читаете на крестъ: «Я, съ береговъ Дона, приходилъ поклониться могилѣ, тогда-то.» «Я, сынъ Украйны, поклонился кургану, тогда-то.» «Я, съ Сѣвера, пришелъ поклониться Генію Великаго Царя.» Одна мысль, одно чувство, и чувство высокое, благоговѣйное, одушевляеть всѣхъ приближающихся къ кургану. Самыя надписи на крестъ показываютъ, какъ народъ чтить эту могилу.

Слава Великому совершителю славы отечества!

Сравнивая Петра I-го съ современными ему полководцами: Карломъ XII, Мальбургомъ и Принцемъ-Евгеніемъ, которыми такъ гордится Европа, открывается вся высота въ военномъ отношеніи и превосходство надъ своими современниками преобразователя Россіи. Въ этомъ убѣждаетъ строгое изученіе военныхъ событій, и выводы свои я постараюсь передать въ слѣдующихъ книгахъ Очерковъ Россіи, гдѣ представляю со всею отчетливостію дѣла Петра Великаго.

Д. Пассекъ.

САРАЙ-ОРДА БАТЫЯ

НА ВОЛГѢ.

Если человечество есть одно цѣлое, одно тѣло, развившееся отъ единого семени, и всѣ части его совокуплены духовными и вещественными узами взаимныхъ необходимостей; то всѣ частныя событія въ недрахъ его составляютъ или благодѣтельный процессъ общей жизни тѣла, который совершается безъ потрясеній, или нарушенное нормальное, здоровое состояніе, приливомъ и отливомъ крови, порожденное какою нибудь частною страстію. Въ первомъ случаѣ руководить событіемъ Провидѣніе, во второмъ человекъ. Слѣдовательно событіе, подобное нашествію Монголовъ, парализовавшее на долгое время все пространство древней Руси, мы не осмѣлимся назвать волею благодѣтельнаго Провидѣнія; ибо въ противномъ случаѣ должно было бы принять фатализмъ за истинну, отвергать частную волю и существованіе зла.

Начальную причину нашествія Монголовъ должно искать въ насильственномъ распространеніи магометанства въ 7 столѣтіи на Востокъ, гдѣ преобладало върованіе Будды. Омаръ I, Бенъ-эль-Китабъ, второй Калифъ послѣ Магомета, первый назвавшій себя «Эмиръ-эль-Муменинъ» — повелитель правовѣрныхъ, съ мечемъ и огнемъ прошелъ Сирію, Халдею, Египеть, Мессопотамію, Персію, Бактріану и даже, по нѣкоторымъ писателямъ, проникъ въ Индію, и въ продолженіи пути своего овладѣлъ 36,000 городовъ, истребилъ четыре тысячи храмовъ Христіанъ и Маговъ (Буддистовъ), основавъ вмѣсто ихъ 1400 мечетей Исламизма. Здѣсь началась борьба между двумя религіями: между Магометанской, упрощенной до однѣхъ молитвъ и отвергающей всякое изображеніе божества, и Ламизмомъ, или Буддизмомъ Могольскимъ, изтекшимъ изъ древней религіи Маговъ, ⁽¹⁾ признававшихъ изображенія. Могущество и фанатизмъ Калифовъ преодолѣлъ; но Чингисъ-Ханъ, (род. 1164 — ум. 1227), происходящій изъ племени Моголь, ⁽²⁾ сталъ воинномъ своего върованія, освободилъ весь Востокъ, по сю сторону Гималая, отъ владычества Калифовъ Магометанскихъ, и возстановилъ первенство Ламайской религіи. Вскорѣ однакожъ въ Тамерланъ явился новый представитель торжества Магометанства. При немъ Татарскія племена приняли Исламизмъ, или возвратились къ нему. Съ этого времени внутренніе раздоры за насльдіе Калифатства ослабили силы единства и Колоссъ Востока распался на части.

Чингисъ-Ханъ, совокупляя, такъ сказать, всѣхъ по-

клонниковъ Будды, и распространяя свое вѣрованіе, распространялъ и свои победы до береговъ Волги, границы населенія Славянскаго, или Русскаго. *Команія*, имѣвшая къ сѣверу: Русь, Мордву и Белировъ (Булгаровъ), Бастарковъ (Великую Унгарію), Парозитовъ (Боруссовъ?) и Самогитовъ (Самоѣдовъ); а къ югу: Алановъ, Черкесовъ и пр. принадлежала безъ сомнѣнія къ *хозренту* (владычеству) Торковъ, и хотѣла избѣжать отъ власти Чингисъ-Хана, надѣясь на помощь Князей Русскихъ. Но Чингисъ-Ханъ, *вступившій на конь въ главную мечеть Бухары, и потоптавшій Алкоранъ ногами*, въ 1223 году отрядилъ военачальниковъ Судая-Багадура и Чепновіана для побѣдъ по Каспійскому морю ⁽³⁾ и Волгѣ. Команы или Половцы, отъ которыхъ Чингисъ-Ханъ требовалъ покорности, какъ отъ *единоплеменниковъ*, воспротивились силамъ Монголовъ, и были разбиты, истреблены ими. Въ 1246 году, во время проѣзда Плана Карнини чрезъ Команію, были видны еще слѣды этого истребленія. Народъ бѣжалъ въ Кіевскую область, и тесть Мстислава Галицкаго, Половецкій Ханъ, взволновалъ всю Русь вѣстію о нашествіи Монголовъ. «Приде неслыханная рать, безбожни Моавитяне, рекоміи Татаре» говоритъ Волынская лѣтопись. ⁽⁴⁾ Галицкій Князь, въ защиту тестя, возстановилъ многихъ Князей Русскихъ; но сраженіе при Калкѣ, въ 1224 году, распахнуло только двери Монголамъ въ Русь.

Въ это время Русь была раздираема междуусобіями Ольговичей и Мономаховичей за право на наслѣдіе Великокняженія, и за отчее гнѣздо Кіевъ. Родъ Моно-

маха, въ лицѣ Андрея Боголюбскаго, основалъ новую столицу во Владимирѣ, и усиливъ себя Сѣверомъ, требовалъ отъ Кіева, какъ отъ своего удѣла, покорности; но Ольговичи боролись. Въ 1227 году Чингисъ-Ханъ умеръ, и завѣщалъ сыну Октай-Хану ⁽⁵⁾ давать миръ только побѣжденнымъ народамъ. Посреди дворца въ Каракурумъ, ⁽⁶⁾ украшеннаго Китайскими художниками, Октай спокойно уже властвовалъ надъ народами, побѣжденными отцомъ. Для управленія Каспійскими и Приволжскими странами, и для новыхъ побѣдъ, отправилъ Бату-Хана, любимца своего, съ 500,000 войска. До 1237 года, Батый утверждалъ власть свою за Волгой; а въ этомъ году проникъ лѣсами въ южную часть Рязанской области, и потребовалъ отъ Князей десятины. Великій Князь Георгій отказалъ въ помощи Рязанскимъ владѣтелямъ, и—слабое сопротивленіе разъединенныхъ Русскихъ силъ, на первомъ шагу, поразило народъ ужасомъ, а въ Монголовъ внушило смѣлость безбоязненно вносить разрушеніе въ глубь Руси, и дарить миръ за подданство.

Въ томъ же году пала Рязань, Москва сожжена; а въ 1238 году Батый овладѣлъ Владимиромъ, Переяславлемъ, Юрьевымъ, Дмитровымъ и другими городами Великокняженія; потомъ проникъ къ Твери и Торжку, и почти изъ-подъ стѣнъ Новгорода возвратился въ Половецкую землю, для усмиренія *Половецкаго Хана Котяна*. Но въ слѣдующемъ и 1240 году подпала подъ иго его вся южная часть Россіи, съ матерію градовъ Русскихъ—Кіевомъ. Завоевавъ области Польскія, Венгрію, Кроацію, Сербію, дунайскую

Болгарію, Молдавію и Валахію, Батый, по причинѣ внезапной смерти Окталя, возвратился на берега Волги, и надменно принималъ владыкъ покоренныхъ странъ и посольства съ дарами посреди Сарай-орды, и отправлялъ ихъ далѣе, въ Китайскую Татарію, на поклоненіе и утвержденіе въ правахъ, къ наследнику Хана Окталя, сыну его Куяку, или къ правительницѣ Моголіи ханшѣ Толи Гайханэ, матери Куякъ-Хана.

Первый изъ Русскихъ Князей, бившій челомъ великому Кагану Монголіи, въ 1246 году, былъ Ярославъ. Онъ прибылъ къ возшествію на престолъ Куякъ-Хана, ⁽⁷⁾ гдѣ его видѣлъ ПIANO Карпини, посоль Папы Иннокентія IV.

«По прибытіи ко двору великаго Хана, пишетъ ПIANO Карпини, онъ приказалъ намъ дать палатку и угощать насъ; но мы не могли представиться ему; ибо избраніе его еще не совершилось и онъ не входилъ въ управленіе. По прошествіи пяти дней насъ представили его матери, гдѣ и были торжественныя пріемы, въ шатръ изъ бѣлаго бархата, въ которомъ могло помѣститься до 2000 человекъ. Вокругъ была деревянная ограда, украшенная различными фигурами и изображеніями. Тутъ мы увидѣли множество восводъ и вельможъ, которые съѣхались со всѣхъ сторонъ съ своими людьми; всѣ они были верхами и расположены вокругъ. Въ первый день они явились въ бархатной бѣлой одеждѣ, во второй въ красной. И въ этотъ день самъ Куякъ прибылъ въ шатеръ. Въ третій день они были одѣты въ бархатъ фіолетоваго цвѣта; а въ четвертый

лркаго пунцоваго. У нѣкоторыхъ изъ знатнѣйшихъ лицъ на конской сбруѣ было не меньше 20 маркъ серебра.

Главныя лица, владѣтели удѣловъ, (Ханы, Бей, Султаны, Тайцзи ⁽⁸⁾) совѣщались въ палаткѣ о избраніи Кагана; остальной народъ толпился вокругъ ограды, въ ожиданіи. Потомъ они начали пить кумысъ, что продолжалось до вечера; и наконецъ ввели насъ въ палатку и угощали брагой. Въ палатки были: Князь Ярославъ Суздальскій изъ Россіи, и многіе другіе владѣтели Китайскіе и Селенгскіе (Solangles) ⁽⁹⁾, два сына Царя Грузіи, посоль Калифа Балдагскаго, и многіе другіе Суданы и Эмиры Сарацинскіе. По рассказамъ, всѣхъ владѣтелей, пословъ и разныхъ лицъ, пріѣхавшихъ съ дарами и покорностію, простиралось до 4000. Всѣхъ ихъ также поили; но оказывали всегда предпочтеніе намъ и Князю Ярославу.

Когда Каганъ Куякъ входилъ въ палатку, его сопровождали пѣніемъ; когда выходилъ, то склоняли передъ нимъ бунчуки (*virgis speciosis, in summitate lanam coccineam habentibus*). Этотъ дворъ Кагана называли Сарай-Орда (*Suga-Orda*); но въ разстояніи трехъ или четырехъ часовъ ѣзды, въ прекрасной долинь, былъ другой шатерь, который они называли *Золотой Ордой* (*Orda aurea*). ⁽¹⁰⁾ Здѣсь долженъ былъ Куякъ вступить на тронъ. Этотъ шатерь былъ великолѣпенъ, основанъ на колоннахъ, покрытыхъ листьями золота. Верхъ былъ парчовой, а полы изъ другихъ тканей.

Въ день Св. Варфоломея свершилась церемонія. Все собралось передъ шатромъ, и послѣ совершенія молитвъ къ полудню ⁽¹¹⁾ съ коленнопреклоненіемъ, что продолжалось долго, всѣ возвратились къ шатру, возвели Куяка на тронъ, и склонились передъ нимъ на кольна. Мы были представлены Кагану въ томъ же шатрѣ, гдѣ совершалась церемонія возшествія на престоль. Здѣсь приняты были и всѣ послы съ безчисленными дарами, состоящими изъ кусковъ бархата, пурпура, парчи, поясовъ тканыхъ изъ шелка и золота, богатѣйшихъ мѣховъ и пр. Въ числѣ даровъ были также: осыпанный драгоцѣнными камнями щитокъ отъ соляца, верблюды подъ парчевыми попонами, сѣдлы, кони и мулы въ уборахъ кожаныхъ и кованыхъ изъ желѣза; на холмѣ, въ отдаленіи отъ шатровъ, стояли пять сотъ возовъ наполненныхъ золотомъ, серебромъ и шелковыми одеждами. И все это составило дары Кагану и его окружающимъ.

Послѣ сего мы были въ другомъ мѣстѣ, гдѣ также былъ богатѣйшій пурпуровый шатеръ, подаренный Китайцами. Насъ угощали брагой, виномъ и варенымъ мясомъ. Внутри, на возвышеніи, стоялъ престоль Кагана, изъ слоновой кости, съ рѣзбою, украшенный золотомъ и драгоцѣнными камнями. Около престола были скамьи; съ лѣвой стороны сидѣли жены, а съ правой никого не сидѣло. Вельможи Кагага сидѣли на скамьяхъ ниже, и другіе ряды младшихъ за ними.

Описанные нами три шатра были очень обширны; но жены Кагана имѣли особенные столь же кра-

сивые и просторные, сдѣланные изъ бѣлыхъ войлоковъ.

Отсюда Каганъ разѣхался съ своей матерью, для совершенія суда надъ пойманной ею любимицей, которую уличили въ отравѣ Октая, отца Кагана, *въ то время, когда находились войска его въ Венгрии; что и было причиной возвращенія войскъ изъ сей страны.* Виновная и нѣкоторые изъ ея сообщниковъ были казнены смертію.

Въ это самое время умеръ внезапно Ярославъ Суздальскій. Онъ былъ приглашенъ къ матери Кагана, и она изъ своихъ рукъ угощала его. Едва возвратился онъ въ свое жилище, заболѣлъ и умеръ на седьмой день. Тѣло его удивительнымъ образомъ посинѣло, что и заставило всѣхъ вообще говорить, что онъ отравленъ, для того чтобъ легче овладѣть его землями.»

Рубрукъ или Рубруквисъ, посолъ Людовика IX въ Татарію и Китай, въ 1253 году, описываетъ слѣдующимъ образомъ прибытіе его въ Сарай-Орду Батя, на Волгѣ:

«Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы приблизились къ Волгѣ (Etília), было новое зданіе, устроенное Татарами при переправѣ для пословъ, которые ѣдутъ ко двору Батя и возвращаются. Тутъ въ числѣ Татаръ, при переправѣ, есть и Русскіе. Дворъ Батя находится на берегу, отъ этого мѣста къ востоку; а города и селы великой Булгаріи въ 5 дняхъ ѣзды къ сѣверу. Мы спустились по рѣкѣ въ суднѣ, и прибыли къ двору Батя. Станъ Батя походилъ на огромный

городъ, а тѣмъ юртъ ⁽¹²⁾ была разсыяна вокругъ на пространство 3-хъ и 4-хъ м^л. Шатеръ двора, находящійся посрединѣ, называется Сарай-Орда; его двери обращены на югъ, и съ этой только стороны никто не смѣетъ селиться.

На другой день по прибытіи, мы были представлены ко двору, гдѣ былъ раскинутъ особенный огромный шатеръ; ибо тотъ, въ которомъ жилъ Батый, не могъ помѣстить всѣхъ собравшихся тутъ мужчинъ и женщинъ съ босыми ногами и открытой головой. Мы были введены въ шатеръ. Батый сидѣлъ на возвышеніи трехъ ступеней, на обширномъ, позолоченномъ мѣстѣ. Близъ него сидѣла одна изъ его женъ. Разныя лица и женщины сидѣли вправо и влѣво за нею. При входѣ въ шатеръ была скамья ⁽¹³⁾ на которой стоялъ кумысъ (cosmos) и большія золотыя и серебряныя, осыпанныя драгоценными камнями, чаши.

При ордѣ находятся маркитанты, и слѣдуютъ всюду при перекочеваніи.

Татары не имѣютъ постояннаго мѣстопробыванія: они кочуютъ на всемъ пространствѣ Скифій, отъ Дуная до предѣловъ Востока. Во время лѣта поднимаются къ сѣверу, на зиму удаляются въ теплыя южныя страны. Ихъ дома (юрты или *гыръ*) устроены на колесахъ, и составляютъ плетень, ⁽¹⁴⁾ покрытый цвѣтными узорчатыми войлоками, съ отверстіемъ въ вершинѣ для дыма; нѣкоторые до 30 фут. въ длину (въ діаметръ?) ⁽¹⁵⁾, и для перевозки ихъ употребляется болѣе десяти паръ воловъ. Входы

* Ли — мѣра пути, равна $271\frac{1}{4}$ саж.

завѣшены войлоками, и при постановкѣ всегда обращаются къ югу. Богатѣйшіе изъ Татаръ, или *Мугаловъ* (Moals) имѣютъ до 200 подобныхъ юртъ. Въ головахъ надъ хозяйскимъ мѣстомъ виситъ всегда изображеніе въ родѣ куклы, сдѣланной изъ войлока, которую они называютъ *братомъ хозяйскимъ*. Надъ ложемъ хозяйки виситъ на стѣнѣ подобное же изображеніе: это ея *братъ*; тутъ же помѣщается баранья шкура, набитая шерстью, или чѣмъ нибудь другимъ, и при этомъ маленькое изображеніе—*домоарашитель*. Близъ дверей, съ женской стороны, изображеніе съ соскомъ коровьимъ, а съ другой стороны съ соскомъ кобылицы. Когда Татары собираются въ юртъ на пиръ, то прежде всего они окропляютъ своимъ питьемъ изображеніе *брата хозяйскаго*; потомъ выходитъ юноша съ чашей кумыса въ рукахъ, и преклоняя колѣна, плещетъ по три раза на югъ во имя огня, на востокъ во имя воздуха, на западъ во имя воды, и на сѣверъ во имя умершихъ.

Что же касается до одежды, то всѣ ткани шелковыя, золотыя, серебряныя, и бумажныя, получаютъ они изъ Китая и Персіи, и другихъ восточныхъ странъ; а драгоценныя мѣха изъ Россіи, изъ (Moxel) изъ Великой Българіи, Паскатира или Великой Венгріи, изъ (Kersis), и другихъ подвластныхъ имъ странъ, избилующихъ лѣсами.

Мужчины выбриваютъ макушку, и волосы висятъ отъ верха по вискамъ; они также обриваютъ виски, шею и лобъ до затылка, *оставляя на макушкѣ пучекъ*. На затылкѣ оставляютъ они волосы и плетутъ изъ нихъ косы.

Одежда женщинъ отличается отъ мужской только тѣмъ, что она длиннѣе. По выходѣ замужъ, дѣвушкѣ обрѣзываютъ спереди волосы до половины головы. Женскій головной уборъ называется *ботта*.»

Вообще описанія Рубруквиса и Плано-Карпинивъ отношеніи обычаевъ, обрядовъ и одеждъ довольно смутны. Они не могли тщательно отличить одного народа отъ другаго; но сравнивая эти описанія жизни древнихъ Монголовъ съ современными, кажется, что они ни сколько не измѣнились: таже у нихъ *юрта* или *гырѣ*, ⁽¹⁵⁾ таже *хиты*, ⁽¹⁶⁾ таже *шаманство* или *шагмунизмъ*, таже *идолы*, таже *обряды*; разница только въ томъ, что прежняя Русь чествовала *Басму* великаго Хана Монголіи; а теперь ликъ Россійскаго Императора въ *Бурхани-Оргѣ* между ликами ихъ божествъ.

А. В.

ГРАНИЦЫ ЮЖНОЙ РУСИ

ДО НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ.

Гдѣ были границы южной Руси до нашествія Татаръ? гдѣ началась наша Русская земля и гдѣ земля Половецкая?

Въ XII вѣкѣ, въ нынѣшнихъ Губерніяхъ: Полтавской и Харьковской, были у насъ города: Переяславль, Олтава, Лукомля, Каневъ, Ромны, Донецъ и др. На приложенномъ чертежѣ означены всѣ эти города, существовавшіе до прихода Татаръ. Принимая во вниманіе хлѣбапашество городскихъ жителей и окрестныя селитьбы, на что есть указанія у летописцевъ, становится ясно, что граница Русская была еще южнѣе городовъ и, вѣроятно, шла живыми урочищами, преимущественно рѣками.

Обозрѣвая на мѣстѣ древнія городища и курганы въ Украинѣ и Малороссіи, я обратилъ особенное вниманіе на городище Каганово, которое названо такъ по ошибкѣ въ наше время, и есть собственно древній

городъ *Донецъ*, гдѣ Игорь Святославичъ, бѣжавшій изъ плѣна Половецкаго, нашель вѣрное убѣжище отъ погони.

Лѣтописецъ рассказываетъ о побѣгѣ Князя такимъ образомъ:

«Игорь послалъ конюшаго сказать Лавру, чтобъ онъ перѣхалъ на ту сторону съ поводнымъ конемъ... Половцы упились кумысомъ.... Конюшій увѣдомилъ, что Лавръ ждетъ его. Игорь, полный страха, вставъ поклонился образу Божіей Матери, надѣлъ на себя крестъ и снялъ со стѣны икону.... Стража полагая, что Князь спитъ, пировала и веселилась, а между тѣмъ Князь ушелъ изъ шатра. Это было въ Пятницу вечеромъ; и шелъ онъ одиннадцать дней до города *Донца*, оттуда въ свой Новгородъ — и обрадовались ему (1)»

Достоверность этого разсказа подтверждается пѣснью о походѣ Игоря. «Игорь сверкнулъ горностаемъ въ тростникъ, какъ гоголь чрезъ воду пронесся... взметель на коня... соскочилъ, и помчался вдругъ волкомъ босымъ къ лѣсу *Донца*.... И летель какъ соколъ сквозь туманъ и билъ лебедей и гусей на завтракъ, обѣдъ и на ужинъ (2)»

Городъ *Донецъ*, куда прибѣжалъ Игорь, былъ на правомъ берегу р. *Уды*, верстахъ въ восьми отъ *Харькова*. И теперь совершенно сохранились окопы и рвы городка, который принадлежитъ уже помѣщику *Щербинину*. *

* И здѣсь я не могу не повторить моей признательности М. А. Щербинину за участіе и пособія въ моихъ изысканіяхъ. Въ его образованномъ семействѣ я нашель полное радушіе, которое ис-

Въ книгѣ большаго чертежа сказано: *На мѣвой сторонѣ вверхъ по Удамѣ, выше Хорошаго городища, Донецкое городище, отъ Хорошаго верста съ пять.* *

Теперь на мѣствѣ Хорошаго городища, отъ котораго уцѣлѣли съ сѣверной стороны рвы и валы, красуется надъ уступами горы дѣвичей *Хорошевъ Вознесенскій монастырь*. Народныя преданія относятъ Донецкое городище къ незапамятнымъ временамъ; рассказываютъ, что подъ водою, противъ самаго городка, отъ берега до берега р. Уды, проведена цѣпь, для прегражденія неприятелю хода водою. Въ самомъ городкѣ найдены были ножъ или короткій мечъ съ желѣзною рукояткою, нѣсколько кусочковъ листовой красной мѣди, небольшое глиняное украшеніе съ пронизкой; а во рвахъ множество черепковъ и костей. Принимая во вниманіе незначительность городка, который въ длину по вершинѣ своей будетъ не болѣе 80 шаговъ, кажется не возможно предположить, чтобъ онъ не былъ вблизи нашихъ Русскихъ селеній или не поддержанъ цѣлой цѣпью другихъ укрѣпленій. И дѣйствительно, почти отъ самаго Посемья, куда часто врывались Половцы, идетъ *цѣпь городищъ*, которыя были въ XII вѣкѣ вѣроятно дозорными

тивно можетъ оцѣнить одинъ только путешественникъ. Не лѣзя не желать, чтобы на высотѣ городища былъ воздвигнутъ какойнибудь памятникъ Игорю Святославичу, который нашелъ здѣсь безопасный приютъ, и безсмертному пѣвцу его, которымъ мы можемъ гордиться предъ цѣлою Европой.

* Древнія версты были болѣе нашихъ. Теперь Довецкой городокъ отъ Хорошева монастыря отстоитъ верста на 6.

укрѣпленными городками для охраненія границъ и наблюденія за движеніемъ Половцевъ. Такъ во времена набѣговъ Крымской Орды устроены были въ тѣхъ же мѣстахъ Чугуевъ, Царево-Борисовъ, и сдѣланы на большомъ протяженіи рвы и валы для прегражденія пути непріятелю.

По Донцу видны городища: *Бѣлогородское*, *Нежегольское*, *Салтановское*, гдѣ теперь слобода верхній Салтовъ, ниже его *Колжовское*, еще ниже: *Гумнишья* городище, за нимъ *Чугуево*, еще далье *Мохначево*; на усть-Уды *Баново* или *Кагайское* (Нагайское?) за Удою при устьѣ р. Можи *Зміево*, далье *Каменное*; вверхъ по Удѣ *Хорошее* и выше его древній *Донецъ городокъ*. Отсюда, съвернѣе р. Можи, впадающей въ Донецъ, до рѣки Коломака, впадающей въ Ворсклу, извѣстны два огромныя городища: одно принадлежитъ помѣщику Кукулевскому и извѣстно подъ названіемъ собственно *Городища*; другое *Хозаревское* городище *. Всѣ онѣ идутъ по нагорной сторонѣ рѣкъ и большая часть расположены по правому высокому берегу Донца; очевидно были въ связи между собою; всѣ обращены главною боевою стороною не противъ Руси, но за рѣку, въ степи и далеко озирали окрестности, особенно низменныя мѣста луговой стороны. Городище Кукулевскаго обхватываетъ двойными и тройными валами пространство версты на три. На вершинахъ валовъ растутъ огромныя дубы, и одинъ изъ нихъ, срубленный, имѣлъ

* Городища, находящіяся при вершинахъ р. Коломака, кажется, древнѣе изслѣдуемыхъ и принадлежать другому племени.

въ поперечникъ болѣе сажени. Пень его еще видѣнъ. Случайно были находимы мѣдные оконечники стрѣлъ и ножи. *Хозаревское* городище обнесено также двойными и тройными валами, но такъ заросло лѣсомъ, что не было возможности осмотрѣть его и сдѣлать какія нибудь наблюденія безъ особенныхъ усилій, и потому не могу сказать о немъ ничего определеннаго и рѣшительнаго. Что же касается до цѣпи другихъ городищъ, то всѣ онѣ, какъ правильнымъ взаимнымъ расположеніемъ, такъ и способомъ укрѣпленія, совершенно отличны отъ тѣхъ городищъ, которыя находятся въ неразрывной связи съ курганами, всегда круглыя, расположены болѣе на равнинахъ и относятся къ глубокой древности. Вся цѣпь укрѣпленій идетъ по берегамъ рѣкъ, какъ по живымъ урочищамъ, и указываетъ на границы древней Руси до прихода Татаръ. Эта граница шла, кажется, отъ вершинъ Донца, внизъ по его теченію къ рѣкамъ Удѣ и Можи; отсюда къ ихъ вершинамъ и къ верховью р. Коломака, по томъ по теченію ея до Ворсклы, Ворсклою до Днѣпра. Названіе р. Мжи или Межи, кажется, указываетъ также на древнюю нашу границу: вѣроятно она была нашимъ рубежемъ съ землею Половецкою, а кочевья становища Половцевъ были еще глубже въ степяхъ, на нѣсколько дней пѣзды отъ Руси.

Обращаясь къ летописямъ, находимъ въ нихъ подтвержденіе нашихъ наблюденій. Сдѣлаемъ нѣсколько указаній. «Задумалъ итти проклятый Кончакъ на Русь; хотѣлъ плѣнить Русскіе города и спалить ихъ огнемъ.... и сталъ на *Хороль* ⁽³⁾». Слѣдовательно р. Хороль, протекающая въ Полтавской Губерніи въ

Лубянскомъ уездѣ, находилась въ предѣлахъ Руси; потому что Кончакъ остановился на *Хороль*, уже вышедши изъ своего становища. Далѣе:

Когда Святославъ и Рюрикъ ходили на Половцевъ, Игорь желалъ участвовать въ ихъ успѣхахъ, призывалъ къ себѣ брата своего, и дѣтей Святослава, и сына своего Владиміра, и сказавъ имъ: *Половцы пошли на Русскихъ Князей, а мы пойдемъ и ударимъ на ихъ становища. И какъ персбрался за Мерло, то встрѣтился съ Половцами, которыхъ числомъ 400 вель на Русь Обавлько Стуковичь.*⁴⁾

Слѣдовательно Половцы, встрѣтившись на рѣкѣ *Мерло*, (которая протекаетъ въ Харьковской Губерніи, въ Богодуховскомъ уездѣ), уже вышли изъ земли своей, потому что Игорь шелъ на ихъ оставленные вежи, и встрѣтился за *Мерломъ* съ ихъ шайкою, выступившею на Русь. Далѣе:

Когда Игорь шелъ въ Половецкую землю, то стоялъ два дни на берегахъ *Оскола*, въ ожиданіи брата и вспомогательнаго войска. Изъ этого видно, что даже за *Донцомъ* или за нашей цѣпью укрѣпленныхъ городковъ, до *Оскола*, земля не принадлежала Половцамъ — и оставалась, вѣроятно, не занятою, потому что и для нихъ было бы безпокойно и опасно жить въ виду нашихъ укрѣпленій.

Когда Игорева дружина была окружена Половцами, то всѣ войны сошли съ копей, и надѣялись

нѣше пробиться къ Донцу, за которыймъ вѣрно они считали себя безопасныѣ.

Когда, въ 1191 году, Игорь съ братьями снова пошелъ на Половцевъ, то остановился у Оскола. «Половцы же услышавши объ этомъ, отодвинули свое кочевье глубже въ степи, а сами собрались въ ожиданіи непріятелей.»⁽⁶⁾ Слѣдовательно, и въ этотъ разъ, до Половцевъ дошла вѣсть о нашемъ походѣ только въ то время, когда мы уже были на берегахъ Оскола, а они кочевали еще далѣе.

Изъ другихъ мѣстъ лѣтописей замѣтно, что Половцы занимали мѣста по берегамъ Дона, около устья Донца, по взморью и далѣе къ Дунаю.

Кіевское княженіе раздѣлено было отъ ихъ кочевьевъ р. Росью, гдѣ еще Великій Владимиръ строилъ города. Но вѣроятно и здѣсь между Русью и землею Половецкою находились земли не занятыя ни тѣмъ, ни другимъ народомъ, и граница южной Руси шла отсюда берегомъ Роси до Днѣпра, и Днѣпромъ до устья Ворсклы.

Дальнѣйшія изслѣдованія древнихъ укрѣпленій и собраніе мѣстныхъ народныхъ преданій, могли бы пролить новыи свѣтъ на отношенія южной Руси съ кочевыми племенами.

И если насъ занимаетъ открытіе древней вещи, или римскаго вала, гдѣ нибудь, въ странѣ невѣдомой, и составляетъ продолжительный предметъ журнальныхъ толковъ, то безъ сомнѣнія открытіе, или подожимъ только указаніе на *цѣлый рядъ цѣльв-*

шихъ укрѣпленій нашей древней Руси противу набѣговъ кочевыхъ племень, не можетъ не обратить вниманія и не возбудить живаго участія и готовности къ пособию для дальнѣйшихъ изслѣдованій.*

Вадимъ Пассекъ.

* Безъ сомнѣнія, при разчисткѣ рововъ нашихъ древнихъ городищъ, и разрытїи самихъ городищъ, найдутся Русскія монеты, выбитыя до прихода Татаръ, и нѣкоторыя изъ нашихъ древнихъ вещей. Здѣсь наши запасные музеи.

СМЪСЬ.

І. ГРАМОТА ЦАРЯ АЛЕКСВЯ МИХАЙЛОВИЧА, АФОНСКОМУ ИВЕРСКОМУ МОНАСТЫРЮ.
Божією милостію, мы Великій Государь Царь и Великій Князь, Алексѣй Михайловичь, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ.

Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковскій и великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Черемисскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ Государь, и Великій Князь Новгородскаго Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, и всея Сѣверныя страны повс-

литель, и Государь Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей, и Кабардинскія земли, Черкасскихъ и Горскихъ Князей и инымъ многимъ Государствамъ и землямъ Восточнымъ, и Западнымъ, и Сѣвернымъ отщичъ и дѣдичъ, и Наслѣдникъ и Государь, и Обладатель: пожаловали есмь Леонскія горы Иверскаго монастыря Архимандрита Діонисія съ братією, что билъ челомъ намъ Великому Государю, Нашему Царскому Величеству онъ, Архимандритъ Діонисій, въ прошломъ де во 162 году: по Нашему Царскаго Величества указу данъ имъ въ Иверскій монастырь въ подворье и для отправленія службы Божіи Греческаго языка Никольской монастырь, что за коннымъ рядомъ. А нашей Великаго Государя жалованной грамоты имъ на тотъ Монастырь и по се время не дано. И намъ бы Великому Государю Нашему Царскому Величеству пожаловать его, Архимандрита, вельтъ ему дать Нашу Великаго Государя жалованную грамоту почему имъ тѣмъ Никольскимъ монастыремъ владѣть, и по сколько челоуѣкъ братіи изъ ихъ Иверскаго монастыря въ Никольскій монастырь для церковной службы и монастырской потребы приезжать. И мы, Великій Государь Царь, и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ Наше Царское Величество, Иверскаго монастыря Архимандрита збратією, или хто по немъ въ томъ монастырь иные Архимандриты будутъ, пожаловали, вельли имъ тѣмъ Никольскимъ монастыремъ, что за коннымъ рядомъ, для отправленія службы Божіи владѣть и внемъ жить. А приезжать

имъ въ Наше Царскаго Величества Россійское Царствіе въ четвертый годъ четыремъ челоуѣкомъ старцомъ да слушке, и какъ истого Иверскаго монастыря Архимандритъ или старцы съ сею Нашего Царскаго Величества грамотою въ Наше Царскаго Величества Россійское Царствіе пріедутъ, и Нашего Царскаго Величества Украинскихъ городовъ бояромъ и воеводамъ, и всякимъ приказнымъ людемъ того Иверскаго монастыря Архимандрита и старцовъ къ Намъ Великому Государю къ Москвѣ, такъ же и смосквы пропускать безъ задержанія, и подводы и кормъ и приставовъ давать противъ иныхъ такихъ какъ мочно поднятса, и пошлинъ и мыту, и перевозу, и мостовщины, и тамги съ нихъ не имати. А кто на нихъ и на ихъ слугахъ что возметъ или чемъ изобидитъ, и тѣмъ отъ Насъ Великаго Государя быти вопале, а взятое велимъ отдать въ двое Архимандриту и старцамъ того монастыря въ Наше Царскаго Величества Россійское Царствіе, и изъ Нашего Россійскаго Царствія и иныхъ монастырей старцовъ и слугъ и лошадей и товаровъ чужихъ и заповѣдныхъ за свое и за своихъ людей не провозити, и тѣмъ имъ на себя Нашей Государскія опалы не наводити. Дана сія Наша Царскаго Величества жалованная грамота въ нашемъ царствующемъ велицѣмъ градѣ Москвѣ, мѣта отъ созданія міра 7,107 мѣсяца Маія 19 дня.»

Въ подлинной грамотѣ Государственная печать привѣшена на золотомъ шнурѣ. Писана киноварью и золотомъ. На копіи, вмѣсто засвидѣтельствванія, при-

*

ложена въ заголовкѣ перваго листа, съ лѣва, монастырская черная печать, вершка въ полтора въ поперечникъ. Въ 1767 году состоялся Высочайшій указъ, подтверждающій эту грамоту. Вотъ копія, данная по приказанію Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Московскаго Николаевскаго Греческаго монастыря Архимандриту Іоанникію съ братією, съ состоявшагося именнаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго Указа, въ слѣдующей силѣ:

УКАЗЪ НАШЕМУ СИНУДУ.

Поданнымъ Намъ, Синодъ Нашъ докладомъ представляетъ: 1-е, чтобъ состоящему въ Москвѣ Николаевскому Греческому монастырю быть въ собственномъ Синодальномъ вѣдомствѣ; 2-е, въ сходственность жалованной въ 1777 году отъ Царя Алексѣя Михайловича Аѳонскія горы въ Иверскій монастырь грамоты, какъ нынѣ находящихся въ томъ Греческомъ монастырѣ изъ Греческой націи монашествующихъ оставить, такъ и впредь высылающимся на перемѣну ихъ быть на прѣжнемъ основаніи: то есть не опредѣлять къ нимъ изъ Великороссійскихъ монастырей монашествующихъ; и 3-е положенную по штату на тотъ монастырь денежную сумму изъ Коллегіи Экономіи въ оной монастырь отпускать въ надлежащее время всю сполна, не требуя отъ неполнаго монашествующихъ и протчихъ служителей числа остатковъ, и не чиня въ той штатной суммѣ по иностранству ихъ и незнанію Великороссійскихъ обрядовъ ни какихъ щетовъ. Мы оной Синода Нашего

докладъ по прописаннымъ въ немъ резонамъ, симъ
Всемилостивѣйше подтверждаемъ, повсѣвая о испол-
неніи по сему, куда надлежитъ, дать знать.

У подлиннаго собственною Ея Императорскаго Ве-
личества рукою подписано тако:

ЕКАТЕРИНА.

Оберъ Секретарь Михайло Остолоповъ.

Секретарь Аполлосъ Наумовъ.

17 Июля. 1766 г.

ПЕТЕРГОФЪ.

Съ подлиннымъ читалъ Регистраторъ Петръ Осиповъ.

II. КРАСНОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ. На правомъ
берегу быстрой и прозрачной Псёлы — пески и боръ,
изрѣдка перемежающіеся роскошными лугами; надъ
лѣвымъ берегомъ возвышаются крутыя горы, по-
крытыя частыми лѣсами.

На одной изъ этихъ горъ, изрытой дождевыми
промоинами, Гадячь разсыпалъ чистыя и бѣлыя, съ
темными соломенными кровлями, хаты своихъ граж-
данъ, и, въ тревожныя времена Гетьманщины, еще
болѣе изрылъ эту гору своими рвами, и какъ нарост-
тами опоясалъ ее земляными валами, недавно стер-
тыми во времена новой жизни новаго поколѣнія, для
большаго удобства *перекупокъ*.

На одной изъ этихъ горъ, въ частыхъ и темныхъ
лѣсахъ, верстахъ въ четырехъ отъ Гадяча, видна
почернѣвшая отъ дождей и отъ старости обвет-
шавшая церковь: это монастырь Красногорскій.

Но не ищи путешественникъ въ этомъ монастырѣ ни игумена, ни монаховъ; ты не найдешь ихъ... найдешь только темныя и печальныя, осиротѣвшія иконы, томныя и печальныя стѣны... Окрестъ тишина монастырская. Также далеко, какъ и въ прежнія времена, въ бору и по горамъ, и надъ прозрачными водами быстрой Псёлы слышится гулъ колокола; но къ вечернѣ и къ заутренѣ, вмѣсто монаховъ, собирается только изъ околныхъ деревень и хуторовъ нѣсколько бѣдныхъ поселянъ. А церковь все еще слыветъ въ народъ монастыремъ, и св. Николай, во имя котораго основана была обитель, считается покровителемъ ея мошельщиковъ. Вотъ почему въ храмовый праздникъ церкви, въ день лѣтняго Николая (9 Мая), изъ ближнихъ и дальнихъ селъ стекаются въ него богомольцы, и вся окрестность въ это время усыпана народомъ всѣхъ возрастовъ и состоянй.

Объ основаніи и существованіи этого Гадяцкаго Николаевского Красногорскаго, нѣкогда бывшаго монастыря, можно сказать вотъ что: извѣстно, что Всероссійскій Митрополитъ Исидоръ, послѣ Флорентинскаго Собора, склонился нѣсколько на сторону Католическаго исповѣданія, что онъ тщетно покушался распространить свои мнѣнія въ Россіи, что онъ принужденъ былъ бѣжать изъ нея. Въ это самое время образовался въ Польшѣ зародышъ Уніи, которая стоила столько крови Украинѣ и Польшѣ, такихъ войнъ, обезилившихъ ту и другую. Начались преслѣдованія, и нѣкоторые изъ православныхъ бѣжали въ отдаленныя отъ Польши мѣста и слѣдственно не столько подверженныя ея вліянію. Въ числѣ такихъ былъ,

по преданію летописцевъ, и два монаха, избравшіе себя жительство въ Гадяцкихъ лѣсахъ, и тамъ, на правомъ берегу рѣки Псѣлы, на горѣ Красной (отъ чего и названіе Красногорскаго) основали обитель, что случилось около 1482 году (см. Ист. Россійской Іерархіи). Отшельники болѣе и болѣе присоединялись, и современемъ число братіи значительно умножилось. Іеромонахъ Пимень, съ благословенія Кіевскаго Митрополита Іоны (въ началѣ XVI вѣка), устроилъ церковь во имя св. Іоанна Предтечи; начальникъ монастыря Іеромонахъ Тортикъ, въ 1556 году, на иждивеніи Шляхетства и гражданъ Гадяцкихъ, построилъ большую деревянную церковь во имя св. Николая. Гетманъ Выговскій, осаждавшій Гадячъ, раззорилъ было монастырь, но Гетманъ Самойловичъ, въ 1687 году, опять его возстановилъ, устроилъ и оградилъ землянымъ валомъ, котораго остатки и донинѣ замѣтны.

Въ 1692 году Гадяцкій Полковникъ Михайло Бироховичъ построилъ также во имя Николая новую церковь. При Гетманѣ Данилѣ Апостолѣ, поверхъ вала, монастырь былъ обнесенъ еще палисадомъ.

Касательно монастырскаго устройства должно замѣтить, что настоятели его, съ 1482 по 1632, именовались просто начальниками; въ 1632 году, Кіевскій Митрополитъ Петръ Могила учредилъ въ немъ настоятельство Игумена, которое продолжалось до самаго времени уничтоженія монастыря въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

По разсказамъ сторожиловъ, существованіе монастыря прекратилось не безъ пролитія крови. Когда

при сочиненіи штатовъ о духовныхъ имѣніяхъ, Гадяцкій монастырь положено было уничтожить, имущество его и казну отобрать, и дѣло дошло до исполненія этого; то окрестные жители собрались, кто съ чѣмъ могъ, и соединенными силами препятствовали мѣстному начальству исполнить законное предписаніе, пока не прислано было достаточное число солдатъ для вразумленія своевольныхъ защитниковъ своего мнимаго права.

Амвр. Метл.

III. О РЫБОЛОВСТВѢ ПО БЕРЕГАМЪ ЧЕРНАГО МОРЯ, ВЪ ОДЕССКОМЪ КАРАНТИННОМЪ ОКРУГѢ. Рыбная ловля есть одна изъ отраслей промышленности приморскихъ жителей Херсонской губерніи; сверхъ того изъ другихъ мѣстъ приходятъ сюда для того же занятія многіе промышленники. Производится она *партіями* и преимущественно посредствомъ неводовъ и сѣтей. Ловятся здѣсь слѣдующія рыбы: камбала, скумбрія, бычки, осетры, иногда луфаря и паламида, — изрѣдка бѣлуга и весьма рѣдко карпы и севрюга; въ 1838 г. въ Кинбурнѣ ловились въ большомъ количествѣ сельди. Сбытъ производится преимущественно въ ближайшихъ городахъ, какъ свѣжею рыбою, такъ и соленою. Вотъ свѣдѣнія о рыболовствѣ въ Одесскомъ Карантинномъ округѣ, произведенномъ по берегамъ моря, подъ надзоромъ пограничной стражи, въ продолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ.

	Отъ Овидіополь до Одессы.	Отъ Одессы до Очакова.	При Очаковѣ.	При Кимбурги и побережьямъ моря.	Итого.
1836 г.					
Число партій.....	99	10	9	47	95
Число въ нихъ рабочихъ.....	328	108	102	530	968
Прибыль.....	въ 8 пар. 940 р.	въ 3 пар. 1,330	6,540	43,300	52,000
Убытокъ.....	въ 21 п 7308	въ 7 пар. 1,333	—	—	8,641
1837 г.					
Число партій.....	23	13	9	44	89
Число въ нихъ рабочихъ.....	203	114	70	361	1,447
Прибыль.....	въ 9 п.—4,700	свѣдѣнія не	4,760	11,199	20,659 (отъ 21 же
Убытокъ.....	6 п.—2,290	отобрано *	—	—	2,290 (дѣнія нѣтъ.
1838 г.					
Число партій.....	22	9	6	36	73
Число въ нихъ рабочихъ.....	152	91	45	339	697
Прибыль.....	3 п.—750	4 п. 413	1,550	1,991	4,004
Убытокъ.....	19 п.—5,500	5 п. 2,000	—	1,330	8,830

* Свѣдѣнія сія не отобраны, по случаю бышаго въ 1837 г. оцѣпленія Одессы, куда содержатели артелей, для спроста объ этомъ, вызываемы не были.

Изъ этого видно, что рыболовство отъ Овидіополя до Очакова было болѣе убыточно; при Очаковѣ же и Кинбурнѣ принесло значительныя выгоды. Причиною убытковъ преимущественно бываетъ недостатокъ опытности и умѣнья пользоваться временемъ, что въ этомъ промыслѣ составляетъ одно изъ главнѣйшихъ условій.

А. У—ць.

Генв. 1839.

Одесса.

IV. О РЫБОЛОВСТВѢ НА ДУНАѢ И ПО БЕРЕГАМЪ ЧЕРНАГО МОРЯ ДО ДНѢСТРОВСКАГО ЛИМАНА. Между многими отраслями народнаго богатства въ Бессарабіи, рыбная ловля въ Дунаѣ и въ заливахъ, имѣ образуемыхъ при впаденіи въ Черное море, также по берегамъ сего послѣдняго, составляетъ немаловажную вѣтвь промышленности и доставляетъ казнѣ доходъ, въ настоящее время хотя незначительный, но обещающій впередъ большія выгоды.

Ловли эти находятся въ Измаильскомъ Градоначальствѣ, на образуемыхъ рукавами Дуная островахъ: *Лети*, *Четаль*, *Георгиевскомъ*, и въ Аккерманскомъ уѣздѣ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ ловятся: осетры, севрюга, бѣлуга, стерляди, сомы, коробы, сельди, судаки и щуки, и многія другія, но только не въ большомъ количествѣ. Количество же всей вообще рыбы, ежегодно здѣсь ловимой, простирается, — съ добываемыми изъ нея икрой и клеємъ, до 65 т. пудовъ, на сумму, примѣрно, отъ 300,000 до 350,000

рублей, не включая въ этотъ счетъ рыбы, оставленной промышленниками для собственнаго употребленія. Сбытъ производится, кромѣ продажи въ самой Бессарабіи и сосѣднихъ мѣстахъ, въ Польшу, Австрію и Молдавію, откуда привѣзжаютъ для закупокъ тамошніе промышленники. Ловъ производится неводами, вершами, т. е. сѣтями, дѣлаемыми изъ лозы и толстой пряжи, на подобіе мѣшка, и другими дозволенными снарядами, содержаніе которыхъ съ лодками стоитъ въ годъ да 40,000 руб. * — Промысломъ этимъ занимается до 2000 человекъ, большею частію изъ жителей прибрежныхъ мѣстъ.

Казна, отдавая здѣшнія ловли на откупъ, получаетъ теперь дохода 15,750 р. въ годъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что при каждомъ изъ слѣдующихъ откуповъ сумма эта будетъ возрастать болѣе и болѣе. Это основывается на томъ, что рыбныя ловли на островахъ: *Лети*, *Четалъ* и *Георгіевскомъ*, поступили въ завѣдываніе Бессарабской Казенной Палаты только съ 1835 г.

А У — цѣ.

ОДЕССА 1839.

У. ВЕНГЕРСКАЯ ЛЕГЕНДА О ЦАРѢ АКВИЛѢ. **

Былъ Король Гунгарскій, именемъ Аквила. Былъ онъ богатъ и золотомъ и серебромъ и драгоценны-

* Предусмотрительное Правительство наше запрещаетъ ловъ рыбы крюками при устьяхъ рѣкъ, дабы не пугать рыбы, которая періодически идетъ отъ моря къ верховью рѣкъ.

** Помыщая этотъ переводъ въ Очеркахъ Россіи, издатель желаетъ познакомить некоторыхъ читателей съ завоеваніями Аттилы, какъ о нихъ говоритъ легенда.

ми камнями, былъ богатъ и подданными, и стадами, и птицами и лѣсными звѣрями; могъ наслаждаться всеми радостями міра; и возгордился, вознесся сердцемъ, такъ что вздумалъ всѣ царства земли, всѣхъ народовъ побѣдить и покорить своей власти. И далъ онъ приказъ, чтобы всѣ народы, ему подвластные, приготовлялись и вооружались къ сильной войнѣ, и, вооружась, собрались бы къ нему. Когда же собрались они и покрыли собой безмѣрные поля, Аквила выбралъ изъ нихъ дружину самыхъ храбрыхъ и отважныхъ; а чтобы кто, по любви ли къ богатствамъ и родинѣ, или по горю жены и дѣтей, не отвлекъ его отъ замышленного дѣла, то онъ не открылся никому, и самъ, совѣтуясь только съ своей собственной отвагой и силой, повелъ свое войско противъ Литвы.

И покорилъ не медля Литву, и всю страну опустошилъ.

Покоривъ Литву, пошелъ въ Скутію, туда гдѣ покоится св. Брандамъ, и Скутію повергъ подъ стопы власти своей.

Оттуда вторгнулся въ Дакію, жестоко сразился съ Даками, бѣжавшихъ умертвилъ, остальныхъ покорилъ.

И собравши въ Дакіи корабли, Аквила пошелъ моремъ къ устью Рейна, и Рейномъ на веслахъ въ Тевтонію, и пришедши къ славному городу Колоніи, сталъ станомъ.

Тогда вышли противъ него одиннадцать тысячъ дѣвъ. Тѣ дѣвы, посѣтивъ градъ святыхъ Апосто-

ловъ Петра и Павла, возвращались изъ Вероны. Стражи Аквилы ихъ увидали, устрашились, и поспѣшно извѣстили Царя; потому что съ тѣхъ поръ, какъ вошли въ Аллеманію, еще не встрѣчали врага. И Царь и дружина, въ испугъ, поспѣшно вышли противъ дѣвъ Христовыхъ, и стали ихъ поражать. Когда онѣ почти все были убиты, самъ Царь подошелъ къ Христіанской дѣвѣ Урсулѣ, и, увидя что она дѣва, а не мужъ, такъ говорилъ ей:

— О, если бы твоя благородная дѣвственность прислала посла къ нашему царскому величію, еслибъ уведомила насъ о твоемъ счастливомъ приходѣ, никогда бы твоя дружина не погибла отъ ярости нашихъ воиновъ. Но поелику убійство совершено по невѣдѣнію, не печалься о подругахъ своихъ, утѣшься, соединишь со мною бракомъ, и будешь царицею всѣхъ царствъ.

— Злой пещь, отвѣчала благословенная Урсула, жестокой и дерзкой! Я невеста Царя Царей, и гнушаюсь тобою какъ дьяволомъ, нечестивый драконъ, пожирающій Христіанъ!

Обиженный предъ лицомъ всей дружины, Аквила вознегодовалъ, и приказалъ умертвить Урсулу и остальныхъ дѣвъ. Одна только, именемъ Кордула, сохранила жизнь между трупами. Въ полночь нисшелъ въ сіяньи Іисусъ Христосъ и вознесъ въ царство небесное душу святой Урсулы и души святыхъ дѣвъ. Святая Кордула видѣла это, и стала горько плакать, разлученная съ подругами. На разсвѣтъ она встала изъ-за труповъ. Одинъ изъ поганыхъ увидалъ ее и мечемъ отсѣкъ голову.

Изъ Колоніи двинуль Аквила свой стань въ Австрію, сразилса тамъ съ Царемъ Тевтонскимъ, и, поразивъ его, вошелъ въ *Апулію*. Тутъ онъ сразилса съ Нормандами и Францигенами, и побѣдивши, покорилъ ихъ своей власти.

Потомъ, перешедъ горы, вошелъ въ Ломбардію, землю ровную, застроенную многими городами, украшенную стѣнами и очень высокими башнями; и землю опустошилъ, и стѣны разбилъ, и башни разрушилъ. За такое нечестіе онъ названъ бичемъ Божіимъ,

Желая обойти весь свѣтъ и покорить себѣ Имперію Римскую, онъ двинуль свое войско на Римъ и, вооруженный духомъ ярости, самъ пошелъ въ слѣдъ за нимъ.

На первомъ ночлегѣ, когда спалъ въ опочивальнѣ, къ нему явился въ сновидѣніи Ангелъ Святой.—Повелѣваетъ тебѣ Господь Богъ Іисусъ Христосъ не входить съ твоимъ звѣрствомъ въ святой городъ Римъ, гдѣ почиваютъ тѣла монаховъ Апостоловъ; но возвратисъ назадъ и накажи измѣнниковъ, которые, восклицая: да не будетъ надъ нами никогда царя, но сами собой управлять будемъ! умертвили Казимира, моего избраннаго царя Славянъ и Кроаци, служившаго мнѣ во всю жизнь вѣрно всѣмъ сердцемъ и душой. Твоему потомству послѣ тебя позволю съ покорностью посѣтить Римъ и владѣть вѣчною короной. —

Сказавши эти слова, Ангелъ исчезъ.

И когда наступило утро, царь повелъ свое войско въ городъ, именовъ Венецію; оттуда пошелъ къ бе-

регу моря, и построилъ тамъ новый городъ, назвавши его Аквилеей, по имени Аквилы, царя Гунгаровъ, въ честь свою и память потомства.

Потомъ пошелъ съ войскомъ чрезъ Альпы Каринтійскія, и пришелъ къ границамъ Крваціи и Славоніи, между рѣками Савой и Дравой. Туда сошлись Князья Крваціи и Славоніи, и устроили войско, «и возсія солнце на щиты золотые и мѣдяные, обсіяли горы отъ ихъ.» Сильный бой длился восемь дней, и предалъ Богъ князей въ руки царя Аквилы за царя ихъ Казимира, котораго они измѣнники убили: одни изъ Славовъ и Хрватовъ убиты, иные бѣжали, иные въ плѣнъ отведены.

Когда-же послѣ побѣды царь перешелъ рѣку, именованную *Драву*, то увидѣлъ землю ровную и плодотворную. Уже прошло двадцать пять лѣтъ со времени его исхода изъ его отечества Восточной Унгаріи. Онъ чувствовалъ себя усталымъ отъ войнъ и побѣдъ, и сталъ думать, что долженъ дѣлать: воротиться ли въ отчизну, или поселиться въ этой завоеванной землѣ. Много дней провелъ онъ въ думахъ и скорби, и наконецъ ему пришла благая мысль, что если возьметъ онъ для своихъ воиновъ женъ Славскихъ и Хрватскихъ, то можетъ владѣть землею въ миръ и покоѣ. И разсказалъ онъ свою мысль воинамъ, и всѣмъ она понравилась. Аквила обошелъ страну, и радовался ей, какъ некогда народъ Израильскій землѣ Обѣтованной. Тогда послалъ онъ пословъ къ Князю Славовъ, и получилъ отъ него дочь племени ихъ, и женился на ней; его воины также нашли себѣ женъ въ этомъ племени.

Перешедши Дунай, онъ нашелъ страну ровную, степную, зеленѣющую буйными травами, изобильную пастухами, стадами, конями и дикими жеребцами; нбо тамъ обитали только пастухи и земледѣльцы. Самъ же царь Славоніи и Крваціи жилъ у моря, въ городѣ Сиплеѣ, гдѣ св. Павелъ пять лѣтъ былъ епископомъ, пока не обратилъ весь городъ къ вѣрѣ и не далъ епископа. Тогда-же онъ отошелъ въ Римъ.

Потомъ Аквила пошелъ далѣе за рѣку Хизу, и тамъ нашелъ страну ровную и обширную, которая ему понравилась. Тогда онъ созвалъ войско, въ честь и славу его назвалъ эту землю Унгаріей, роздалъ обширныя помѣстья князьямъ и баронамъ, и съ общаго согласія завѣщаль, что если жена родитъ ему многихъ сыновей, первородный будетъ владѣть всѣми.

И потомъ родила ему жена сына, именемъ *Колумана*. Онъ нашелъ себѣ жену въ Крваціи.

И состарѣвшись, Аквила, славный побѣдитель свѣта, созвалъ всѣхъ князей и вельможъ земли своей, и передалъ царство въ руки сыну *Колумана*, и умеръ*.

VI. ОСТЯЦКІЙ ПРАЗДНИКЪ ЯЛЯНЯ. Въ пяти верстахъ отъ Обдорска, Остяки праздновали въ честь ихъ бога Яляня. Обрядъ начался въ осьмомъ часу вечера и продолжался до двухъ ночи. Сначала дѣти, сзывая къ богомолью, подбѣгали къ юртамъ и какъ испуганныя кричали дикими голосами. Понемногу

* Переведено изъ Хроникъ Богемской.

собирались Остяки въ особенную юрту, назначенную для богослуженія. Каждый, войдя, вертѣлся три раза передъ кумиромъ и потомъ садился на правой сторонѣ отъ входа на полу или нарахъ, разговаривалъ и занимался чѣмъ хотѣлъ. На лѣвой сторонѣ, за завѣсою сидѣли Остячки; онѣ также вертѣлись, при входѣ, предъ кумиромъ. Когда все собралось, шаманъ закремъ саблями и копьями, лежавшими предъ кумиромъ на шестахъ, нарочно устроенныхъ. Каждому далъ онъ саблю или копье; самъ взялъ по саблѣ въ обѣ руки и обернулся къ кумпру спиною. Женщины были закрыты занавѣскою. Взявши сабли и копыя, Остяки выстроились вдоль юрты рядами, и все вдругъ обернулись по три раза. Шаманъ зашепталъ своими саблями и въ слѣдъ за нимъ все закричали и начали качаться изъ стороны въ сторону. Крикъ то прерывался, то раздавался часто, и при каждомъ повтореніи *гай*, все перекачивались на право и на лѣво, сперва осаживая сабли и копыя къ низу, потомъ подымая ихъ къ верху. Чѣмъ болѣе они кричали и качались, тѣмъ сильнѣе становилось ихъ изступленіе и лица ихъ дѣлались все страшнѣй и страшнѣй, такъ что безъ ужаса я не могъ смотрѣть на нихъ.

Пагайкавиши, вдругъ все замолчали, перестали качаться, обернулись, отдали сабли и копыя шаману, который сложилъ ихъ на прежнее мѣсто, и сѣли на полу и нарахъ. Тогда поднялась занавѣсъ, скрывавшая Остячекъ; заиграли на *домртѣ*, инструментѣ въ родѣ гуслей или цимбалъ, и началась пляска, то

дикая; то смѣшная, то слишкомъ неблагопристойная. Между тѣмъ входили шуты въ разныхъ смѣшныхъ нарядахъ и говорили, или представляли, что приходило на умъ. После того шаманъ снова роздалъ сабли и копыя; получа ихъ, Остяки снова обернулись, загайкали, перевернулись еще, ударили три раза концами сабель и копій въ землю, отдали ихъ шаману и разошлись по своимъ юртамъ.

ШАВРОВЪ.

VII. ТАТАРСКІЯ ПОВЕМЕЛЬНЫЯ МѢРЫ И ВѢСЫ ВЪ КРЫМУ.

МѢРЫ:

Занъ — участокъ земли 600 саж. въ длину и 12 въ ширину. Площадь его заключаетъ 3 десятины.

Билюкъ или *Кайтымъ* — третья часть *зана*, такъ что каждый *занъ* дѣлится на три *билюка* или *клина*. Той же мѣры *арымъ* и *тохта*.

Бостанъ — участокъ 100 саж. въ длину и столько же въ ширину. Площадь его заключаетъ четыре десятины, четьреста сажень. На участкахъ этого названія разводятъ *бакши* или собственно *башта-ны*, т. е. огороды, на которыхъ съюютъ болѣе арбузы и дыни.

Пай — участокъ неопредѣленной мѣры. У насъ слово это употребляется въ томъ же значеніи. *Пакъ*, вѣроятно происходитъ отъ этого же корня.

Аркань — мѣра въ длину.

Кисекъ — заключаетъ $52\frac{2}{3}$ квадратныхъ сажени.

Въсь:

Бакла — четверть или 9 пудовъ, обыкновенно употребляется когда дѣло идетъ о хлѣбѣ. *Бакла* хлѣбнаго зерна засѣвается въ Крыму на $1\frac{1}{2}$ десятинахъ земли.

Демерлея — $\frac{1}{8}$ баклы или 45 фунтовъ.

VIII. МАЛОРОССІЙСКІЯ ПОВѢРЬЯ. *Заговоръ противъ укушенія змѣи:* «Заклинаю васъ, гадюки *, именемъ Господа нашего Иисуса Христа, и Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, и всеми небесными силами; заклинаю васъ три Царицы: *Кубію, Невію* и *Полюю*, чтобъ не вредили младенцу Петру **: волосомъ чернявому!»

Послѣ заклинанія читаютъ молитвы: *Пресвятая Троица*—пять разъ, *Отче нашъ*— семь разъ. Если змѣя очень ядовитая, то заговоръ повторяютъ три раза.

Заговоръ отъ глаза:

«Помогаешь бо вода явленная, очищаешь ты вода явленная и луга, и берега, и середину! Очищай ты вода явленная моего новорожденнаго отъ прозора подумана, и погадана, и встрѣчена, и водянаго и вѣтрянаго,

* Гадюка — змѣя.

** Или ста рцу, или паробку, называя его по имени, прибавляя, смотря по цвѣту волосъ: бѣловому, рудому и пр.

и жинопька, и мужицька, и парубоцька, и дивоцька. Подити вы уроки на сороки, на луга, на очерета, на болота, за моря!»

При этомъ заговорѣ даютъ пить святую, или заговоренную воду. Нѣкоторые только вспрыскиваютъ водою.

Средство отъ грызи:

Грызы называется въ Малороссіи ломъ въ рукахъ или ногахъ. Его вымечиваютъ такимъ образомъ: при зываютъ мальчишка или дѣвочку, но чтобъ они были *первенцы* или *послѣрожденныя* у отца и матери, у которыхъ уже не можетъ быть дѣтей. Даютъ такому ребенку слегка три раза кусать колѣно или локоть больной руки или ноги. Послѣ каждого укуса ребенокъ долженъ плюнуть. Отъ этого, по видимому страннаго средства, по увѣренію людей просвѣщенныхъ, болѣзнь проходила въ самомъ скоромъ времени. Но противъ какого лома употребляется это средство или противъ всякаго, объ этомъ я не могъ дознаться навѣрное.

Точно также унимаютъ боль въ животѣ младенца, кусая слегка три раза пупчикъ и, послѣ *каждаго* укуса, сплевывая по *три* раза.

Оба эти средства пользуются въ Малороссіи повсемѣстнымъ употребленіемъ и довѣренностію.

В. ПАСЕКЪ.

IX. ХАРЬКОВСКАЯ ТРОИЦКАЯ ЯРМОРКА. Овцеводство въ Губерніяхъ Харьковской, Полтавской, Таврической, въ Повороссійскомъ краю и Бессарабіи составляетъ если не первую, то одну изъ самыхъ важ-

ныхъ отраслей хозяйства. Правда, что для разведенія тонкорунныхъ овецъ, въ каждой Губернiи есть свои неудобства: избытокъ солончаковъ, недостатокъ прѣсной воды, частыя засухи, эпидемическiя болѣзни; но выгоды отъ этой отрасли хозяйства такъ значительны и опыты разведенія овецъ такъ удачны, что заводы быстро распространяются съ каждымъ годомъ. Доставляя зимнюю одежду, овцеводство даетъ обувь, значительные запасы продовольствiя, шерсть для мужскаго и женскаго платья, и составляетъ важный предметъ заграничной торговли.

На югъ Россiи назначены два главныя мѣста для торгова шерстью: Харьковъ преимущественно для внутреннихъ губерний, и Одесса для заграничной торговли.

Вотъ итоги торговли шерстью и скотомъ на Харьковской Троицкой ярмаркѣ:

1834.	пуды и штуки.	цѣна за пудъ.	выруч. сумма.
	Шерсти.. 39,018.....	"	1,429,303
	Лошадей.. 4,365.....	"	91,665
1835.	Шерсти...60,038.....	"	2,319,612
	Лошадей.. не извѣстно.....	"	14,000
1836.	Шерсти 77,748.....	"	3,009,966
	Лошадей.. 600.....	"	56,680
	Рогатаго ск. 450.....	"	18,700
1838.	Шерсти...88,000.....	отъ 22 до 50 р.	3,000,000
	Лошадей.. 492.....	"	до 42,000
	Рогатаго ск. 212.....	"	до 6,200
	Овецъ..... 378.....	"	27,000

Каждый годъ вся привезенная шерсть продана, а здесь почти безъ остатка: небольшая часть шла на другія ярмарки, немногие помѣщики увозили обратно.

Съ каждымъ годомъ торговля шерстью увеличивается, а торговля лошадьми упадаетъ. Овцеводство поддерживается выгодами разведенія тонкорунныхъ стадъ и вѣрностію сбыта; конскіе заводы значительно пали послѣ страшныхъ засухъ и неурожая въ 1833 году, и послѣ постановленія брать для конныхъ полковъ степныхъ лошадей. Значительное число лошадей, приведенныхъ на ярмонку въ 1834 году, объясняется, кажется, тѣми же обстоятельствами, и по всей вѣроятности, заводчики большею частію перейдутъ къ овцеводству. Но должно замѣтить, что врядъ ли удастся владельцамъ въ Губерніяхъ Харьковской, Воронежской, Курской и даже Полтавской выдержать соперничество съ Новороссійскимъ краемъ. Въ Харьковской Губерніи есть уезды, въ которыхъ десятина земли отдается въ наемъ подъ посѣвъ отъ 5 до 25 рублей, въ то время, какъ въ Новороссійскомъ краю десятина земли въ продажѣ стоитъ вообще отъ 7, до 25 рублей, даже при самомъ Днѣпрѣ продается десятина земли отъ 20 до 35 р. Притомъ же, здѣсь, особенно ближе къ морямъ, овцы, въ продолженіи года, ходятъ на подножномъ корму два лишнихъ мѣсяца, противу овецъ въ Харьковской, Воронежской и Полтавской Губерніяхъ.

Болѣе полутора милліона тонкорунныхъ овецъ находится въ Новороссійскомъ краю, Бессарабіи и въ Губерніи Таврической. Въ остальныхъ же Губерніяхъ, т. е: въ Харьковской, Воронежской, Курской, Черниговской и Полтавской считается не болѣе милліона.

Отпущено шерсти через Одесскій портъ

Въ 1836 г.....	107,076 пуд.	на 6,163,775 р.
Въ 1837 г.....	99,630 пуд.	на 5,359,870 р.
Въ 1838 г.....	107,189 пуд.	на 6,597,366 р.

Изъ этого видно, что въ 1838 году на Одесскій рынокъ было привезено шерсти почти 20,000 пудами болѣе, нежели въ Харьковъ. Въ послѣдній поступило, въ числѣ всего количества шерсти (88,000 пуд), изъ Новорос. края: слишкомъ 20,000 пудовъ; изъ уѣздовъ Харьковской Губерніи, преимущественно изъ Изюмскаго: болѣе 45,000; остальные, слишкомъ двадцать тысячъ пудовъ, изъ Губерній: Полтавской, Воронежской и Курской.

В. ПАСЕКЪ.

Х. СИБИРСКІЯ НАРОДНЫЯ ПРИМѢТЫ И ПОВѢРЬЯ. Въ Тобольской Губерніи замѣчаютъ, что лѣто дѣлится на три части: жаркое и постоянное продолжается съ перваго Іюня по Іюль; дождливое съ Іюля по 15 Августа; свѣтлое и съ утренниками по 15 Сентября. Съ 8 Сентября начинается *бабье лѣто*. Первые жестокіе морозы бывають въ половинѣ Ноября и называются *Введенскими*, по имени праздника (21 Ноября), за ними слѣдуютъ *Екатериненскіе* (24 Нояб), *Рождественскіе*, *Крещенскіе*, *Афонсасевскіе* (18 Марта), и послѣдніе *Стрѣтенскіе*. По этому ходу годовыхъ времянь есть поговорки *Покровъ не лѣто* *Стрѣтеніе не зима*. Бываетъ иногда, что къ 1 Апрелью земля обнажается отъ снѣговъ, а въ двадцатыхъ числахъ того же мѣсяца идутъ снѣга и бывають морозы. Это время называется *отзимками*. Если око-

ло солнца или мѣсяца бѣвають ложные солнца и мѣсяцы, то говорится: *солнце*, или *мѣсяцъ*, въ *рукавицахъ*. После этого явленія ждуть морозовъ или непогоды. Названія праздниковъ имѣють свои особенныя добавленія:

Евдокея плющица, 1-го Марта. Замѣчаютъ, что если солнце грѣеть такъ сильно, что подъ порогомъ избы растаитъ снѣгъ, и въ этой лужѣ можетъ купаться курица, то въ сей годъ не будетъ огурцовъ.

Василій капитель, 7 Марта. Въ это время обыкновенно капаетъ съ кровель.

Арина Урвиберега, 16 Апрѣля. Около этого времени показываются забереги.

Георгій съ водой, (23 Апрѣля), *Никола съ травой* (9 Мая). Въ этотъ день обыкновенно выгоняють въ поле скоть. Около Георгіева дня вскрывается Иртышь.

Время запрягалышка, 1 Мая; выезжаютъ въ поле съ сохою.

Арина разсадница, 5 Мая; сѣють капусту для разсады.

Лукерья комарница, 13 Мая; если въ этотъ день покажутся комары, то ягоды родятся въ большомъ изобиліи.

Сидора, 20 Мая; если сѣверный вѣтеръ свѣваетъ съ повѣтей сѣно, то будетъ неурожай на сѣно.

Акулина задеря хвосты, 13 Юня; это странное названіе дано по виду, съ которымъ коровы, не на ходя покоя отъ оводовъ, бѣгаютъ съ мѣста на мѣсто.

Аграфѣна купальница, 23 Іюня; въ этотъ день боятся купаться.

Ивана зуляцаго, 24 Іюня; обыкновенный народный праздникъ.

Никола обыденный, 27 Іюня; въ самомъ Тобольскѣ приводятъ въ этотъ день лошадей къ церкви Рождества Богородицы, служатъ молебенъ о сохраненіи ихъ и кропятъ водою.

Авдотья спыгнойка, 4 Августа; въ это время идутъ мѣлкіе дожди.

Димитріевъ день перевоза не ждетъ, — 26 Октября.

Димитрій съ мостомъ, Никола съ гвоздемъ.

Замѣчаютъ, что если на рябинѣ листья завянутъ и останутся на зиму, то будутъ сильные морозы. Если молоко скиснется безъ особенной причины, то ждуть грозы. Если молоко, во время доенія, сильно пѣнится, то навѣрное будетъ дождь.

ХІ. МАЛОРОССІЙСКІЯ РАЗМЫВКИ, ИЛИ ПОВѢРЬЯ ПРИ РОЖДЕНІИ МЛАДЕНЦА. При рожденіи младенца нареченная кума беретъ изъ печи уголь, идетъ съ нимъ на перекрестокъ и бросаетъ уголь черезъ себя, для предохраненія новорожденнаго отъ недобраго глаза. Потомъ беретъ отъ матери дитя, а кумъ хлѣбъ и вино (водку) въ гостинцы священнику, отъ котораго оба отправляются въ церковь. Послѣ крещенія несутъ младенца обратно въ домъ матери. Здѣсь у дверей встрѣча-

еть ихъ бабка и рядомъ съ нею кто нибудь изъ мужчинъ, чтобъ всѣхъ было четверо. Перецѣлювавшися одинъ съ другимъ, кумъ и кума, отдавая дитя, приговариваютъ: «вы дали намъ рожденнаго, а мы вамъ отдаемъ молитвеннаго и крещенаго». После сего бабка кладетъ дитя на черной тулупъ, илюбожь у него водился скотъ. Съ тулупа передаютъ его матери, и садятся за столъ. Первые куски съ своей тарелки кума перекладываетъ на тарелку матери. Бабка, вмѣсто Русской каши, подноситъ взваръ изъ грушъ, и ей кладутъ на подносъ, или на тарелку деньги; а кто не можетъ ничего дать, тотъ кланяется и говоритъ: «я завтра, бабушка, приду къ вамъ петрушку полоть.» После бабушкинаго взвара, кума подноситъ водку за здоровье родильницы и всѣ, кто можетъ, кладутъ ей деньги. По окончаніи угощенія всѣ остатки со стола и деньги высыпаютъ въ колына матери.

На другой день рано утромъ приносятъ ведро воды, и никто не починаетъ, кромъ бабки, которая наливаетъ ее въ кувшинъ, насыпаетъ туда овса, ржи и проса; на полъ ставитъ топоръ остриемъ вверхъ, на него кладетъ вѣнокъ изъ травъ, приступаетъ на него ногою и выдергиваетъ топоръ, которымъ после того надсѣкаетъ вѣнокъ три раза въ трехъ мѣстахъ, и подаетъ родильницѣ сквозь него умываться. Спустивши воду съ локтя каждой руки въ горсть, родильница выпиваетъ ее. Этой же водою омываютъ ей крестообразно грудь для прибавленія молока или покормки, и даютъ отереться полотенцемъ. После того родильница подаетъ бабкѣ руки, чтобъ она ихъ

умыла — и одѣвшись, садится за столъ съ ребенкомъ на рукахъ, и вмѣстѣ съ отцемъ новорожденнаго; поподчивавъ бабуку водкой, даютъ ей хлѣбъ — соль, и деньги, на которыя она покупаетъ водки и угощаетъ отъ себя. Это называется *размычки*. Здѣсь вѣрятъ, что приготовленную такимъ образомъ водой родильница и бабука очищаются отъ всего нечистаго; а вѣнокъ прячутъ какъ предохранительное средство *отъ урока*, и какъ помощь въ болѣзняхъ младенца и самой матери. Молитву берутъ обыкновенно по настоянію священника.

Кромѣ этихъ средствъ, для предохраненія ребенка отъ *глаза*, мать третъ себя рукою подъ мышкой и тою же рукою отираетъ лице младенца. Иногда, замѣтивши недобрый взглядъ на младенца, или услышавъ недоброе противъ него слово, мать, выпроводивъ гостя, садится на порогъ и смотритъ пристально на потолокъ, а потомъ на свои ногти. Во всемъ, даже въ этихъ повѣрьяхъ, видно нѣжное попеченіе матери о младенцѣ и сердечная забота о сохраненіи его.

Не буду говорить теперь о дѣйствіи недобраго глаза, что можетъ быть, не шутя, испытывали нѣкоторые изъ читателей; но со временемъ, передамъ многіе случаи, извѣстные въ разныхъ мѣстахъ Россіи, на югъ и на сѣверѣ, случаи страданія младенца отъ *недобраго глаза*, отъ этого злаго духа зависти и недоброжелательства, который временемъ смущаетъ даже взрослога, сильнаго человека. Я бы могъ указать на образованныя, извѣстныя семейства,

которыя убѣждались въ этой истинѣ тяжелымъ опытомъ, и часто, истощивши всѣ средства, предлагаемыя наукою, были обрадованы неожиданнымъ исцѣленіемъ младенца чрезъ дѣйствіе вѣры простаго человѣка, облеченной въ бѣдную, грубую форму.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИГИ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

=

1. ПОРТФЕЛЬ ЛОМОНОСОВА.

На стр. 47. Последнія строки 4-го параграфа напечатаны такъ какъ въ оригиналѣ; но въ нихъ нѣтъ смысла въроятно по опискѣ, и кажется должно читать: «за тѣмъ, что опасается отдать на разсмотрѣніе иноземецъ природнымъ, ученикъ учителямъ, начавшій многотрудившимся.»

2. КАРТИНЫ СТЕПЕЙ.

1. Геделштрома, отрывки о Сибири. Книга богатая фактами и наблюденіями.
2. Тамъ же.
3. Тамъ же.
4. Тамъ же.
5. Тамъ же.
6. Кроме значительныхъ рѣкъ, протекающихъ черезъ южныя или новороссійскія степи, замѣчательны: *Самара, Сура, два Ингула: большой и малый, Конскія воды, Мологінныя воды, Берда, Калмиусъ, Миусъ, Волны воды, Сугокля, Грамокля, Ситюха, Тилигуль, Кадома, Быкъ, Торъ*, и др. Въ крымскихъ степяхъ: *Салгиръ, Карасу, Зуя* и др. Вообще мѣсть безводныхъ не много, и то болѣе по близости къ морямъ, между лиманами большихъ рѣкъ.

7. Каменный уголь добывается по берегамъ Дона, и въ степяхъ около Азовскаго моря. Алебастръ находятъ въ изобиліи въ сѣверо-восточной части Екатеринославской Губерніи. Хлѣба отпущено за границу изъ одного Одесскаго порта въ 1838 г. ржи 44,341 чет., пшеницы 991,061 чет., гороху 8873 чет., овса 7197 чет., ячменю 63,708 чет., кукурузы 53,419 чет., смѣни льнянаго 141,481 чет., коноплянаго 3836 чет. — Итого болѣе 10,000,000 пудовъ, на сумму слишкомъ 25,000,000 рубл. — Шерсти въ томъ же году отпущено изъ Одесскаго порта слишкомъ, 107,189 пудовъ, на сумму болѣе 6,597,000 р. О выгодахъ разведенія овецъ въ Новороссійскомъ краю сравнительно съ Малороссіей см. въ смѣси статью о Харьковской Троицкой ярмаркѣ.
8. Бердянскъ на сѣверномъ берегу Азовскаго моря, близъ устья р. Берды. Здѣсь прежде были рыболовные заведенія, но выгоды торговаго мѣстоположенія навели на мысль открыть здѣсь портъ, чтобъ удобнѣе и ближе было сбывать окрестнымъ жителямъ свои запасы хлѣба. Въ три года существованія своего, Бердянскъ обстроился хорошими каменными зданіями.

Кизиль употребляется въ бездѣльных мѣстахъ мѣсто дровъ, готовится изъ навоза и рѣжется на кирпичи.

3. ЗЛАТЫЯ ВРАТА.

1. Пѣснь ополченію Игоря Святославича, переводъ А. Вельтмана; 1833. Москва.
2. Robertson, L'histoire de Charl V Introduction.
3. Софійскій Временникъ — 247—249.
4. Собраніе путешествій къ Татарамъ ст. 9.

4. ТАВРИДА.

Описывая Крымъ Авторъ желалъ передать впечатлѣнія, какія онъ испыталъ здѣсь подъ вліяніемъ природы, разваливъ прошедшаго и жизни настоящаго, соблюдая строгую истинну въ статистическихъ фактахъ и замѣчая отличительныя черты этой страны. Во второмъ отрывкѣ, помѣщены выписки изъ путешествія Муравьева по Тавридѣ, и Татарской рукописи подъ названіемъ: «Начало владычества Крымскихъ хановъ и проч. *Аля.* 1007 г. Геджиры.» За доставленіе рукописи Издатель обязанъ Г. Курляндцову, драгоману въ Яссахъ.

За переводъ надписей и въдъ памяткиами Авторъ статьи приносить благодарность Чиновнику служащему при Новороссійскомъ и Бессарабскомъ Генераль-Губернаторъ, Г-ну Борзенку.

5. ШВЕДСКАЯ МОГИЛА.

Эта статья служить только общимъ приготовительнымъ очеркомъ къ слѣдующимъ статьямъ, въ которыхъ Петръ Великій будетъ представленъ, какъ полководецъ, сравнительно съ первѣйшими полководцами его времени во всей Европѣ.

6. САРАЙ-ОРДА БАТЯ НА ВОЛГѢ.

1. Вообще это поклоненіе составляетъ секту Зороастра—отдѣльное поклоненіе *Ами*. Основой ему служить мнѣніе, что начало всего есть огонь, между тѣмъ какъ противное понятіе, извѣстное въ Сиріи подъ названіемъ. Менде-Яхія (Секта Іоаннитовъ, Pretre Jean Монголіи) полагаетъ началомъ всего воду. Отсюда символъ перваго солнца, символъ втораго луна.
2. Моаб. муаль пѣснь. соотвѣтс: Готскому таел. Отсюда *Мулла*—духовный пѣвецъ, и *Моголь*—племя или кости духовныхъ, подобно Брамнамъ Инди, Друидамъ Британіи, Халдеямъ Вавилона и пр. Буддизмъ составлялъ власть духовенства, направленіе монастычское, напротивъ Магомтавизмъ — власть силы.
3. Въ Бакинской провинціи были древнѣйшія святиа мѣста Маговъ. Названія уѣздовъ *Мигаль*, безъ сомнѣнія есть еще слѣдъ монастырскихъ округовъ.
4. Карамз. Т. 3. Прим. 294.
5. По Китайскому и Монгольскому названію Угэдэ, Угэдай. — Зап. о Монг. Іакинеа.
6. По Рубруквису. По Кит. Монг. летоп. Хара-Хоринъ.
7. По Плато-Карпини Gogcham Сунэ — Каханъ Кюинъ.
8. Китай. назв. Гувъ, Бэйлэ, Цинь-ванъ; Тайцзи знач: принцъ княжескаго дома.
9. Область Селенга.
10. Мы увѣрены, что близкое значеніе къ этому имѣли *золотыя врата*, существовавшіе въ Константинополь, въ Кіевъ и во Владиміръ.
11. Агин управляетъ полуднемъ.
12. Юрта и Орда значать *шатеръ* и имѣють одно значеніе.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Портфель служебной дѣятельности Ломоносова.
- II. Картины степей.
- III. Поездка изъ Иркутска въ Кяхту, чрезъ Байкаль или Святое море.
- IV. Киевскія златыя врата.
- V. Отрывокъ изъ путешествія по Крыму.
- VI. Шведская могила подъ Полтавой.
- VII. Сарай-Орда Батые, на Волгѣ.
- VIII. Границы южной Руси до нашествія Татаръ.
- IX. Смѣсь. I. Грамота Царя Алексѣя Михайловича, Аѳонскому Иверскому монастырю. II. Красногорскій монастырь. III. О рыболовствѣ по берегамъ Чернаго моря, въ Одесскомъ карантинномъ округѣ. IV. О рыболовствѣ на Дунаѣ и по берегамъ Чернаго моря до Днѣстровскаго Лимана. V. Венгерская Легенда о Царѣ Аквилѣ. VI. Остяцкій праздникъ Яляня. VII. Татарскія поземельныя мѣры и вѣсы въ Крыму. VIII. Малороссійскія повѣрья. IX. Харьковская Троицкая ярмарка. X. Сибирскія народныя примѣты и повѣрья. XI. Малороссійскія размывки, или повѣрья при рожденіи младенца.

UNIVERSIT

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 04839 0218

**DO NOT REMOVE
OR
DAMENILATE CARD**

